

**ЖИТИЕ СВ. ФРАНЦИСКА КСАВЕРИЯ,
АПОСТОЛА ИНДИЙ И ЯПОНИИ**

Доминик Буур

*Пер. с фр. Bouhours, D. Vie de Saint François Xavier, apôtre des Indes et du Japon. Paris:
Jacques Lecoivre et Cie, 1849*

В переводе Константина Чарухина

ПРЕДИСЛОВИЕ

Издав жизнеописание святого Игнатия, я не мог не взяться за перо, чтобы описать и жизнь святого Франциска Ксаверия. Справедливо было, чтобы сын последовал за отцом, и, кроме того, мне представилось, что поскольку жития этих двух святых столь тесно переплетены, история апостола Индий и Японии поможет еще глубже понять основателя Общества Иисуса. К тому же бесчисленное множество людей, даже светских и придворных, изъявляли столь горячее желание иметь на нашем языке полную историю св. Ксаверия, что я счел свой труд угодным им и понадеялся, что, уступая своей собственной к сему склонности, я вместе с тем доставлю удовольствие и публике.

Источники, над которыми я работал, доставили мне все, чего только можно было желать для совершенства моего труда в отношении как истинности фактов, так и изящества изложения. Ибо, не говоря уже о Турселлини¹ и Орландини,² я внимательнейшим образом прочел Лусену³ и Бартоли⁴. Первый писал по-португальски, и книга его озаглавлена: *Historia da vida do padre Francisco de Xavier, e do que fizeram na India os religiosos da companhia de Jesu*. Он утверждает, что держал в руках подлинные копии дознаний о деяниях блаженного отца Ксаверия, проведенных по приказу Жуана III, короля Португалии, а также оригиналы многих писем, написанных из Индий на тот же предмет, которые и поныне хранятся в архивах Коимбрской коллегии. Что до Бартоли, столь известного своими сочинениями и одного из лучших писателей Италии, то он черпал сведения о святом из архивов римского дома профессов⁵ и из актов канонизации для первой части своей истории Общества Иисуса, озаглавленной «Азия».

Хотя оба эти историка собрали, в некотором роде, все, что можно сказать о св. Франциске Ксаверии, я не преминул ознакомиться и с тем, что писали о нем другие. Я прочел, в частности, книгу Ниремберга⁶ «Славные мужи»; «Историю Индий» Маффеи⁷ и сочинение Жаррика⁸ на ту же тему; «Церковную историю Японии» Солье⁹; кастильскую «Историю миссий, совершённых Отцами Общества Иисуса в Восточной Индии и в королевствах Китая и Японии», составленную Луисом де Гусманом¹⁰; и, наконец, португальскую историю странствий Фернана Мендиша Пинту¹¹.

Но поскольку святой Франциск Ксаверий сам описал часть того, что с ним случилось в Индиях и в Японии, я с величайшим вниманием отнесся к его письмам и почерпнул из них сведения, немало послужившие мне для прояснения истины. Эти письма также позволили мне сделать повествование более живым и трогательным, по временам предоставляя слово самому святому и сплетая его чувства с его деяниями.

Я уже почти завершил свой труд, когда получил из Италии и Испании два жизнеописания св. Франциска Ксаверия, которых прежде не видел: одно совсем новое, написанное по-итальянски отцом Джузеппе Маффеи, другое более раннее, написанное по-испански отцом Франсиско Гарсиа¹². В этих двух книгах я едва ли нашел что-либо, чего не приметил бы в иных местах; однако я прочел их с большим удовольствием, ибо обе написаны весьма правильно и изящно, каждая на своем языке.

Впрочем, из всех историков, которых я только что перечислил, лишь автор нового итальянского жизнеописания не впал в общее заблуждение касательно возраста св. Франциска Ксаверия, которого прочие, по недостатку точных сведений о годе и дне

его рождения, делают на десять лет старше, желая приурочить его появление на свет ко времени открытия Васко да Гамой Восточных Индий.

О. Маффеи в этом вопросе последовал за о. Пуссеном¹³, учёным мужем, коему мы обязаны изданием новых писем св. Франциска Ксаверия и который составил латинскую диссертацию о годе его рождения. В своей диссертации он приводит латинский документ, написанный, по всем вероятностям, в 1585 году и найденный в архивах дома дона Хуана Антонио, графа Ксаверия. В этом документе, где говорится о предках и о рождении святого, и который, как полагает о. Пуссен, является, скорее всего, черновиком письма, адресованного в Рим (где тогда находился доктор Наварро, на коего в письме есть ссылка), — так вот, в этом документе можно прочесть следующие слова: *Non scitur certò annus quo natus est P. Franciscus Xaverius; vulgò tamen invaluit à quibusdam natum eum dici anno millesimo quadringentesimo nonagesimo sexto.* (лат.: Неизвестно точно, в каком году родился о. Франциск Ксаверий; однако, распространилось мнение, идущее от некоторых, будто он родился в тысяча четыреста девяносто шестом году.)

Но слова *non scitur certò annus quo natus est P. Franciscus Xaverius* зачеркнуты одной чертой пера; линия проведена также и поверх других слов: *natum eum dici anno millesimo quadringentesimo nonagesimo sexto*, а над ними написано: *natus est P. Franciscus Xaverius anno millesimo quingentesimo sexto*, то есть: «О. Франциск Ксаверий родился в тысяча пятьсот шестом году». На полях же приписано: *natus est die 7 aprilis anni 1506* — «родился 7 апреля 1506 года».

Что делает это свидетельство еще более весомым, так это приписка на кастильском наречии внизу письма, о котором мы только что говорили: *Hallo se la razon del tiempo que el S. P. Francisco Xavier nació, en un libro manual de su Hermano el Capitan Juan de Azpilcueta; la qual sacò de un libro de su Padre don Juan Jasso.* (исп.: Сведения о времени рождения св. о. Франциска Ксаверия найдены в записной книжке его брата, капитана Хуана де Аспилькуэта, который, в свою очередь, почерпнул их из книги своего отца, дона Хуана Хассо.) На этом основании, еще до прочтения жизнеописания, составленного о. Маффеи, я уже склонился к мнению о. Пуссена.

Что же до дня кончины святого, то я последовал общепринятому мнению, которое показалось мне наиболее правдоподобным и соответствует булле о канонизации, ибо историки, говорящие о нём, расходятся касательно дня его смерти. В отчёте о путешествии в Персию и Восточные Индии, переведённом с английского сочинения Томаса Герберта, сказано: «Св. Франциск Ксаверий, иезуит из Наварры, умер 4 декабря 1552 года». Португалец Фернан Мендиш Пинту говорит, что он умер в полночь с субботы, 2 декабря того же года. Рукописное письмо, приписываемое китаюцу Антонию Святой Веры, спутнику св. Ксаверия в путешествии в Китай, — письмо, впрочем, внушает мне некоторые подозрения, — гласит, что святой умер в ночь на воскресенье, около двух часов пополуночи, 2 декабря 1552 года.

Несомненно, что в 1552 году второе декабря было пятницей; таким образом, утверждать, будто святой Ксаверий умер в тот год в субботу или в воскресенье 2 декабря, значит очевидно, заблуждаться.

Я опасался бы, что столь необычайное житие, как это, могло бы несколько смутить умы светские, если бы добрая слава св. Франциска Ксаверия не была уже прочно утверждена в мире, а его чудеса не несли бы на себе всех признаков чудес истинных, как весьма справедливо заметил составитель их сборника. Прежде всего, их

подтверждает само посланничество святого; ибо, будучи отправлен Богом обращать неверных, он должен был насаждать веру на Востоке теми же путями, какими она была насаждена по всей земле при зарождении Церкви. К тому же, никогда ещё чудеса не были исследованы с большей тщательностью и с большим соблюдением законных форм, нежели эти. Это не тайные чудеса, которые надлежит принимать на веру со слов двух или трёх лиц пристрастных или способных к самообману: как правило, это события всенародные, засвидетельствованные целым городом или целым королевством, очевидцами которых были целые народы, по большей части идолопоклонники или магометане. Многие из этих чудес продолжались долгое время, так что и неверующие могли с легкостью в них удостовериться. Все они имели последствия, делающие их истинность неоспоримой, как-то: обращение целых королевств и государей, злейших врагов христианства, дивное рвение новообращенных христиан и героическое постоянство мучеников. Но ничто, быть может, не подтверждает чудес святого Ксаверия в большей мере, нежели его святая жизнь, в которой было нечто более дивное, чем в самих его чудесах. Казалось необходимым, чтобы человек, живший, как он, совершал то, чего не совершали другие люди; и чтобы в ответ на его полное предание себя в руки Божии, основанное на совершенном доверии, в самых опасных обстоятельствах Бог, в некотором роде, вверил ему Свое всемогущество для блага душ.

---

¹ Орацио Турселлини (Horatius Tursellinus, 1545–1599) — итальянский иезуит, гуманист и историк. Его «Жизнеописание Франциска Ксаверия» (*De vita Francisci Xaverii*), впервые изданное в 1594 г., обрело огромную популярность в Европе и послужило образцом для многих последующих агиографических сочинений.

² Никколо Орландини (Nicolaus Orlandinus, 1553–1606) — итальянский иезуит, которому было поручено составить первую официальную историю Общества Иисуса. Его труд, *Historiae Societatis Iesu*, охватывающий период до смерти св. Игнатия (1556), стал фундаментальным источником по ранней истории ордена.

³ Жуан де Лусена (João de Lucena, 1549–1600) — португальский иезуит, писатель и историк. Его «История жизни отца Франциску де Шавьера» (1600), написанная на португальском языке, считается классическим произведением португальской литературы и одним из важнейших первоисточников для изучения биографии святого.

⁴ Даниэлло Бартоли (Daniello Bartoli, 1608–1685) — итальянский иезуит, историк и литератор, признанный мастер итальянской прозы. Он продолжил труд Орландини в качестве официального историографа Общества Иисуса. Его монументальная «История Общества Иисуса» включает том «Азия» (1653), в котором содержится подробное жизнеописание св. Франциска Ксаверия, основанное на архивных документах.

⁵ Дом профессов (лат. *domus professa*) — в структуре Общества Иисуса обитель для «профессов», то есть иезуитов, принесших, помимо трех обычных монашеских обетов, четвёртый — обет особого послушания папе римскому в отношении миссий. Такие дома не имели постоянного дохода и существовали на пожертвования, служа центрами духовной деятельности.

⁶ Хуан Эусебио Ниремберг (Juan Eusebio Nieremberg, 1595–1658) — испанский иезуит, гуманист, мистик и плодовитый духовный писатель. Его многотомный труд «Славные мужи из Общества Иисуса» (*Varones ilustres de la Compañía de Jesús*) является обширным сборником житий выдающихся иезуитов.

⁷ Джованни Пьетро Маффеи (Giovanni Pietro Maffei, 1533–1603) — итальянский иезуит и историк, автор фундаментального труда *Historiarum Indicarum libri XVI* («Шестнадцать книг истории Индий», 1588), посвященного португальским открытиям и миссионерской деятельности на Востоке.

⁸ Пьер дю Жаррик (Pierre du Jarric, 1566–1617) — французский иезуит, историк. Его главный труд, «История наиболее памятных событий, случившихся как в Восточных Индиях, так и в других странах, открытых португальцами» (1608–1614), был весьма влиятельной компиляцией сведений о миссиях по всему миру.

⁹ Франсуа Солье (François Solier, 1558–1638) — французский иезуит, автор «Церковной истории островов и королевств Японии» (*Histoire ecclésiastique des isles et royaumes du Japon*, 1627).

¹⁰ Луис де Гусман (Luis de Guzmán, 1544–1605) — испанский иезуит, автор «Истории миссий, которые совершили иноки из Общества Иисуса для проповеди святого Евангелия в Восточной Индии и в королевствах Китая и Японии» (1601).

¹¹ Фернан Мендиш Пинту (Fernão Mendes Pinto, ок. 1509–1583) — португальский путешественник и писатель. Его мемуары «Странствие» (*Peregrinação*), опубликованные посмертно в 1614 г., представляют собой знаменитое, хотя и не всегда достоверное, описание его приключений в Азии.

¹² Франсиско Гарсиа (Francisco García, 1641–1685) — испанский иезуит и агиограф. Его «Жизнь и чудеса св. Франциска Ксаверия...» (*Vida y milagros de San Francisco Xavier...*), впервые изданная в 1672 г., пользовалась большим успехом и многократно переиздавалась.

¹³ P. Petri Possini, *è Societate Jesu, de anno natali sancti Francisci Xaverii Dissertatio. Tolosæ, 1677.* (лат.: Петра Пуссена из Общества Иисуса Диссертация о годе рождения святого Франциска Ксаверия. Тулуза, 1677.)

КНИГА ПЕРВАЯ

Я берусь описать жизнь святого, который в минувшем столетии¹ возобновил самые дивные чудеса, что свершились при зарождении Церкви, и который сам был живым свидетельством истинности христианства. В деяниях одного человека мы увидим Новый Свет, обращенный силою проповеди и чудес; увидим, как идолопоклоннические цари Востока со своими царствами покорились власти Евангелия; как вера процвела среди варварства, и как власть Римской Церкви была признана самыми отдалёнными народами, которые едва ли прежде и слышали о древнем Риме.

Сей апостольский муж, о коем я веду речь, — Франциск Ксаверий, инок из Общества Иисуса и один из первых учеников св. Игнатия Лойолы.

Он был родом из Наварры и, согласно свидетельству кардинала Антонио Сапаты, исследовавшего его благородное происхождение по самым достоверным грамотам, происходил из рода наваррских королей.

Отцом его был дон Хуан Хассо, сеньор весьма достойный и искушенный в ведении дел, занимавший одно из первых мест в Государственном совете в правление короля Хуана III. Мать его звали донья Мария де Аспилькуэта-и-Ксавьер²; она была наследницей двух этих родов, славнейших в королевстве. Ибо дон Мартин де Аспилькуэта, глава ее дома, менее славный доблестями предков, нежели собственной добродетелью, взял в жены донью Хуану де Ксавьер, единственную дочь и последнюю надежду своего рода. От этого брака родилась лишь Мария, о которой мы только что говорили, — одна из совершеннейших женщин своего времени.

Сия девица, равно прекрасная и мудрая, выйдя замуж за дона Хассо, стала матерью нескольких детей, младшим из коих был Франциск, чью жизнь я описываю. Он родился в замке Хавьер 7 апреля 1506 года. Замок сей, что стоит у подножия Пиренеев, в семи или восьми лье от Памплоны, около двухсот пятидесяти лет принадлежал роду его матери. Предки её по материнской линии получили его от короля Теобальда I в награду за великие услуги, оказанные короне Наварры; отсюда и пошла их фамилия Ксавьер, которую они приняли вместо прежней своей фамилии Аснарес.

Франциску, как и некоторым из его братьев, дали фамилию Ксавьер из опасения, дабы столь славное имя, угасавшее в единственной наследнице, не пресеклось вместе с нею.

Промысл Божий, избравший Франциска Ксаверия для обращения бесчисленных народов, наделил его всеми природными качествами, коих требует апостольское служение. Он обладал крепким телом, нравом живым и пылким, умом возвышенным и способным к величайшим замыслам, сердцем бесстрашным, приятной наружностью и, сверх того, характером веселым и обходительным, располагавшим к себе сердца; при этом, однако, он питал величайшее отвращение ко всему, что могло бы запятнать чистоту, и сильную склонность к наукам.

Отец и мать его, ведшие жизнь христианскую, внушили ему с младенчества страх Божий и особо пеклись о его воспитании. Едва он вошёл в возраст учения, как, вместо того чтобы по примеру братьев избрать военное поприще, сам обратился к книжным занятиям. Поскольку он легко постигал науки, обладал счастливой памятью и проницательным умом, то за несколько лет достиг чрезвычайных успехов.

Когда он в совершенстве овладел латынью, и стало ясно, что учёность — его единственная страсть, его отправили в Парижский университет, славнейший в Европе, куда съезжалось на учение дворянство со всей Испании, Германии и Италии.

Он прибыл в Париж на восемнадцатом году жизни и сперва принялся за изучение философии. Невозможно поверить, с каким рвением он одолевал первые трудности логики. Какую бы склонность он ни питал к познаниям столь тонким и тернистым, ему приходилось трудиться без устали, дабы превзойти всех своих товарищей, и, быть может, ни один студент никогда не сочетал в себе такой лёгкости в учении с таким прилежанием.

Ксаверий помышлял лишь о том, чтобы стать отменным философом, когда его отец, имевший многочисленную семью и принадлежавший к тем благородным господам, чье достояние не всегда равно их происхождению, задумал отозвать его из

университета, просодержав там с честью год или два. Своим намерением он поделился с дочерью, Мадаленой Хассо, аббатисой монастыря св. Клары в Гандии. Обитель эта, основанная благочестивыми французскими инокинями, коих военные невзгоды вынудили покинуть отечество и искать убежища в королевстве Валенсия, славилась строгостью своего Устава.

Мадалена в юности была фрейлиной и любимицей католической королевы Изабеллы. Любовь к уединению и Кресту побудила ее покинуть Арагонский двор и совершенно отречься от мирских утех. Избрав местом своего уединения самый строгий по уставу монастырь в Испании, она с великим рвением предалась подвигам покаяния и молитвы и с самого своего послушничества стала образцом иноческого совершенства.

В течение своей жизни она удостоилась близкого общения с Богом; и однажды Он открыл ей, что ей суждено умереть самой легкой смертью, тогда как, напротив, одной из ее сестер-инокинь уготована смерть самая мучительная. Тем самым Бог желал не столько открыть аббатисе грядущее, сколько дать ей случай явить героический подвиг любви. Она постигла, чего Небеса желали от нее, и тотчас попросилась заменить с несчастливцей.

Бог внял её прошению, внушенному Им же, и в новом откровении уверил её, что исполнил её обеты. Она открыла своему духовнику всё, что произошло между нею и Богом, что последующие события полностью подтвердили. Ибо сестра, о которой шла речь, умерла без болезни и, умирая, казалось, предвкушала радость святых; аббатиса же, напротив, была поражена ужасной болезнью, от которой все тело ее распадалось на части и которая причиняла ей жесточайшие боли, впрочем, менее ощутимые, нежели внутренние муки, коими Бог терзал её в то же время. Она переносила эти страдания с великим смирением и терпением, твёрдо уверенная, что во всем этом было нечто божественное.

Впрочем, с первых же лет её иноческой жизни дар пророчества проявился в ней столь зримо, что никто не сомневался, что она исполнена Духа Божия; и кажется, будто свои пророческие озарения она оставила в наследие своим дочерям. Ибо после её смерти инокини из Гандии предсказали многое, что впоследствии сбылось, и среди прочего — неудачный исход Алжирской экспедиции³, о чём герцог де Борха, вице-король Каталонии, по их поручению предупредил Карла V, когда всё уже готовилось к столь великому предприятию.

За шесть лет до кончины Мадалены дон Хассо, отец её, написал ей о Ксаверии. Едва получив письмо, она была озарена свыше и, следуя божественному свету, ответила дону Хассо, чтобы он остерегся отзывать Франциска, каких бы расходов ни стоило его содержание в Парижском университете; ибо он — сосуд избранный, коему суждено стать апостолом Индий и одним из крепчайших столпов Церкви. Письма эти долгое время хранились, и их видели многие, кто под присягой засвидетельствовал их подлинность в ходе процесса канонизации святого.

Дон Хассо принял ответ дочери как пророчество небесное и более не помышлял отзывать сына от учения. Ксаверий, таким образом, продолжил изучать философию; он преуспел в ней настолько, что, защитив по окончании курса диссертацию под всеобщие рукоплескания и получив степень магистра искусств, был признан достойным самому преподавать философию. В этом новом занятии ум его проявился более чем когда-либо, и, публично толкуя Аристотеля, он снискал себе громкую

славу. Похвалы, которые все ему расточали, чрезвычайно тешили его тщеславие; ему было весьма приятно приумножать славу своего имени на поприще наук, в то время как его братья день ото дня прославляли его на поприще военном; и он льстил себе надеждой, что избранный им путь приведет его к чему-то великому.

Но у Бога были на Ксаверия совсем иные замыслы, и не ради бранных почестей Провидение привело его в Париж. Когда этот молодой магистр философии начал свой курс, Игнатий Лойола, отрехшийся от мира и составивший план Общества многознающих мужей, всецело посвящённого спасению душ, прибыл во Францию, чтобы завершить образование, которое ему пришлось прервать из-за превратностей, постигших его в Испании после обращения.

Пробыв недолгое время в Парижском университете, он услышал о Ксаверии и познакомился с ним. Сей наваррский профессор, преподававший в коллеже Бове, а живший в коллеже Сент-Барб вместе с Пьером Лефевром, савояром, показался Игнатию весьма пригодным для евангельского служения, равно как и его товарищ. Чтобы легче привлечь их обоих, он поселился вместе с ними и не упускал случая укреплять их в стремлении к христианскому совершенству.

Лефевр, будучи нрава кроткого и не любивший мира, без труда уступил; но Ксаверий, от природы гордый и с головой, полной честолюбивых помыслов, поначалу сильно противился. Поведение и правила жизни Игнатия, который жил, как бедняк, и ценил лишь бедность, выставляли его в глазах молодого дворянина человеком низкой души; потому Ксаверий и обращался с ним с великим презрением, постоянно насмехаясь и всячески стараясь выставить его в нелепом виде.

Игнатий же при встречах не переставал напоминать Ксаверию о важности дела спасения словами Господа нашего: *«Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?»* (Мф. 16:26). Но, видя, что он ничего не может поделать с сердцем, полным самолюбования и ослепленным блеском суетной славы, он надумал сыграть на его тщеславии.

Не раз порадовавшись вместе с ним редким талантам, коими наделила его природа, и похвалив его в особенности за прекрасный ум, он принимался подыскивать ему учеников, чтобы возвеличить его через толпу слушателей. Он приводил их к нему прямо в класс и, представляя их, всякий раз расточал похвалы магистру. Ксаверий был слишком тщеславен, чтобы не принимать с удовольствием похвалы, от кого бы они ни исходили, и в то же время сердце его было слишком благородно, чтобы не чувствовать признательности к человеку, с которым он так дурно обходился; и он был тронут тем более, чем менее, как он полагал, заслуживал добрых услуг с его стороны.

В то же время он узнал, что тот, кто казался человеком ничтожным, и чей вид представлялся столь презренным, происходил из одного из знатнейших родов Гипускоа; что мужество его соответствовало его происхождению, и что одна лишь любовь к Богу заставила его избрать образ жизни, столь далекий от его положения и нрава.

Это заставило его взглянуть на Игнатия иными глазами и даже побудило его слушать без отвращения речи, которые претили всем его природным склонностям, как если бы знатность и добродетель говорившего придавали приятность и вес его словам.

Между тем у Ксаверия кончились деньги, как это порой случается с чужестранцами, находящимися вдали от родины. Игнатий, только что вернувшийся из поездки во Фландрию и Англию, откуда он привез обильные пожертвования, помог ему в столь острой нужде и тем окончательно снискал его расположение.

Ересь Лютера начинала тогда распространяться по Европе, и уловка лютеран состояла в том, чтобы иметь в католических университетах людей своей секты, которые мало-помалу внушали бы новые мнения школярам и магистрам. Несколько ученых из Германии прибыли в Париж с этим умыслом; но под предлогом содействия намерениям Франциска I, желавшего возродить науки во Франции, они излагали свои заблуждения таким образом, что те казались весьма правдоподобными, и особенно старались расположить к себе молодых людей, обладавших наиболее живым умом.

Ксаверий, от природы любопытный, находил удовольствие в этих новинках и сам увлекся бы ими, если бы Игнатий его не удержал. Об этом он писал несколько позже своему старшему брату, дону Аспилькуэте, [передав письмо] с самим Игнатием, который отправился в Испанию по причинам, о которых мы говорили в ином месте. Вот слова из его письма, которые заслуживают быть приведенными:

«И дабы Ваша милость ясно поняли, какую великую милость явил мне Господь наш, дав узнать сеньора магистра Иньиго, сим письмом клянусь Вам, что за всю свою жизнь не смогу отплатить ему за то, многим, чем ему обязан: и за то, что он много раз помогал мне в моих нуждах деньгами и друзьями, и за то, что по его причине я отдалился от дурных компаний, коих по своей неопытности не распознавал. И теперь, когда эти ереси прошли через Париж, я бы ни за что на свете не хотел иметь с ними дела; и одного только не знаю, когда смогу отплатить сеньору магистру Иньиго, ибо это он был причиной того, что я не имел ни общения, ни знакомства с людьми, которые внешне казались добрыми, а внутри были полны ереси, как то и обнаружилось на деле. Посему молю Вашу милость оказать ему такой же прием, какой оказали бы мне самому, ибо своими добрыми делами он обязал меня столь многим».⁴

Из столь подлинного свидетельства можно заключить, что Ксаверий, вместо того чтобы нести веру идолопоклонническим народам, быть может, сам бы ее утратил, не попади он в руки товарища с таким характером, как у Игнатия, который гнушался всем, что отзывалось ересью, и обладал дивной проницательностью, позволявшей распознавать еретиков под любой личиной.

Но недостаточно было уберечь Ксаверия от заблуждения, нужно было совершенно отрешить его от мира. Эти благоприятные расположения ободрили Игнатия в его намерении и дали ему повод надеяться на счастливый успех. Однажды, застав Ксаверия в более податливом, чем обычно, настроении, он повторил ему с небывалой силой слова: *«Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?»*

Затем он сказал ему, что столь благородное и великое сердце, как его, не должно довольствоваться суетными почестями земными, что одна лишь небесная слава есть единственный достойный предмет его устремлений, и что здравый смысл повелевает предпочитать то, что длится вечно, тому, что проходит, как сон.

Ксаверий тогда прозрел ничтожество мирского величия и даже ощутил в себе любовь к небесному. Но эти первые впечатления благодати не возымели полного действия тотчас; он часто размышлял над тем, что сказал ему человек Божий, и лишь после серьезных раздумий, после многих внутренних борений, побеждённый наконец силою вечных истин, он принял твердое намерение жить согласно правилам Евангелия и идти по стопам того, кто указал ему на его заблуждения.

Итак, он отдался под руководство Игнатия по примеру Лефевра, который уже жил свято и горел ревностью о спасении душ. Советы столь просвещенного наставника облегчили Ксаверию путь к совершенству, который был ему неведом. От своего нового учителя он узнал, что первый шаг, который должно сделать, желая обратиться к Богу нелицемерно, состоит в том, чтобы одолеть ту страсть, что сильнее прочих владеет душою. Поскольку славолубие имело над ним наибольшую власть, он с первых же дней помышлял лишь о том, чтобы уничтожать себя и сокрушаться при виде своего ничтожества и своих грехов. Но, зная, что нельзя низвергнуть гордыню духа, не усмирив плоти, он принялся укрощать свое тело власяницей, постом и другими суровыми подвигами покаяния.

Когда настало время каникул, он прошёл чрез духовные упражнения, которые ему не удалось совершить ранее из-за преподавания философии. Упражнения, о которых я говорю, — это те, что Игнатий, по вдохновению Божию, составил в Манресе, и план которых я изложил в жизнеописании этого святого основателя Общества Иисусова.

Он приступил к своему уединению с чрезмерным рвением, дойдя до того, что провел четыре полных дня, не принимая никакой пищи. Божественные предметы денно и ночью занимали все его помыслы, и одно старинное свидетельство гласит, что он приступал к молитве со связанными руками и ногами — то ли в знак того, что отныне он желает действовать лишь по движению Духа Божия, то ли чтобы поступить с собой так, как в Евангелии поступают с человеком, дерзнувшим явиться на брачный пир не в брачной одежде.

Именно в неспешном размышлении по методу Игнатия над великими истинами христианства, и в особенности над таинствами жизни Господа нашего, он совершенно преобразился в другого человека, и смирение Креста показалось ему прекраснее всей славы мира. Эти новые воззрения позволили ему без труда отказаться от канониката в Памплоне, который ему тогда предложили и который был весьма значительным по доходам и по чести. В своем уединении он также возымел намерение прославлять Бога всеми возможными путями и посвятить всю свою жизнь спасению душ.

Поэтому, завершив курс философии, который он преподавал и который, по обычаю того времени, длился три с половиной года, он, по совету Игнатия, чьим учеником он себя признавал, принялся за изучение богословия.

Между тем Игнатий, чувствовавший призвание отправиться в Святую Землю для обращения иудеев и неверных, открылся в этом Ксаверию, как уже открылся Лефевру и еще четверым весьма сведущим молодым людям, принявшим его образ жизни.

Все семеро по общему согласию решили принести торжественные обеты оставить свое имущество и совершить путешествие в Иерусалим, либо же, в случае если в течение года им не предоставится возможности переправиться через море,

броситься к стопам верховного Понтифика, чтобы служить Церкви в том месте мира, куда ему будет угодно их послать.

Они принесли эти обеты на Монмартре, в день Успения Богородицы, в 1534 году. Это святое место, орошенное кровью Мучеников, где и поныне покоится их прах, внушило Ксаверию особое благоговение и даже зародило в нем горячее желание мученичества.

К концу следующего года он покинул Париж вместе с Лефевром, Лаинесом, Сальмероном, Родригишем, Бобадилей⁵ и ещё тремя богословами, которых Лефевр привлек в отсутствие Игнатия; тот по важным причинам был вынужден отправиться вперед и ожидал их в Венеции.

Незадолго до их ухода Ксаверий, которого рвение порой увлекало слишком далеко, обвязал себе руки и бедра тонкими веревками, чтобы наказать себя за некое тщеславное удовольствие, которое он испытал, прыгая и бегая лучше юношей своих лет, ибо он был весьма ловок; из всех школярских забав он любил, по сути, лишь телесные упражнения.

Хотя веревки были затянуты весьма туго, он полагал, что они не помешают ему идти; но едва он тронулся в путь, как ощутил жесточайшие боли. Он терпел свою муку как мог и скрывал её, пока силы не оставили его. От ходьбы бедра его сильно отекали, а веревки так глубоко врезались в плоть, что их почти не стало видно; так что хирурги, которым показали его товарищи, прямо сказали, что разрезы лишь усугубят его страдания и что зло сие неизлечимо.

В столь плачевных обстоятельствах Лефевр, Лаинес и другие прибегли к Богу, и не напрасно. На следующее утро Ксаверий, пробудившись, обнаружил, что веревки спали, отёк на бедрах исчез, и на плоти остались лишь следы от уз. Все сотоварищи воздали благодарение небесам за заботу, которую Провидение уже проявляло о них; и, сколь ни дурны были дороги в это суровое время года, они с радостью продолжили свой путь.

Ксаверий при всяком случае служил своим спутникам и неизменно упреждал их просьбы делами милосердия — то ли потому, что, будучи от природы услужлив и полон огня, он был проворнее в оказании помощи, то ли потому, что его чудесное исцеление сделало его еще более любезным и сострадательным к тем, кто испросил его у Бога своими молитвами.

Едва они достигли Венеции (причём все их чаяния были обращены лишь к святым местам), Игнатий, которого они были счастливы вновь увидеть и которого признавали своим отцом, решил, что, прежде чем отправиться за благословением Папы на путешествие в Иерусалим, каждый из них должен посвятить себя делам милосердия в городских приютах (hospitals).

Ксаверию достался в удел приют Неизлечимых⁶. Не довольствуясь тем, чтобы целый день перевязывать раны больных, стелить им постели и оказывать другие, самые низкие услуги, он проводил подле них целые ночи. Но его заботы не ограничивались телесным попечением. Хотя он едва говорил по-итальянски, он очень часто беседовал с несчастными о Боге и увещевал, в особенности самых отъявленных распутников, к покаянию, давая им понять, как умел, что если их телесные недуги и неизлечимы, то болезни их душ — нет; что, сколь бы ни были огромны наши преступления, мы всегда должны уповать на милосердие Божие, и что грешникам

достаточно лишь искренне захотеть обратиться, чтобы получить благодать для своего обращения.

У одного из этих больных была язва, ужасная на вид, и зловоние от неё было еще невыносимее, чем её зрелище. Почти никто не смел приближаться к этому несчастному, и Ксаверий однажды ощутил сильное отвращение, служа ему; но тотчас вспомнил правило Игнатия, гласящее, что в добродетели преуспевают лишь настолько, насколько преодолевают себя, и что возможность принести великую жертву есть драгоценный случай, который не должно упускать. Укрепленный этими мыслями и воодушевленный примером св. Екатерины Сиенской, пришедшим ему на ум, он обнимает больного, приникает устами к язве, вызывавшей в нём содрогание, и высасывает из нее гной; в тот же миг всё его отвращение исчезло, и с тех пор ничто не было ему в тягость, — столь важно одолеть себя раз и навсегда.

Два месяца прошли в этих подвигах милосердия, после чего он отправился в Рим с другими учениками Игнатия, который один остался в Венеции. В пути им пришлось много страдать: дожди шли, не переставая, и им часто недоставало хлеба. Когда силы их иссякали, Ксаверий ободрял остальных и поддерживал себя апостольским духом, которым Бог исполнил его с тех пор и который уже научил его любить труды и страдания.

Прибыв в Рим, он первым делом посетил храмы и посвятил себя евангельскому служению у гробниц свв. апостолов. Ему не раз довелось говорить перед Папой; ибо вся их община была представлена в Ватикане Педро Ортисом⁷, ученым испанцем, который знал их еще по Парижу и которого император отправил в Рим по делу о браке Екатерины Арагонской, королевы Англии. Павел III⁸, любивший науки и имевший обыкновение развлекать себя за трапезой беседой с учёными мужами, пожелал, чтобы эти чужестранцы, чьи способности ему так расхваливали, являлись к нему несколько дней подряд и в его присутствии рассуждали о различных богословских вопросах.

Получив благословение Святого Отца на путешествие в Святую Землю и испросив для тех, кто еще не был священником, дозволение принять священный сан, они вернулись в Венецию. Там Ксаверий, вместе с остальными, принес обеты вечной бедности и целомудрия перед Джироламо Вералли⁹, папским нунцием; и, вернувшись к своему служению в госпиталь для Неизлечимых, он продолжал творить там вплоть до времени отплытия подвиги милосердия, которые путешествие в Рим заставило его прервать.

Между тем война, разгоревшаяся между турками и венецианцами, прервала торговлю с Левантом и закрыла врата в Святую Землю, так что корабль с паломниками в Иерусалим не отплыл в тот год, как бывало в прежние времена. Ксаверий испытал от этого ощутимую досаду; и что его огорчило еще больше, так это то, что, помимо утраты надежды увидеть места, освященные присутствием и кровью Иисуса Христа, он, как ему казалось, терял и возможность умереть за своего божественного Учителя. Он утешился, однако, помышляя о велениях Провидения; но в то же время, чтобы быть более полезным ближнему, он приготовился к принятию священства и принял его с чувствами благоговения, трепета и смущения, которые невозможно выразить.

Город показался ему малоподходящим для приготовления к своей первой мессе. Он стал искать уединенного места, где, вдали от всякого общения с людьми, он был бы

занят одним лишь Богом; и нашел близ Монселиче, городка неподалеку от Падуи, покинутую и совершенно разрушенную хижину, крытую соломой.

Там он провел сорок дней под открытым небом, ночуя на голой земле, сурово наказывая свое тело, постясь всякий день и довольствуясь той толикой хлеба, что выпрашивал себе в окрестных селениях, но вкушая все райские утешения в созерцании истин веры. Поскольку его хижина весьма напоминала ему вертеп Вифлеемский, он часто представлял себе крайнюю нищету младенца Иисуса как образец для своей собственной и говорил себе, что раз уж Спаситель людей не имел ничего, то и трудящиеся ради спасения душ не должны ничего иметь в этом мире.

Как ни приятно было ему его уединение, по прошествии сорока дней он покинул его, чтобы наставлять жителей окрестных деревень и городков, в особенности Монселиче, где народ был весьма невежествен и мало знал о христианских обязанностях. Слуга Божий поучал народ всякий день, и его аскетичный облик придавал вес всем его словам; так что при одном взгляде на него никто не сомневался, что это человек, пришедший из пустыни, чтобы учить пути небесному. Этим он занимался два или три месяца; ибо, хотя уже не было надежды, что какой-либо корабль отплывет в Святую Землю, Игнатий и его ученики, обязавшиеся ждать целый год удобного случая, не захотели покидать земель [Венецианской] республики до истечения года, чтобы не в чем было упрекнуть себя касательно своего обета.

Ксаверий, подготовленный таким образом и уединением, и внешними трудами, отслужил наконец свою первую мессу в Виченце, куда Игнатий созвал всех своих спутников; и служил он её с таким обилием слёз, что и присутствовавшие не могли удержаться от плача.

Его суровая и многотрудная жизнь, соединённая со столь явной набожностью, которая порой слишком сильно воздействует на тело, подорвала его крепкое сложение, так что через несколько дней после своей первой мессы он занемог. Его перенесли в один из городских приютов. Приют был так переполнен и так беден, что Ксаверию досталась лишь половина весьма скверного ложа, да и то в комнате, продуваемой со всех сторон. Пища была не лучше жилища, и никогда ещё больной не был так лишён человеческой помощи; но в награду за это Небо не оставило его.

Он глубоко почитал св. Иеронима и часто прибегал к этому блаженному учителю Церкви за разъяснением трудных мест Писания. Святой явился ему однажды ночью, весь в сиянии славы, и утешил его в болезни. Он, однако, возвестил ему, что ещё горшее испытание ожидает его в Болонье, где ему с одним из его товарищей предстоит провести зиму; что некоторые из них отправятся в Падую, некоторые в Рим, другие в Феррару, а иные в Сиену.

Это явление так укрепило Ксаверия, что он вскоре исцелился; тем не менее, то ли он в некоторой мере усомнился в нём, то ли счел, что должен скрыть его, но тогда он о нём не поведал. Однако то, что произошло в то же время, ясно показало, что видение было от Бога; ибо Игнатий, ничего не знавший об откровении Ксаверию, собрав своих учеников, сказал им, что, поскольку врата в Святую Землю для них закрыты, не следует более медлить с тем, чтобы предложить свои услуги Папе; и что достаточно, если некоторые из них отправятся туда, в то время как другие разойдутся по главным университетам Италии, чтобы внушать страх Божий студентам и привлекать в своё сообщество даровитых молодых людей. Игнатий

назвал в точности те университеты, что указал св. Иероним, и Болонский достался в удел Ксаверию и Бобадилье.

Едва прибыв в Болонью, Ксаверий пошел служить мессу у гробницы св. Доминика, ибо он особо почитал этого славного основателя ордена, целью которого является проповедь Евангелия.

Одна весьма благочестивая девица, по имени Изабелла Казалини, увидев его у алтаря, поняла, что это человек Божий; и некое внутреннее побуждение заставило её заговорить с чужестранным священником после мессы. Беседа с Ксаверием принесла ей такую духовную пользу и так её восхитила, что она тотчас сообщила своему дяде, у которого жила, о только что обретённом сокровище.

Джироламо Казалини, священнослужитель, весьма уважаемый за свою знатность и добродетель, пошел искать испанского священника по свидетельству своей племянницы; и, найдя его в приюте, так настоятельно просил его поселиться у него, что Ксаверий не нашёлся, как учтиво отказать. Но святой муж ни за что не соглашался принимать пищу от того, кто оказал ему гостеприимство; он по своему обыкновению просил хлеб от двери к двери и жил лишь тем, что ему подавали в городе из милости.

Каждый день, отслужив литургию в церкви св. Луции, где Казалини был настоятелем, он исповедовал всех, кто к нему приходил; затем посещал тюрьмы и приюты, преподавал катехизис детям и проповедовал народу.

По правде говоря, говорил он очень плохо, и его речь была лишь жутким смешением итальянского, французского и испанского; но он выражался с такой силой, и то, что он говорил, было столь основательно, что никто не обращал внимания ни на его выговор, ни на [исковерканные] слова. Слушатели внимали ему, как человеку, сошедшему с небес, и едва он заканчивал проповедь, как они бросались к его ногам, чтобы исповедаться.

Эти непрестанные труды в течение очень суровой зимы снова вогнали его в хворь, и на этот раз гораздо сильнее, чем прежде, как бы в подтверждение пророчества св. Иеронима; ибо у него была очень злокачественная и упорная четырёхдневная лихорадка, которая повергла его в крайнее изнеможение и так истощила, что он стал похож на скелет. Однако несмотря на всю слабость и измождение он тем не менее выходил на городские площади, чтобы призывать прохожих к покаянию. Когда ему изменял голос, его бледное лицо, на котором был запечатлен образ смерти, говорило за него, и одно его присутствие приносило дивные плоды.

Джироламо Казалини так хорошо внял наставлениям и примеру святого мужа, что за короткое время достиг высокой святости. Наблюдая за ним вблизи, он, по его собственным словам, не переставал им восхищаться; и именно от этого добродетельного священнослужителя стало доподлинно известно, что Ксаверий, потрудившись весь день, проводил ночи в молитвах; что, служа в пятницу мессу о Страстях Господних, он таял в слезах и часто бывал восхищен духом; что говорил он мало, но все его слова были полны смысла и вдохновенного чувства.

Когда Ксаверий так трудился в Болонье, его вызвал в Рим о. Игнатий, который уже представился Папе, чтобы предложить ему свои услуги и услуги своих спутников. Павел III благосклонно принял предложение сих новых делателей и пожелал, чтобы они начали проповедовать в Риме властью Святого Престола. Для этого им были

назначены главные церкви, причём Ксаверию досталась церковь святого Лаврентия «ин Дамазо».

Когда четырехдневная лихорадка наконец оставила его, и силы вернулись, он стал проповедовать с ещё большей силой и пылом, чем когда-либо. Смерть, суд и ад были обычным предметом его речей. Он излагал эти грозные истины просто, но так трогательно, что народ, толпами стекавшийся на его проповеди, всегда выходил из церкви, храня глубокое молчание и помышляя куда меньше о похвале проповеднику, нежели о собственном обращении.

Голод, опустошивший тогда Рим, дал упомянутым чужестранным священникам возможность помочь бесчисленному множеству несчастных, которые изнемогали без всякой помощи на городских площадях. Ксаверий был самым ревностным в поиске для них убежища и в добывании для них милостыни: он сам носил их на плечах в дома, которые были им предназначены, и там оказывал им все мыслимые услуги.

Между тем Диогу де Гувейа¹⁰, португалец, знавший Игнатия, Ксаверия и Лефевра в Париже и бывший ректором коллежа Сент-Барб, когда все трое там жили, прибыл в Рим по важным делам, порученным ему Португалией. Видя плоды, которые приносили труды этих священников, его знакомых, он доложил королю Жуану III то, о чём уже сообщал ему из Парижа, основываясь на общей молве: люди, подобные этим, — учёные, смиренные, милосердные, горящие ревностью о спасении душ, неутомимые в труде, любящие крест и ищущие лишь вящей славы Божией, — как нельзя лучше подходят для насаждения веры в Восточных Индиях. Он добавлял, что, если король желает заполучить сих превосходных делателей, нужно лишь попросить их у верховного Понтифика, который распоряжался ими неограниченно.

Жуан III, благочестивейший государь своего века, написал об этом своему послу, дону Педру ди Машкареньяшу¹¹, и повелел ему испросить у Папы по меньшей мере шестерых из апостольских мужей, о которых говорил Гувейа. Папа, выслушав предложение Машкареньяша, передал дело о Игнатию, которого он уже чрезвычайно ценил и который незадолго до того представил Его Святейшеству план нового ордена, который он и его спутники хотели основать.

Игнатий, который помышлял ни много ни мало, как о преображении всего мира, и видел насущные нужды Европы, которую со всех сторон заражала ересь, ответил Машкареньяшу, что из десяти человек, что у них было, он может дать ему не более двух. Папа одобрил этот ответ и пожелал, чтобы Игнатий сам сделал выбор.

Во исполнение намерений Святого Отца Игнатий выбрал Симана Родригиша, португальца, и Николаса Бобадилью, испанца. Первый трудился в Сиене, а второй — в Неаполитанском королевстве. Хотя Родригиш страдал от четырёхдневной лихорадки, когда его отозвали из Сиены, он тем не менее не мешкая сел на лиссабонский корабль, отплывавший из Чивитавеккьи, и взял с собой Паоло Камерино, который присоединился к ним несколькими месяцами ранее.

Что до Бобадильи, то едва он прибыл в Рим, как слёг с непрерывной лихорадкой, и можно сказать, что его болезнь была знаком свыше, ибо Небеса предназначили для миссии в Индиях другого, а не его. Ибо то, что в жизни людей порой кажется случайностью или чисто природным явлением, есть на самом деле устроение

Божественного Провидения, которое тайными путями идёт к намеченным целям и которому угодно исполнять свои замыслы столь же кротко, сколь и властно.

Машкареньяш, покидавший свой посольский пост и желавший увезти в Португалию второго миссионера, которого ему обещали, был уже накануне отъезда, когда миссионер прибыл. Игнатий, видя, что Бобадиля не в состоянии отправиться в путь, стал размышлять перед Богом, кем его заменить, или, вернее, кого избрать из тех, кого уже избрал Сам Бог. Небесный луч тотчас озарил его и открыл ему, что Франциск Ксаверий и есть этот сосуд избранный. Он тотчас же призвал его и, преисполненный божественного Духа, сказал: «Ксаверий, я назначил для Индий Бобадию; но сегодня Небо назначает вас, и я объявляю вам это от имени наместника Иисуса Христа. Примите служение, о котором Его Святейшество возвещает вам моими устами, так, как если бы Сам Иисус Христос вручал его вам, и возрадуйтесь, что нашли в нем возможность утолить то горячее желание, которое все мы имели, — нести веру за моря. Здесь не одна лишь Палестина, не одна провинция Азии, но земли необъятные и царства неисчислимые, целый мир. Лишь столь обширное поприще достойно вашего мужества и вашего рвения. Идите, брат мой, куда зовет вас глас Божий, куда посылает вас Святой Престол, и воспламените всё огнем, который вас сжигает».

Ксаверий, растроганный и смущённый речью Игнатия, ответил со слезами на глазах и с румянцем на ланитах, что не может вдоволь надивиться тому, что для служения, требующего не менее чем апостола, помыслили о человеке столь слабом и немощном, как он; что он, однако, готов повиноваться велениям Небес и с радостью пойдёт на всё ради спасения индийцев.

Затем, дав волю радости, ощущаемой в глубине души, он уверенно молвил своему отцу Игнатию, что его обеты исполнились; ведь он давно воздыхал об Индиях, не смея заговорить об этом, и что он надеется обрести в идолопоклоннических землях ту благодать мученичества за Христа, в коей отказала ему Святая Земля.

В порыве чувств он добавил, что теперь ясно видит то, что Бог уже не раз являл ему в таинственных образах. И в самом деле, Ксаверию очень часто снилось по ночам, будто он несет на плечах рослого и очень смуглого индийца; и сны эти так его утомляли, что он стонал и вздыхал во сне, словно от великого страдания и удушья, да так, что его стоны и вздохи будили тех, кто спал с ним в одной комнате. Однажды ночью, проснувшись, отец Лаинес спросил его, отчего он так жалостно голосит; Ксаверий тотчас рассказал Лаинесу свой сон и добавил, что даже покрылся крупными каплями пота.

Кроме того, он видел однажды во сне или в исступлении бескрайние моря, полные бурь и рифов, пустынные острова, варварские земли, и повсюду — голод, жажду и наготу, а вкупе с ними бесконечные труды, кровавые гонения и явные смертельные опасности. При этом видении он воскликнул: «Ещё, Господи, ещё!»; и о. Симан Родригеш отчётливо слышал эти слова, но, как ни допытывался он, что они означают, тогда этого не узнал, и Ксаверий открыл ему тайну, лишь сядя на корабль, идущий в Индии.

Эти образы, наполнявшие воображение Ксаверия, заставляли его беспрестанно говорить о Новом Свете и об обращении неверных; при этом лицо его всякий раз вспыхивало, а на глаза навертывались слезы. Таково свидетельство, оставленное о

нем о. Жеромом Доменеком, который, прежде чем вступить в Общество, близко знал его в Болонье и был связан с ним теснейшей дружбой.

Поскольку Ксаверий был извещен о путешествии в Индии лишь накануне отъезда Машкареньяша, у него хватило времени лишь на то, чтобы починить свою сутану, проститься с друзьями и пойти припасть к стопам Святого Отца.

Павел III, восхищённый тем, что в его понтификат открылись врата для Евангелия в Восточных Индиях, принял его со всей отеческой добротой и побуждал его проникнуться чувствами, достойными столь высокого предприятия, говоря ему в ободрение, что Вечная Премудрость всегда дает нам силы для несения служения, к которому Она нас предназначила, даже если оно превышает силы человеческие; что, по правде говоря, ему встретится немало причин для страдания, но дела Божии вершатся лишь путем страданий, и что на честь апостольства можно притязать, лишь следуя по стопам апостолов, чья жизнь была непрерывным крестом и умиранием; что Небо посылает его по следам апостола Индий, святого Фомы, на завоевание душ; что он должен доблестно трудиться, дабы возродить веру в землях, где этот великий апостол её насадил; и что если ему придется пролить свою кровь за славу Иисуса Христа, он должен почитать за счастье умереть мучеником.

Казалось, Сам Бог говорил его устами своего наместника, — такое впечатление произвели эти слова на ум и сердце Ксаверия. Они исполнили его поистине божественной силой; и, отвечая Его Святейшеству, он явил, при глубочайшем смирении, такое величие духа, что у Павла III с тех пор было как бы верное предзнаменование тех дивных событий, что произошли впоследствии. Посему Святой Отец, пожелав ему особого содействия Божия во всех его трудах, не раз нежно обнял его и преподал ему самое искреннее благословение.

Ксаверий отправился в путь в сопровождении Машкареньяша 15 марта 1540 года, не имея при себе ничего, кроме breviария. В последний раз прощаясь с о. Игнатием, он бросился к его ногам и испросил его благословения; а прощаясь с Лаинесом, вложил ему в руки небольшую записку, им написанную и подписанную. Эта записка, которая до сих пор хранится в Риме, гласит, что он, насколько это от него зависит, одобряет устав и конституции, которые будут составлены Игнатием и его спутниками; что он избирает генералом Игнатия, а в случае его отсутствия — Лефевра; что он посвящает себя Богу тремя обетами — бедности, целомудрия и послушания — в Обществе Иисуса, на то время, пока оно будет существовать как монашеский орден с апостольского соизволения.

Этого ожидали со дня на день, и это свершилось до конца года почти чудесным образом, как о том можно прочесть в «Житии св. Игнатия».

Путешествие из Рима в Лиссабон совершалось всё время по суше и длилось более трёх месяцев. По приказу посла Ксаверию дали коня, но, как только путники тронулись, этот конь стал общим. Отец часто спешил, чтобы дать отдых слугам, следовавшим пешком, или менялся конями с теми, у кого конь был хуже. На постоянных дворах он становился слугой для всех и порой, в избытке рвения, забывая в таких случаях о достоинстве своего сана, ухаживал за лошадьми. Он уступал свою комнату и свою постель тем, у кого их не было, и почти всегда спал на голой земле или на соломе в конюшне; при этом он неизменно был весел и вёл приятные беседы, из-за чего его общества искали, но он всегда примешивал к ним нечто, назидавшее и господ, и слуг и внушавшее и тем, и другим благочестивые чувства.

Они ехали через Лорето, где пробыли более восьми дней, а затем продолжили свой путь через Болонью. Оттуда Ксаверий написал отцу Игнатию, и вот его слова:

«† Иисус.

Благодать и любовь Христа, Господа нашего, да будут всегда нам в помощь и защиту.

В день Пасхи я получил ваши письма с одним свертком, что предназначались для господина Посла, и с ними столько радости и утешения, сколько ведомо Господу нашему. И поскольку, я полагаю, в этой жизни мы увидимся лишь в письмах, а в другой — *fatie ad fatiem* (лицом к лицу (1 Кор. 13:12)) со многими объятиями, остаётся нам в это короткое время, что отпущено в земной жизни, видаться посредством частых писем. Я так и буду делать, как вы мне повелеваете, — то есть писать часто, соблюдая порядок «ихуэлас»⁴.

С господином кардиналом Иврейским я говорил в свое удовольствие, согласно вашим указаниям. Он принял меня в высшей степени человеколюбиво, вызвавшись помогать нам во всём, в чём только сможет. Когда я прощался с ним, этот добрый старец начал обнимать меня, я же — целовать ему руки, а в середине речи, обращённой мною к нему, я преклонил колени и от имени всего Общества поцеловал ему руки. И судя по тому, что он мне ответил, полагаю, он весьма благосклонен к нашему образу действий.

Господин Посол оказывает мне столько милостей, что я не смог бы и закончить их описание. И не знаю, как бы я мог их снести, если бы не думал и не считал почти несомненным, что *apud Indos* (среди индийцев) за них придется заплатить не менее чем жизнью. В Лорето, в Вербное воскресенье, я исповедал его и причастил вместе со многими из его домочадцев, и в часовне Богоматери я отслужил мессу, а добрый Посол сделал так, чтобы все его домашние причастились вместе с ним внутри часовни. А после, в день Пасхи, я снова его исповедал и причастил, а также других благочестивых людей из его дома. Капеллан господина Посла усердно просит от всех молитв и дал мне слово отправиться с нами в Индии.

Мадонне Фаустине Анколине передайте мои поклоны и скажите ей, что я отслужил одну мессу за ее и моего Винченцо и что завтра отслужу другую за нее, и пусть она будет уверена, что я никогда ее не забуду, даже когда буду в Индиях. А от моего имени, мисер Педро, мой дражайший брат, напомните ей, чтобы она сдержала обещание, данное мне, исповедаться и причаститься, и пусть даст мне знать, сделала ли она это и сколько раз. И если она хочет доставить удовольствие своему и моему Винченцо, скажите ей от моего имени, чтобы она простила тех, кто убил ее сына, ибо Винченцо много молится за них на небесах. Здесь, в Болонье, я больше занят слушанием исповедей, чем был в Сан-Луиджи. Поручите меня усердно молитвам всех, ибо, воистину, я не забываю непрестанно поминать их.

Из Болоньи, в последний день марта 1540 года.

Ваш во Христе брат и слуга Франциск»¹².

Весь город Болонья пришёл в движение, когда через него проезжал Ксаверий; горожане были ему весьма привержены и почитали его, в некотором роде, своим апостолом. И малые, и великие хотели его видеть; большинство открывали ему состояние своей совести; многие предлагали себя ему в спутники в Индии; все плакали при его отъезде, думая, что никогда больше его не увидят. Джироламо

Казалини, настоятель церкви св. Луции, у которого он останавливался в предыдущем году, выказал ему самое искреннее дружелюбие; он снова настоял, чтобы тот принял его гостеприимство, и именно в его церкви Ксаверий выслушивал исповеди бесчисленного множества людей.

Во время оставшегося пути произошли два или три весьма примечательных случая. Один из слуг посла, тот, что готовил ночлег в местах, через которые следовала свита, человек буйный и грубый, получив однажды выговор от своего господина за то, что плохо исполнил свою обязанность, пришел в ярость, едва удалился из виду Машкареньяша. Ксаверий слышал это, но ничего ему тотчас не сказал, боясь ещё сильнее его разгневать; но на следующий день, когда этот человек по своему обыкновению выехал вперед, он поскакал за ним во весь опор. Он нашел его лежащим под конем, который сорвался с высокой скалы и разбился насмерть при падении. «Несчастный, — сказал он ему, — что стало бы с тобой, если бы ты погиб от этого падения?» Этих немногих слов было достаточно, чтобы тот осознал свой гнев и от всего сердца попросил у Бога прощения. Ксаверий, спешившись, посадил его на своего коня и пешком довел до ночлега.

В другой день конюший Машкареньяша, пожелав верхом переправиться через небольшую, но довольно глубокую и быструю реку, был унесен течением вместе с конём, и все сочли его погибшим. Ксаверий, взволнованный опасностью, угрожавшей спасению этого светского человека, который был призван Богом к иноческой жизни, но не последовал движению благодати, стал за него молиться. Посол, очень любивший своего конюшего, также присоединился к молитве и велел молиться всем своим людям. Едва они воззвали к помощи Небес, как человек и конь, уже начавшие тонуть, всплыли на поверхность и были вынесены на берег реки. Конюшего вытащили, страшно бледного и полумёртвого. Как только он пришел в себя, Ксаверий спросил его, о чем он думал, будучи на волосок от гибели.

Тот чистосердечно признался, что ему на ум пришло иночество, к которому звал его Бог, и что он испытал величайшие угрызения совести, что пренебрег случаем ко спасению. Затем он засвидетельствовал, как рассказывает сам Ксаверий в одном из своих писем, что в тот роковой миг укору совести и мысли о суде Божиим над душами, не верными своему призванию, причинили ему больше мук, чем весь ужас смерти. Он говорил о вечных муках так живо и пылко, словно сам их испытал и вернулся из ада. Он также часто говорил, по свидетельству святого, что, по справедливому наказанию Небес, те, кто в течение жизни не готовится к смерти, не имеют времени подумать о Боге, когда смерть их настигает.

Посол и все его люди не сомневались, что конюшего спасло заступничество святого мужа; но Ксаверий полагал, что это было следствием благочестия посла, о чем и сообщил отцу Игнатию:

«... Богу, Господу нашему, было угодно услышать благочестивые молитвы своего раба, Посла, который усердно, со всеми своими людьми, *non sine lachrimis* (не без слёз), настоятельно молил Господа о его спасении. Так Господу нашему было угодно избавить его скорее чудесным, нежели человеческим образом»¹³.

При переходе через Альпы секретарь посла, спешившись на трудном пути, который из-за снегов было не разобрать, оступился на довольно крутом склоне; он покатился в пропасть и достиг бы самого дна, если бы при падении его одежда не зацепилась за выступ скалы, где он и остался висеть, не в силах ни высвободиться, ни подняться

самостоятельно. Те, кто следовал за ним, подбежали к нему, но глубина пропасти утравила самых смелых. Ксаверий, подоспевший в этот момент, не колебался ни секунды; он спустился по склону пропасти и, протянув руку секретарю, мало-помалу вытащил его.

Выехав из Франции и перейдя Пиренеи со стороны Наварры, они приблизились к Памплоне. Машкареньяш заметил, что о. Франциск (так обычно называли Ксаверия) не говорит о том, чтобы заехать в замок Хавьер, который был недалеко от их пути. Он напомнил ему об этом и даже стал настаивать, представляя ему, что, покидая Европу, быть может, навсегда, он не может с честью уклониться от визита к своей семье и от последнего прощания с матерью, которая была еще жива.

Увещевания посла не возымели никакого действия на человека, который, с тех пор как оставил всё ради Бога, считал, что у него больше ничего нет в этом мире, и который, к тому же, был убежден, что плоть и кровь — враги апостольского духа. Он последовал прямым путем и лишь сказал Машкареньяшу, что надеется видеть своих родных на небесах, не мимоходом и с той скорбью, которую обычно вызывают прощания, но вовек и с радостью совершенно чистою.

«Король и Королева очень обрадовались нам, узнав все о наших делах. И в конце всех бесед Его Высочество велел позвать свою дочь Инфанту и своего сына Принца, чтобы мы их увидели, и поведал нам о сыновьях и дочерях, которых Господь наш ему даровал, и о тех, кто умер, и о тех, кто жив.

И Король, и Королева явили нам большую любовь. В тот же день, когда мы с ним говорили, Его Высочество настоятельно поручил нам исповедовать молодых дворян своего двора, ибо Король издал при своем дворе указ, чтобы все молодые дворяне исповедовались каждые восемь дней. И он настоятельно поручил нам присматривать за ними, сказав нам, что если они в молодости познают Бога и будут служить Ему, то, когда вырастут, подадут много добрых примеров. И если они будут такими, какими должны быть, то прочий, простой народ возьмёт с них пример, и так исправятся миряне его королевства, ибо он уверен, что с исправлением знати исправится и значительная часть его королевства»¹⁴.

Хотя одному из дворцовых чиновников было приказано приготовить для Ксаверия и Родригиша приличное и удобное жилище, они вернулись в свой приют и там оставались всё время. Они даже не захотели получать назначенное им от двора содержание; ходили просить милостыню по городу в определенные часы и жили в бедности, согласно предписанному ими себе образу жизни.

Поскольку отплытие должно было состояться лишь весной следующего года, а апостольские мужи не знают, что такое праздность, Ксаверий не удовольствовался наставлением в благочестии молодых людей, вверенных ему королём; он сам нашел себе занятие и делал в Лиссабоне то же, что в Венеции, Болонье и Риме на протяжении более чем двух лет. Но помимо того, что он денно и ночью помогал больным в приюте, ежедневно посещал заключенных и несколько раз в неделю преподавал катехизис детям, он часто беседовал с главными придворными особами и привлекал их к духовным упражнениям о. Игнатия.

Сначала он не хотел проповедовать в церквях, полагая, что служители Евангелия должны начинать с дел менее громких; он взошел на кафедру лишь по настоянию короля, который, призвав его однажды во дворец, изъявил желание его услышать и

сказал ему, что епископ Лиссабона считает, что ему не следует более откладывать публичные проповеди.

О. Симан Родригиш, со своей стороны, трудился на службе ближнему тем же способом и в том же духе.

Между тем Мартин де Аспилькуэта, прозванный доктором Наварро, который приходился Ксаверию дядей по материнской линии и занимал первую кафедру богословия в Коимбрском университете, узнав о прибытии племянника, написал королю весьма настоятельное письмо, в котором умолял Его Величество прислать к нему отца Франциска. Он добавлял, что, если ему позволят оставить его у себя до отплытия флота, он обязуется читать два новых курса без всякого иного вознаграждения, кроме своего жалованья, — один по каноническому праву, другой по мистическому богословию; и что через несколько лет он тоже отправится к Ксаверию и будет проповедовать с ним Евангелие идолопоклонникам Востока.

Это письмо не осталось напрасным. Человек, который не захотел свернуть с пути, чтобы навестить свою мать, остерегся совершать путешествие и оставлять важные занятия, чтобы повидать одного из своих родственников. Король по просьбе самого Ксаверия, удержал его в Лиссабоне, и отец написал в своё оправдание письмо доктору Наварро, который прислал ему два письма, исполненных дружеских чувств.

Поскольку доктор беспокоился из-за образа жизни, который избрал племянник, Ксаверий ответил ему на этот счёт так:

«Чтобы поведать о своих делах, особенно об уставе [нашей] жизни, я бы очень желал, чтобы представился случай нам увидеться, ибо никто в этом деле не смог бы осведомить Вас лучше меня. Угодно будет Богу, Господу нашему, среди многих милостей, которые я получил от Его божественного Величества, явить мне и эту — чтобы мы увиделись в этой жизни, прежде чем мы с моим спутником отправимся в Индии. И тогда я смогу дать полный отчет о том, о чем Ваша милость просите в своих письмах, ибо в письме, во избежание многословия, *commode fieri nequit* (этого удобно сделать нельзя). То, что Ваша милость говорите в своем письме, а именно, что, *pro hominum consuetudine, multa de nostro vitae instituto dicuntur* (по человеческому обыкновению, много говорят о нашем образе жизни), — *parum reffert, doctor egregie, ab hominibus judicari, presertim ab iis, qui prius judicant quam rem intelligant* (мало значит, выдающийся доктор, быть судимым людьми, особенно теми, кто судит прежде, чем уразумевает суть дела)».¹⁵

Впрочем, он посоветовал ему не помышлять об Индиях, как сообщает сам Наварро в своем «Руководстве». «Я бы закончил там свои дни, — говорит этот учёный муж, — если бы Ксаверий из-за моего возраста не счёл меня неспособным к трудам своей миссии и если бы он не написал мне при отъезде, чтобы я утешался в его отсутствии надеждой на встречу на небесах».

Труды двух миссионеров в Лиссабоне не были напрасны. С первых же дней в народе пробудилось благоговение, все стали часто приступать к таинствам, к которым прежде почти никто не приступал, кроме как в Великий пост; и этот святой обычай незаметно распространился по всем городам. Многие, откладывавшие свое обращение со дня на день, внезапно устремлялись к Богу и даже отрекались от мира; злейшие враги примирялись от чистого сердца, а известные куртизанки оставляли свою распутную жизнь.

Но особенно заметна была эта перемена нравов при дворе. Король, от природы весьма благочестивый и честный, первым объявил войну всем порокам, которые обыкновенно заражают дворцы государей; и, чтобы постепенно исправить не только свой дом, но и все свое королевство, он обязал молодых придворных исповедоваться каждые восемь дней. Ибо он говорил, что если дворяне и сеньоры приучатся с самых нежных лет бояться Бога и служить Ему, то и в зрелом возрасте они будут жить по-христиански; что, если знатные люди станут людьми добродетельными, то и народ, который всегда берет с них пример, не преминет исправить свои нравы, и что, таким образом, исправление всех сословий государства заключается главным образом в добром воспитании дворянства.

Пример государя и молодых придворных увлек за собой и остальных, и Ксаверий писал об этом отцу Игнатию в таких словах:

«...Сообщаю вам, что здешний двор весьма исправился, и настолько, что более походит на монастырь, нежели на двор. Тех, кто, не пропуская, каждые восемь дней исповедуется и причащается, так много, что можно лишь воздавать благодарения и хвалы Богу. Мы так заняты исповедями, что, будь нас вдвое больше, у нас все равно было бы в избытке кающихся, и мы заняты весь день напролёт и часть ночи, и это только придворные, не считая прочего люда. Те, кто приезжал по делам ко двору, когда мы были в Алмейрине, изумлялись, видя, сколько людей причащается каждое воскресенье и по праздникам. И они, видя добрый пример придворных, делали то же самое. Так что, будь нас много, не нашлось бы ни одного ходока, который бы сперва не попытался уладить дела с Богом, а потом уже с королем»¹⁶.

Чрезмерное бремя трудов, лежавшее на двух благовестниках, понудило их принять содержание, назначенное им по приказу государя; ибо они сочли, что лучше потратят свое время, служа душам, нежели ища пропитания по городу. Тем не менее, раз или два в неделю они непременно ходили просить милостыню, чтобы не терять духа самообуздания и нищеты. В том же настроении, оставляя себе лишь малую часть того, что им присылали из дворца, всё остальное они раздавали бедным.

Кроме того, неустанный труд в исповедальне почти не оставлял им времени для проповеди. Но, всесторонне рассмотрев дело, они сочли, что для служения Божественному Величеству важнее преподавать таинство покаяния, нежели возвещать слово Божие с кафедры, по той причине, что португальский двор не испытывал недостатка в проповедниках, но имел мало добрых исповедников. Это замечание самого Ксаверия в письме, которое мы только что цитировали.

Столь зримые и дивные плоды заставили остальных смотреть на двух миссионеров, как на людей, посланных с Небес и исполненных Духа Божия. Посему все стали называть их апостолами, и это славное имя осталось за их преемниками в Португалии. Король при всяком случае выказывал им особую привязанность; и Ксаверий, очарованный добротой государя, писал об этом отцу Игнатию:

«Весьма удивительно и достойно многих благодарений Господу нашему видеть, сколь ревнует Король о славе Бога, Господа нашего, и сколь он привержен ко всему благочестивому и доброму. И все мы в Обществе многим ему обязаны за его доброе к нам расположение, как ко всем тем, кто там, так и к тем, кто здесь. Посол сказал мне, что говорил с Королем после нашей с ним беседы, и что Король, его государь, сказал ему, что был бы очень рад иметь здесь всех нас, кто принадлежит к одному обществу, даже если бы это стоило ему части его казны»¹⁷.

«...Король так расположен к нашему Обществу, — говорит Ксаверий в другом письме, — и желает его приумножения *tanquam unus [ex nobis]* (как один из нас), и всё это единственно из любви и ради чести Бога, Господа нашего, — это обязало нас *propter Deum* (ради Бога) быть ему вечными слугами. Нам кажется, что если бы мы не осознавали своего долга перед теми, кто так отличается в служении Богу, Господу нашему, то пред божественным взором мы бы впали в великое прегрешение за то, что не ответили на столь великую благосклонность, подкрепленную столь совершенными делами. И потому при наших молитвах и недостойных жертвоприношениях мы сознаем огромный свой долг и сочли бы, что впадаем в грех неблагодарности, если бы хоть единый день из жизни нашей забыли о Его Величестве»¹⁸.

Инфант дон Энрике, который вскоре после этого был назван кардиналом и который в последующие годы взошел на престол после смерти дона Себастьяна, питал к ним не меньшую привязанность, чем король, его брат. Будучи великим инквизитором, он предоставил Отцам неограниченные полномочия в своем трибунале и позволил им свободно общаться со всеми узниками Инквизиции.

Некоторые из главных придворных так вдохновились апостольской жизнью Ксаверия и Родригиша, что захотели принять их Устав, как это уже сделали некоторые учёные мужи города. Наконец, всё им удавалось настолько, что Ксаверий испытывал от этого беспокойство: он порой жаловался на это и говорил, что процветания следует опасаться даже в самых святых предприятиях; что гонения куда лучше, и что они — вернейший знак учеников Иисуса Христа.

Два миссионера, предназначенные для Индий, жили таким образом и с нетерпением ожидали времени, удобного для плавания, когда король, видя всё то благо, которое они совершили за столь короткое время среди дворянства и народа, задумал удержать их в Португалии. Ему казалось, что интересы его королевства должны быть ему дороже, чем интересы чужих земель, и что эти новые делатели принесут больше плодов в католической стране, нежели в краях варварских.

Чтобы, однако, не поступать опрометчиво, он собрал свой совет и сам предложил этот вопрос на обсуждение. Все одобрили мысль короля, кроме инфанта дона Энрике, который решительно возразил, что, поскольку Ксаверий и Родригиш были назначены для Нового Света Наместником Иисуса Христа, прерывать их путешествие значит в некотором роде нарушать порядок Провидения; что Индии следует рассматривать как саму Португалию, ибо они были завоеваны португальцами и составляют часть короны; что идолопоклонники более расположены к вере, чем принято думать, и что они охотно станут христианами, когда увидят проповедников бескорыстных, далеких от алчности и честолюбия.

Поскольку мнение королей всегда берет верх, доводы инфанта не были приняты во внимание, и было решено, что два миссионера не покинут королевства.

Это решение опечалило их тем более, что оба они томились мечтой о Востоке. Единственным их выходом было написать в Рим и молить о помощи о. Игнатия. Отец говорил об этом с Папой; но Его Святейшество не захотел ничего решать на этот счёт и предоставил дело воле португальцев; так что Игнатий сообщил двум Отцам, что король для них — наместник Бога, и что они должны слепо ему повиноваться. Он написал в то же время дону Педру Машкареньяшу, что Ксаверий и Родригиш находятся в распоряжении государя и всегда останутся в Португалии, если Его

Величество того пожелает; что он, однако, полагает, что можно найти компромисс, а именно: оставить Родригиша в Португалии, а Ксаверия отпустить в Индии.

Король согласился на это разделение, предложенное Игнатием, и на том порешили, словно сие изрёк Сам Бог. Ксаверий, в восторге от этой новости, восхвалил божественную Благостыню, Которая вновь избрала его для миссии на Востоке, или, вернее, исполнила свои извечные замыслы вопреки противодействию людей.

Когда пришло время отплытия, его однажды призвали во дворец: король подробно расспросил его о положении дел в Индиях и вверил его особому попечению всё, что касалось религии; он даже поручил ему посетить португальские крепости и проследить, служат ли там Богу; а также посмотреть, что можно сделать для прочного утверждения христианства в новых завоеваниях, и часто писать об этом не только его министрам, но и ему самому.

Затем он вручил ему четыре бреве, отправленных из Рима в том же году, в двух из которых Верховный понтифик назначал Ксаверия апостольским нунцием и давал ему самые широкие полномочия для распространения и поддержания веры на всем Востоке. В третьем Его Святейшество рекомендовал его Давиду, императору Эфиопии, а в четвертом — всем государям, владевшим островами в море или на материке, от мыса Доброй Надежды до земель за Гангом.

Жуан III испросил эти бреве, и Папа великодушно их даровал с намерением сделать миссию о. Франциска более славной и авторитетной. Отец принял их из рук государя с глубоким почтением и сказал ему, что, насколько позволит его немощь, он постарается нести бремя, возложенное на него Богом и людьми.

За несколько дней до отплытия дон Антониу де Атаиде, граф Каштаньейра, ведавший снабжением флота, предупредил Ксаверия, чтобы тот составил список вещей, необходимых ему для путешествия, и заверил его от имени короля, что ни в чем не будет недостатка. «Ни в чём нет недостатка, — отвечал отец с улыбкой, — когда ни в чём не нуждаешься. Я весьма обязан королю за его щедрость и вам за ваши заботы; но еще больше я обязан Провидению; вы ведь не предлагаете мне в Нём усомниться».

Граф Каштаньейра, имевший прямой приказ снабдить о. Ксаверия всем в изобилии, стал горячо его убеждать и так настоятельно просил его взять хоть что-нибудь, боясь, по его словам, искушать Провидение, которое не всегда творит чудеса, что Ксаверий, дабы не показаться упрямым или самонадеянным, попросил несколько небольших благочестивых книг, которые, как он предвидел, понадобятся ему в Индиях, и одеяние из грубого сукна на случай сильных холодов, которые приходится терпеть за мысом Доброй Надежды.

Граф, изумленный тем, что отец не просит большего, умолял его лучше воспользоваться сделанными ему предложениями. Но, видя, что все мольбы напрасны, он сказал ему с некоторой горячностью: «Хватит своевольничать! Вы ведь по крайней мере не откажетесь от слуги, без которого вам не обойтись».

«Пока у меня есть эти две руки, — возразил Ксаверий, — у меня не будет другого слуги». «Но приличия требуют, чтобы он у вас был, — продолжал граф, — ибо, в конце концов, вы облечены саном, который не должны унижать, и было бы стыдно видеть апостольского легата, стирающего свое белье на борту корабля и самому себе готовящего еду». «Я намерен, — сказал Ксаверий, — служить себе и служить другим,

не бесчестия своего сана. Пока я не делаю зла, я не боюсь ни возмутить ближнего, ни уронить авторитет, вверенный мне Святым Престолом. Именно эти человеческие условности и эти ложные понятия о приличиях и привели Церковь в то состояние, в котором мы её видим ныне».

Столь решительный ответ заставил Каштаньейру умолкнуть. Он весьма хвалил после этого о. Ксаверия и публично говорил, что ему было куда труднее бороться с его отказами, чем удовлетворять желаниям других.

Наконец настал день отплытия, и, когда всё было готово к выходу в море, Ксаверий отправился в порт с двумя спутниками, которых он забирал с собой в Индии: о. Паоло Камерино, итальянцем, и Франсишку Мансильяшем, португальцем, который ещё не был священником. Симан Родригиш проводил его до самого корабля, и там, нежно обнявшись, они простились. «Брат мой, — сказал Ксаверий, — вот последние слова, которые я вам когда-либо скажу. Мы больше не увидимся в этом мире, так будем же терпеливо сносить нашу разлуку; ибо несомненно, что, будучи прочно соединены с Богом, мы будем соединены и друг с другом, и ничто не сможет расторгнуть то общение, которое мы имеем во Иисусе Христе.

Впрочем, для вашего утешения, — добавил он, — я хочу поведать вам тайну, которую скрывал от вас до сего часа. Вы помните, как, когда мы были в одном из приютов Рима, вы слышали, как я кричал однажды ночью: „Ещё, Господи, ещё!“. Вы часто спрашивали меня, что это значит, и я всегда отвечал вам, что вы не должны об этом беспокоиться. Знайте же теперь, что я видел тогда — во сне ли, наяву ли, Бог весть — всё, что мне предстояло претерпеть во славу Иисуса Христа. Господь наш дал мне такую жажду страданий, что, не в силах насытиться теми, что предстали мне, я желал ещё больших; в этом и заключается смысл тех слов, которые я произносил с таким пылом: „Ещё, ещё!“. Я надеюсь, что божественная Благодать дарует мне в Индиях то, что Она явила мне в Италии, и что эти желания, которые Она мне внушила, скоро исполнятся».

После этих слов они снова обнялись и расстались со слезами на глазах. Как только Родригиш сошел на берег, был дан сигнал к отплытию, и якорь был поднят. Флот отплыл 7 апреля 1541 года под командованием дона Мартина Афонсу де Соузы, вице-короля Индий, человека признанной честности и большого опыта, особенно в том, что касалось Нового Света, где он провел много лет своей жизни. Он пожелал, чтобы отец Ксаверий был с ним на флагманском корабле под названием «Сантьяго». В этот день, который был днём его рождения, Ксаверию исполнилось тридцать пять лет; он пробыл в Лиссабоне целых восемь месяцев, и прошло более семи лет с тех пор, как он стал одним из учеников Игнатия Лойолы.

---

¹ Автор, Доминик Буур (Dominique Bouhours, 1628–1702), иезуит и известный французский писатель, впервые опубликовал это жизнеописание в 1682 году. Таким образом, «минувшее столетие» для него — это XVI в.

² Испанская фамилия *Xavier* сегодня произносится как *Хавьер*. Однако в русской агиографической и исторической традиции закрепилась форма «Ксаверий», производной от которой является «Ксавьер». В данном переводе мы придерживаемся этой традиции ради единообразия.

³ Речь идет об Алжирской экспедиции 1541 года — катастрофически неудачной попытке императора Священной Римской империи Карла V захватить город Алжир, находившийся под властью Османской империи. Шторм уничтожил значительную часть имперского флота, что привело к полному провалу кампании.

⁴ Пер. с исп. ориг. по Monumenta Xaveriana, ep. 1.6

⁵ Речь идет о первых сподвижниках св. Игнатия Лойолы: Диего Лаинесе (Diego Laínez), Альфонсо Сальмероне (Alfonso Salmerón), Симане Родригише (Simão Rodrigues) и Николасе Бобадилье (Nicolás Bobadilla). Вместе с Игнатием, Ксаверием и Пьером Лефевром они составили ядро будущего Общества Иисуса.

⁶ Приют неизлечимых (*Ospedale degli Incurabili*) в Венеции — одно из крупнейших и известнейших медицинских и благотворительных учреждений эпохи Возрождения. Он был основан для ухода за больными сифилисом, но со временем стал принимать и других пациентов с тяжелыми и считавшимися неизлечимыми заболеваниями.

⁷ Педро Ортис де Сарате (Pedro Ortiz de Zárate) — видный испанский богослов, профессор Парижского университета. Первоначально он был противником Игнатия, но впоследствии стал его другом и покровителем, представляя его и его сподвижников при папском дворе.

⁸ Павел III (Алессандро Фарнезе, понтификат 1534–1549) — Папа Римский, который устно одобрил создание Общества Иисуса в 1539 году и официально утвердил его буллой *Regimini militantis Ecclesiae* в 1540 году.

⁹ Джироламо Вералли (Girolamo Veralli, 1497–1555) — итальянский кардинал и дипломат, служивший папским нунцием в Венеции. Именно он принял обеты первых иезуитов.

¹⁰ Диогу де Гувейя (Diogo de Gouveia, ок. 1471–1557) — влиятельный португальский гуманист и богослов, ректор парижского коллежа Сент-Барб. Именно его настойчивые советы побудили короля Жуана III пригласить первых иезуитов для миссионерской работы в португальских владениях.

¹¹ Педру ди Машкареньяш (Pedro de Mascarenhas, ок. 1480–1555) — португальский мореплаватель, дипломат и колониальный администратор. В описываемый период он служил послом Португалии при Святом Престоле.

¹² Пер. с исп. ориг. по Monumenta Xaveriana, ep. 2. Прим. ред.: «Значение слова *hijuela* («доченька») в цитируемом месте есть не что иное, как «приложенное письмо», в котором пишется нечто особенное или секретное и которое отправляется вместе с основным письмом, чтобы последнее, если так будет сочтено необходимым, можно было показать публично. Это значение отсутствует даже в словаре Испанской академии». *Micer* – старинное испанское титулование, которое использовалось для обозначения образованных людей, особенно юристов, нотариусов, иногда врачей, а также духовных лиц, имеющих определенный статус или образование.

¹³ Пер. с исп. по Monum. Xav., ep. 4.2

¹⁴ Пер. с исп. по Monum. Xav., ep. 4.3

¹⁵ Пер. с исп. по Monum. Xav., ep. 5.2

¹⁶ Пер. с исп. по Monum. Xav., ep. 9.8

¹⁷ Пер. с исп. по Monum. Hav., ер. 3.6

¹⁸ Пер. с исп. по Monum. Hav., ер. 9.2

КНИГА ВТОРАЯ

Когда христианская религия процветала в Азии под властью константинопольских императоров, существовало два обычных и довольно коротких пути в Индии: один через Сирию, по Евфрату и Персидскому заливу; другой через Египет, по Аравийскому заливу, обычно называемому Красным морем. Но с тех пор как сарацины захватили эти земли, европейские христиане, не находя там безопасности, стали искать обходной путь, чтобы избежать нападений своих злейших врагов.

Португальцы первыми отважились плыть вдоль всего побережья Африки и части Аравии и Персии. Этим кружным путём до Индии от Португалии четыре тысячи лье, и приходится дважды пересекать экваториальную линию, которая делит Африку почти пополам, и дважды терпеть зной жаркого пояса.

Дон Энрике, сын короля Жуана I и учёнейший в математике государь своего века, был тем, кто предпринял попытку открыть эти моря и обогнуть мыс Доброй Надежды в связи с торговлей, которую хотели установить между португальцами и царем Эфиопии, именуемым Пресвитером Иоанном. Предприятие это увенчалось успехом, и короли Португалии, Афонсу V, Жуан II и Мануэл I, так счастливо его продолжили, что мало-помалу проложили себе таким образом путь в Индии.

Этим путём и последовал о. Ксаверий с португальским флотом. Во время плавания он не оставался праздным: первой его заботой было пресечь беспорядки, которые обыкновенно порождает праздность на кораблях, и он начал с азартных игр, которые являются единственным развлечением или, вернее, главным занятием мореходов.

Чтобы искоренить азартные игры, почти всегда ведущие к ссорам и богохульствам, он предлагал небольшие невинные забавы, способные развлечь ум, не слишком возбуждая страсти; но когда, вопреки его воле, играли в карты или кости, он всё же наблюдал за игрой, чтобы сдерживать игроков своим присутствием; и если они выходили из себя, он урезонивал их кроткими и учтивыми увещеваниями. Он выказывал участие в их выигрыше или проигрыше и порой предлагал поддержать за них банк.

На флагманском корабле было до тысячи человек всякого звания. Отец сделался всем для всех, чтобы всех приобрести для Иисуса Христа (ср. 1 Кор. 9:22), беседуя с каждым о том, что ему было ближе: с моряками — о мореходстве, с солдатами — о войне, с купцами — о торговле, а с дворянством — о делах государственных. Его обходительность и природная веселость снискали ему всеобщую любовь: самые распутные и грубые люди искали его общества и даже находили удовольствие, слушая его речи о Боге.

Он ежедневно наставлял моряков в основах веры, которых большинство либо не знало, либо знало плохо, и проповедовал каждый праздник у подножия грот-мачты. Каждый извлекал пользу из поучений проповедника, и вскоре среди них умолкли всякие речи, оскорбляющие честь Божию, любовь к ближнему, а равно и чистоту и приличия.

Они питали к нему величайшее уважение, и одним словом он утихомиривал их ссоры и разрешал все споры. Вице-король, дон Мартин Афонсу де Соуза, с первых же дней хотел, чтобы тот обедал за его столом; но Ксаверий весьма смиренно его поблагодарил и в течение всего путешествия питался лишь тем, что выпрашивал на корабле.

Между тем невыносимые холода у Зеленого Мыса и чрезмерный зной Гвинеи, а также испортившиеся под экватором пресная вода и мясо вызвали весьма тяжелые болезни. Самой распространенной была моровая лихорадка, сопровождавшаяся своего рода язвами, которые образовывались во рту и изъязвляли все десны¹. Больные, находясь вместе, заражали друг друга; а поскольку все боялись подхватить недуг, их бы оставили без помощи, если бы о. Франциск не сжалился над ними. Он отирал их пот, очищал их язвы, стирал их белье и оказывал им самые унижительные услуги; но особенно он заботился об их совести, и главным его занятием было готовить их к христианской кончине.

Притом отец занимался всем этим, страдая от непрестанной рвоты и крайнего изнеможения, которые мучили его целых два месяца. Чтобы облегчить его страдания, Соуза велел дать ему каюту попросторнее и получше той, что была ему назначена сначала; он принял её, но поместил туда самых тяжёлых больных, а сам всегда спал на палубе, подложив под голову лишь корабельные снасти.

Он также принимал яства, которые вице-король присылал ему со своего стола, и раздавал их тем, кто больше всего нуждался в пище. За столькие дела милосердия его уже тогда прозвали «святым отцом»; и это имя осталось за ним до конца его дней, даже среди магометан и идолопоклонников.

Пока Ксаверий так трудился, флот продолжал свой путь среди рифов, бурь и течений. После пяти месяцев непрерывного плавания, к концу августа, он прибыл в Мозамбик.

Мозамбик — это королевство на восточном побережье Африки, населенное неграми, народом варварским, но все же не таким диким, как их соседи кафры, благодаря постоянной торговле, которую они ведут с эфиопами и арабами. На побережье нет ни одной гавани, где корабли могли бы укрыться от ветров; но небольшой остров образует очень удобный и безопасный порт.

Этот остров, отстоящий от материка не более чем на милю, носит имя Мозамбик, как и королевство. Некогда он находился под властью сарацин, и им правил мавританский шериф. Впоследствии португальцы овладели им и построили там крепость, чтобы обезопасить проход своих кораблей и дать отдых командам, которые обычно останавливаются там на несколько дней.

Флот Соузы был вынужден зазимовать в Мозамбике не только потому, что время года было уже позднее, но и потому, что больные не могли более сносить тягот морского пути. Место это, однако, было малопригодно для немощных: воздух там нездоров, оттого что море во время сильных приливов разливается по низинам острова, и скопившаяся вода застаивается и портится в жару. Посему и жители там живут недолго, особенно чужестранцы; оттого и прозвали Мозамбик могилой португальцев. Помимо природной нездоровости воздуха, в то время в стране свирепствовала ещё и заразная болезнь.

Как только сошли на берег, Соуза велел перевезти больных с каждого корабля в основанный королями Португалии приют, что находится на острове. О. Ксаверий последовал за ними и вместе с двумя своими спутниками взялся служить им всем. Предприятие это превосходило его силы, но в апостольских мужах дух поддерживает тело, и милосердие может всё.

Воодушевленный новым рвением, он ходил из палаты в палату и от койки к койке, одним давая лекарства, других напутствуя последними таинствами. Каждый хотел видеть его подле себя, и говорили, что один лишь вид его лица помогает им лучше всяких лекарств.

Проведя весь день в непрестанных трудах, он бодрствовал по ночам у постели умирающих или ложился рядом с самыми тяжелыми больными, чтобы немного отдохнуть; но сон его прерывался ежечасно: при малейшем крике, при малейшем вздохе он просыпался и спешил на зов.

Столькие труды вконец истощили его естество, и он сам слёг с такой сильной и злокачественной лихорадкой, что ему семь раз за короткое время пускали кровь, и он три дня пробыл в бреду. В начале его болезни многие хотели забрать его из госпиталя, где зараза была ужасающей, и предлагали ему свое жилище; он постоянно отказывался от их предложений и говорил им, что, дав обет бедности, хочет жить и умереть среди бедных.

Но когда жар болезни немного спал, святой забыл о себе, чтобы думать о других: порой, не в силах держаться на ногах и сгорая от лихорадки, он навещал своих дорогих больных и служил им, насколько позволяла его немощь. Врач, встретив его однажды, когда тот ходил туда-сюда в самый разгар приступа, сказал, пощупав его пульс, что в приюте нет никого, кто был бы опаснее болен, чем он, и просил его дать себе немного покоя, по крайней мере до тех пор, пока лихорадка не пойдет на убыль.

«Я в точности исполню ваше предписание, — отвечал отец, — как только исполню долг, который меня торопит: речь идет о спасении души, и нельзя терять времени». В тот же миг он велел перенести на свою постель бедного юнгу из экипажа, который лежал на земле на охапке соломы, в сильном жару, лишившись речи и сознания. Едва юноша оказался на постели святого, как пришел в себя. Ксаверий воспользовался случаем и, улегшись рядом с больным, который вел весьма распутную жизнь, всю ночь так усердно увещевал его гнушаться своих грехов и уповать на милосердие Божие, что тот испустил дух, преисполненный великого сокрушения и упования — у него на глазах.

Впрочем, отец сдержал слово, данное врачу, и впредь больше берег себя, так что лихорадка его значительно ослабела и даже совсем прошла. Но силы его ещё не восстановились, как ему пришлось снова выйти в море: вице-король, начавший хворать, не захотел дольше оставаться в столь заражённом месте и ждать выздоровления своих людей, чтобы продолжить путешествие; он попросил Ксаверия сопровождать его, а с больными оставить Паоло Камерино и Франсиску Мансильяша, которые очень хорошо исполняли свой долг в приюте.

Таким образом, пробыв в Мозамбике шесть месяцев, они снова сели на корабль 15 марта 1542 года, но не на «Сантьяго», на котором они прибыли, а на другое судно, более легкое и быстроходное.

Здесь следует заметить, что отец, по свидетельству пассажиров, плывших с ним из Португалии в Мозамбик, уже на корабле начал проявлять тот дух пророчества, которым в столь высокой степени обладал до конца своих дней. Ибо, слыша, как они хвалят этот корабль как самое крепкое и лучше всех оснащённое судно во всём флоте, он сказал без обиняков, что судьба его будет несчастной. И в самом деле, «Сантьяго», который вице-король оставил в Мозамбике с несколькими другими судами, отправившись снова в Индию, разбился о рифы и потерпел печальное крушение у острова Сальсетт.

Галеон, на котором плыли Соуза и Ксаверий, подхватил столь попутный ветер, что за два или три дня достиг Мелинды, что на побережье Африки, близ экваториальной линии. Это город сарацин на берегу моря, на ровной, хорошо возделанной местности, повсюду засаженной пальмами и украшенной восхитительными садами. Он имеет весьма обширную ограду и обнесён стенами, как города Европы. Хотя он построен на мавританский манер, дома в нём тем не менее приятны и удобны.

Жители его воинственны духом; они черны и ходят нагими, лишь прикрываясь хлопчатобумажной тканью или полотном от пояса до середины бедра; это всё, что позволяет им носить на себе местная жара, ибо Мелинда находится всего в трёх градусах или чуть более от экватора.

Они всегда жили в добром согласии с португальцами, и торговля поддерживает между двумя народами весьма добрые отношения. Как только в порту показалось знамя Португалии, сарацинский царь явился туда со всем своим двором, чтобы лично встретить нового правителя Индий. Первый предмет, который предстал отцу Франциску при выходе с корабля, исторг у него слёзы из глаз, но слёзы радости и сострадания одновременно. Поскольку португальцы постоянно там торгуют, и некоторые из них всегда умирают, у них есть кладбище близ города, полное крестов, водружённых на могилах по обычаю католиков, а посреди других крестов стоял большой каменный крест, очень хорошо сделанный и весь позолоченный.

Святой поспешил к нему и поклонился, внутренне утешенный тем, что видит его столь вознесённым и как бы торжествующим среди врагов Иисуса Христа; но в то же время он испытал ощутимую скорбь оттого, что знамение спасения служило там не столько для назидания живых, сколько для чествования мертвых; и, воздев руки к небу, он молил Отца милосердия запечатлеть в сердцах неверных тот крест, который они позволили водрузить на своей земле.

Затем он помыслил о том, чтобы побеседовать о религии с маврами, дабы попытаться открыть им глаза на нелепости магометанства и получить случай изложить им истины христианской веры. Один из знатнейших горожан и ревностнейших приверженцев своей веры упредил его и первым спросил, угасло ли благочестие в городах Европы так же, как в Мелинде: «Ибо, в конце концов, — говорил он, — из семнадцати мечетей, что у нас есть, четырнадцать стоят в запустении, и лишь в три ходят, да и те посещают немногие. Это происходит, без сомнения, — добавил магометанин, — из-за какого-то огромного греха; но я не знаю, какого именно, и, сколько ни размышляю, не вижу, что могло навлечь на нас столь великое несчастье».

«Нет ничего яснее, — отвечал Ксаверий. — Бог, которому ненавистна молитва неверных, попускает, чтобы среди вас угасло богопочитание, которое Ему не угодно, и тем самым даёт понять, что отвергает вашу веру». Сарацин не убедился ни этим

доводом, ни всем тем, что Ксаверий говорил против Алкорана. Пока они спорили, подошел кади, или законоучитель. Высказав ту же жалобу на запустение мечетей и малое благочестие народа, он сказал: «Я принял решение; и если через два года Магомет не придёт лично посетить верных, которые признают его истинным пророком Божиим, я непременно поищу другую религию, а не его». Ксаверий сжалился над безумием этого человека и приложил все усилия, чтобы заставить его тотчас же отречься от магометанства; но он ничего не смог поделать с упрямым умом, ослеплённым собственным разумением, и покорился велениям Провидения, которое назначило свои часы для обращения грешников и неверных.

Покинув Мелинду, где они пробыли всего несколько дней, путешественники поплыли дальше вдоль побережья Африки и бросили якорь у Сокотры, что за мысом Гвардафуй, напротив Меккского пролива. Мавры тех краев говорят, что это остров Амазонок, и приводят тот довод, что женщины там — хозяйки. Жители верят, что их остров — земной рай; однако, пожалуй, нет в мире места менее восхитительного и менее приятного: воздух там всегда раскален, земля суха и бесплодна; и если бы там не произрастало лучшее алоэ всего Востока, едва ли кто-нибудь знал бы, что такое Сокотра. Неизвестно в точности, какую религию исповедуют эти народы², столь диковинна их вера.

От сарацин они переняли почитание Магомета; от иудеев — обычай обрезания и жертвоприношений; но называют себя христианами. Мужчины носят имена одного из апостолов, а большинство женщин — имя Марии, не имея, однако, никакого понятия о крещении. Они поклоняются кресту, и можно видеть, как они носят маленькие крестики на шее. Они особо почитают св. Фому; и среди них бытует древнее предание, что этот святой апостол, направляясь в Индии, был выброшен ужасной бурей на их берега; что, сойдя на землю, он возвестил Иисуса Христа сокотрийцам и из обломков своего корабля построил часовню посреди острова.

Положение этих островитян глубоко опечалило о. Ксаверия. Он, однако, не отчаивался, что можно привести к вере народ, который, сколь бы ни был он варварским, хранил еще некоторые следы христианства. Поскольку он не знал их языка, который не имеет никакого сходства с европейскими и даже во всем отличен от эфиопского и арабского, он сперва знаками выказал им сострадание к их невежеству и заблуждению; затем, то ли кто-то из них знал португальский и служил ему толмачом, то ли он уже тогда получил свыше начатки дара языков, который был ему так обильно сообщён в Индиях в различных случаях, он говорил им о необходимости крещения и дал понять, что нельзя спастись, не веруя искренне в Иисуса Христа; но что вера не терпит смешения, и что, чтобы быть христианином, нужно перестать быть иудеем и магометанином.

Его слова произвели впечатление на ум и сердце варваров. Одни поднесли ему своих диких плодов в знак дружбы; другие предложили ему своих детей, чтобы он их крестил. Все обещали ему принять крещение и жить как истинные христиане, при условии, что он останется с ними; но когда они увидели, что португальский галеон вот-вот отплывёт, они толпой сбегались на берег и со слезами на глазах заклинали святого не покидать их.

Это зрелище растрогало Ксаверия; он настоятельно просил вице-короля позволить ему остаться на острове, по крайней мере до прохода кораблей, оставленных в Мозамбике; но он не смог добиться того, о чём просил, и Соуза сказал ему, что,

поскольку Небо предназначило его для Индий, изменить своему призванию и остановиться в начале поприща было бы ошибкой; что его рвение найдет в других местах более обширное поле, чем Сокотра, и народы более расположенные, чем эти островитяне, от природы дикие и столь же скорые оставить веру, как и принять её.

Ксаверий уступил доводам вице-короля, который был для него в этом случае истолкователем божественной воли, и в тот же миг они отплыли. Святой не мог без живой скорби смотреть на этих бедных людей, которые провожали его взглядом и простирали к нему руки. По мере того как корабль удалялся от острова, он поворачивал голову в ту сторону и выпускал глубокие вздохи. Но, чтобы не в чем было себя упрекнуть касательно обращения сокотрийцев, он обязался перед Богом вернуться к ним как можно скорее или, если не сможет, доставить им евангельских служителей, которые научат их пути спасения.

Плавание было недолгим. Пересекши все Аравийское море и часть Индийского, они прибыли в порт Гоа 6 мая 1542 года, на тринадцатый месяц после их выхода из лиссабонского порта.

Город Гоа расположен по сю сторону Ганга, на острове, носящем то же имя, который господствует над другими островами, образуемыми морем, что вдаётся в материк Канара различными протоками. Это была столица Индий, резиденция епископа и вице-короля, и самое значительное для торговли место на всём Востоке. Гоа был построен маврами за сорок лет до того, как европейцы достигли Индий; а в 1510 году дон Афонсу де Албукерке, прозванный Великим, отнял его у неверных и подчинил Португальской короне.

Именно тогда исполнилось знаменитое пророчество св. ап. Фомы, что вера, насаждённая им в различных царствах Востока, однажды вновь там расцветет; и это предсказание святой апостол оставил высеченным на колонне из цельного камня в память грядущим векам. Колонна эта находилась недалеко от стен Мелиапура, столицы королевства Коромандел; и на ней можно было прочесть письменами той страны, что, когда море, отстоявшее на сорок миль, подойдет к подножию колонны, в Индии придут белые чужеземцы, которые восстаноят там истинное богопочитание.

Неверные долгое время насмехались над этим пророчеством, не думая, что оно когда-либо исполнится, и даже видя в нём нечто невозможное. Исполнилось оно, однако, с такой точностью, что, когда дон Васко да Гама высадился в Индиях, море, которое порой наступает на сушу, мало-помалу поглощая землю, уже омывало подножие упомянутой колонны.

Но можно сказать, что предсказание св. Фомы исполнилось во всей полноте лишь после прибытия о. Ксаверия — в согласии с другим пророчеством святого мужа Педру да Ковильяна, инок-тринитария, который, отправившись в Индии с доном Васко да Гамой в качестве его духовника, был замучен индийцами 7 июля 1497 года, за сорок три года до рождения Общества Иисуса, и который, весь утыканный стрелами, проливая свою кровь за Иисуса Христа, отчётливо произнес такие слова: «Через несколько лет в Церкви Божией родится новый монашеский орден клириков, который будет носить имя Иисуса; и один из его первых Отцов, ведомый Святым Духом, проникнет до самых отдаленных краев Восточных Индий, большая часть которых примет правую веру через служение этого евангельского проповедника».

Это сообщает Жуан де Фигейраш-Карпи в истории Ордена Искупления пленных, ссылаясь на рукописи монастыря Пресвятой Троицы в Лиссабоне и на записки из библиотеки короля Португалии.

Возвращаясь к высадке Ксаверия, скажем, что, сойдя с корабля, он отправился в приют, собираясь там поселиться, несмотря на все возражения вице-короля, желавшего разместить его у себя. Но он не хотел приступать к своим миссионерским обязанностям, не отдав прежде должного епископу Гоа. Это был дон Жуан де Албукерке, инок-францисканец, муж величайших достоинств и, пожалуй, один из самых добродетельных прелатов, каких когда-либо имела Церковь.

Отец, объяснив ему причины, по которым верховный Понтифик и король Португалии послали его в Индии, представил ему бреве Павла III и объявил, что не намерен ими пользоваться без его согласия; затем он бросился к его ногам и испросил его благословения.

Прелат, назидаемый скромностью отца и пораженный неким ореолом святости, озарявшим его лик, тотчас поднял его и нежно обнял. Он несколько раз поцеловал папские бреве и, возвращая их отцу, сказал ему так: «Апостольский легат, посланный непосредственно Наместником Иисуса Христа, не нуждается в том, чтобы получать свою миссию от кого-либо ещё. Пользуйтесь свободно полномочиями, данными вам Святым Престолом, и будьте уверены, что если для их поддержания потребуется епископская власть, то в том не будет недостатка».

С этого момента между ними завязалась дружба, и их союз стал впоследствии так тесен, что казалось, будто у них одно сердце и одна душа. Посему о. Ксаверий ничего не предпринимал, не посоветовавшись с епископом. Епископ, со своей стороны, сообщал все свои замыслы о. Ксаверию; и словами не описать, сколь много послужило такое согласие спасению душ и возвеличению веры.

Прежде чем продолжить, важно узнать, в каком состоянии находилось тогда богопочитание в Индиях. Правда, что, согласно пророчеству св. Фомы, те, кто открыл Восточные Индии, возродили там в некоторых местах христианство, от которого почти нигде не осталось и следа; но честолюбие и алчность вскоре охладили рвение этих завоевателей: вместо того, чтобы расширять царство Иисуса Христа и приобретать для Него души, они помышляли лишь о том, чтобы продвигать дальше свои завоевания и обогащаться.

Случилось даже так, что многие новообращенные индийцы, не будучи ни наставлены спасительными поучениями, ни назидаемы добрыми примерами, невзначай забыли о своем крещении и вернулись к своим прежним суевериям. Если же кто-то из них сохранял веру и объявлял себя верным, магометане, которые во многих местах были хозяевами побережья и весьма богаты, жестоко его преследовали, а португальские правители и чиновники тому не противились — то ли потому, что португальская власть еще не была достаточно утверждена, то ли потому, что корысть брала верх над благочестием и справедливостью. Эти тиранические притеснения мешали новообращенным христианам исповедовать Иисуса Христа и были причиной того, что среди неверных никто больше и не помышлял об обращении.

Но что должно показаться еще более странным, сами португальцы жили скорее как идолопоклонники, нежели как христиане. Ибо (если уж говорить нечто конкретное о

распущенности их нравов, то, согласно донесению, отправленному из Индии королю Португалии Жуану III одним авторитетным и достойным доверия человеком за несколько месяцев до прибытия отца Ксаверия) каждый имел столько наложниц, сколько хотел, и держал их всех у себя в качестве законных жён. Женщин покупали или похищали, используя как служанок и зарабатывая на них; хозяева облагали этих рабынь определенной дневной податью, и если те не уплачивали её, то подвергали невообразимым издевательствам, из-за чего несчастные, не имея порой возможности достаточно заработать и боясь дурного обращения, вели постыдную торговлю своими телами и предавались публичному разврату, чтобы удовлетворить алчность своих хозяев.

Правосудие продавалось в судах, и тягчайшие преступления оставались безнаказанными, когда у преступников было чем подкупить судей. Все пути к обогащению, сколь бы несправедливыми они ни были, считались дозволенными, и особенно процветало ростовщичество. Убийство ни во что не ставилось, и им хвалились, как доблестным поступком.

Епископ Гоа тщетно угрожал гневом Небесным и метал громы отлучений, чтобы остановить это распутство; сердца так ожесточились, что над угрозами и анафемами Церкви лишь насмехались; или, лучше сказать, лишение таинств не было наказанием для злодеев и нечестивцев, которые и сами от них отвращались. Обычай исповеди и причастия был, можно сказать, упразднён; и если кто-нибудь, случайно, терзаемый угрызениями совести, желал примириться с Богом у ног священника, он не осмеливался сделать это иначе как ночью и тайно, столь необычайным и постыдным казалось это деяние.

Столь глубокое падение нравов имело различные причины. Началось оно с вольности военного времени, которая позволяет и узаконивает величайшие бесчинства в завоеванной стране. Азиатские улады и общение с неверными немало поспособствовали развращению португальцев, сколь бы суровы и благонравны они ни были от природы; недостаток духовного окормления также тому немало благоприятствовал. На все Индии не было и четырех проповедников, и едва ли больше священников за пределами Гоа; так что во многих крепостях годами не слышали ни проповедей, ни месс.

Вот, в общих чертах, каков был лик христианства в Новом Свете, когда туда прибыл о. Ксаверий. Автор донесения, из которого я почерпнул то, о чем только что рассказал, казалось, предчувствовал его прибытие; ибо в конце своей записки он молил Небеса и заклинал короля Португалии послать в Индии некоего святого мужа, который бы исправил нравы европейцев своими апостольскими речами и образцовыми добродетелями.

Что до язычников, то жизнь, которую они вели, была более скотской, нежели человеческой. Нечистота среди них дошла до крайнего предела, и наименее развращенными были те, кто не имел никакой религии. Большинство поклонялось демону в бесстыдном образе и с обрядами, о которых не позволяют говорить приличия. Были и такие, что меняли богов каждый день; и первое живое существо, встреченное ими утром, становилось предметом их поклонения, будь то собака или свинья. Каждый, впрочем, приносил своим богам кровавые жертвы, и не было ничего обычнее, чем видеть заклятие малых детей их собственными отцами перед идолами.

Столькие виды мерзостей воспламенили рвение о. Ксаверия. Он хотел бы разом исцелить всё зло; однако счёл, что должно начать со «своих по вере», согласно заповеди святого Павла (ср. Гал. 6:10), то есть с христиан. Он даже решил, что сперва следует обратиться к португальцам, чей пример имел великую силу над крещёнными индийцами; и вот как он за это взялся.

Чтобы привлечь благословение Небес на столь трудное предприятие, он проводил большую часть ночи с Богом и спал не более трех или четырех часов. Да и этот краткий отдых обыкновенно прерывался; ибо, живя в приюте и всегда ложась рядом с самыми тяжёлыми больными, как в Мозамбике, он вставал, чтобы помочь им или утешить, едва они начинали хоть немного жаловаться.

На заре он снова приступал к молитве, а затем служил мессу. Все утро проходило в приютах, в особенности в лепрозории, что в предместье Гоа. Он обнимал этих несчастных одного за другим и сам раздавал им то, что выпросил для них, ходя от двери к двери. Оттуда он шёл в тюрьмы и творил для узников те же дела милосердия.

Возвращаясь, он обходил город с колокольчиком в руке и громким голосом просил отцов семейств, ради любви к Богу, посылать своих детей и рабов на катехизис. Святой муж понимал, что если хотя бы португальская молодёжь будет хорошо наставлена в основах вероучения и с ранних лет приучена к добродетельным упражнениям, то невольно можно будет увидеть, как христианство возродится в Гоа; но если она останется без наставления и без дисциплины, то нечего и надеяться, что люди, впитывавшие нечестие и порок почти что с молоком матери, когда-либо станут настоящими христианами.

Дети толпами собирались вокруг Ксаверия — то ли приходили сами из природного любопытства, то ли их посылали отцы из уважения, которое они уже питали к святому, сколь бы порочны ни были сами. Он вёл их в церковь и там изъяснял им Символ веры, заповеди Божии и все благочестивые обычаи, принятые среди верных. Эти юные ростки без труда впитывали наставления, которые давал им отец, и именно с детей город начал менять свой облик; ибо, слушая каждый день человека Божия, они становились скромными и набожными. Их скромность и набожность были немым укором распущенности старших; они порой укоряли своих отцов со свободой, совсем не свойственной детям, и от этих упреков краснели самые отъявленные распутники.

Тогда Ксаверий начал публичные проповеди, на которые стекался весь народ; и, чтобы индийцы понимали его так же хорошо, как и португальцы, он намеренно говорил на упрощённом варварском португальском, бывшем в ходу среди туземцев. Вскоре стало видно, какую власть имеет над развращёнными людьми проповедник, воодушевлённый Духом Божиим. Самые отъявленные грешники, осознавшие ужас своих преступлений и проникшиеся страхом перед несчастной вечностью, первыми исповедались; их пример заставил других отбросить стыд, который они испытывали перед исповедью, так что все бросались к ногам отца, бия себя в грудь и горько оплакивая свои грехи.

Плоды покаяния, последовавшие за этими слезами, стали верным доказательством истинного обращения. Были расторгнуты ложные договоры и ростовщические сделки, возвращено несправедливо нажитое добро, отпущены на волю рабы, которыми

владели несправедливо, и, наконец, изгнаны наложницы, на которых не захотели жениться.

Святой поступал с наложницами португальцев почти так же, как Иисус Христос с мытарями и блудницами. Далекий от сурового обращения с ними, он, напротив, тем больше выказывал им нежности, чем глубже они погрязали в пороке. При всяком удобном случае он оказывался их другом; часто навещал их, не боясь упрёков в общении с грешниками; порой даже сам напрашивался к ним на трапезу и там, приняв весёлый вид, просил хозяина дома позвать своих детей. Уделив немного времени самым милостивым из детей и приласкав их, он просил позвать их мать и оказывал ей радушный приём, словно считал её весьма порядочной особой. Если она была белой и красивой, он хвалил её и говорил, что она, должно быть, португалка; затем, в частной беседе, он говорил португальцу: «У вас прекрасная рабыня, и она вполне заслуживает быть вашей женой». Если же это была индианка, смуглая и некрасивая, он восклицал: «Боже мой! Что за чудовище вы держите в своем доме, и как вы можете сносить ее вид?» Слова, сказанные как бы невзначай, обыкновенно достигали своей цели: сожитель брал в жены ту из своих наложниц, которую похвалил слуга Божий, а остальных прогонял.

Столь внезапная перемена нравов не была одним из тех мимолетных порывов благочестия, что не имеют продолжения: благочестие утвердилось повсюду; и те, кто исповедовался едва ли раз в год, стали делать это исправно каждый месяц. Все хотели исповедоваться у отца Ксаверия, так что в письме из Гоа в Рим он сообщал, что, будь он одновременно в десяти местах, и тогда у него нашлось бы чем заняться. Поскольку огласительные беседы, которые он проводил сначала, имели тот успех, о котором мы говорили, епископ дон Жуан де Албукерке повелел, чтобы отныне христианское учение преподавалось детям во всех церквях города. Дворяне и купцы приложили старания, чтобы навести порядок в своих семьях и совершенно искоренить в них порок. Они давали отцу большие суммы денег, которые он на их глазах раздавал в госпиталях и тюрьмах. Вице-король сам ходил туда каждую неделю со святым, чтобы выслушивать заключённых и утешать нищих. Этот христианский обычай так понравился королю Португалии Жуану III, что он впоследствии особым письмом предписал Жуану де Каштру, правителю Индий, делать по крайней мере раз в месяц то, что дон Мартин-Афонсу де Соуза делал каждую неделю.

Наконец, португальцы Гоа усвоили столь добрые привычки и так изменили своё поведение, что казалось, будто это совсем другие люди.

Дела обстояли таким образом, когда Мигел Ваз, генеральный викарий Индий, муж редкой добродетели и весьма ревностный в распространении веры, дал понять отцу Ксаверию, что на восточном побережье, которое простирается от мыса Коморин до острова Маннар и которое называют Жемчужным берегом, есть некий народ, именуемый параванами, то есть рыбаки³, которые некоторое время назад приняли крещение по случаю помощи, оказанной им португальцами против мавров, от которых они терпели тысячи оскорблений; что эти люди имели от христианства лишь крещение и имя, за неимением тех, кто бы их наставил, и что завершить их обращение было бы весьма добрым делом. Он не скрыл от него, что страна эта так бесплодна и лишена жизненных удобств, что ни один чужестранец не хочет там селиться; что лишь корысть привлекает туда купцов во время лова жемчуга, и что, кроме того, жара там невыносима.

Нельзя было сделать Ксаверию предложения, более созвучного его сердцу. Он без колебаний вызвался пойти наставлять людей, о которых говорил ему Ваз; и сделал это тем охотнее, что его присутствие уже не было так необходимо в Гоа, где благочестие за пять месяцев утвердилось.

В середине октября 1542 года, испросив благословение епископа, он взошел на борт галиота, что вез нового капитана в Коморин. Спутниками его в этом плавании стали двое молодых клириков из Гоа, сведущих в малабарском наречии, на котором говорят на Жемчужном берегу. Соуза хотел дать отцу денег на все его нужды; но апостольские мужи не имеют ни большего сокровища, чем их бедность, ни более надежного источника средств, чем Провидение. Он принял лишь пару башмаков, чтобы хоть как-то защититься от раскаленных песков побережья, и, уезжая, попросил вице-короля прислать ему двух его спутников, оставшихся в Мозамбике, как только они прибудут.

Мыс Коморин отстоит от Гоа примерно на шестьсот миль; это высокая гора, вдающаяся в море, напротив которой находится остров Цейлон. Прибыв туда, Отец первым делом наткнулся на совершенно идолопоклонническую деревню. Он не захотел идти дальше, не возвестив язычникам имени Иисуса Христа; но все, что он мог сказать им через своих переводчиков, не возымело никакого действия, и эти язычники прямо заявили, что не могут сменить религию без согласия сеньора, вассалами которого они были. Их упорство, однако, длилось недолго; и Небо, предназначившее Ксаверию для обращения идолопоклонников, не захотело, чтобы первые его труды ради них были напрасны.

Одна женщина из деревни уже три дня мучилась в родах и страдала от жесточайших болей, и ни молитвы брахманов, ни какие-либо природные средства не могли ей помочь. Ксаверий пошел к ней с одним из своих толмачей. «И там, — говорит он сам в своих письмах, — забыв, что я на чужой земле, я начал призывать имя Господне, хотя в то же время помнил, что вся земля равно принадлежит Богу, и все, кто её населяет, — Его».

Отец изложил больной основы веры и увещевал её уповать на Бога христиан. Святой Дух, желавший спасти через неё весь этот народ, коснулся её изнутри; так что, когда её спросили, верует ли она в Иисуса Христа и хочет ли креститься, она ответила, что да, и что это желание всего её сердца.

Тогда Ксаверий прочел над нею Евангелие и крестил её; она же тотчас разрешилась от бремени и совершенно исцелилась. Столь явное чудо исполнило всех в хижине изумления и радости: семейство бросилось к ногам отца, прося наставления; и после достаточного поучения не осталось ни одного, кто не принял бы крещения. Весть об этом разнеслась повсюду, и старейшины селения из любопытства пришли посмотреть на человека, сильного делом и словом. Он возвестил им жизнь вечную и убедил их в истинности христианства; но, сколь ни были они убеждены, не осмеливались, по их словам, принять христианства, если на то не будет соизволения их государя.

В деревне находился чиновник, присланный специально для сбора ежегодной дани от имени князя. О. Ксаверий пошёл к нему и так ясно изложил ему весь закон Иисуса Христа, что идолопоклонник сперва признал, что в нём нет ничего дурного, а затем позволил жителям его принять. Большого и не требовалось людям, которых

удерживал один лишь страх; все они приняли крещение и обещали жить по-христиански.

Святой муж, ободрённый столь счастливым началом, с радостью продолжил свой путь и вскоре достиг Тутукуди, первого селения параванов. Он выяснил, что эти люди и впрямь, если не считать крещения, которое они приняли скорее для того, чтобы свергнуть иго мавров, нежели подчиниться игу Иисуса Христа, были настоящими неверными, и научил их таинствам веры, о которых они не имели ни малейшего понятия. Два клирика, сопровождавшие его, служили ему толмачами; но Ксаверий, размыслив, что переводчики часто искажают то, что проходит через их уста, и что сказанное напрямую имеет куда большую силу, замыслил найти способ изъясняться без посторонней помощи. Решение, которое он принял, состояло в том, чтобы свести нескольких местных жителей, знавших португальский, с двумя клириками, владевшими малабарским.

Он совещался с ними поочередно несколько дней подряд и, ценой великих трудов, перевёл на язык параванов слова крестного знамения, Символ веры, Заповеди Божии, Молитву Господню, Ангельское приветствие, «Исповедаю» и «Слався, Царица» — словом, весь Катехизис.

Как только перевод был готов, отец выучил наизусть всё, что смог, и принялся обходить прибрежные деревни, числом тридцать, наполовину крещёные, наполовину идолопоклоннические.

«Я ходил по всему селению с колокольчиком в руке, — пишет он сам, — собирая всех мальчиков и мужчин, каких мог, и, собрав их, я учил их каждый день по два раза. И в течение месяца я обучал их молитвам, установив такой порядок, чтобы мальчики учили своих отцов и матерей, и всех домочадцев, и соседей тому, чему они научились в школе.

По воскресеньям я собирал всех жителей селения, как мужчин, так и женщин, больших и малых, чтобы читать молитвы на их языке; и они выказывали большое удовольствие и приходили с великой радостью. Начиная с исповедания единого Бога, троичного и единого, они громкими голосами произносили Символ веры на своем языке, и когда я произносил, все мне отвечали. А по окончании Символа веры, я снова произносил его один, проговаривая каждый член отдельно, останавливаясь на каждом из двенадцати и наставляя их, что «христианин» означает только того, кто твёрдо, без всякого сомнения верует в двенадцать членов. И поскольку они исповедовали, что они христиане, я спрашивал их, веруют ли они твёрдо в каждый из них. И так, все вместе, громкими голосами, мужчины и женщины, большие и малые, отвечали мне на каждый член «да», сложив руки на груди одна на другую — крестом. И так я заставляю их произносить Символ веры чаще, чем любую другую молитву, ибо только за веру в двенадцать членов человек называется христианином. А после Символа веры первое, чему я их учу, — это заповеди, говоря им, что закон христианский содержит всего десять заповедей, и что христианин называется добрым, если он их соблюдает, как повелевает Бог, и наоборот, тот, кто их не соблюдает, — плохой христианин. И христиане, и язычники весьма изумлены, видя, сколь свят закон Иисуса Христа и как он согласуется со всяким естественным разумом.

По окончании Символа веры и заповедей я читаю вслух «Отче наш» и «Радуйся, Мария», и как я произношу, так и они мне отвечают. Мы читаем двенадцать «Отче

наш» и двенадцать «Радуйся, Мария» в честь двенадцати членов Символа веры. И закончив это, мы произносим ещё десять «Отче наш» с десятью «Радуйся, Мария» в честь десяти заповедей, соблюдая следующий порядок. Сначала мы читаем первый член Символа веры, а по окончании его я говорю на их языке, а они со мной: «Иисусе Христе, Сыне Бога живого, дай нам благодать твёрдо верить без всякого сомнения в первый член веры». И чтобы Он дал нам эту благодать, мы произносим один «Отче наш». А по окончании «Отче наш» мы все вместе произносим: «Святая Мария, Матерь Иисуса Христа, Сына Божия, испроси нам благодать у Сына Твоего Иисуса Христа, чтобы твёрдо и без всякого сомнения верить в первый член веры». И чтобы Она испросила нам эту благодать, мы читаем «Радуйся, Мария». Этот же порядок мы соблюдаем и в остальных одиннадцати членах.

По окончании Символа веры и двенадцати «Отче наш» и «Радуйся, Мария», как я сказал, мы произносим заповеди в следующем порядке: сначала я произношу вслух первую заповедь, и все повторяют за мной; и по окончании мы все вместе говорим: «Иисусе Христе, Сыне Божий, дай нам благодать любить Тебя превыше всего». Испросив этой благодати, мы все произносим один «Отче наш»; по окончании которого говорим: «Святая Мария, Матерь Иисуса Христа, испроси нам у Сына Твоего благодать, чтобы мы могли соблюсти первую заповедь». Испросив этой благодати у Богородицы, мы все произносим «Радуйся, Мария». Этого же порядка мы придерживаемся и во всех остальных девяти заповедях. Так что в честь двенадцати членов Символа веры мы произносим двенадцать «Отче наш» с двенадцатью «Радуйся, Мария», прося у Бога, Господа нашего, благодати твёрдо, без всякого сомнения, верить в них; и десять «Отче наш» с десятью «Радуйся, Мария» в честь десяти заповедей, моля Бога, Господа нашего, чтобы Он дал нам благодать их соблюдать. Вот так я учу их молиться, говоря, что если они стяжают эти милости от Бога, Господа нашего, то Он даст им всё остальное ещё обильнее, чем они могли бы просить. Я побуждаю всех произносить общую исповедь, особенно тех, кто должен креститься, а затем Символ веры; и спрашиваю их по каждому члену, веруют ли они твёрдо, и когда они отвечают мне «да», я, изложив им закон Иисуса Христа, который они должны соблюдать во спасение своё, крещу их. «Salve Regina» мы читаем, когда собираемся закончить наши молитвы»⁴.

Из того, что мы сказали о наставлении параванов, очевидно, что Ксаверий не обладал даром языков, когда начинал их поучать; но также кажется, что, совершив этот столь трудоемкий перевод, он стал понимать и говорить на малабарском языке — то ли приобрёл это знание своим трудом, то ли Бог даровал ему разумение сверхъестественным образом. По крайней мере, вероятно, что, когда он в Индиях изучал какой-либо язык, Святой Дух содействовал его прилежанию и становился, в некотором роде, его наставником; ибо доподлинно известно, что он в короткое время овладевал самыми трудными языками и, по свидетельству многих, говорил на них так естественно, что его нельзя было принять за чужестранца.

О. Ксаверий, наставив в течение месяца жителей одной деревни так, как мы описали, прежде чем идти дальше, созывал самых способных из них и давал им в письменном виде то, чему он учил, дабы они, как наставники других, по воскресеньям и праздникам проводили собрания, где в подражание ему повторялось бы то, что было однажды выучено. Он вверял своим катехизаторам, которые на их языке назывались «канакapulle», заботу о церквах, которые велел строить в людных местах, и заповедовал им украшать их, насколько позволит бедность страны. Но он не хотел,

чтобы их труды оставались без всякого вознаграждения; добился от вице-короля Индий определенной суммы на их содержание из дани, которую жители побережья ежегодно платили португальской короне.

Словом не передать, какие плоды были собраны в тех краях, и каким рвением горела эта новорожденная христианская община. Сам святой в письме отцам в Рим, признаётся, что не находит слов, чтобы это выразить. Он добавляет, что число людей, принимавших крещение, было так велико, что после долгого свершения обрядов он не мог поднять руки, и голос часто изменял ему от многократного повторения Апостольского Символа веры и Заповедей Божиих, с кратким наставлением об обязанностях истинного христианина, которое он всегда давал перед крещением взрослых.

Одних только младенцев, умерших после крещения, по его счету, было более тысячи. Те же, кто выжил и начинал входить в возраст разума, были так привержены божественной истине и так жаждали познать все таинства веры, что почти не давали о. Ксаверию времени хоть немного подкрепиться или отдохнуть. Они искали его ежечасно, и он порой был вынужден скрываться от них, чтобы помолиться и прочесть свой бревиарий.

Именно с помощью этих столь ревностных новообращённых он совершал многие добрые дела и даже часть чудесных исцелений, которые Небо творило через его служение. Никогда не было столько больных на Жемчужном берегу, как в то время, когда там был святой; казалось, пишет он сам, что Бог посылал болезни этим народам, дабы привлечь их к познанию Себя почти против их воли; ибо, обретая здоровье внезапно и вопреки всякому вероятию, как только они принимали крещение или призывали Иисуса Христа, они ясно видели разницу между Богом христиан и пагодами — так на Востоке называют и храмы, и изваяния ложных богов.

Случалось ли кому из язычников заболеть, он тотчас прибегал к отцу Ксаверию. Поскольку святой не мог поспеть всюду и быть в нескольких местах одновременно, он посылал детей-христиан туда, куда не мог пойти сам. Отправляясь, один брал у него четки, другой — распятие или реликварий; и все, воодушевленные живой верой, расходились по городкам и деревням. Там, собрав вокруг больных как можно больше народу, они многократно читали Апостольский Символ веры, Заповеди Божии и всё, что знали наизусть из христианского учения; а затем спрашивали больного, верует ли он от всего сердца в Иисуса Христа и хочет ли креститься. Как только тот отвечал утвердительно, они прикасались к нему четками или распятием отца, и тотчас он исцелялся.

Однажды Ксаверий наставлял в таинствах веры большое множество людей, когда пришли посланцы из Манапада, чтобы известить его, что один из самых знатных людей в той местности одержим бесом, и попросить прийти на помощь. Человек Божий не счёл нужным прерывать поучение, которое он проводил; лишь подозвал нескольких юных христиан, дал им крест, который носил на груди, и послал их в Манапад с приказом изгнать злого духа.

Едва они туда прибыли, как бесноватый ещё яростнее, чем обычно, стал корчиться и испускать ужасающие крики. Нисколько не испугавшись, как то свойственно детям, они стали петь вокруг него церковные молитвы, после чего заставили его поцеловать крест, и в тот же миг бес удалился.

Многие язычники, присутствовавшие при этом и воочию узревшие силу Креста, тотчас обратились и стали впоследствии превосходными христианами.

Эти маленькие неопиты, которых Ксаверий так использовал при случае, беспрестанно спорили с язычниками и сокрушали столько идолов, сколько им попадалось; они даже сжигали их и не забывали развеивать пепел по ветру. Если же они обнаруживали, что какой-нибудь христианин прячет пагоды, которым тайно поклоняется, они смело его укоряли; а когда их упреки не действовали, они извещали об этом святого мужа, дабы он сам исправил зло.

Ксаверий часто посещал с ними подозрительные дома; и если там находился какой-нибудь идол, его тотчас же разбивали вдребезги.

Узнав, что один новокрещеный человек порой тайно идолопоклонствует и что увещевания, которые ему делали на этот счет, напрасны, он решил его утешить и в его присутствии приказал детям пойти и поджечь его дом, чтобы дать ему понять, что почитатели бесов заслуживают гореть вечно, как и сами бесы.

Они бросились исполнять приказ без раздумий, приняв его буквально; но не входило в намерения Ксаверия, чтобы они исполнили его приказ, и он хорошо знал, что они его не исполнят. И в самом деле, неверный, возгнушавшись своего идолопоклонства, отдал им своих идолов, которых они вскоре обратили в пепел; а это и было всё, чего добивался святой.

Другого язычника постигла участь более несчастная. То был один из первых жителей Манапада, человек нрава буйного и вспыльчивого. Ксаверий однажды пришел к нему и учтиво попросил выслушать то, что он хотел сказать ему ради вечного спасения души. Варвар не удостоил его даже взгляда и грубо выгнал из своего жилища, сказав, что если он когда-нибудь и пойдет в церковь христиан, то пусть двери её будут для него закрыты. Несколько дней спустя на него напал отряд вооружённых людей, желавших его смерти; всё, что он смог сделать, — это вырваться из их рук и бежать. Увидев издали открытую церковь, он со всех ног бросился к ней, преследуемый по пятам своими врагами. Верные, собравшиеся на молитву, встревоженные криками, которые они слышали, и опасаясь, как бы идолопоклонники не ворвались грабить церковь, поспешно затворили врата; так что тот, кто думал спастись в святом месте, попал в руки убийц и был тотчас же зарезан — без сомнения, по велению божественного правосудия, которое в отмщение за святого попустило, чтобы нечестивец был поражён проклятием, которое он сам на себя навёл.

Чудеса, которые Ксаверий творил посредством детей, вызывали восхищение христиан и идолопоклонников; но столь примерное наказание заставило всех его почитать, и не было никого, вплоть до брахманов, кто не относился бы к нему с уважением. Поскольку нам придется часто говорить об этих жрецах идолов, нелишне будет познакомить с ними поближе.

Брахманы среди индийцев — люди весьма значительные и по своему рождению, и по своему служению. Согласно древним индийским мифам их происхождение небесно, и общее мнение гласит, что в их жилах всё ещё течёт кровь богов, от которых, как полагают, они произошли. Но чтобы узнать, как они родились и от какого бога ведут свой род, нужно знать историю богов той страны, и вот она в немногих словах:

Первый и владыка прочих есть Парабрахма, то есть субстанция совершеннейшая, которая имеет бытие от себя самой и даёт его всему остальному. Этот бог, будучи духом, свободным от материи, но пожелав явиться в чувственном образе, соделался человеком. Одним лишь желанием явить себя он зачал сына, который вышел из его уст и назвался Майшо⁵. После него у него было еще двое сыновей, из которых один, по имени Вишну, вышел из его груди, а другой, по имени Брахма, — из его чрева. Прежде чем снова стать невидимым, он назначил жилища и служения трём своим чадам. Старшего он поместил на первом небе и дал ему безраздельную власть над стихиями и смешанными телами. Вишну он поместил ниже его старшего брата и поставил его судьёю людей, отцом бедных и защитником несчастных. Брахма в удел получил третье небо с ведением жертвоприношений и других религиозных обрядов. И вот этих-то трёх богов индийцы изображают в виде идола с тремя головами на одном теле, чтобы таинственно обозначить, что все трое происходят от одного начала; из чего можно видеть, что они некогда слышали о христианстве и что их религия есть несовершенное подражание или, вернее, искажение нашей.

Они говорят, что Вишну тысячу раз сходил на землю и всякий раз принимал различные образы, то животных, то уродливых людей; что отсюда и произошли пагоды, эти низшие боги, о которых они рассказывают столько басен.

Они добавляют, что Брахма, чтобы также иметь детей, сделался видимым и породил Брахманов, чей род размножился до бесконечности. Народ считает их полубогами, сколь бы бедны и жалки они ни были; он даже воображает, что это святые, потому что они ведут жизнь суровую и ужасающую, часто имея жилищем лишь дупло дерева или пещеру, порой оставаясь без крова на горах и в пустынях, выставленные нагими под удары самой суровой непогоды, храня глубокое молчание, постясь целыми годами и давая обет не есть ничего, что имело жизнь.

Но, быть может, нет под небом народа более злонравного. Плод этих суровых подвигов, которые они совершают в уединении, состоит в том, что они публично предаются самым грязным плотским утехам, без всякого стыда и без всяких угрызений совести; посему они считают себе дозволенным всё, что приходит им на ум, какая бы то ни была мерзость. Народ так ими ослеплен, что думает освятиться, участвуя в их преступлениях или принимая от них поругания.

Кроме того, это величайшие обманщики в мире; и их искусство состоит в том, чтобы каждый день выдумывать новые басни, которые они выдают за дивные таинства. Одна из их уловок — убеждать простаков, что пагоды едят, как и мы; и, чтобы им подносили побольше яств, они делают этих богов гигантского роста и придают им, в особенности, большое чрево. Если же приношения, которыми они содержат свои семьи, иссякают, они идут объявлять народу, что разгневанные пагоды угрожают стране каким-нибудь ужасным бедствием, или что эти недовольные боги хотят уйти, потому что их оставляют умирать с голоду.⁶

Учение брахманов не лучше их жизни. Одно из их грубейших заблуждений — верить, что коровы имеют в себе нечто священное и божественное; что счастлив тот, кто удостоится быть покрыт пеплом коровы, сожжённой рукой брахмана, но ещё более счастлив тот, кто умирает, держа хвост коровы в своих руках; что душа с этой помощью выходит из тела совершенно чистой и порой возвращается в тело коровы; что такая милость, однако, даруется лишь великим людям, которые глубоко презирают жизнь и умирают доблестно, либо бросаясь с вершин гор, либо кидаясь в

зажженные костры, либо давая себя раздавить под колесами колесниц, которые порой возят пагоды вокруг городов.

После этого не стоит удивляться, что брахманы не могут терпеть христианский закон и что они употребляют всё своё влияние, все свои ухищрения, чтобы уничтожить его в Индиях. Поскольку они пользуются благосклонностью царей, многочисленны и весьма сплочены между собой, то преуспевают во всём, чего хотят; к тому же, поскольку они весьма ревностны в своих древних суевериях и крепко привязаны к своим мнениям, их нелегко обратить.

О. Ксаверий, видя, сколь велики успехи Евангелия в народе, и помышляя, что, не будь в Индиях брахманов, во всех этих обширных азиатских царствах, быть может, не осталось бы ни одного идолопоклонника, не щадил никаких усилий, чтобы привести к познанию истинного Бога этот столь злонравный народ. Он часто беседовал с ними о вере, и однажды ему представился для этого благоприятный случай.

Проходя довольно близко от одного монастыря, где сообща жили более двухсот брахманов, он пригласил к себе знатнейших из них, которые из любопытства пришли посмотреть на человека, чья слава гремела повсюду. Он, по своему обыкновению, принял их с радушным лицом и, мало-помалу направив беседу к спасению души, попросил их сказать ему, что, по велению их богов, должно делать, дабы обрести блаженство после смерти.

Они переглянулись и некоторое время молчали; наконец, старый брахман, лет восьмидесяти, взял слово и с важным видом сказал, что две вещи ведут душу к славе и делают её спутницей богов: первая — не убивать коров, а вторая — подавать милостыню брахманам. Каждый подтвердил ответ старца и рукоплескал ему, как оракулу, изшедшему из уст самих богов. Столь странное ослепление вызвало сострадание в о. Ксаверии, и слёзы навернулись ему на глаза. Он внезапно встал, ибо все сидели, и кротко, но громким голосом прочел Символ веры и заповеди Десятисловия, останавливаясь на каждом члене и кратко изъясняя его на их языке; затем он объявил им, что такое рай и ад, и какими деяниями заслуживают одного и другого.

Брахманы, никогда ничего не слышавшие о христианстве и слушавшие отца с восхищением, все встали, как только он закончил говорить, и бросились обнимать его, признавая, что Бог христиан есть Бог истинный, ибо закон Его совершенно согласен с началами естественного разума. Каждый задавал ему различные вопросы: бессмертна ли душа, или всё погибает вместе с телом; и, в случае если душа не умирает, через какое место в теле она выходит; когда во сне снится, что находишься в далекой стране или беседуешь с отсутствующим человеком, покидает ли душа на время тело; какого цвета Бог, белого или чёрного; что их мудрецы весьма расходятся в этом вопросе; что белые хотят, чтобы Он был белым, а чёрные — чтобы Он был чёрным, и что большинство пагод потому и черны совершенно.

Отец отвечал на все их вопросы так, как подобало говорить с людьми невежественными, равно не сведущими ни в божественном, ни в природном, и в итоге они остались им весьма довольны. Увидев в них такое понимание и благорасположенность, он заговорил с ними о принятии веры Иисуса Христа и дал им понять, что, раз истина им теперь известна, невежество уже не сможет спасти их от вечных мук.

Но что может истина против умов, которые находят свою выгоду в следовании заблуждению и чье ремесло — обманывать народы? «Они ответили, — говорит Святой в одном из своих писем, — то, что отвечают и поныне многие христиане: „Что скажет о нас мир, если увидит, как мы переменялись? И что тогда станет с нашими семьями, которые существуют лишь за счет приношений пагодам?“». Так человеческая оглядка и корысть привели к тому, что познание истины послужило лишь к тому, чтобы усугубить вину их.

Некоторое время спустя Ксаверий имел другую беседу с брахманом-отшельником, который слыл в той стране прорицателем и который с юности был наставлен в одной из самых знаменитых академий Востока. Он был из тех, кто знал самые сокровенные таинства, которые среди брахманов доверяют лишь определенному числу мудрецов. Ксаверий, наслышанный о нём, очень желал его видеть, а тот, со своей стороны, горел не меньшим желанием увидеть Ксаверия. Намерение святого состояло в том, чтобы попытаться, привлекая на свою сторону этого брахмана, склонить и остальных, которые почитали за честь быть его учениками.

После первых учтивостей, которыми обыкновенно обмениваются два человека, ищущие встречи друг с другом и знающие друг друга понаслышке, разговор зашёл о религии. Брахман с самого начала почувствовал такую склонность к Ксаверию, что не смог скрыть от него тайн, которые религиозная клятва обязывала его никогда никому не открывать. Он доверительно сказал ему, что идолы — это бесы; что есть лишь один Бог, творец мира, и что этот Бог единственный заслуживает людского поклонения; что те, кто среди брахманов почитается мудрым, празднуют в Его честь воскресенье как святой день, и что в этот день они произносят лишь одну эту молитву: «О Боже, я поклоняюсь Тебе ныне и присно»⁷; что они произносят эти слова совсем тихо, боясь, как бы их не услышали, чтобы не нарушить клятвы, которую они дали, хранить их в строжайшей тайне. Наконец, он сказал, что в их древних писаниях можно прочесть, что все ложные верования однажды исчезнут, и придёт время, когда весь мир будет соблюдать один и тот же закон.

Брахман, открыв эти тайны о. Ксаверию, попросил его, в свою очередь, открыть ему, что есть самого таинственного в христианском законе; и, чтобы побудить его ничего не утаивать, он поклялся, что будет вечно хранить тайну. «Далёк я от того, чтобы обязывать вас к тайне, — сказал отец, — я не научу вас тому, что вы желаете знать, иначе как с условием, что вы повсюду будете проповедовать то, что я вам скажу». Когда брахман пообещал ему это, он начал наставлять его словами Иисуса Христа: «Кто будет веровать и креститься, спасен будет», — и весьма пространно их ему изъяснил. Он объявил ему в то же время, что крещение необходимо для спасения; и, переходя от одного члена веры к другому, он явил истину Евангелия в таком прекрасном свете, что брахман тотчас же изъяснил ему желание стать христианином, при условии, что ему будет позволено быть им тайно и что его освободят от некоторых христианских обязанностей. Столь лукавое расположение сделало его недостойным благодати крещения: он не обратился. Он, однако, захотел иметь в письменном виде Символ веры со словами Иисуса Христа, которые ему изъяснили.

Он еще раз видел о. Ксаверия и сказал ему, что ему приснилось во сне, будто его крестили; что, приняв крещение, он стал его спутником, и они вместе отправились проповедовать Евангелие в далекие страны. Но этот сон не возымел никакого действия, и брахман даже не захотел пообещать учить народ о единственности Бога,

творца мира, боясь, по его словам, что если он нарушит клятву, обязывавшую его к тайне, то бес его умертвит.

Итак, поскольку наставник, сколь ни был он убеждён, не уступил, то и ученики остереглись уступать; и впоследствии из великого множества жрецов идольских лишь один-единственный принял христианство от чистого сердца. Ксаверий, однако, совершил в их присутствии чудеса, вполне способные их обратить. Встретив одного нищего, совершенно нагого и покрытого язвами с ног до головы, он омыл его своей рукой, отпил часть воды, послужившей для омовения, и с невероятным рвением помолился Богу рядом с ним; и едва он окончил молитву, как плоть больного стала здоровой и чистой, словно у младенца.

В актах канонизации святого упоминаются четверо мёртвых, коим Бог в то время вернул жизнь через служение раба Своего. Первым был катехизатор по имени Антониу Миранда, которого ночью ужалила одна из тех ядовитых индийских змей, чей укус всегда смертелен; вторым дитя, упавшее в колодец и утонувшее; двое других — юноша и девица, которых в несколько дней унесла моровая лихорадка.

Но эти чудеса, за которые христиане прозвали отца святым, а язычники — богом природы, лишь ослепили ум и ожесточили сердца брахманов. Ксаверий, не надеясь более на их обращение, счёл своим долгом предать гласности все их злодеяния, дабы лишить их доверия; и он сделал это с таким успехом, что эти люди, почитаемые народом, стали всеми презираемы, до того, что дети смеялись над ними и всенародно обличали их в обмане. Сперва они, по своему обыкновению, хотели пригрозить народу гневом пагод; но, видя, что над их угрозами лишь смеются, они прибегли к другой уловке, чтобы вернуть себе бывшее положение. Какое бы негодование ни пылало в их сердцах против о. Ксаверия, они так искусно держали себя в руках, что по их поведению можно было счесть их его друзьями: они навещали его, молили о малой толике доброты к ним, расточали ему похвалы, даже присылали ему деньги и жемчуг. Но отец был ко всему этому нечувствителен, а дары всегда отсылал обратно, даже не взглянув на них.

Дурная слава, в которой оказались жрецы идолов, немало послужила искоренению идолопоклонства на всем побережье. Жизнь, которую вел Ксаверий, способствовала этому еще больше. Пищей ему, как и беднякам, служили рис и вода; спал он не более трех часов, причём в рыбацкой хижине на голой земле, ибо вскоре избавился от тюфяка и одеяла, присланных ему из Гоа вице-королем Индий. Остаток ночи проходил в общении с Богом или с ближними.

Он сам признаёт, что труды его были беспрестанны и что он пал бы под их бременем, если бы Бог его не поддерживал; ибо, не говоря уже о служении проповеди и прочих евангельских обязанностях, занимавших его денно и нощно, не случалось ни ссоры, ни раздора, где бы его не избрали третейским судьей; а поскольку эти варвары, от природы гневливые, часто враждовали, он назначил определенные часы для разбирательств и примирений. Не было ни одного больного, который бы не посылал за ним, а поскольку их было много, и жили они по большей части в деревнях, удалённых одна от другой, он с невероятной силою сокрушался, что не может помочь им всем.

При всем том он вкушал все те утешения, которые Бог сообщает душам, ищущим одного лишь креста; и изобилие духовных угодий часто понуждало его молить Божественную Благодать пощадить его; об этом он и писал о. Игнатию в общих

выражениях, не называя себя. Рассказав о том, что он делал на Жемчужном берегу, он пишет: «Что ещё отсюда вам написать, не знаю, кроме того, что Господь дарует тем, кто благовествует язычникам, такие утешения, что если и есть где радость в этой жизни, то здесь она величайшая. Таково наслаждение и услада, что мне часто случается слышать, — продолжает он, — как некто, живущий среди них, говорит: «О Господи, не даруй мне стольких утешений в этой жизни, или же если по твоей неисчерпаемой благодати и милосердию Ты хочешь, чтобы они нисходили [на меня], то возьми меня отсюда в славу Твою. Ибо слишком велико мучение — жить так далеко от лицезрения Твоего, когда Ты так обильно изливаешь Себя на создания»⁸.

Уже более года Ксаверий трудился над обращением параванов, а два его спутника, Паоло Камерино и Франсишку Мансильяс, все ещё не присоединились к нему, хотя уже несколько месяцев как прибыли в Гоа. Поскольку число христиан росло с каждым днём, стремясь к бесконечности, а один священник не был в силах утвердить в вере и укрепить в благочестии стольких новообращенных, святой счёл своим долгом отправиться за помощью; кроме того, поскольку он отобрал нескольких юношей доброго нрава и светлого ума, способных к изучению наук человеческих и божественных, которые, получив должное образование, могли бы вернуться наставлять своих соотечественников, он решил, что должен сам их отвезти и что с путешествием этим нельзя медлить.

Итак, в конце 1543 года он снова сел на корабль; и, достигнув Кочина к середине января следующего года, вскоре отправился в Гоа. Чтобы понять значимость воспитания юных индийцев, которых привез Ксаверий, нужно начать издалека.

До прибытия отца Франциска в Индии христианство имело весьма скромные успехи, и из бесчисленного множества язычников, живших на острове Гоа и в окрестных землях, почти никто не помышлял оставить идолопоклонство. В 1541 году Диогу де Борба, португальский богослов и проповедник, которого король Жуан III послал в Индии, ища причину столь великого несчастья, выяснил, что она заключалась не только в том, что европейцам трудно давались индийские языки, но и в том, что, если язычник обращался, к нему не проявляли никакого милосердия, а дети верных, умиравших в бедности, были совершенно покинуты.

Он открыл на это глаза великому викарию Мигелу Вазу, генеральному аудитору Педру Фернандешу, вице-губернатору Родригишу де Каштелу-Бранку и государственному секретарю Косме Анешу — все четверо были его близкими друзьями и людьми весьма добродетельными. Поскольку эти государственные мужи возымели намерение исцелить зло, источник которого открыл им Борба, он и сам стал побуждать народ к сему добродетельному делу. Ибо, проповедуя однажды, он с патетическим видом принялся сокрушаться о вечной гибели стольких индийцев и дал понять своим слушателям, что спасение этого идолопоклоннического народа в некотором роде зависит от них. «Я не требую, — сказал он им, — чтобы вы сами шли на завоевание душ или чтобы вы учили варварские языки, дабы трудиться над обращением язычников; то, о чём я прошу вас во имя Иисуса Христа, — это чтобы каждый из вас дал что-нибудь на содержание новообращенных христиан. Этим вы сделаете то, чего не можете сделать служением слова, и приобретете своими временными благами те бессмертные души, за которые Спаситель мира излил всю Свою кровь».

Святой Дух, говоривший его устами, коснулся сердец тех, кто его слушал. Несколько человек, объединившись, решили основать общество, которое взяло бы на себя заботу о содержании юных новообращённых индийцев; и общество это сперва назвалось братством Святой Марии Светоносной, по имени церкви, где собирались его члены для устройства сего нового учреждения.

Правда, поскольку великие дела не совершаются в один миг, вначале была основана лишь небольшая семинария для детей из Гоа и окрестностей; но доходы её впоследствии так возросли благодаря щедрости Эштейвана да Гамы, правителя Индий, и дона Жуана III, короля Португалии, что туда стали принимать всех детей-идолопоклонников, становившихся христианами, из какой бы народности они ни были. Нашлись даже средства, чтобы построить в более просторном месте прекраснейший дом с великолепной церковью. Семинария, руководство которой взял на себя Борба, получила название семинарии Святой Веры.

Когда всё так устроилось, более шестидесяти детей из различных царств, говоривших на девяти или десяти совершенно разных языках, были собраны для воспитания в благочестии и науках; но вскоре обнаружилось, что этим юношам недостает наставников, способных их обучать и воспитывать. Небо предназначило семинарию Святой Веры для Общества Иисуса; и по особому устройению Промысла в тот самый год, когда была основана семинария, сыны Игнатия отправились из Лиссабона в Индию.

Посему, едва Ксаверий появился в Гоа, Борба предложил ему возглавить это новое учреждение и сделал всё, что мог, чтобы склонить его к этому. Ксаверий, чувствовавший себя призванным к чему-то большему и уже помышлявший об обращении целого идолопоклоннического мира, не захотел замыкаться в стенах одного города и замыслил поручить это служение одному из своих спутников.

Между тем Борба написал в Португалию о. Симану Родригишу и настоятельно просил у него нескольких отцов из нового Общества, для которого, по его словам, Бог приготовил дом в Новом Свете ещё до того, как они туда прибыли.

Тем временем Паоло Камерино и Франсишку Мансильяс прибыли из Мозамбика. Борба с позволения вице-короля удержал их обоих в семинарии, и потому они не отправились к о. Ксаверию на Жемчужный берег.

Ксаверий поместил в семинарию индийцев, которых привёз с собой; и, как бы ни нуждался он в своих спутниках в других местах, по просьбе Борбы, который имел главное попечение о семинарии, о. Франциск вверил заботу о семинаристах о. Паоло Камерино; ибо лишь в 1548 году, после смерти Борбы, Общество получило семинарию в полную и независимую собственность. Тогда она приняла имя коллегии и стала называться коллегией св. Павла, по титулу церкви, посвященной Обращению апостола язычников. Отсюда и пошло, что иезуитов в тех краях стали называть Отцами св. Павла, или Отцами-паулистами, как их там называют и поныне.

О. Ксаверий пробыл в Гоа недолго и тотчас же вернулся к своим параванам, собрав столько евангельских делателей, сколько смог. Он хотел было тогда послать одного миссионера из Общества на остров Сокотру, не имея возможности отправиться туда сам, ибо он не забыл ни сокотрийцев, ни обещания, данного им Богу ради них, когда он их покидал; но тех немногих спутников, что у него были, не хватало для Индий, и лишь три или четыре года спустя он послал на Сокотру о. Афонсу Сиприану.

Помимо Мансильяша, который ещё не был рукоположен в священники, он взял с собой на Жемчужный берег двух священников-индийцев и одного бискайца по имени Хуан де Ортиага. Как только они прибыли, он обошел с ними все деревни и научил их способу привлекать идолопоклонников к вере и утверждать в ней христиан. Назначив затем каждому по участку побережья для возделывания, он углубился в материк и, ведомый одним лишь Духом Божиим, проник в некое королевство, язык которого был ему совершенно неведом, как он и писал Мансильяшу в таких словах:

«...В настоящее время я остаюсь без *топаза*⁹ и толмача. И по этому вы увидите, какую жизнь я веду и что делаю. Я всё же крещу детей, — добавляет он, — потому что для этого мне не нужен *топаз*, а нищие без переводчика показывают мне свои нужды, и я их вижу».¹⁰

Такова была проповедь, которой он возвещал Иисуса Христа и возвеличивал христианский закон в этом королевстве; ибо среди варваров, для которых вся человечность сводится к тому, чтобы не быть бесчеловечными, и которые не знают иных обязанностей милосердия, кроме как не причинять обид, было нечто дивное видеть чужестранца, который без всякой корысти принимал все беды других как свои собственные и оказывал нищим всевозможные услуги, словно был им рабом или отцом. Неизвестно ни название этой страны, ни плоды, которые принесли эти дела милосердия; известно лишь, что святой пробыл там недолго, и что печальное происшествие призвало его обратно на Жемчужный берег, когда он меньше всего об этом помышлял.

Бадаги¹¹, большой разбойничий народ из царства Биджанагар, идолопоклонники и враги имени христианского, от природы свирепые, вечно враждующие друг с другом и вечно воюющие со своими соседями, овладев силой оружия царством Пандья, что между Малабаром и Жемчужным берегом, вторглись и на сам Жемчужный берег, в то время как Ксаверий там отсутствовал. Параваны, уstraшенные приходом этих разбойников, чье имя внушало трепет, не осмелились ни собраться в войско, ни выдержать первого натиска войны; они обратились в бегство, покинули свою страну и помышляли лишь о спасении жизни. Для этого они все толпой бросились в лодки и достигли кто малых пустынных островов, а кто скал и песчаных отмелей, что между мысом Коморин и островом Цейлон. Туда они и удалились со своими женами и детьми, в то время как бадаги рыскали по побережью и опустошали страну.

Но что пользы укрыться от меча вражеского, когда не укрыт от голода! Эти несчастные, выставленные под палящие лучи солнца, терпели недостаток в пропитании на своих островах и скалах, и не проходило дня, чтобы многие из них не умирали.

Между тем весть о набегах бадагов и бегстве христиан разнеслась повсюду, и Ксаверий узнал о ней в той стране, где находился. Бедствие дорогих ему параванов тронуло его до глубины сердца: он поспешил к ним на помощь; и, узнав, что их мучает голод, тотчас переправился на западное побережье, настоятельно просил у португальцев помощи для этого бедного народа и получил двадцать лодок, груженных всяческой провизией, которые сам отвёз на те острова и скалы, где остатки параванов изнемогали без всякой надежды на облегчение и ожидали лишь смерти.

Вид святого, которого они почитали своим отцом, заставил их до некоторой степени забыть о своем несчастье и, казалось, вернул им жизнь. Он утешал их всеми мыслимыми способами; и, как только они хоть немного окрепли, отвёл их обратно в места их обитания, откуда беды уже удалились. Поскольку эти разбойники унесли с собой всё, и христиане Жемчужного берега обеднели как никогда, он собрал для них милостыню, а кроме того написал христианам другого побережья, чтобы они помогли своим братьям, оказавшимся в крайней нужде.

Когда параваны мало-помалу оправились, Ксаверий оставил их на попечение миссионеров, которых им дал, и обратил свои помыслы к иному. Он хотел бы нести Евангелие в царства, лежащие дальше вглубь материка, которые никогда не слышали об Иисусе Христе. Он, однако, не сделал этого тогда, по той причине, что в странах, где не было португальцев, которые бы защищали новообращенных христиан, идолопоклонники и сарацины воевали с ними или в обмен на мир принуждали их отречься от христианства.

Поэтому, вернувшись на западное побережье, которое охраняли португальцы, он направился к берегу Траванкора, причём по своему обыкновению шёл по суше, и всегда пешком. Побережье это, полное деревьев, простирается от мыса Коморин примерно на тридцать лье вдоль моря. Прибыв туда и получив от царя Траванкора при посредничестве португальцев дозволение проповедовать закон истинного Бога, он придерживался того же метода, что и на Жемчужном берегу; и это начинание увенчалось таким успехом, что всё побережье за очень короткое время стало христианским; успех был таков, что сразу же построили сорок пять церквей. Он сам пишет, что за один только месяц своею рукой крестил десять тысяч идолопоклонников, и что часто за один день крестил целую многолюдную деревню. Ещё он сообщает, что наблюдал приятное зрелище, как, едва приняв крещение, эти неверные наперегонки бежали разрушать храмы идолов.

Притом именно тогда, собственно, Бог впервые в Индиях сообщил Ксаверию дар языков, по свидетельству одного молодого португальца из Коимбры по имени Ваз, который следовал за ним во многих его путешествиях и, вернувшись в Европу, рассказал о вещах, которым был сам очевидцем. Святой муж прекрасно говорил на языке местных варваров, не изучая его, и, чтобы наставлять их, не нуждался в толмаче. Поскольку не было церкви, способной вместить людей, приходивших его слушать, он уводил их, числом до пяти или шести тысяч, в обширное поле, и там, взобравшись на дерево, чтобы слышали все, проповедовал им вечные истины. Там же, всё поле обратив в церковь, он порой совершал божественные таинства под сенью корабельных парусов, натянутых над алтарём, который был виден отовсюду.

Брахманы не могли стерпеть, чтобы почитание пагод было так оставлено, и захотели отомстить тому, кто был виновником столь странной перемены. Для исполнения своего замысла они тайно подговорили нескольких идолопоклонников устроить ему засаду и избавиться от него без шума. Убийцы не раз поджидали святого во тьме и пытались убить его стрелами. Но Провидение не допустило, чтобы все их стрелы достигли цели, и лишь одна легко его ранила — скорее, казалось, для того, чтобы доставить ему радость пролить кровь во свидетельство своей веры, нежели для того, чтобы посягнуть на его жизнь. Раздосадованные неудачей, они искали его повсюду; и, не встретив, подожгли три или четыре дома, где, как они полагали, он мог находиться.

Человек Божий однажды был вынужден даже скрываться в чаще и провёл всю ночь на дереве, чтобы укрыться от ярости своих врагов, которые рыскали по всему лесу. Верным часто приходилось охранять его днём и ночью, и для этого они поочередно с оружием становились на стражу перед домом, где он укрывался.

Между тем бадаги, разорившие Жемчужный берег в предыдущем году, сами по себе враждебные христианам и подстрекаемые, быть может, бесами, которые видели, как день ото дня рушится их держава, побуждаемые также жаждой славы и, в особенности, надеждой на добычу, вошли в царство Траванкор со стороны одной из гор, примыкающих к мысу Коморин. Их прошлые успехи сделали их такими гордыми и дерзкими, что они тешили себя надеждой: ничто не остановит их завоеваний, и всё склонится перед ними. На сей раз им противостояли не простые рыбаки, а потому войско их шло стройными рядами и во всеоружии, под предводительством наира, или вельможи, Мадурая, военачальника весьма опытного и храброго.

Жители приморских селений пришли в ужас при вести о приближении вражеского войска и, большей частью поспешно отступив вглубь страны, донесли до двора весть о вторжении бадагов. Царь Траванкора, которого португальцы называли Великим Самодержцем, ибо он был могущественнейшим из всех царей Малабара, тотчас собрал войска и, став во главе их, выступил навстречу врагам. Битва, по-видимому, обещала быть весьма кровопролитной, и победа, казалось, неминуемо достанется этим бродячим разбойникам, ибо числом и опытом в бою они значительно превосходили.

Едва о. Ксаверий узнал о появлении бадагов, как, простершись ниц, сказал: «Господи, помяни, что Ты — Бог милосердия и заступник верных; не предай ярости этих волков стадо, пастырем коего Ты меня поставил; да не раскаются новообращённые христиане, ещё столь немощные в вере, в том, что приняли её, и да не восторжествуют неверные, угнетая тех, кто уповает лишь на Тебя». Окончив молитву, он встал и, преисполненный необычайного мужества или, вернее, неведомой божественной силы, сделавшей его бесстрашным, взял отряд ревностных христиан и с распятием в руке поспешил с ними к равнине, где враги шли в боевом порядке. Подойдя достаточно близко, чтобы его услышали, он остановился и сказал им грозным голосом: «Именем Бога живого запрещаю вам идти дальше и повелеваю вам от Его имени повернуть вспять!»

Этих немногих слов было достаточно, чтобы вселить ужас в воинов, шедших во главе войска; они остановились в оцепенении, словно окаменев. Те, кто шел следом, видя, что передние не двигаются, спросили о причине. Первые отвечали, что видят перед собой неведомого мужа, одетого в черное, роста сверхчеловеческого, облика грозного, и очи его мечут молнии. Самые отважные захотели сами удостовериться в том, о чём шла речь; они были объаты страхом, и все в беспорядке обратились в бегство.

Новообращенные, следовавшие за Ксаверием, побежали возвещать по соседним деревням о столь дивном событии. Слух об этом вскоре разнесся повсюду; и царь, спешивший во главе войска, узнал эту новость на марше. Он велел призвать Ксаверия, обнял его как освободителя Траванкора и, поблагодарив его перед всеми за столь великую услугу, сказал ему: «Я именуюсь Великим Царем, а ты отныне будешь именоваться Великим Отцом».

Святой объявил царю, что благодарение следует воздавать Иисусу Христу, Богу христиан, а на него самого должно смотреть лишь как на немощное орудие, которое само по себе ничего не может. Государь, неверный, не понял этих речей; и два порока, служащие препятствием к обращению великих мира сего, — распутство и гордыня, — помешали ему впоследствии принять веру. Он, однако, повелел объявить по всему царству, чтобы Великому Отцу повиновались, как его собственной особе, и чтобы всякий, кто захочет стать христианином, делал это безбоязненно.

Он даже называл Ксаверия своим братом и давал ему большие суммы денег, которые слуга Божий все употреблял на помощь бедным.

Указ, столь благоприятный закону небесному, несмотря на отсутствие примера со стороны государя, позволил обратиться в христианство бесчисленному множеству людей, даже при его дворе; но чудесные деяния Ксаверия довершили обращение всего царства. Помимо того, что он исцелял всякого рода больных, он воскресил четверых мертвых: двух женщин и двух мужчин. Акты канонизации, говоря о воскрешении женщин, сообщают лишь о самом факте, не упоминая никаких обстоятельств; но они весьма подробно повествуют о воскрешении мужчин, и вот подробности сего чуда.

Ксаверий проповедовал в одном из приморских городов Траванкора под названием Кулан, что довольно близко от Коморина. Некоторые обратились с первых же проповедей апостола; большая часть, однако, оставалась в своих прежних заблуждениях, выслушав его много раз. По правде говоря, самые упорные слушали его с удовольствием и находили правила Евангелия весьма согласными со светом разума; но удовольствие, которое они получали, слушая его, не приносило плодов, и они довольствовались тем, что восхищались законом христиан, не прилагая труда, чтобы ему следовать.

Отец, видя однажды, что говорит им о Боге напрасно, стал горячо молиться за них Богу; и, устремив взор к небу, с лицом, воспламененным более обыкновенного, со многими слезами молил Его сжалиться над этими ожесточенными идолопоклонниками. «Господи, — говорил он, — все сердца в Твоих руках; Ты можешь склонить, как Тебе угодно, самых упорных и умягчить самых чёрствых: даруй нынче сию славу крови и имени Сына Твоего». Едва он совершил молитву, как почувствовал, что услышан. Обратившись к своим слушателям с видом человека вдохновенного, он сказал им: «Что ж, раз вы не верите мне на слово, посмотрите на то, что может сделать меня достойным веры. Какого свидетельства вы хотите об истинах, которые я вам возвещаю?»

Он вспомнил в тот же час, что накануне похоронили одного человека; тогда, возобновив свою речь тем же тоном, каким он ее начал, он сказал: «Откройте гробницу, которую вы вчера затворили, и извлеките из неё тело; но смотрите внимательно, действительно ли тот, кого похоронили, мёртв».

Самые недоверчивые тотчас пошли откапывать тело. Они не обнаружили в нем ни малейших признаков жизни; напротив, тело уже начало испускать тлетворный дух; тогда сняли саван, окутывавший его, и положили мертвеца к ногам отца, пришедшего к месту погребения. Варвары с изумлением смотрели на труп и с нетерпением ожидали, что произойдет.

Святой преклонил колени и после довольно краткой молитвы, обращаясь к мертвецу, сказал: «Именем святым Бога живого повелеваю тебе: «Встань в доказательство веры, которую я проповедую».

При этих словах мертвец сам собой поднялся и предстал не только совершенно живым, но и в добром здравии и крепости. Все громко закричали, что Бог христиан всемогущ и что закон, которому учит Великий Отец, истинен; затем бросились ему в ноги, прося крещения, и тотчас же его получили.

Другим мертвецом, которого воскресил апостол, был юноша-христианин, умерший в Мутане, на том же побережье, между Каялапаттанам и Аликале. Прошло более двадцати четырех часов, как он скончался от моровой лихорадки. Ксаверий случайно встретил похоронную процессию на дороге, когда тело несли к месту погребения. Отец и мать усопшего, одни из самых знатных людей в той стране, сопровождали погребальный кортеж со всей своей родней, по обычаю королевства. Сколь ни были они неутешны, при виде святого они ободрились и, обняв его колени, заклинали его воскресить их сына, убеждённые, что чудо, превосходящее все силы природы, совершится по одному его слову. Ксаверий, тронутый их горем и побуждаемый их верой, воззвал к помощи Небес, сотворил крестное знамение, окропил мертвеца святою водой, взял его за руку, поднял во имя Господне и вернул живым отцу и матери.

Чтобы сохранить память о столь дивном и подлинном событии, родители воскресшего водрузили большой крест на том месте, где совершилось чудо, и завели обычай часто ходить туда молиться Богу. Эти воскрешения вызвали такой шум по всей стране и такое произвели впечатление на умы народов, что отовсюду приходили посмотреть на Великого Отца и принять от него крещение; так что все царство Траванкор покорилося Иисусу Христу в несколько месяцев; и лишь один царь остался идолопоклонником с главными вельможами своего двора, по страшному суду Божию, который порой предаёт государей их необузданным страстям и удаляется от великих, в то время как сообщает Себя малым (ср. Мф. 11:25; Лк. 10:21).

---

¹ Описанные симптомы (изъязвление десен), развившиеся во время долгого морского плавания, безошибочно указывают на цингу — болезнь, вызываемую острым недостатком витамина С. В описываемую эпоху она была бичом мореплавателей.

² Современные исследования полностью подтверждают наблюдения автора. В XVI веке на Сокотре сохранялись остатки древней христианской общины, принадлежавшей к Церкви Востока (несторианской). Из-за многовековой изоляции сокотрийцы утратили священство, Священное Писание и ясное понимание догматов. Их вера представляла собой сложный синкретический культ, где христианские элементы (почитание Креста, апостола Фомы, христианские имена) смешались с дохристианскими верованиями, а также с заимствованиями из иудаизма и ислама. См.: Наумкин В. В. *Острова архипелага Сокотра (экспедиции 1974-2010 гг.)*. — М.: Языки славянской культуры, 2012.

³ Жемчужный берег (порт. *Costa da Pescaria*) — историческое название юго-восточного побережья Индии (современный штат Тамилнад), протянувшегося вдоль

Маннарского залива от мыса Коморин (Каньякумари) до острова Маннар (Шри-Ланка). Этот регион был центром добычи жемчуга. Параваны (или паравары) — местная тамильская каста, традиционно занимавшаяся рыболовством и добычей жемчуга.

⁴ Пер. с исп. по Monum. Hav., ep. 17.2-4

⁵ Искажённое (или, возможно, воспроизводящее местное произношение) «Махеш» или «Махешвара» — одно из главных имен Шивы.

⁶ Здесь автор описывает центральный ритуал индуизма — *пуджу*, или почитание бога в *мурти*. *Мурти* — это идол, в котором, по вере индуистов, реально присутствует божество. Именно в Южной Индии, благодаря странствующим тамильским поэтам-аскетам, *альварам*, распространился особенно сильный культ храмового почитания Вишну в его идолах. Подношение пищи (*прасад*) является ключевым элементом служения: пища, «вкусенная» идолом, считается освящённой и раздается верующим, а также служит для прокормления жрецов-брахманов.

⁷ Согл. Monum. Hav. 17.12 молитва эта звучала «Ом шри Нараяна нама», что значит: «Ом, я поклоняюсь благословенному Нараяне!». Возможно, мотив вечности мелькнул в объяснениях брахмана о том, что Нараяна – надвременный, космический аспект индуистского божества.

⁸ Пер. с лат. по Monum. Hav. 17.13

⁹ Переводчика-катехизатора из местных.

¹⁰ Пер. с порт. по Monum. Hav. 29.1

¹¹ Бадагами (порт. *Badagas*) здесь названы солдаты Виджаянагарской империи, вероятно, телугу или каннара по происхождению. Виджаянагарская империя (которую португальцы называли «царством Биджанагар») в тот период расширялась на крайний юг Индии, подчиняя себе, в том числе, и древнее царство Пандья.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Слава о Ксаверии не ограничилась пределами царства Траванкор, но разнеслась по всем Индиям; и Бог христианский обрел там такое почитание, что самые идолопоклоннические народы присылали просить святого мужа прийти и крестить их. Он поистине испытывал величайшую радость, видя, как язычники сами ищут пути на Небо, но скорбел о том, что не может один указать его стольким заблудшим народам.

Видя, сколь обильна жатва и сколь мало делателей, он настоятельно писал отцу Игнатию в Италию и отцу Симану Родригишу в Португалию, прося о миссионерах. В одном из писем его охватил столь необычайный порыв рвения, что он восклицал:

«Часто приходят мне помышления отправиться в тамошние университеты — прежде всего в Парижский – и, словно лишившись рассудка, возопить, обращаясь в Сорбонне к тем, у кого учёности больше, нежели воли приносить от неё плоды: «Сколько душ не достигают славы и низвергаются в ад по вашему нерадению!».

А если бы, изучая науки, они с таким же рвением вникали в тот отчёт, который потребует от них Господь наш за эти науки и за вручённый им талант, многие из них

переменились бы, прибегнув к духовным упражнениям и иным средствам, дабы познать и ощутить в душе божественную волю, и сообразовались бы с нею более, чем с собственными пристрастиями, восклицая: *Domine, ecce adsum, quid me vis facere? mitte me quo vis; et si expedit, etiam ad indos* (Господи, вот я, что повелишь мне делать? Пошли меня, куда хочешь, и если нужно — хоть в Индии).

С каким же глубоким утешением они жили бы! И со сколь великой надеждой на милость Божию предстали бы в час смерти на частном суде, коего никому не избежать; ведь тогда они смогли бы сказать в свою защиту: *Domine, quinque talenta dedisti mihi, ecce alia quinque superlucratus sum!* (Господи! пять талантов ты дал мне; вот, другие пять талантов я приобрел на них. — Мф. 25:20). <...>

Мною едва не овладело желание написать в Парижский университет, и по меньшей мере нашему магистру де Корнибю и доктору Ришару, о том, сколько миллионов язычников стали бы христианами, если бы нашлись делатели, ревностно ищущие и поддерживающие тех, кто *non quaerunt quae sua sunt, sed quae Jesu Christi* (ищет не своего, а того, что угодно Иисусу Христу. — ср. Флп. 2:21)»¹.

Жаль, что письмо, написанное святым докторам Сорбонны, утеряно; ибо несомненно, что он писал им из глубин Индий, чтобы побудить их приехать туда проповедовать Евангелие. Об этом у нас есть свидетельство дона Хуана де Рады, одного из главных сановников королевства Наварры, который, учась в Париже, видел письмо отца Ксаверия, восхитился апостольской любовью, которой оно было исполнено, и снял с него копию, как и большинство богословов, которым оно было адресовано.

Среди идолопоклоннических народов, воздыхавших о крещении и желавших наставления, жители Маннара первыми отправили послов к святому.

Остров Маннар расположен у северной оконечности Цейлона, во главе отмелей Раманакора. Он имеет очень удобный порт, и там ведётся весьма обширная торговля; но почва так песчана и суха, что ничего не родит, кроме как в некоторых местах, которые возделывают с большим тщанием и трудом. Ибо Маннар не походит на соседний Цейлон, который является краем поистине восхитительным и самым плодородным на всём Востоке, ведь деревья там вечнозелёные, во всякое время года цветут и приносят плоды; там находят рудники золота и серебра, [горный] хрусталь и драгоценные камни; повсюду там леса эбенового дерева, кокосовых пальм и корицы, и люди там живут долго, не ощущая немощей старости. Удивительно то, что, хотя остров находится всего в шести градусах от экватора, климат там очень умеренный и воздух чистый, а дожди, которые каждый месяц исправно ниспадают с неба, вместе с источниками и реками, текущими повсюду, скорее освежают землю, чем зной солнца её согревает.

О. Ксаверий был занят утверждением христианства в Траванкоре, когда к нему явилось посольство из Маннара. Поскольку он не мог оставить зарождающуюся Церковь, не опасаясь, и вполне основательно, её гибели, он послал в Маннар одного из священников, которых оставил на Жемчужном берегу. Бог так благословил труды этого миссионера, что жители Маннара не только стали христианами, но и доблестно умерли за веру; и вот по какому случаю произошло их мученичество.

Остров Маннар находился тогда под властью царя Джафнапатнама — так называют северную часть Цейлона. Этот государь узурпировал корону старшего брата и

обращался со всеми своими подданными, как с рабами. Он был в особенности непримиримым врагом христианского закона, хотя и притворялся другом португальцев, ибо лишь их мощь могла положить предел его тирании. Едва он узнал, что жители Маннара принимают христианство, как впал в ярость, на которую способны лишь тираны; он тотчас приказал переправить войска на остров Маннар и убить там всех, кто не будет идолопоклонником. Приказ был исполнен в точности; и мужчины, женщины и дети, принявшие христианство, все погибли от меча.

Что было в этом дивного, так это то, что каждого из верных спрашивали о его религии, и, хотя им достаточно было отречься, чтобы спасти свою жизнь, не нашлось ни одного, кто не объявил бы себя громко христианином. Отцы и матери говорили за своих малых крещёных детей, которые ещё не могли свидетельствовать о своей вере, и приносили их на смерть с бесстрашием, изумившим их палачей. Шестьсот или семьсот из этих островитян отдали свою жизнь за имя Иисуса Христа; и главный округ, освященный столь благородной кровью, вместо Пасима², как он назывался, стал после этого называться Землёю Мучеников.

Эта резня, однако, не только не искоренила христианский закон, но и послужила его вящему процветанию; тиран даже вынужден был, к постыжению своему, наблюдать, как его военачальники и домочадцы, вопреки его воле, оставляют свою древнюю веру. Но что ещё сильнее его разгневало, так это обращение его старшего сына. Сей юный принц, тронутый благодатью Божией, стал тайно принимать наставления от португальского купца, торговавшего при дворе. Это, однако, не могло происходить столь тайно, чтобы царь о том не узнал. При первой же вести он велел зарезать сына, а тело выбросить в поле на съедение зверям.

Но Небо не допустило, чтобы смерть, столь драгоценная пред Богом, осталась без чести и без плода пред людьми. Португальский купец ночью похоронил своего ученика, а на следующее утро на земле, покрывавшей тело мученика, проступил прекраснейший крест. Это зрелище весьма изумило неверных; они сделали всё, что могли, чтобы стереть крест, топча его и засыпая землей; на следующий день он снова появился в том же виде, и они снова попытались его уничтожить; но тогда он явился в воздухе, весь сияющий и испускающий лучи во все стороны. Варвары, увидевшие его, были уstraшены и в то же время так тронуты в сердце своём, что объявили себя христианами. Сестра царя, принцесса от природы добродетельная, тайно приняв веру, сама наставила своего сына и племянника, брата мученика; но, наставляя их на путь Небесный, она позаботилась укрыть их от жестокости тирана. Она обратилась для этого к португальцу, о котором мы говорили, и, вверив ему двух принцев, поручила ему отвезти их в семинарию в Гоа.

Португалец так хорошо всё продумал с принцессой, что покинул остров с двумя принцами, не будучи обнаружен. Он направил свой путь через царство Траванкор, чтобы повидать о. Ксаверия и представить ему этих славных новообращенных. Отец принял их, как ангелов, посланных с Небес, и вознес тысячу благодарений Богу за столь прекрасное приобретение; затем укрепил их в вере, дал им спасительные наставления и обещал похлопотать перед вице-королем Индий, чтобы им никогда не пришлось пожалеть, что они все оставили ради любви к Иисусу Христу.

Как только царь Джафнапатнама узнал о бегстве сына и племянника, он страшно разгневался на христиан и многих из них предал смерти. Опасаясь, как бы его брат, у которого он отнял корону и который вел скитальческую жизнь, также не переменил

веры и не воззвал к защите португальцев, он разослал повсюду людей с приказом привести его или доставить его голову, но не смог заполучить его ни живым, ни мёртвым. Ибо этот несчастный принц, сопровождаемый десятью всадниками, переправившись в Нагапаттинам, с величайшими трудностями добрался по суше до Гоа, проделав путь более двухсот лье. Он получил наставление в таинствах христианства и, принимая крещение, торжественно поклялся, что, если вернет своё царство, лично приложит труды к тому, чтобы подчинить его власти Иисуса Христа.

О. Ксаверий, обо всём извещенный, решил, что нужно воспользоваться столь благоприятным случаем, не упуская ни мгновения. Он понимал, какой совершенной жизнью жили бы христиане в царстве, где так доблестно умирали за веру, почти не зная её; с другой стороны, если несправедливость и жестокость тирана останутся безнаказанными, сколь многие другие цари-идолопоклонники будут преследовать новообращённых; а значит, единственный способ исправить прошлое и обезопасить себя от будущих бедствий — отнять у варвара корону, которую он носил не по праву, и вернуть её брату, которому она принадлежала; и для этого следует прибегнуть к помощи португальцев, побудив их из стремления к святой справедливости взяться за оружие против узурпатора царства и гонителя христиан.

С этими мыслями отец призвал Мансильяша с Жемчужного берега и, поручив ему христианскую общину Траванкора, отправился по суше искать вице-короля Индий, который находился в Камбее.

Помимо дел, связанных с царём Джафнапатнама, у святого были и другие причины, побуждавшие его совершить это путешествие. Большинство европейцев, находившихся в Индиях, и в особенности чиновники португальской короны, вели распутную жизнь, которая делала веру ненавистной и соблазняла равно идолопоклонников и верных. Публичное почитание пагод допускалось в Гоа, и секта брахманов становилась там день ото дня всемогущественнее, потому что эти языческие жрецы подкупали деньгами португальских чиновников. Народы свободно исповедовали язычество, лишь бы исправно платили дань, как будто их покорили лишь для того, чтобы извлекать из них деньги. Государственные должности продавались сарацинам, а местные христиане были от них отстранены, за неимением достаточных средств, чтобы их купить. Сборщики подати, которую параваны Жемчужного берега платили королю Португалии, принуждали этих бедных рыбаков отдавать им свой жемчуг почти даром; и таким образом взимание законной в своей основе дани превратилось в настоящую тиранию. Людей продавали, как скот, и христиан отдавали язычникам за бесценнок. Наконец, попускали, чтобы царь Кочина, идолопоклонник, но данник португальской короны, изымал имущество подданных, принимавших крещение.

О. Франциск испытывал весьма болезненную скорбь, видя, что величайшим препятствием к утверждению веры в стольких обширных царствах Азии являются сами христиане. Он порой жаловался на это Богу в горечи своего сердца; и однажды сказал, что охотно вернулся бы в Европу, чтобы сообщить свои жалобы королю Португалии Жуану III, не сомневаясь, что столь благочестивый и справедливый государь положит конец таким великим бедам, как только ему о них станет известно.

Ксаверий держал путь в Кочин вдоль морского побережья. Он прибыл туда 16 декабря 1544 года и встретил там Мигела Ваза, генерального викария Индий.

Излагая ему причины своего путешествия, он дал понять, что слабость правительства была главной причиной алчности и насилия чиновников; что дон Афонсу де Соуза был весьма благочестив, но ему не хватало твёрдости; что недостаточно желать добра, если не противиться злу со всей силою; одним словом, что совершенно необходимо, чтобы король Португалии был извещен обо всех беспорядках в Индиях человеком, который видел их своими глазами и не был бы пристрастен. Ваз тотчас же согласился с мнением Ксаверия, и рвение побудило его отправиться в Португалию самому — на корабле, который был уже готов к отплытию.

Ксаверий восхвалил Бога за решимость Ваза и в то же время написал королю Жуану III. Вот как начинается его письмо:

«Государь! Да будет угодно Вашему Величеству соизволить помыслить и уразуметь: Бог, Господь наш, именно Вам, паче всех прочих христианских государей, вручил владычество над Индиями сими, дабы в том испытать Вас и узреть, с какой верностью исполните Вы возложенное на Вас служение и с какой благодарностью ответите на Его добродетели. Ибо не столько пёкся Он о том, дабы обогатить Вашу королевскую казну доходами от драгоценных плодов земель заморских и стяжанием сокровищ иноземных, сколько о том, чтобы, предоставляя поприще для героических трудов, дать Вашей доблести и благочестию достойный предмет для их проявления — в приведении неверных земель сих к познанию Творца и Искупителя мира Вашим пламенным рвением и трудами усердных слугителей, от Вас на то поставленных».

Далее Святой говорит королю о добрых намерениях Мигела Ваза и о дурном поведении португальцев, облечённых властью в Индиях. Он предлагает ему средства для пресечения беспорядков и советует, в особенности, не только письменно предписывать заботу об укреплении благочестия, но и строго наказывать всех чиновников, которые не исполняют своего долга в этом отношении.

«Ибо, воистину, есть опасность, — говорит он, — что когда Бог, Господь наш, призовет Ваше Величество на Свой суд (что случится, когда меньше всего ожидаешь, и нет ни надежды, ни способа этого избежать), — как бы тогда, говорю я, Вы не услышали от разгневанного Бога: «Почему ты не наказывал тех, кто, будучи облечён от тебя властью и тебе подвластен, Мне в Индии противился, в то время как тех, кого ты уличал в небрежении при сборе твоих налогов и управлении казной, ты сурово карал?». И я не знаю, Государь, какой вес для Вашего оправдания будет иметь в такое время Ваш ответ, когда Вы скажете: «Воистину, каждый год, когда я писал туда, я заповедовал им радеть о служении Тебе». Ибо тотчас последует возражение: «Но ты позволял тем, кто пренебрегал этими святыми повелениями, делать это безнаказанно, в то время как тех, кого ты уличал в неверности или нерадивости в управлении твоими делами, ты подвергал должному наказанию».

Тобою самим, Государь, и тем рвением, которым ты пылаешь о Славе Божьей, и тем искренним попечением твоим о должном отчёте в служении перед Богом и об облегчении совести, я заклинаю и призываю Ваше Величество: пошлите сюда подходящего распорядителя с необходимыми полномочиями, единственной заботой которого было бы попечение о спасении бесчисленных душ, которые здесь в опасности. И пусть в этом попечении он имеет от Вас власть, свободную от повелений и господства тех, кому Вы поручаете заниматься собственно налогами и

делами Вашего королевства, дабы впредь избежать тех неудобств и соблазнов, от которых здесь прежде много и тяжело страдало христианское дело.

Пусть Ваше Величество произведет точный расчет и подведет полный итог плодов и временных благ, кои Вы по милости Божией получаете из Индий. Вычтите из этого то, что Вы здесь тратите на служение Богу и поддержание благочестия. И так, все разумно взвесив, установите между Вашими королевскими счетами и счетами Бога и Небесного Царства такое разделение, какое Ваша благодарная и благочестивая душа сочтет справедливым и благим, остерегаясь, как бы не показалось, что Создатель всего сущего, щедро изливший в Вашу сокровищницу блага, вознаграждён Вами слишком скудной и убогой частью. И да не медлит и не откладывает более в этом Ваше Величество. Ибо сколь бы Вы ни спешили, это усердие уже будет запоздалым. Побуждает меня писать это истинная и пламенная любовь моего сердца к Вашему Величеству, ибо мне чудится, будто я слышу голоса, воссылаемые из сих земель к Небесам, — сетования Индии на то, что Ваше Величество поступает с ней скупой, ибо из обильнейших доходов, коими она обогащает Вашу казну, Вы уделяете лишь самую малую часть на помощь в её духовных нуждах, несравненно более тяжких»³.

Письмо завершается мольбой о том, чтобы Бог даровал королю благодать прожить жизнь в тех же чувствах и делах, с какими он желал бы встретить свой смертный час.

Мигел Ваз так успешно провел переговоры с Жуаном III, следуя наставлениям отца Ксаверия, что добился назначения другого правителя для Индий и привёз обратно приказы, подписанные рукой государя, — такие, каких, в сущности, и желал отец.

Эти приказы гласили, чтобы на острове Гоа и на острове Сальсетт не терпели никакого языческого суеверия; чтобы были сокрушены все находившиеся там пагоды; чтобы в домах язычников искали, не спрятаны ли там идолы, и если кто-либо будет в этом уличен, его надлежит наказать сообразно тяжести его преступления; чтобы все брахманы, противящиеся проповеди Евангелия, были изгнаны; чтобы из ежегодной ренты в три тысячи экю, выплачивавшейся одной мечети в Басаиме, как можно скорее была оказана помощь бедным новообращённым неверным; чтобы язычникам более не давали никаких государственных должностей; чтобы никакие поборы не оставались безнаказанными; чтобы рабов более не продавали ни магометанам, ни язычникам; чтобы лов жемчуга находился исключительно в руках христиан, и чтобы жемчуг у них брали лишь по справедливой цене; чтобы не дозволялось царю Кочина грабить или притеснять крещёных индийцев; наконец, чтобы, если Союза не свершил возмездия за смерть верных Маннара, убитых по приказу царя Джафнапатнама, то пускай Каштру, занимающий место Соузы, не преминёт это сделать.

Возвращаясь к путешествию о. Ксаверия, скажем, что он сел на корабль в Кочине и отплыл в сторону Камбея. На корабле находился один португальский дворянин, крайне распутный и из тех отъявленных нечестивцев, что кичатся своим нечестием. Этого было достаточно для святого мужа, чтобы искать его общества. Он крепко к нему привязался и даже старался угодить ему приятными беседами. Португалец был очарован нравом отца и с удовольствием слушал его речи о тысяче любопытных предметов; но когда Ксаверий заговаривал о спасении души, насмехался и не хотел его слушать. Если же отец кротко укорял его за его возмутительные грехи и призывал к покаянию, он приходил в ярость против святых обычаев Церкви и клялся, что никогда не исповедуется.

Эти дурные расположения не оттолкнули Ксаверия; он обращался с этим ожесточенным грешником, как с одержимым, с великой добротой. Между тем они пристали в порту Каннура. Сойдя вместе на берег, они пошли гулять одни в пальмовую рощу, что была совсем близко. После двух или трех кругов прогулки святой разделся до пояса и, взяв плетъ, утыканную шипами, стал наносить себе такие жестокие удары, что в мгновение ока плечи его были все в крови. «Ради любви к вам, — сказал он сопровождавшему его дворянину, — я делаю то, что вы видите, и это ещё ничто в сравнении с тем, что я хотел бы сделать. Но, — добавил он, — вы стоили Иисусу Христу куда дороже. Неужели Его страстей, Его смерти, всей крови Его не достаточно, чтобы умягчить ваше сердце?» Затем, обращаясь к Самому Иисусу Христу, он сказал: «Господи, воззри на Свою достопоклоняемую кровь, а не на кровь такого несчастного грешника, как я».

Дворянин, изумлённый и вместе с тем смущённый таким человеколюбием, бросается к ногам Ксаверия, закликает его не продолжать, обещает ему исповедаться и совершенно переменить жизнь. И в самом деле, прежде чем выйти из рощи, он принес отцу генеральную исповедь с живым сокрушением о своих грехах и с тех пор жил весьма по-христиански.

Вернувшись в порт, они снова взошли на корабль и продолжили свой путь. Как только они прибыли в Камбей, Ксаверий отправился к вице-королю, и ему не стоило труда убедить того в необходимости предпринять то, чего он желал касательно Джафнапатнама; ибо, помимо того, что Союза питал полное доверие к о. Франциску и великое рвение к вере, поход, который предлагал ему Ксаверий, стал бы славнейшим из всех, какие только могли предпринять португальцы, поскольку речь шла о том, чтобы наказать тирана, низложить узурпатора и восстановить на престоле законного государя.

Вице-король тотчас написал письма и отправил гонцов к капитанам Коморина и Жемчужного берега с приказом собрать в Нагапаттинаме все имевшиеся там войска и обрушиться на царя Джафнапатнама, не давая ему времени опомниться. Он также повелел им, если возможно, взять тирана живым и передать его в руки о. Франциска, который желал его обращения, а не смерти, и надеялся, что кровь мучеников Маннара испросит ему прощение его преступлений.

Ксаверий, воодушевленный столь прекрасными надеждами, вернулся в Кочин, где намеревался трудиться ради спасения душ, пока будут идти приготовления к войне. Проезжая снова через Каннур, он остановился у одного весьма добродетельного христианина, у которого, однако, был сын, крайне распутный и подверженный всякого рода порокам. Поскольку отец был опечален дурным поведением своего чада и оплакивал его денно и ночно, Ксаверий сперва попытался его утешить, говоря, что пороки эти — лишь недостатки юности, которые пройдут в зрелом возрасте; затем, немного сосредоточившись и возведя очи к небу, он сказал ему: «Знайте, что вы — счастливейший отец на свете. Этот распутный сын, который сегодня доставляет вам столько огорчений, переменит нравы, станет иноком ордена св. Франциска и, наконец, мучеником». События подтвердили предсказание Ксаверия: сын его хозяина из Каннура принял облачение св. Франциска и отправился проповедовать веру в царство Канди, где был замучен варварами.

О. Ксаверий, вернувшись в Кочин, был очень хорошо принят государственным секретарем Косме Анешем, своим близким другом, который прибыл туда по важным

делам. Однажды, когда они были вместе и дружески беседовали, Ксаверий спросил Анеша, был ли год удачным для португальских купцов. Анеш ответил, что лучше и быть не могло; что недавно было нагружено семь кораблей, прибывших из Европы, полных богатств. Он добавил, что посылает королю Португалии редчайший алмаз, который стоил в Гоа десять тысяч дукатов, а в Лиссабоне будет стоить более тридцати тысяч. Ксаверий из любопытства спросил, какой из кораблей везет этот алмаз. Анеш сказал ему, что это корабль под названием «Атогия» и что он вверил это сокровище Жуану Норонье, капитану корабля.

Тогда Ксаверий погрузился в себя и, помолчав немного, внезапно сказал: «Я бы не повёз на этом корабле столь драгоценный алмаз». «И почему же? — возразил Анеш. — Не потому ли, что „Атогия“ однажды дала течь? Но, отец мой, её так хорошо починили, что, взглянув на неё, вы приняли бы её за совершенно новое судно». Святой не стал более ничего объяснять; и Анеш, начиная прозревать, понял по молчанию отца не меньше, чем по его словам, что следует чего-то опасаться. Он попросил его помолиться за этот корабль Богу; «ибо, в конце концов, — сказал он, — „Атогия“ не может погибнуть без того, чтобы я не понес большого убытка. У меня не было приказа покупать алмаз, о котором я вам только что говорил, и в случае, если он пропадет, это будет за мой счёт».

В другой день, когда они оба сидели за столом, Ксаверий, видя, что Анеш весьма обеспокоен, сказал ему: «Воздайте благодарение Небесам, ваш алмаз в руках королевы Португалии». Анеш поверил Ксаверию на слово и впоследствии узнал из писем Нороньи, что в середине плавания корабль дал течь под грот-мачтой и набрал столько воды, что был на грани затопления, а моряки решили его покинуть и броситься в море; но затем, срубив мачту, они без всякой видимой причины передумали, течь сама собой закрылась, корабль продолжил свой путь под двумя парусами и, наконец, благополучно прибыл в порт Лиссабона.

Человек Божий пробыл в Кочине около трёх недель; и к концу мая он отплыл в сторону Цейлона, чтобы оттуда переправиться в Нагапаттинам, где португальский флот был уже в полной готовности. Проходя мимо Коровьего острова, что близ отмелей Цейлона, обращённых к северу, он воскресил дитя, сына сарацина, и это всё, что известно об этом чуде. Во время своего путешествия он захотел повидать остров Маннар, где более шестисот христиан были убиты за веру, как мы уже говорили; и, сойдя на берег, он много раз целовал землю, орошённую кровью мучеников в селении Пасим.

Радуюсь блаженной участи мёртвых, он имел повод скорбеть о несчастье живых: остров опустошала заразная болезнь, и каждый день умирало более ста человек.

Как только жители Маннара узнали, что Великий Отец, столь прославленный в Индиях, находится в Пасиме, они собрались числом до трёх тысяч, по большей части язычники, и, придя в селение, весьма смиренно умоляли его избавить их от чумы.

Ксаверий попросил три дня, чтобы испросить у Неба милость, о которой его просили. В течение этого времени он лишь представлял Богу заслуги мучеников Пасима; и прежде чем истекли три дня, он был услышан: чума прекратилась, и все больные в тот же миг обрели здоровье. Столь явное чудо заставило их всех уверовать в Иисуса Христа, и апостол крестил их собственноручно. Он не мог долго оставаться с ними, ибо его ждал флот, а его присутствие требовалось, чтобы побудить солдат и капитанов хорошо исполнить свой долг.

Итак, он переправился из Маннара в Нагапаттинам, но застал там дела в положении весьма отличном от того, какое себе представлял. Португальский флот таял день ото дня, а военачальники, прежде выказывавшие столько рвения к священной войне, теперь первыми же её осуждали. Напрасно он напоминал им о чести их народа и о чести Божией: ослеплявшая их корысть заставила их забыть, что они и португальцы, и христиане. Ибо вот что расстроило столь славное предприятие.

Когда снаряжали флот, один португальский корабль, шедший из королевства Пегу⁴ с грузом богатейших товаров, был выброшен бурей на берег Джафнапатнама. Тамошний король, по варварскому обычаю, захватил его и завладел всем достоянием. Капитан судна и его товарищи, видя, что при таких обстоятельствах, если с языческим властителем начнут войну, они ничего не смогут вернуть из его рук, подкупили офицеров морской армии. Таким образом, тиран, который по замыслам отца Ксаверия должен был быть изгнан с престола, удержался на нем благодаря алчности христиан, или, вернее, по велению Промысла, который иногда попускает гонителям Церкви править в мире, дабы испытать истинно верных.

Поскольку святые желают лишь того, чего желает Бог, Ксаверий окончательно отказался от похода на Джафнапатнам и помышлял лишь о возвращении в королевство Траванкор. Едва выйдя в море, он обратил взор к острову Цейлон, видневшемуся вдали, и, проливая о нем слезы, воскликнул: «О несчастный остров, сколькими же трупами покроешься ты, какие потоки крови наводнят тебя со всех сторон!» Эти слова предрекали то, что случилось впоследствии, когда дон Константин де Браганса в одно время, а дон Уртадо де Мендоса в другое, предали мечу всех этих островитян, а король Джафнапатнама, схваченный в своем дворце, был казнен там вместе со старшим сыном, — словно бы Божественное правосудие отсрочило кару этому жестокому гонителю христиан лишь для того, чтобы сделать ее еще более ужасной и памятной.

Как ни стремился отец Ксаверий вернуться в Траванкор, ветер был столь противным, что он не смог даже пристать к берегу. Из этого он заключил, что Бог призывает его в иные края, и решил нести свет Евангелия от острова к острову, из королевства в королевство, до самых дальних пределов Востока. Новости, которые он узнал во время плавания, заставили его сперва помыслить об острове, расположенном под экватором, между Молуккскими островами и Борнео, длиной в двести лиг с севера на юг, разделенном на несколько королевств и именуемом географами Целебес, а историками Макассар⁵, по названию столиц двух главных его королевств; в остальном же — весьма многолюдном и изобилующем всевозможными богатствами.

Ему рассказали, что около 1531 года два брата-идолопоклонника, какими были все жители Макассара, отправившись по своим делам на Тернате, главный из Молуккских островов, беседовали о религии с губернатором Антониу Галваном, португальцем, одним из самых прославленных воинов своего века, столь же знаменитым в истории своим благочестием, сколь и доблестью. Убедившись в тщете идолов, они приняли христианскую веру и в крещении получили имена: один — Антониу, а другой — Мигел. Вернувшись на родину, они сами начали возвещать там Иисуса Христа. Все их соотечественники, по общему согласию, отправили послов к губернатору Тернате с просьбой прислать им людей, которые бы их наставили; во главе же посольства стояли те самые два брата-христианина, знакомые Галвану. Послов этих приняли весьма хорошо, и Галван, за неимением священника, дал им в

качестве катехизатора солдата по имени Франсишку де Каштру, весьма сведущего в вере и примерного благочестия. Наконец, Каштру, предназначенный для наставления этих народов, сел на корабль, идущий в Макассар, но был отнесен бурей в иное место.

Ксаверий узнал, кроме того, что незадолго до того один португальский купец по имени Антониу Пайва прибыл в Макассар от имени Руя Ваза Перейры, капитана Малакки, чтобы загрузить корабль сандалом, драгоценным деревом с того острова. Король Суппы, одного из королевств Макассара, сам пришел к нему, чтобы задать различные вопросы о христианском законе. Наш добрый купец, который лучше разбирался в своей торговле, нежели в своей вере, тем не менее отвечал весьма к месту и говорил о тайнах христианства так разумно, что шестидесятилетний король обратился со всей своей семьей и всем двором. Другой государь с того же острова, по имени король Сианга, последовал его примеру, и оба эти властителя, торжественно крещенные рукой Пайвы, не имея возможности удержать его при себе, просили его прислать им священников, которые преподали бы им таинства и крестили бы всех их подданных.

Эти настроения показались о. Ксаверию в высшей степени благоприятными для Евангелия. Он плакал от радости, слыша такие счастливые вести, и благоговел перед глубокими судами Божественной премудрости, которая, отказав королю Траванкора в благодати крещения, дарованной всему его королевству, начинала обращение народов Сианга и Суппы с обращения их государей. Он даже решил, что его евангельское служение требует от него завершить обращение этих королевств.

Однако ему показалось, что, прежде чем решиться на путешествие в Макассар, он должен испросить о том совета у Бога. И чтобы сделать это как подобает, ему пришла мысль испросить небесного вразумления у гробницы св. Фомы, древнего основателя и первого отца христианства в Индиях, которого он избрал покровителем и путеводителем во всех своих странствиях. Посему он решил совершить паломничество в Мелиапур, отстоявший всего в пятидесяти лигах от Нагапаттинама, куда его пригнал ветер, и сел на корабль Мигела Феррейры в Вербное воскресенье, которое в том 1545 году пришлось на 29 марта.

Они взяли курс вдоль Коромандельского берега, и поначалу ветер был им благоприятен; но не успели они пройти и двенадцати или тринадцати лиг, как погода внезапно переменилась, и море сделалось таким бурным, что они были вынуждены пристать к земле и бросить якорь за горой, дабы хоть немного укрыть судно.

Семь дней они ждали лучшего ветра; святой муж между тем провел всю неделю в созерцании, не принимая ни пищи, ни питья, что заметили все бывшие на корабле и о чём под присягой свидетельствовал очевидец Жакоме Мадейра. Лишь в Великую Субботу, по просьбе Мадейры, святой выпил немного воды, в которой, по его собственному желанию, сварили луковицу. В тот день ветер снова стал попутным, а море спокойным, так что они снялись с якоря и продолжили свой путь.

Но Ксаверий, которому Бог каждый день даровал новые пророческие озарения, провидя яростную бурю, скрытую под этим затишьем, спросил кормчего, достаточно ли крепок его корабль, чтобы выстоять в опасности. Кормчий ответил, что нет и что это старое судно. «Значит, надобно вернуться в порт», — заметил ему отец. «Чего, о. Франциск, — удивился кормчий, — вы боитесь при таком попутном ветре! Поверьте

мне, никогда ещё не было погоды, более подходящей для плавания, в такое время и маленькая лодка была бы в безопасности». Напрасно святой умолял его не доверять видимому — ни кормчий, ни путешественники не захотели последовать совету отца; но вскоре они об этом пожалели. Едва корабль немного отошёл от берега, как поднялся ужасный ветер, от которого море необычайно взволновалось. Корабль, не выдержав бури, несколько раз был на волосок от гибели, и моряки, против своей воли, были вынуждены вернуться в порт Нагапаттинама, откуда и вышли.

Нетерпение, с которым отец Франциск желал посетить гробницу апостола святого Фомы, побудило его совершить паломничество по суше, и он шел с таким рвением по трудным дорогам, что через несколько дней прибыл в Мелиапур⁶.

Этот город сегодня широко известен как Сан-Томе, ибо апостол св. Фома долгое время пребывал там и принял мученическую смерть. По правде говоря, если верить местным жителям, однажды город почти полностью поглотило море, и в доказательство тому в воде до сих пор видны развалины больших строений. Новый город Мелиапур был построен португальцами. Возле стен есть холм, который они называют Малой горой; на этом холме есть грот, где, как говорят, св. Фома скрывался во время гонений. У входа в грот — крест, высеченный в скале, а у подножия — живой источник, вода которого столь целительна, что больные, пьющие её, зачастую исцеляются.

С малой горы переходят на большую, которая словно создана для жизни уединённой и созерцательной; ибо с одной стороны она обращена к морю, а с другой — покрыта вечнозелёными вековыми деревьями, в которых есть нечто одновременно и грозное, и приятное. Именно туда св. Фома удалялся со своими учениками для молитвы, и там же он умер от удара копья, нанесенного ему одним брахманом.

Португальцы, восстанавливавшие Мелиапур, нашли на вершине горы совершенно разрушенную каменную часовню. Они захотели отстроить её заново в память о святом апостоле; и когда они копали до самого основания, то извлекли оттуда белую мраморную плиту, на которой был крест с высеченными вокруг него письменами. Они гласили, что Бог родился от Девы Марии; что Он — Бог вечный; что этот Бог преподавал Свой закон двенадцати апостолам, и что один из них пришел в Мелиапур с посохом в руке и построил там церковь; что цари Малабара, Короманделя, Пандьи и многие другие покорились закону св. Фомы, святого подвижника.

Поскольку на мраморе, о котором мы только что говорили, есть несколько пятен крови, принято считать, что святой апостол принял на нём мученическую смерть. Как бы то ни было, плиту эту положили на алтарь часовни, как только её достроили; и когда в первый раз там торжественно служили мессу, крест источил кровь на глазах у всех. Это повторялось еще несколько раз в последующие годы в день празднования мученичества св. Фомы.

Как только Ксаверий прибыл в город, викарий Мелиапура, который слышал о нём как о преемнике апостолов и человеке, посланном Богом для обращения Индий, пошёл к нему и предложил свое жилище. Отец принял предложение, поскольку дом примыкал к церкви, где покоились мощи св. Фомы, и он мог легко ходить туда по ночам, чтобы на досуге вопрошать Бога о путешествии в Макаassar.

И в самом деле, как только викарий засыпал — ибо они спали в одной комнате, — Ксаверий тихо вставал и шёл в церковь через кладбище, отделявшее её от дома.

Викарий, заметив это, предупредил Ксаверия, что этот проход не слишком безопасен по ночам и что там не раз видели ужасных призраков. Святой решил, что это говорят лишь для того, чтобы напугать его и помешать вставать до рассвета; поэтому он вознёс свои обычные молитвы. Но вскоре он убедился, что предупреждение было правдиво, ибо в последующие ночи, проходя через кладбище, он видел страшные видения, которые пытались его остановить; он, однако, спасся от них и даже посмеялся над ними как над пустыми наваждениями.

Бесы слишком горды, чтобы сносить презрение безнаказанно, если Бог попускает им отмищение, поэтому однажды ночью, когда святой молился перед образом Девы, они напали на него толпой и так жестоко избили, что он весь покрылся синяками от побоев и был вынужден несколько дней пролежать в постели. Он ничего не сказал о своем приключении викарию, но об этом узнали от одного молодого малабарца, который спал недалеко от церкви и проснулся от шума. Встав, он отчетливо услышал удары и то, что говорил Ксаверий Пресвятой Деве, призывая Её на помощь против адских сил; так что викарий, которому юноша пересказал услышанные слова, иногда повторял их Ксаверию с невинной насмешкой.

Служитель Божий, едва оправившись, снова стал каждую ночь ходить в церковь. И сколь бы ни ярились бесы, они более не покушались на него самого и даже не пытались его напугать; лишь производили шум, дабы отвлечь от молитвы. Однажды, приняв облик каноников, они так искусно принялись петь утрению в полночь, что он спросил викария, что это за певчие с такими прекрасными голосами.

Но благодать, которую Ксаверий получал от Небес, с лихвой вознаградила его за все оскорбления, что он претерпел от ада. И хотя то, что происходило там между ним и Богом, осталось сокрыто в глубокой тайне, мы знаем, по крайней мере, что в главном деле, о котором он вопрошал Господа, он получил внутреннее озарение, ясно открывшее ему Божественную волю: дабы он отправился на более южные острова, что лежат за морем, и трудился ради их обращения.

Христианская сила, которой он в тот же миг исполнился, сделала ничтожными в его глазах все опасности, которых он, по естеству, должен был бы страшиться. Вот что он писал об этом из Мелиапуре двум своим друзьям в Гоа, Паулу да Камерино и Диогу де Борба, о которых мы уже не раз упоминали:

«Я уповаю на Бога, Господа нашего, что в этом путешествии Он явит мне великую милость, ибо Он исполнил душу мою глубоким миром и духовным утешением, дав мне ясно ощутить, что святейшая воля Его состоит в том, дабы я отправился в те земли Макассара, где недавно приняли христианство.

Я столь твёрд в своем решении исполнить то, что Бог дал мне ощутить в душе моей, что, не сделав этого, я, как мне мнится, пошел бы против воли Божией, и ни в этой жизни, ни в иной Он не явил бы мне Своей милости. И если в этом году не будет португальских кораблей до Малакки, я отправлюсь на каком-нибудь судне мавров или язычников. Я так доверяю Богу, Господу нашему, дражайшие братья, ради любви к Которому единственно я и предпринимаю это путешествие, что, даже если бы с этого побережья в этом году не отплывал ни один корабль, а отправлялся бы лишь один катамаран, я бы с упованием взошел на него, всю свою надежду возложив на Бога.

Ради любви и служения Богу, Господу нашему, молю вас, дражайшие во Христе братья, чтобы, когда служите литургию, и в ваших непрестанных молитвах вы помнили обо мне, грешном, поручая меня Богу»⁷.

Хотя святой прибыл в Мелиапур лишь для того, чтобы в уединении узнать веления Небес, он не преминул уделить некоторое время и спасению душ. Его святая жизнь придавала вес его речам, а один лишь его вид имел силу трогать сердца. В народе даже укоренилось мнение, что всякий, кто не следовал советам о. Франциска, умирал врагом Божиим; и рассказывали о несчастной кончине нескольких грешников, которые, будучи призываемы Ксаверием к скорейшему покаянию, откладывали своё обращение. Это народное поверье много способствовало перемене в городе, и часто страх перед злой смертью внезапно обрывал многолетние преступные связи.

Жил в Мелиапуре один португальский дворянин, который вёл жизнь весьма возмутительную. Дом его был малым сералем, и ничто не занимало его более, чем забота о приобретении красивых рабынь. Однажды, около обеденного часа, к нему пришел Ксаверий. «Окажите мне милость, — сказал он, — и позвольте отобедать с вами сегодня, дабы нам познакомиться».

Португалец был смущён и визитом, и любезностью; однако он сдержался и сделал вид, будто весьма рад чести, которую оказал ему отец. Во время обеда Ксаверий не проронил ни слова о его распутстве и занимал его лишь разговорами о вещах безразличных, хотя прислуживали им молодые девицы, одетые нескромно и державшиеся довольно развязно. Так же он вёл себя и после трапезы и, наконец, покинул его, не сделав ни малейшего упрека.

Дворянин, удивлённый поведением о. Франциска, счёл это молчание дурным предзнаменованием; ему представилось, что теперь его не ждет ничего, кроме злой смерти и вечных мук. С этой мыслью он поспешил найти святого. «Отец мой, — сказал он ему, — как же красноречиво ваше молчание говорило моему сердцу! У меня не было ни минуты покоя с тех пор, как вы вышли из моего дома. Ах, если гибель моя ещё не решена окончательно, то вот я в ваших руках, делайте со мной, что сочтёте нужным для спасения моей души, а я буду повиноваться вам слепо».

Ксаверий обнял его и, объяснив, что милосердие Господне бесконечно, что никогда не следует отчаиваться и что Тот, Кто иногда отказывает грешникам во времени на покаяние, всегда дарует прощение кающимся, побудил его оставить поводы ко греху и подготовил к генеральной исповеди, плодом которой стала жизнь честная и христианская.

В конце концов, отец добился в Мелиапуре всего, чего желал, и достойные всяческого доверия свидетели показали, что он оставил город настолько отличным от того, каким застал его по прибытии, что его было не узнать. Он и сам был весьма доволен и, тысячекратно благословляя город, говорил, что во всех Индиях нет города более христианского. В то же время он предсказал, что однажды город станет очень богатым и процветающим, и предсказание это сбылось несколько лет спустя.

Хотя все эти обращения снискали о. Франциску всеобщее почитание, казалось, Богу было угодно сделать имя Своего слуги ещё более славным благодаря некоторым чудесным событиям. Один купец из Мелиапура, собираясь отплыть в Малакку, пришёл проститься со святым и, получив благословение, попросил какой-нибудь небольшой залог дружбы. Отец, будучи крайне беден, не нашёл ничего, что мог бы

дать, кроме чётков, которые носил на шее. «Эти четки, — сказал он купцу, — не окажутся для вас бесполезны, если только вы будете уповать на Марию».

Купец отплыл, весьма уверенный в покровительстве Небес и не страшась ни пиратов, ни ветров, ни рифов. Но Бог пожелал испытать его веру: он уже почти пересёк без всякой опасности большой залив, что лежит между Мелиапуром и Малаккой, как вдруг поднялась яростная буря. Паруса, мачта и руль тотчас сломались, а судно затем было выброшено на скалы, где и разбилось вдребезги. Большинство моряков и пассажиров утонули; некоторые уцепились за скалы, на которые их выбросило, и купец, о котором мы говорим, был одним из них. Но поскольку они находились в открытом море и им нечем было прокормиться, то, чтобы не умереть с голоду, они приняли решение, которое могло внушить лишь отчаяние: собрав несколько досок от обломков своего корабля и связав их вместе как можно крепче, они бросились на них и предалися на милость волн, надеясь лишь на то, что попутное течение вынесет их к земле.

Купец, исполненный упования на Пресвятую Деву, держал в руках четки Ксаверия и не боялся погибнуть, пока они были у него. Едва доски коснулись воды, как он словно впал в забытие и вообразил, будто находится в Мелиапуре с о. Франциском. Придя в себя, он был весьма удивлен, очутившись на неведомом берегу и не видя более ни своих товарищей по несчастью, ни досок, которым вверил свою жизнь. От появившихся людей он узнал, что это побережье Нагапаттинама, и в порыве, где смешались радость и изумление, поведал им, каким чудесным способом Бог избавил его от смерти.

Другой португалец, по ремеслу солдат, по имени Жерониму Фернандеш де Мендоса, получил от Ксаверия значительную помощь иным, но не менее чудесным образом. Отправившись с Коромандельского берега на принадлежавшем ему корабле, в котором заключалось всё его богатство, к другому берегу, что лежит к западу, Фернандеш был захвачен близ мыса Коморин малабарскими корсарами, в равной степени жестокими и алчными. Дабы спасти свою жизнь, пожертвовав имуществом, он бросился в море и, несмотря на свое несчастье, имел удачу вплавь добраться до берега Мелиапуре.

Встретив о. Франциска, он поведал ему о своей беде и попросил милостыни. Отец при этой встрече едва ли не пожалел, что сам беден и нечем ему помочь несчастному; однако он сунул руку в карман, словно что-то там ища. Не найдя ничего, он возвел очи к небу, а затем, повернувшись к Фернандешу с выражением, исполненным сострадания, сказал: «Мужайтесь, брат мой, Божественный Промысел позаботится о вас». После чего, сделав четыре или пять шагов, он снова пошарил в кармане и извлек оттуда более пятидесяти золотых монет. «Держите, — добавил отец, — вот что Небо вам посылает; воспользуйтесь этим, но никому ни слова».

Изумление и радость не позволили Фернандешу молчать; он повсюду разгласил о щедрости своего благодетеля. Золотые монеты оказались столь чистыми и высокопробными, что никто не усомнился в их чудесном происхождении.

Но, быть может, ничто не сравнится по своей удивительности с тем, что произошло между о. Франциском и Жуаном Дейру, или Дуру, как некоторые его называют. Это был человек тридцати пяти лет, в прошлом носивший оружие, а теперь купец и владелец корабля, весьма богатый и удачливый в торговле; однако он был мало доволен и миром, и самим собой, вечно неспокоен среди своих богатств и убеждён,

что лишь божественное может утолить его сердце. Однажды он пришел к святому и сказал ему, что вот уже несколько лет желает переменить свое состояние и служить Богу так совершенно, как только сможет; но две причины всегда его удерживали: первая — что он не встретил никого, кто бы научил его пути совершенства; вторая — что его страшила бедность. Он добавил, что теперь избавился от затруднений по обоим этим пунктам: что касается первого, то, имея такого просвещенного наставника, как о. Ксаверий, он надеется уверенно идти по небесному пути; что же до второго, то он накопил достаточно, чтобы прожить остаток своих дней в достатке. Он умолял о. Франциска позволить ему следовать за ним и обещал повсюду содержать его на свои средства.

Отец объяснил Дейру, сколь далёк тот от Царства Божия; что для совершенства надобно исполнить то, что Господь наш посоветовал юноше, желавшему следовать за Ним, то есть исполнить буквально слова: *«Продай все, что имеешь, и раздай нищим»*. Дейру, тотчас отбросив заблуждения, сказал отцу, что просит его взять всё его достояние и раздать бедным. Ксаверий не захотел ни делать того, что предлагал Дейру, ни позволять ему распоряжаться чем-либо до исповеди, без сомнения, предвидя, что столь богатый человек будет обязан вернуть часть своего богатства.

Исповедь купца длилась три дня; после чего, продав свой корабль и товары, он вернул чужое достояние и сотворил великую милостыню. Затем под руководством святого он предался упражнению в молитве и покаянии, дабы заложить прочное основание для совершенства, к которому стремился.

Столь прекрасные начинания не имели счастливого продолжения, и этот дух уединения, умерщвления плоти и нищеты вскоре угас в человеке, привыкшем к мирской суете, всегда жившем в свое удовольствие и страстно любившем богатство. Он снова вернулся к мыслям о покинутом им состоянии и, раздобыв драгоценных камней, тайно купил небольшой корабль, чтобы вновь заняться торговлей.

Когда он уже был готов отплыть, один катехизатор по имени Антониу пришел сказать ему, что о. Франциск хочет с ним говорить. Дейру, который думал лишь о побеге и никому не поверял своего замысла, сделал вид, будто его приняли за другого. Но поскольку Антониу настаивал, что отец спрашивал именно его, он не осмелился более притворяться и пошёл к нему, решив, однако, все отрицать, полагая, что о его перемене и бегстве могут быть лишь смутные догадки. Для этого он принял уверенный вид и смело предстал перед о. Франциском.

Но Бог открыл отцу душевное расположение Дейру. «Ты согрешил, — сказал ему Ксаверий, увидев его, — ты согрешил». Эти немногие слова так сильно его поразили, что он, весь дрожа, бросился к ногам святого, восклицая: «Это правда, отец мой, я согрешил». «Так покайся же, дитя моё, — отвечивал отец, — покайся!» Дейру тотчас исповедался, пошёл продал свой корабль и все деньги раздал бедным; после чего вернулся, чтобы снова верить себя руководству отца, с твёрдым намерением лучше следовать его советам и служить Богу вернее.

Какой бы искренней ни казалась решимость Дейру, Ксаверий не доверился ей, и новое рвение бывшего купца показалось ему подозрительным. Посему он не захотел принимать его в Общество Иисуса, которое требует людей твёрдого духа и постоянных в своём призвании. Однако он не преминул взять его своим спутником в качестве катехизатора и повёз его с собой в Малакку; ибо, пробыв четыре месяца в Мелиапуре, он покинул сей город в сентябре 1545 года, несмотря на слёзы народа,

желавшего его удержать, и направился в Малакку с намерением оттуда перебраться в Макаassar.

Перед отплытием он написал отцу Паулу да Камерино в Гоа, чтобы, когда из Португалии придут отцы Общества, которых ждали со дня на день, двое из этих новых миссионеров сопровождали принцев Джафнапатнама, когда португальцы предпримут попытку восстановить на престоле законного короля; ибо существовал замысел возобновить поход, прерванный низкой корыстью. Но замысел этот не осуществился, и принцы те умерли один за другим менее чем за два года, так что их обращение послужило на пользу лишь им самим.

Когда корабль, на котором плыл Ксаверий, пересекал Бенгальский залив, представился случай для проявления милосердия, который святой не упустил. Моряки и солдаты, по своему обыкновению, коротали время за игрой в карты. Двое солдат увлеклись игрой более из алчности, нежели для развлечения, и одному из них так не везло, что он проиграл не только все свои деньги, но и те, что были доверены ему для приумножения. Не имея больше ничего, что можно было бы проиграть, он удалился, проклиная свою злую долю и хуля имя Божие. Отчаяние его зашло так далеко, что он бросился бы в море или пронзил себя мечом, если бы его не удержали. Ксаверий, узнав о порывах этого несчастного, тотчас поспешил ему на помощь; он с нежностью обнял его и сделал все, что мог, дабы его утешить; но солдат, все еще охваченный яростью, оттолкнул отца и даже осыпал его бранью. Ксаверий, немного помолвившись, чтобы спросить Бога, пошёл и занял пятьдесят реалов у одного из пассажиров, принес их солдату и посоветовал ему отыгаться. Солдат воспрянул духом и играл так удачно, что выиграл гораздо больше, чем проиграл.

Святой, который при этом присутствовал, взял из выигрыша то, что ему одолжили, и, видя игрока в спокойном расположении духа, так искусно направил его, что тот, кто прежде не хотел его и слушать, убеждённый его речами, более никогда не брал в руки карт и стал человеком примерной жизни.

Они прибыли в Малакку 25 сентября. Поскольку это один из городов Индий, где святой, чье житие я пишу, свершил больше всего деяний и куда чаще всего путешествовал, не будет лишним сказать здесь о нём несколько слов. Он расположен за Бенгальским заливом, у оконечности того полуострова, что от устья Иравади простирается на юг, почти до экваториальной линии, и находится на двух с половиной градусах широты напротив острова Суматра, который древние, не знавшие этого пролива, считали соединённым с материком.

Малакка находилась под властью королей Сиама, пока сарацины, торговавшие там, не набрали силу и сперва не обратили её в магометанство, затем не подняли мятеж против её законного государя и, наконец, не установили там монархию своей веры во главе с правителем по имени Магомет.

Не было тогда города более славного своей торговлей и куда бы стекалось большее число разных народов; ибо, кроме народов Гуджарата, Аракана, Малабара, Пегу, Суматры, Явы и Молуккских островов, там продавали свой товар арабы, персы, китайцы и японцы. Потому и город был выстроен вдоль моря для удобства торговли.

Из всех народов Азии нет ни одного, чей нрав был бы более склонен к удовольствиям, и кажется, что это происходит от самого воздуха; ибо весна там вечная, несмотря на близость к экватору. Жители весьма склонны следовать своим природным наклонностям, и у них только и есть, что благовония, музыка, пиры, не говоря уже о плотских утехах, в коих они не знают никакой меры. Даже язык, на котором они говорят, несет на себе отпечаток изнеженности этой страны: он зовется малайским и из всех языков Востока — самый изысканный и сладкозвучный.

Дон Афонсу де Албукерки завоевал Малакку в 1511 году; и тридцать тысяч человек с восемью тысячами орудий и бесчисленным множеством слонов и кораблей не смогли её защитить. Она была взята силой в двух приступах восемьюстами храбрейшими португальцами, которым помогало небольшое число людей, приведенных с Малабара. Албукерки отдал её на разграбление на три дня, и мавританскому королю не оставалось ничего иного, как бежать с пятьюдесятью людьми. Португальцы построили там цитадель, которую губернаторы Индий впоследствии укрепили, но не настолько, чтобы она могла противостоять натиску варваров, которые нападали на неё несколько раз и частично разрушили.

Едва Ксаверий сошел на берег, как пошел к губернатору города, чтобы изложить ему свой замысел относительно Макасара. Губернатор сказал отцу, что недавно послал на тот остров священника весьма святой жизни с португальскими солдатами и со дня на день ждет от них новостей; а пока он считает, что ему и его спутнику следует остаться в Малакке, пока не станет известно истинное положение христиан Макасара. Ксаверий поверил губернатору и удалился в приют, который избрал местом своего пребывания.

Народ толпами сбегался туда, чтобы увидеть апостольского мужа, чья слава гремела по всему Востоку. Отцы и матери показывали его своим детям, и было замечено, что слугитель Божий, лаская маленьких португальцев, называл каждого по имени, словно знал их, а не был только что прибывшим чужестранцем.

В остальном же он нашёл город в состоянии ужасающей нравственной порчи. Португальцы, которые были там, вдали и от епископа, и от вице-короля Индий жили в безудержной распущенности, не страшась ни церковных, ни гражданских законов. Алчность, невоздержанность, бесстыдство, забвение Бога царили повсюду, и лишь одежда, или, вернее, крайности пороков, отличали христиан от неверных.

Столь плачевное состояние дало понять о. Ксаверию, что его пребывание в Малакке, возможно, не будет бесполезным; но, прежде чем предпринять исправление испорченного города целиком, он несколько дней посвятил себя исключительно служению больным, провёл несколько ночей в молитве, предаваясь необычайно суровым подвигам.

После этих приготовлений он начал публичные наставления тем же способом, каким впервые делал это в Гоа. Вечером, идя по улицам с колокольчиком в руке, он громко возглашал: «Молите Бога о тех, кто пребывает в смертном грехе!» — и тем самым незаметно напоминал грешникам о неурядицах их жизни. Ибо, видя дурное расположение их сердец и то, сколь легко усугубить зло, применив к нему слишком сильные средства, он как никогда прежде умерял пыл своего рвения. Хотя от природы он и так имел ясный лик и обладал приятностью в общении, весёлость его и всё обаяние нрава, казалось, удвоились в Малакке, так что его спутник, Жуан Дейру, не мог вдоволь надивиться, видя его столь радостным и кротким.

Так апостол покорил все сердца и стал, в некотором роде, господином города. Прежде всего он искоренил укоренившийся обычай, позволявший девицам по желанию одеваться юношами, что было причиной бесчисленных соблазнов. Он изгнал сожительниц или сделал их законными супругами, следуя методу, которого придерживался и в других местах. Что до детей, которые не имели никакого познания о Боге и, едва начав говорить, разучивали бесстыдные песни, то он так хорошо наставил их за короткое время, что можно было слышать, как они прилюдно читают вслух христианское учение, и видеть, как они посреди улиц устраивают маленькие алтари, где все вместе поют католические молитвы.

Но в чём он преуспел наипаче, так это в восстановлении практики исповеди, которую забросили было почти полностью: мужчины и женщины толпами являлись теперь на суд покаяния [такими толпами], что отец не успевал уделить время всем.

Он не оставлял и изучения малайского языка, который в ходу на всех островах за Малаккой и является там своего рода языком общепонятным. Первой его заботой было перевести на малайский малый Катехизис, составленный им на Рыбацком Берегу, и более пространное наставление, трактовавшее об основных обязанностях христианина. Всё это он выучил наизусть и, чтобы его лучше понимали, уделил особое внимание произношению.

С этими пособиями и с помощью переводчиков, в которых у него не было недостатка, он обратил множество идолопоклонников, магометан и иудеев, среди прочих — одного знаменитого раввина, который публично отрекся от иудаизма. Этот раввин, поначалу принимавший за басни или фокусы то, что говорили о Ксаверии, убедился в истине собственными глазами; ибо никогда святой не совершал столько чудес, как в Малакке. Судебные показания свидетелей того времени гласят, что все больные, к которым он прикасался, исцелялись, и что руки его, казалось, имели целительную силу против всякого рода недугов.

Одним из самых знаменитых исцелений был случай Антониу Фернандеша. Этот юноша, которому было едва ли более пятнадцати лет, был уже на смертном одре. Его мать, по исповеданию христианка, но в сердце ещё немного язычница, видя, что все естественные средства не оказывают никакого действия, прибегла к неким заклинаниям, которые практиковались среди язычников, и призвала старую колдунью по имени Наи. Колдунья наложила свои чары на веревку, свитую из нескольких смешанных и переплетенных нитей, и обвязала ею руки больного.

Вместо ожидаемого исцеления Фернандеш потерял дар речи, и у него начались такие сильные судороги, что вновь призванные врачи совершенно отчаялись в его спасении. Ждали лишь того момента, когда он испустит дух, как вдруг одна пришедшая христианка сказала матери умирающего: «Почему вы не позовёте святого отца? Он непременно исцелит вашего сына». Та поверила сказанному и послала за Ксаверием; он тотчас пришёл. Фернандеш, который был уже без чувств и выпускал последние вздохи, начал кричать и метаться, как только святой переступил порог дома; но когда он предстал перед больным, то начались ужасающие вопли и корчи, которые многократно усилились при виде креста, который ему поднесли.

Ксаверий не усомнился, что в болезни Фернандеша наличествовало нечто сверхъестественное, и сам Бог в наказание матери за использование магических средств предал сына злему духу. Он преклонил колени у постели, прочел вслух

Страсти Господни, повесил свой реликварий на шею больному и окропил его святой водой. Это усмирило ярость беса, и юноша, полумёртвый, сделался неподвижен, как и прежде. Тогда Ксаверий, встав, сказал: «Приготовьте ему поесть», — и указал, что ему следует дать. Затем, обращаясь к отцу больного, добавил: «Как только ваш сын сможет ходить, вы сами будете водить его в течение девяти дней в церковь Богоматери-на-Горе, где я завтра отслужу за него мессу». После этого он вышел, и на следующий день, когда он совершал Святое жертвоприношение, Фернандеш внезапно пришёл в себя, заговорил осмысленно и полностью выздоровел.

Но сколь бы удивительным ни казалось в глазах мира исцеление этого юноши, воскрешение молодой девушки было ещё удивительнее. Ксаверий отправился в недолгое путешествие по окрестностям Малакки ради какого-то дела милосердия, когда эта девушка умерла. Мать, которая повсюду искала святого во время болезни дочери, пришла к нему, как только узнала о его возвращении, и, бросившись к его ногам вся в слезах, сказала ему почти то же, что Марфа сказала Господу нашему: что если бы он был в городе, та, кого она оплакивает, не умерла бы; но если он изволит призвать имя Иисуса Христа, усопшая немедля оживёт. Ксаверий восхитился при виде такой веры в женщине, крещённой всего несколько дней назад; и, сочтя её достойной милости, о которой она просила, возведя очи к небу и, помолившись некоторое время в молчании Богу, повернулся к ней и сказал уверенным тоном: «Иди, дочь твоя жива».

Бедная мать, видя, что святой не собирается идти к месту погребения, возразила, колеблясь между надеждой и страхом, что её дочь похоронена уже три дня. «Неважно, — ответил Ксаверий, — иди, открой гробницу, и ты найдешь ее живой». Мать, не говоря более ни слова, с упованием побежала в церковь и в присутствии многих людей, велев поднять камень, покрывавший гроб, нашла свою дочь живой и невредимой.

Пока в Малакке происходили эти события, корабль из Гоа доставил о. Ксаверию письма из Италии и Португалии, из коих он узнал о счастливых успехах Общества Иисуса и обо всём, что оно уже совершало в Германии на общее благо Церкви. Он читал и не мог начитаться; тысячу раз целовал эти письма и орошал слезами, воображая, по его собственным словам, будто он либо находится со своими братьями в Европе, либо они — с ним в Индиях.

В то же время он получил известие, что к нему на подмогу прибыли три миссионера, посланные о. Игнатием, которых дон Жуан де Каштру, преемник дона Афонсу де Соузы в управлении Индиями, привёз из Португалии в Гоа. Миссионерами этими были Антонио Криминали, Никколо Ланчилотти и Хуан де Бейра, все трое священники, первые двое итальянцы, а третий испанец; мужи апостольские и выдающейся добродетели, в особенности Криминали, который из всех сынов Игнатия первым удостоился чести мученичества. Ксаверий тотчас же распорядился ими, письменно приказав, чтобы Ланчилотти остался в семинарии Святой Веры преподавать основы латинского языка индийской молодёжи, а двое других отправились к Франсишку [Мансильясу] на Рыбацкий Берег.

Сам же он, прождав более трех месяцев вестей из Макассара и видя, что время, подходящее для возвращения корабля, посланного губернатором Малакки, совершенно миновало и что ни одно судно не идёт с той стороны, заключил, что

Провидение не желает в настоящее время использовать его для наставления этих народов, у которых уже был священник.

Тем не менее, дабы находиться поближе и иметь возможность помочь им, как только Небо пошлёт ему такой случай, он помыслил отправиться на другие соседние острова, которые были совершенно лишены евангельских служителей.

Тогда Бог открыл ему бедствия, угрожавшие Малакке, — чуму и войну, от которых этому городу предстояло пострадать в последующие годы, и крайнее разорение, до которого он однажды дойдёт в наказание за свои преступления. Ибо жители, изменившие свои нравы после прибытия святого, незаметно вернулись к своим порокам и стали даже распутнее, чем когда-либо, как это обыкновенно бывает с людьми развратной жизни, которые на время принуждали себя к добродетели, но сила дурных привычек вновь увлекает их ко греху. Ксаверий не преминул возвестить им о карах Божиих и призвать их к добродетели ради их же собственного блага; но его угрозы и увещания оказались напрасны. Это и заставило его сказать о Малакке совершенно противоположное тому, что он говорил о Мелиапуре: что он не видел в Индиях города более нечестивого.

Он отплыл в Амбон в первый день января 1546 года вместе с Жуаном Дейру на корабле, который шёл к островам Банда. Капитан судна был португалец; остальные же, как матросы, так и солдаты, — индийцы, почти все из разных стран, и по большей части магометане или язычники. Святой обратил их к Иисусу Христу во время путешествия; и что убедило неверных в истине христианства, так это то, что, когда о. Ксаверий объяснял им тайны веры на одном языке, каждый из них слышал его на своем, словно он говорил на нескольких языках одновременно.

Прошло уже полтора месяца, как они находились в море, но Амбона так и не видели. Кормчий решил, что они миновали его, и был из-за этого в большом затруднении, не зная, как вернуться, ибо ветер дул им прямо в корму. Ксаверий, видя беспокойство кормчего, сказал ему: «Не тревожьтесь, мы ещё в заливе, а завтра на рассвете увидим Амбон». И действительно, на следующее утро они оказались в виду острова. Поскольку кормчий не хотел бросать якорь, о. Ксаверия с другими пассажирами посадили в шлюпку, а корабль продолжил свой путь. Когда шлюпка уже готова была пристать к берегу, внезапно появились две легкие пиратские фусты⁸, рыскавшие вдоль побережья, и стремительно погнались за ней. Не надеясь получить помощь от корабля, который отошёл уже довольно далеко, и не имея чем защищаться, шлюпка обратилась в бегство и, гребя изо всех сил, ушла в открытое море, так что корсары вскоре потеряли её из виду. Избежав опасности, путешественники не осмеливались вернуться в порт, опасаясь, что две фусты поджидают их в проливе; но отец заверил моряков, что бояться больше нечего. И так, повернув к острову, они благополучно пристали к нему 16 февраля.

Остров Амбон отстоит от Малакки примерно на двести пятьдесят лиг; в окружности он имеет около тридцати и весьма знаменит торговлей, ради которой туда съезжаются купцы отовсюду. Португальцы, завоевавшие его во времена, когда Антониу Галван был губернатором Тернате, держали там гарнизон, и кроме того по всему острову было семь деревень христиан из местных жителей, но без единого священника, ибо единственный, кто там был, недавно умер. Ксаверий начал с посещения этих деревень и сперва крестил множество детей, которые умерли тотчас после крещения. «Словно бы, — говорит он сам в одном из своих писем, —

Божественный Промысел продлил им жизнь лишь до тех пор, пока им не отворили врата Небесные».

Узнав, что несколько семейств ушли с морского побережья в глубь лесов и в горные пещеры, чтобы укрыться от ярости варваров, своих соседей, и врагов, которые грабили побережье и убивали или брали в рабство всех, кто попадал им в руки, он пошел искать этих бедных дикарей среди их ужасных скал и лесов и жил с ними столько, сколько потребовалось, чтобы хорошо научить их обязанностям христианства, которых большинство из них не знало.

Наставив верных, он принялся проповедовать веру идолопоклонникам и маврам; и Бог так благословил слово Своего слуги, что большая часть острова стала христианской. Он построил церкви в каждой деревне и избрал среди жителей самых разумных, способных и ревностных, чтобы они были наставниками для остальных, пока не придут отцы из Общества. Он написал об этом в Гоа и поручил Паулу да Камерино прислать ему Франсишку Мансильяса, Хуана де Бейру и одного или двух из первых миссионеров, которые придут из Европы. Он особо приказал приехать Мансильясу: его замысел состоял в том, чтобы основать на одном из этих островов обитель Общества, которая бы постоянно поставляла делателей для проповеди Евангелия по всему этому великому архипелагу.

Когда Ксаверий так трудился на Амбоне, туда прибыли две морские армады: одна португальская, из трех кораблей, другая испанская, из шести военных судов. Испанцы пришли из Новой Испании, именуемой Мексикой, чтобы, по их словам, завоевать Молуккские острова во имя императора Карла V; но предприятие их не увенчалось успехом. После двух лет походов и долгого пребывания у короля Тидоре, который принял их, чтобы вызвать ревность у португальцев, союзников короля Тернате, его врага, они держали путь через Амбон, чтобы проследовать в Индии, а оттуда — в Европу.

Они ввязались в несправедливый поход, нарушавший права Португалии и предпринятый без приказа Карла V; ибо этот государь, которому король Жуан III принес на то жалобы, отрекся от своих подданных и позволил обращаться с ними как с корсарами.

Португальцы, однако, так с ними не поступили; но, кажется, сам Бог отомстил за них, поразив испанцев заразной лихорадкой, которая истребила большую часть флота. Печальное то было зрелище — видеть солдат и матросов, лежащих вповалку на своих кораблях или на берегу, под хижинами, крытыми листьями. Недуг, снедавший их, отпугивал всех; и чем больше они нуждались в помощи, тем меньше получали её от жителей острова.

При первом же известии об их болезни Ксаверий оставил всё, чтобы помочь им, и то, на что подвигла его любовь при этой встрече, превосходит всякое воображение. Он день и ночь пребывал в непрестанном движении, облегчая одновременно и телесные, и душевные страдания, помогая умирающим, облачая усопших и сам же их погребая. Поскольку у больных не было ни еды, ни лекарств, он добывал их отовсюду; и больше всех снабжал его один португалец по имени Жуан де Арауш, с которым он прибыл из Малакки на Амбон.

Тем не менее, поскольку болезнь с каждым днем всё усиливалась, Арауш убоился обеднеть от своей щедрости, и из сострадательного к бедным, каким он являлся поначалу, сделался так к ним суров, что от него уже ничего нельзя было добиться.

Однажды о. Ксаверий послал попросить у него вина для больного, страдавшего от постоянной слабости. Арауш дал с неохотой и сказал, чтобы больше к нему не приходили, остальное нужно ему самому, ведь когда у него ничего не останется, где, мол, прикажут ему брать? Едва эти слова были переданы о. Франциску, как он, вспыхнув святым негодованием, сказал: «О чем думает Арауш, сберегая вино для себя и отказывая в нем членам Иисуса Христа? Конец его жизни близок, а после его смерти всё его достояние будет роздано бедным». Такую участь он предрёк Араушу, и, как мы увидим далее, предсказание это сбылось в точности.

Хотя чума ещё не прекратилась полностью, и на судах ещё оставались больные, испанский флот отплыл в сторону Гоа, понуждаемый приближающейся зимой, которая в тех краях начинается в мае. О. Ксаверий позаботился о нуждах солдат и снабдил их перед отплытием всем, что смог получить от щедрот португальцев. Он даже поручил их своим друзьям в Малакке, через которую должен был пройти флот, и написал в Гоа о. Паулу да Камерино, чтобы тот непременно разместил в коллегии Общества монахов ордена св. Августина, прибывших из Мексики с армадой, и оказал им все добрые услуги, которых заслуживали их сан и добродетель.

После отбытия испанцев Ксаверий совершал недолгие поездки по окрестностям Амбона, во время коих посетил несколько полупустынных островов, ожидая случая сесть на корабль, который доставил бы его на Молуккские острова, ещё более близкие к Макассару, чем Амбон. Один из этих островов — Баранура; именно там он чудесным образом вновь обрел своё распятие, о чём я сейчас расскажу и что поведал один португалец по имени Фаусту Родригеш, бывший свидетелем этого события — он показал это под присягой, и его присяжное свидетельство находится в деле о канонизации святого.

«Мы были в море, — говорит Родригеш, — о. Франциск, Жуан Рагозу и я, когда поднялась буря, встревожившая всех моряков. Тогда отец извлек из-за пазухи маленькое распятие, которое всегда носил с собой, и, наклонившись над бортом корабля, хотел было опустить его в море; но распятие выскользнуло у него из рук, и волны унесли его. Эта потеря весьма опечалила отца, и он сам поведал нам о своей скорби. На следующий день мы пристали к острову Баранура. С того момента, как распятие было утеряно, и до того, как мы сошли на берег, прошло около двадцати четырех часов, в течение которых мы постоянно находились в опасности. Сойдя на землю, о. Франциск и я двинулись вместе вдоль берега к селению Таламо и прошли около пятисот шагов, когда оба увидели, как из моря вышел краб, который нёс в своих клешнях то самое распятие, поднимая его вверх. Я видел, как краб подошел прямо к отцу, рядом с которым я был, и остановился перед ним. Отец, преклонив колени, взял свое распятие, после чего краб вернулся в море. Но отец, не вставая, обнимая и целуя распятие, оставался на том же месте полчаса в молитве, скрестив руки на груди, и я с ним, и мы оба вместе благодарили Господа нашего за столь явное чудо; затем, встав, мы продолжили наш путь». Вот что сообщил Родригеш.

Они пробыли на острове восемь дней, а затем отплыли в Росалао, где Ксаверий сперва проповедовал, как и в Барануре; но населявшие эти два острова идолопоклонники, крайне порочные, совершенно дикие и имевшие от человека

лишь облик, не поверили его словам, и лишь один из них, оказавшийся разумнее, чем остальные, уверовал в Иисуса Христа. Так что святой апостол, покидая Росалао, снял обувь с ног своих и потряс её, чтобы не уносить с собой праха столь проклятой земли.

По правде говоря, это единственное обращение стоило многих. Святой в крещении дал обращённому идолопоклоннику свое имя — Франциск — и предсказал ему, что он умрёт в великом благоговении, призывая имя Иисусово. Пророчество это запомнили, оно прославило нового верующего и исполнилось сорок лет спустя; ибо этот христианин, покинув свой варварский остров и став солдатом, служил португальцам в различных случаях до тех пор, пока в 1588 году не был смертельно ранен в бою на службе у дона Саншу Васконселуша, губернатора Амбона, который воевал с сарацином Хиамао. Франциску принесли в лагерь, и многие, как индийцы, так и португальцы, сбегались туда, чтобы увидеть, как исполнится предсказание блаженного отца Ксаверия. Все они видели, как солдат умер в необычайно благочестивом расположении чувств, беспрестанно повторяя: «Иисусе, помоги мне».

Остров Сапаруа, более населённый и менее дикий, чем Баранура и Росалао, не остался так глух и непокорен голосу святого. Он застал этот остров охваченным войной, а короля — осаждённым в своей столице, готовым вот-вот сдаться, не от недостатка мужества или людей, но из-за нехватки воды, ибо враги перекрыли источники, а дождя не предвиделось; так что в великую жару, что тогда стояла, ни люди, ни кони не могли дольше выносить страданий.

Случай показался о. Ксаверию весьма удачным, чтобы приобрести для Иисуса Христа и побеждённых, и, быть может, победителей. Исполненный благородного упования на Бога, он находит способ проникнуть в город и, представ перед королем, предлагает оказать ему необходимую помощь. «Позвольте мне, — говорит он, — водрузить здесь крест, и доверьтесь Богу, Которого я пришел вам возвестить; Он — Господь и Владыка природы, Который, когда Ему угодно, отверзает источники небесные и орошает ими землю. Но, — добавил Ксаверий, — в случае, если пойдет дождь, обещайте мне, что вы признаете Его могущество и вместе с вашими подданными примете Его закон».

В крайности, до которой был доведен король, он без труда согласился на всё, чего желал отец, и даже обязался в публичной речи в точности сдержать данное слово, лишь бы то, на что ему сулили надежду, исполнилось.

Тогда Ксаверий, велев сделать большой крест, водрузил его на самом высоком месте в городе и там, преклонив колени среди толпы солдат, детей и женщин, которых необычное зрелище привлекло не меньше, чем ожидание успеха, представил Богу смерть Его Сына и заклинал Его заслугами распятого Спасителя, пролившего Свою кровь за всех людей, не отказать в малой толике воды ради спасения языческого народа.

Едва святой начал свою молитву, как небо покрылось тучами, а как только он её закончил, полил обильный дождь, который шёл до тех пор, пока не были сделаны запасы воды. Враги, уже не надеясь взять город, тотчас сняли осаду; а король со всем народом принял крещение от руки о. Ксаверия. Он даже пожелал, чтобы и другие острова, подвластные его короне, поклонились Иисусу Христу, и убедил святого отправиться туда для проповеди веры. Ксаверий провел более трёх месяцев во всех этих недолгих путешествиях; после чего, вернувшись на Амбон, где он оставил

своего спутника Жуана Дейру для попечения о новой христианской общине и где вновь оставил его с той же целью, сел на португальский корабль, который шел к Молуккским островам.

То, что называют Молуккскими островами, — это область в Восточном океане, разделенная на несколько довольно малых островов, расположенных близ экватора, весьма богатых гвоздикой и широко известных торговлей пряностями.

Насчитывают пять главных: Тернате, Тидоре, Мотир, Макиан и Бачан. Первый находится на полградуса от экваториальной линии к северу; остальные следуют в том порядке, в каком мы их назвали, и все пять расположены в пределах видимости друг от друга. Это те самые знаменитые острова, из-за которых Фернан Магеллан породил столько споров среди географов и столько ссор между Кастилией и Португалией; ибо португальцы открыли их со стороны востока, а испанцы — со стороны запада, и те, и другие претендовали на право включить их в свои завоевания, согласно отсчитанным ими градусам долготы.

Тернате — самый большой из Молуккских островов, и именно туда направился отец Ксаверий. Ему предстояло пересечь залив в девяносто лиг, весьма опасный как из-за сильных приливов, так и из-за причудливых ветров, которые вызывают там бури, когда море кажется наиболее спокойным. Корабль, на котором плыл отец, был одним из тех судов, что в той стране называют каракоа⁹, длинных и узких, как галеры, и которые ходят под парусом и на веслах. Другой, точно такой же корабль, на котором находился португалец по имени Жуан Галван со всем своим достоянием, отплыл в то же время с Амбона, и оба они шли вместе в Тернате.

Посреди залива их застала буря и разбросала так далеко друг от друга, что они потеряли друг друга из виду. Каракоа Ксаверия, несколько раз оказавшись на волосок от гибели, в конце концов спаслась и своего рода чудом достигла порта Тернате.

Что же до судна Галвана, то никто не знал, что с ним случилось, и вести о нём пришли лишь через явное откровение. В первый же праздничный день, когда отец проповедовал народу, он внезапно прервался посреди своей речи и затем сказал: «Помолитесь Богу о душе Ж. Галвана, который погиб в заливе». Некоторые из его слушателей, друзья Галвана и имевшие долю в его каракоа, побежали к матросам, которые привезли отца, и спросили их, что им известно наверняка о столь печальной новости. Те ответили, что ничего не знают, кроме того, что буря разделила две каракоа. Португальцы при этих словах воспрянули духом и вообразили, что о. Франциск знает не больше, чем матросы; но вскоре им довелось убедиться в своей ошибке воочию, ибо три дня спустя они увидели на берегу тело Галвана и обломки корабля, выброшенные морем.

Почти в то же время, когда отец служил мессу, повернувшись к народу, чтобы сказать: «*Orate, fratres*» («*Молитесь, братия*»), он добавил: «Молитесь также о Жуане де Арауше, который только что умер на Амбоне». Присутствовавшие отметили и день, и час, чтобы проверить позднее, окажется ли сказанное отцом правдой. Десять или двенадцать дней спустя прибыл корабль с Амбона, и истина стала известна не только из различных писем, но и от одного португальца, который видел, как Арауш умер в тот самый момент, когда Ксаверий призывал народ молиться Богу об упокоении его души. Этот Арауш — тот самый купец, который отказал в своем вине больным с испанского флота и которому святой муж предсказал скорую смерть. Он

заболел, как только Ксаверий уехал; и поскольку у него не было ни детей, ни наследников, всё, что ему принадлежало, было после его кончины роздано бедным по обычаю той страны.

Кораблекрушение Галвана и смерть Арауша придали большой вес тому, что слышали в Тернате о святости о. Франциска, и с первого же дня снискали ему великое доверие. И меньшей славы было бы недостаточно не то чтобы для исправления пороков острова, но хотя бы для того, чтобы быть услышанным народом весьма распущенным, который без стыда совершал отвратительные грехи, о коих даже нельзя говорить с пристойностью.

Чтобы понять, сколь полезны были труды отца для жителей Тернате, достаточно сказать, что он сам написал: из бесчисленного множества распутных людей, бывших в Тернате по его прибытии, все, кроме двоих, оставили свое распутство к его отъезду. Страсть к богатству угасла вместе с любовью к удовольствиям; повсюду возвращали несправедливо нажитое и творили такую милостыню, что «Дом Милосердия»¹⁰, учрежденный для помощи нуждающимся, из весьма бедного стал чрезвычайно богат.

Перемена нравов, произошедшая в христианах, немало послужила обращению сарацин и идолопоклонников. Многие из этих неверных приняли христианство; но самой славной победой святого стала одна знаменитая сарацинка по имени Неахила Покарага, дочь Альмансора, короля Тидоре, и жена Болеифе, который был королем Тернате до того, как португальцы завоевали остров. Государыня эта была весьма одарена умом и благородством, но оставалась глубоко преданной своей вере и закланной противницей христиан, или, вернее, португальцев. Её ненависть к ним, очевидно, имела под собой все основания; ибо государыня приняла португальцев в своем королевстве весьма учтиво и даже позволила обосноваться в одном из мест на острове для удобства их торговли, они же обошлись с ней так дурно, что после смерти короля, её супруга, ей осталось лишь имя королевы; а из-за их интриг три принцессы, её дочери, лишились короны, свободы и жизни. Несчастливая судьба заставила государыню несколько лет скитаться с острова на остров; но Провидение, имевшее на нее свои замыслы, в конце концов вернуло её в Тернате примерно в то время, когда туда прибыл Ксаверий. Она жила там как частное лицо, без власти, но, тем не менее, в пышности, сохраняя от своего прежнего положения гордый вид, который великие мира сего не теряют даже в оковах.

Святой нашел способ увидеть её и поговорить с ней. С первых же бесед он внушил ей великие понятия о Царстве Божием; дал ей понять, однако, сколь легко это царство обрести, и что, однажды овладев им, не следует бояться его потерять. Так что сарацинская государыня, которой не на что было более надеяться на земле, обратила свои мысли и желания к Небу. Правда, поскольку она имела глубокий ум и была весьма сведуща в законе Магомета, с ней пришлось изрядно поспорить; но так как отец разъяснил все её сомнения, это лишь послужило тому, чтобы она лучше познала лживость Алькорана и истину Евангелия. Она уступила доводам святого, или, вернее, благодати Иисуса Христа, и была публично крещена самим святым, который дал ей имя Изабелла.

Он не удовольствовался тем, что сделал её христианкой: видя в ней удивительные задатки для благочестия, прямой ум, нежное сердце, все благородные и добрые наклонности, он с необычайной заботой возвращал их и мало-помалу вел её по

самым возвышенным и прочным путям духовной жизни. Так что Неахила под руководством отца Ксаверия стала истинно благочестивой, то есть из гордой и надменной сделалась смиренной и скромной, кроткой к другим и суровой к себе, снося свои несчастья, ни на кого не жалуясь, беседуя с Богом в уединении и появляясь на людях лишь для того, чтобы творить дела милосердия к ближним. За это её стали почитать и уважать и индийцы, и португальцы больше, чем когда она была на престоле во всём блеске и власти королевского сана.

Во время пребывания Ксаверия в Тернате он услышал о неких островах, отстоящих от него примерно на шестьдесят лиг к востоку, которые носят имя главного из них, обычно называемого островом Моро². Ему рассказали, что тамошние островитяне, сколь бы дики они ни были, по большей части крещены; но вера у них была искоренена почти в то же время, как была введена. И вот что ему об этом поведали.

Жители Момои, города на острове Мавра¹¹, не захотели принимать веру Магомета, когда все окрестные деревни приняли её. И князь, или сеньор города, который предпочел остаться идолопоклонником, нежели стать магометанином, будучи притесняем сарацинами, прибег к помощи губернатора Тернате, которым был Тристан де Атаиде, и обещал, что он и его вассалы станут христианами, если португальцы согласятся их защищать. Атаиде столь благосклонно отнёсся к предложениям князя Момои, что тот сам отправился в Тернате, чтобы там креститься, и в крещении принял имя Жуан в честь Жуана III, короля Португалии. Возвращаясь в Момою, он взял с собой португальского священника по имени Симон Ваш, который обратил многих идолопоклонников. Поскольку число христиан росло день ото дня, другой священник, по имени Франсишку Алвареш, пришел на помощь Вашу, и они оба вместе трудились так успешно, что весь народ Момои отрекся от идолопоклонства и исповедал христианство.

Между тем португальские солдаты, которых обещал им губернатор Тернате, прибыли для защиты города от посягательств магометан. Но жестокости, которые губернатор учинил в Тернате над матерью Касила Аэрио, незаконнорожденного сына короля Болеифе, так разгневали окрестных князей и народы, что они сговорились убить всех португальцев, находившихся в тех краях. Жители Момои, от природы непостоянные и жестокие, начали резню с убийства Симона Ваш, своего первого пастыря, и убили бы и Алвареша, если бы он, преследуемый этими варварами-христианами, осыпaeмый стрелами на берегу моря, не нашел там лодку, в которой и спасся, весь израненный.

Сарацины воспользовались этим беспорядком и, овладев Момоей, заставили весь город переменить веру. Один лишь князь Жуан остался тверд в своей вере, несмотря на угрозы и дурное обращение, которому его подвергли. Немного времени спустя Антониу Галван, тот самый португалец, столь прославленный своим благоразумием, доблестью и благочестием, сменив Тристана де Атаиде в управлении Тернате, послал на остров Мавра священника весьма ревностного и опытного, который вернул умы к христианству и расстроил дела неверных. Но священник этот недолго пробыл на острове, и народ, лишённый всякой духовной помощи, по своему природному непостоянству тотчас вернулся к первоначальному варварству.

Таково было состояние острова Мавра, когда о нём рассказали о. Ксаверию, и это же побудило его отправиться туда проповедовать Евангелие после трёх месяцев в Тернате. Как только его замысел стал известен, были приложены все усилия, чтобы

его расстроить. Друзья его сперва говорили ему, что это страна в равной степени ужасная и бесплодная, как бы проклятая природой и более подходящая для зверей, чем для людей; что воздух там беспримерно тяжёл и тлетворен, отчего чужестранцы не в силах там жить; что горы там постоянно извергают вихри пламени и пепла, а земля часто сотрясается от ужасных землетрясений.

Ему говорили, кроме того, что местные жители превосходят в жестокости и вероломстве всех варваров мира; что христианство ничуть не смягчило их нравов, они травят друг друга ядом, питаются человеческой плотью и когда кто-либо из их семьи умирает, они отрубают ему ступни и кисти рук, из коих готовят себе изысканное блюдо; их бесчеловечность доходит до того, что, желая устроить пышный пир, они просят кого-нибудь из своих друзей одолжить им престарелого отца, чтобы подать его на съедение гостям, с обещанием отплатить тем же при подобном случае.

Португальцы и индийцы, любившие Ксаверия, добавляли, что если эти дикари не щадят своих соотечественников и родных, то что же они сделают с чужестранцем и незнакомцем? Что надобно сделать их людьми, прежде чем делать христианами; и как он запечатлеет в сердцах, не имеющих никакого чувства человечности, основы божественной веры? Кто послужит ему проводником в тех густых лесах, куда большинство из них удаляется, подобно диким зверям? Даже если ему посчастливится их приручить и даже обратить, как долго это продлится? Самое большее — пока он будет жить с ними; а после него не найдется никого, кто захотел бы подвергнуться верной смерти, да и кровь Симона Ваша еще не остыла. Есть же бесчисленное множество других островов, которые никогда не слышали об Иисусе Христе и которые гораздо более расположены принять Евангелие.

Эти доводы сопровождались мольбами и слезами, но были напрасны, и Ксаверий не изменил своего решения. Его друзья, видя, что не могут ничего добиться от него лаской, прибегли, в некотором роде, к силе, вплоть до того, что обязали губернатора Тернате издать указ, которым под страхом суровых наказаний запрещалось любому владельцу судна доставлять о. Франциска на остров Мавра.

Ксаверий проведал, что затевается против него, и не мог удержаться от публичной жалобы на поступок своих друзей. «Эх! Кто эти люди, — говорил он, — что ставят пределы могуществу Божию и имеют столь малые понятия о благодати Спасителя? Неужели есть сердца, достаточно черствые, чтобы противостоять силе Всевышнего, когда Ему угодно смягчить и изменить их; той силе, равно кроткой и могучей, что заставляет цвести сухие стволы и может из лона камней сотворить детей Аврааму? Как! Тот, Кто подчинил весь мир владычеству креста через служение апостолов, не сможет подчинить ему один малый уголок земли! Одни лишь острова Мавра не будут иметь доли во благе искупления! И неужели, когда Иисус Христос отдаст все народы в достояние Отцу вечному, эти племена окажутся исключением?

Варварство их и дикость знаменательны, я признаю; пусть они будут ещё более дики, чем есть: именно потому, что я ничего не могу сам по себе, я тем паче надеюсь на их обращение. *Я всё могу в Укрепляющем меня* (Флп. 4:13), и от Него одного исходит сила евангельских делателей».

Он добавил, что другие народы, менее дикие и более просвещённые, не останутся без проповедников; а этот — для него, раз никто не хочет его брать. Затем, поддавшись святому гневу, он продолжил: «Если бы на этих островах были

благоуханные леса и золотые рудники, у христиан хватило бы мужества отправиться туда, и все опасности мира не уstrasили бы их. Они малодушны и робки, потому что там можно обрести лишь души; и неужели любовь должна быть менее смелой и менее щедрой, чем алчность?

Они убьют меня, говорите вы, железом или ядом. Эта милость не для такого грешника, как я; но я смею вас заверить, что, какие бы муки и какую бы смерть они мне ни готовили, я готов претерпеть в тысячу раз больше ради спасения одной-единственной души. Быть может, если я умру от их руки, они все поклонятся Иисусу Христу; ибо, в конце концов, с первых веков Церкви семя Евангелия приносило больше плодов на невозделанных землях язычества от крови мучеников, нежели от пота миссионеров».

Он завершил свою речь, сказав, что в его предприятии нечего страшиться; и что Бог призывает его на острова Мавра, а люди не помешают ему последовать гласу Божию. Всё сказанное им произвело такое впечатление на умы, что не только указ, изданный против него, был отменен, но многие вызвались сопровождать его через все опасности, которыми его страшили.

Так освободившись от всего, что могло ему помешать, он сел на корабль с несколькими своими друзьями под слёзный плач народа, пришедшего проводить его на берег, словно не надеясь увидеть его вновь. Прежде чем отплыть, он написал отцам Общества, бывшим в Риме, извещая их о своём путешествии.

«И поскольку страна Мавра, — говорит он в своём письме, — весьма опасна, ибо народ её коварен и не гнушается подмешивать яды в еду и питьё, по этой причине перестали ездить в ту землю люди, которые могли бы печься о христианах. Я же, видя нужду христиан острова Мавра в духовном наставлении и в человеке, кто бы крестил их во спасение душ, а также чувствуя и мою собственную нужду пожертвовать временной жизнью ради спасения духовной жизни ближнего, решил отправиться на Мавров остров, чтобы помочь христианам *in spiritualibus* (в духовном), готовый ко всякой смертельной опасности, всю свою надежду и упование возложив на Бога, Господа нашего, и желая сообразоваться, по моим малым и немощным силам, со словом Христа, нашего Искупителя и Господа, Который говорит: *Qui enim voluerit animam suam salvam facere, perdet eam; qui autem perdidit animam suam propter me, inveniet eam* (Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет её, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет её. — Мф. 16:25). И хотя латынь этого Господня изречения ясна, а общий смысл его постижим, но лишь до той поры, пока человек не столкнётся с необходимостью приложить его к собственной жизни. Как только он решается пожертвовать собой ради Бога, дабы обрести вечную жизнь в Нём, и как только на его пути встаёт смертельная опасность, где гибель кажется неминуемым следствием этого выбора, — так тотчас же ясный свет изречения меркнет, и сама прозрачная латынь облекается в тень. И в таком случае, мне кажется, её понимает, сколь бы учён он ни был, лишь тот, кому Бог, Господь наш, по Своей бесконечной милости хочет её открыть в его собственной жизни. В подобных обстоятельствах познаётся природа нашей плоти, сколь она немощна и больна. Многие мои друзья и благожелатели убеждали меня не вступать в столь опасную страну, а видя, что не могут отговорить меня, давали мне множество средств против яда. Я, горячо благодаря их за любовь и добрую волю, но не желая обременять себя страхом, которого до того не имел, и более всего потому, что всю свою надежду возложил на Бога, дабы ничего из неё не умалить, отказался принять те защитные

средства, которые они с такой любовью и слезами мне давали, прося их лишь поминать меня в своих молитвах, ибо это — самое верное средство против яда, какое только можно найти»¹².

Они отплыли при попутном ветре и прошли уже сто восемьдесят миль, когда Ксаверий, внезапно глубоко вздохнув, воскликнул: «О, Иисусе! Несчастные! Их перерезали!» Говоря эти слова и повторяя их несколько раз, он обратил лицо и взор к определенному месту в море.

Матросы и пассажиры тотчас сбежались и спросили его, о какой резне он говорит, ибо сами ничего не видели; но святой был восхищен духом, и в этом восхищении Бог являл ему печальное зрелище.

Едва он пришел в себя, как они продолжили расспрашивать его о причине его криков и вздохов; но он, весьма устыдившись слов, вырвавшихся во время экстаза, не захотел более ничего говорить и удалился помолиться. Впрочем, им не пришлось долго ждать, чтобы увидеть собственными глазами то, чего они не смогли добиться от него словом. Пристав к одному острову, они нашли на берегу тела восьми португальцев, ещё истекавшие кровью, и поняли, что именно эти несчастные вызвали сострадание святого мужа. Они похоронили их на том же месте и водрузили крест над их могилой; после чего продолжили путь и через короткое время достигли острова Мавра.

Как только сошли на берег, Ксаверий направился в первую попавшуюся деревню. Большинство жителей были крещены, но у них осталось лишь смутное представление о своём крещении, а вера их представляла собой смесь магометанства и идолопоклонства.

Варвары при виде чужестранцев обратились в бегство, вообразив, что те пришли отомстить за смерть португальцев, убитых на острове в предыдущие годы. Святой преследовал их до самых лесов, и его лицо, исполненное кротости, дало им понять, что к ним пришел не враг. Он сам объявил им причину своего прихода и говорил с ними по-малайски; ибо, хотя на острове Мавра было такое разнообразие языков, что люди, жившие всего в трех лигах друг от друга, не понимали друг друга, язык Малакки был там в ходу.

Сколь бы дики и свирепы ни были эти островитяне, они не устояли перед обходительностью Ксаверия; он привёл их обратно в деревню, оказывая им всяческое расположение, и начал с того, что стал громко возглашать на улицах христианское учение — в песне. Затем он объяснял его, и так сообразно их варварскому разумению, что они все прекрасно понимали.

Таким образом, он вернул к вере христиан, отпавших от неё, и привлёк к ней неверных, которые не захотели принять её, когда Симон Ваш и Франсишку Алвареш благовествовали им. Не было ни города, ни селения, которое бы Ксаверий не посетил и где бы неверные не водружали крестов и не строили церквей. Город Толо, который был главным на острове и где насчитывалось двадцать пять тысяч душ, был полностью обращён вместе с городом Момоя.

Так остров Мавра стал для святого апостола островом Божественной Надежды, как он хотел, чтобы его называли, и потому, что там следовало ожидать лишь того, что сам Бог творил чудесным образом, и потому, что плоды его трудов превзошли

надежды, которые он на них возлагал, когда его друзья из Тернате хотели внушить ему опасение, что путешествие окажется бесполезным.

Чтобы побудить этих грубых неопитов жить по-христиански, он грозил им вечными муками и давал им понять, что такое ад, через те ужасающие зрелища, что были у них перед глазами; ибо он иногда подводил их к самому краю тех пропастей, откуда массы раскаленных камней взлетали в воздух, подобно пушечным ядрам; и при виде пламени, смешанного с черным дымом, затмевавшим день, он объяснял им муки, уготованные в огненной бездне не только идолопоклонникам и магометанам, но и верующим, которые не живут согласно своей вере. Он даже говорил им, что жерла этих огнедышащих гор суть отдушины ада, и вот его собственные слова, взятые из письма, которое он написал об этом своим братьям в Риме: «Кажется, Бог пожелал Сам воочию открыть местопребывание проклятых людям, ибо они не имели о нём никакого иного знания».

Во время сильных землетрясений, когда нигде не было безопасно, ни в домах, ни в поле, он призывал островитян к покаянию и объявлял им, что эти необычайные происшествия вызваны не душами умерших, сокрытыми под землей, как они думали, но бесами, которые желали лишь их гибели, или всемогущей рукой Божией, которая делала природные силы более действенными, чтобы глубже запечатлеть в сердцах страх перед Его правосудием и гневом.

Одно из самых странных землетрясений случилось 29 сентября. В этот день, посвященный чествованию св. Михаила, христиане собрались в очень большом числе, и отец служил мессу. В середине священнодействия земля затряслась такими сильными толчками, что весь народ в беспорядке выбежал из церкви. Отец опасался, что алтарь опрокинется, но тем не менее не покинул его и завершил святые таинства, помышляя, как он сам сообщил потом, что блаженный архангел в это время изгонял в глубины ада бесов острова, и что эти адские духи производили весь этот шум от досады на своё изгнание из места, где они владычествовали столько веков.

Твёрдость о. Ксаверия изумила варваров и дала им понять, что в человеке, который оставался неподвижен, когда скалы и горы дрожали, присутствовало нечто божественное. Высокое мнение, которое большинство составило о нём, сделало его полновластным господином над ними; он делал с ними всё, что хотел, и с помощью благодати, действовавшей в их душах, пока он действовал извне, он так изменил их, что те, кто по нравам своим были подобны волкам и тиграм, стали послушны, кротки и невинны, как агнцы.

Тем не менее нашлись и такие, что не до конца отрешились от своей природной свирепости, — то ли в знак того, что Божественная благодать, сколь бы могущественна она ни была, не всё совершает в человеке одна, то ли для испытания терпения святого. Самыми непокорными духу Божию оказались яванцы¹³, народ дикий и бесчеловечный, обитающий лишь в пещерах и живущий только в лесах. Не довольствуясь тем, что не следовали наставлениям Ксаверия, они устраивали ему различные козни; и однажды, когда он объяснял им нравственные основы Евангелия на берегу реки, они, разгневанные рвением, с которым он осуждал их порочные нравы, принялись бросать в него камни, пытаясь убить.

Варвары были с одной стороны, а река — с другой, широкая и глубокая, так что Ксаверию невозможно было уклониться от ударов врагов; но нет ничего

невозможного для человека, которого хранят Небеса. На берегу лежало большое бревно; святой без труда толкнул его в воду и, встав на него, в одно мгновение переправился на другой берег, куда камни уже не могли долететь.

В остальном же он претерпел в этой столь дикой и бесплодной стране все мыслимые невзгоды: голод, жажду, наготу; но утешения, которые он получал свыше, весьма скрашивали все эти тяготы, и о том можно судить по письму, адресованному отцу Игнатию; ибо, представив ему верную картину той страны, он пишет:

«Этот отчет я даю вам, чтобы вы знали, сколь обильны эти острова духовными утешениями, ибо все эти опасности и труды, добровольно принятые единственно из любви и служения Богу, Господу нашему, суть обильные сокровища великих духовных утешений. Воистину, это острова весьма располагают к тому, чтобы человек за несколько лет лишился телесного зрения от обилия утешительных слёз. Не припомню, чтобы когда-либо ещё душа моя наполнилась столь обильными и непрестанными духовными утешениями, как на этих островах. А при том и телесные тяготы почти не ощущались, хотя я и пребывал постоянно среди опасностей: на островах, окруженных врагами и населенных не особо надёжными друзьями, в землях, лишённых всяких врачебных средств и почти всякой человеческой помощи для поддержания жизни»¹⁴.

Ксаверий пробыл три месяца на острове Мавра, после чего вновь направился к Молуккским островам, чтобы оттуда перебраться в Гоа, не только для того, чтобы привезти миссионеров, которые бы позаботились о новой христианской общине, основанной им на всех этих островах и которую он не мог поддерживать в одиночку, но и для того, чтобы устроить дела Общества, которое день ото дня росло в Новом Свете.

Прибыв в Тернате, он поселился близ часовни, что была у порта и потому называлась Богоматерь-у-Порта. Он думал пробыть там совсем недолго, лишь до тех пор, пока корабль, который должен был отплыть в Малакку, не будет готов к отходу. Христиане, тем более обрадованные его возвращению, что уже считали его навсегда потерянным, умоляли его остаться с ними подольше, поскольку приближался Великий пост, а ему все равно пришлось бы ожидать на острове Амбон подходящего сезона для плавания в сторону Малакки. Капитан крепости Тернате и братья из «Дома Милосердия» обязались доставить его на Амбон до того, как оттуда уйдут корабли. Ксаверий не смог отказать людям, которые делали ему столь разумные предложения и хотели удержать его лишь для того, чтобы воспользоваться его присутствием ради спасения своих душ.

Итак, он провел еще почти три месяца в Тернате, денно и ночью принимая исповеди; проповедуя по праздникам дважды, по своему обыкновению: утром — португальцам, а вечером — новообращённым островитянам; проводя катехизацию для детей во все дни недели, кроме среды и пятницы, которые он предназначил для особого наставления жён португальцев. Ибо, видя, что эти женщины, рождённые либо язычницами, либо магометанками и принявшие крещение лишь для того, чтобы выйти замуж за христиан, не способны извлечь пользу из общих проповедей из-за недостаточного знания таинств и правил христианства, он взялся объяснять им члены веры, заповеди Божии и другие положения христианской нравственности. Время Великого поста прошло в непрестанных молитвах и покаянии, что послужило приготовлением к пасхальному причастию. Все приступили к святой трапезе и

справили праздник с обновлённым пылом, в котором было нечто от духа первых веков Церкви.

Но главным занятием о. Ксаверия было продолжение усилий обратить короля Тернате, которого обычно называют королем Молуккских островов. Этот сарацинский князь по имени Касиль¹⁵ Аэрио был сыном короля Болеифе и магометанской наложницы, враждебной португальцам, которую Тристан де Атаиде, губернатор Тернате и предшественник Антониу Галвана, приказал выбросить из окна, чтобы отомстить ей. Столь недостойное и жестокое обращение не могло не разгневать Касиля; но поскольку он опасался могущества тех, на кого имел право жаловаться, и насильственная смерть братьев всё делала для него подозрительным, он не только не выказал гнева, но даже не подал жалобы. Португальцы отнеслись с недоверием к его сдержанности и молчанию и, следуя правилу тех политиков, что обидчик никогда не должен прощать [обиженного], впоследствии, по весьма легким подозрениям, обошлись с ним как с мятежником и врагом. Жордан де Фрейташ, который был тогда капитаном крепости Тернате, человек столь же вспыльчивый и неосмотрительный, сколь Галван был сдержан и мудр, схватил принца, лишил его знаков королевского достоинства и в 1546 году отправил пленником в Гоа с тем самым испанским флотом, о котором мы говорили.

Когда дело было рассмотрено в верховном суде Гоа, не нашли ничего достойного осуждения, кроме несправедливости Фрейташа. Касиль был объявлен невиновным, и новый вице-король Индий, Жуан де Каштру, отправил его обратно в Тернате с приказом португальцам восстановить его на престоле и оказать ему тем больше почестей, чем больше оскорблений ему нанесли. Что до Фрейташа, то он лишился своего поста и, будучи отозван в Гоа, был там заключен в тюрьму как государственный преступник.

Касил, король Тернате, едва утвердившись на престоле, принимал Ксаверия, прибывшего на остров во второй раз. С братом его, Табариджей, сыном Болеифе, несколькими годами ранее приключилась та же история. Обвинённый в измене, он содержался в плену в Гоа, но был оправдан и с великой пышностью отправлен назад в своё королевство. Справедливость христиан так тронула его, что ещё до отъезда он принял крещение.

Ксаверий надеялся, что пример Табариджи произведет впечатление на душу Касиля, по крайней мере, после его возвращения на трон, и что при некотором усердии его удастся склонить к христианству. Поначалу надежды святого не оказались тщетными, ибо варварский король принял его в высшей степени учтиво и так к нему привязался, что не мог обходиться без его общества. Он часами слушал его речи о Боге, и по всем признакам казалось, что он готов отречься от магометанства.

Но плотские узы служат непреодолимым препятствием для благодати крещения. Помимо почти бесчисленного множества наложниц, король Тернате держал в своем дворце сто женщин, именовавшихся его супругами. Ограничиться одной представлялось ему бременем непосильным. И когда отец пытался убедить его, что божественный закон непреложно того требует, он, со своей стороны, приводил доводы, основанные на принципах своей секты, и ухищрялся в рассуждениях так: «Бог христиан и сарацин — один и тот же Бог. Почему же тогда христиан обязывают иметь лишь одну жену, если сарацинам Бог позволяет иметь нескольких?».

Впрочем, временами он менял тон и говорил, что не желает из-за такой малости губить ни свою душу, ни благосклонность о. Франциска. Не в силах, однако, ни заключить себя в пределы христианской чистоты, ни примирить закон Иисуса Христа с законом Магомета, он так и остался привержен своим удовольствиям и заблуждениям. Он лишь дал королевское слово, что если португальцы согласятся даровать одному из его сыновей инвестицию на королевство островов Мавра, он позволит его крестить.

О. Ксаверий добился от вице-короля Индий того, чего желал король Тернате; но варвар, и не думая сдерживать обещание, тотчас начал жестокое гонение на христиан, своих вассалов. Первые удары обрушились на королеву Неахилу, которая лишилась своих земель и обречена была прожить остаток дней в крайней нищете. Вера поддерживала её в этих новых несчастьях; и о. Ксаверий, который её крестил, так искусно внушил ей, какое это счастье — все потерять, дабы обрести Иисуса Христа, что она непрестанно благодарила Бога за полное крушение своей судьбы.

Между тем труды святого при дворе короля Тернате не прошли совсем впустую: он обратил там нескольких особ королевской крови, и среди прочих двух сестёр принца, которые предпочли звание христианок и невест Иисуса Христа уготованным им коронам и сочли за лучшее сносить дурное обращение брата, нежели отречься от своей веры.

Ксаверий, видя, что приближается время его отъезда, составил на малайском языке довольно пространное наставление, касающееся вероучения и нравственности христианства. Он передал народу Тернате это наставление, написанное собственной рукой, дабы оно заменяло его в его отсутствие. С него сделали несколько копий, которые разошлись по всем окрестным островам и даже по всему Востоку. Его читали в праздничные дни на публичных собраниях, и верующие слушали его так, словно оно исходило из уст святого апостола.

Кроме того, он избрал нескольких добродетельных юношей в спутники для своего путешествия в Гоа с намерением дать им образование в коллегии Общества, а затем отправить их обратно на Молуккские острова, чтобы они сами преподавали там веру. Когда все было таким образом устроено, и каракора, которая должна была доставить его в Амбон, стояла наготове, он замыслил отплыть ночью, и как можно более тайно, чтобы не опечалить тернатцев, которые не могли слышать о его отъезде, не выказывая самой чувствительной скорби. Но, какие бы предосторожности он ни принимал, ему не удалось от них ускользнуть: они толпами следовали за ним по берегу — мужчины, женщины, дети — и, собравшись вокруг него, сокрушались о его потере, просили его благословения и со слезами на глазах заклинали, раз уж он непременно хочет уехать, вернуться как можно скорее.

Святой муж не имел сил слушать столь нежные прощания, не растрогавшись и сам: внутренность его содрогнулась от жалости к возлюбленному стаду, и, видя привязанность, которую питали к нему тернатцы, он убоился, как бы его отъезд не повредил их спасению. Укрепившись, однако, мыслью о повелениях Божиих, призывавших его в иные края, он поручил им собираться каждый день в определенной церкви, чтобы повторять христианское учение и побуждать друг друга к добродетели. Он велел новообращенным выучить наизусть толкование Апостольского символа веры, которое он им оставил в письменном виде. Но что утешило его наипаче, так это то, что один священник, там присутствовавший,

обещал ему посвящать каждый день два часа наставлению народа и раз в неделю беседовать с жёнами португальцев о членах веры и об участии в таинствах.

После этих последних слов о. Франциск расстался со своими возлюбленными во Христе детьми, и тотчас же подняли парус. В то же мгновение с берега донесся громкий крик, и это последнее «прощай» пронзило сердце Ксаверия до глубины души.

Достигнув порта Амбон, он обнаружил там четыре португальских корабля, на которых не было никого, кроме солдат и матросов — людей, мало сведущих в обязанностях христианства и не привыкших их исполнять в той вечной суете, в которой они пребывают. Чтобы дать им возможность с пользой провести время отдыха, он устроил на берегу моря небольшую часовню, где говорил с ними то в частных беседах, то на общих собраниях о вечном спасении. Речи святого обратили к Богу самых отъявленных распутников; и один солдат, который издавна вёл весьма разгульный образ жизни, умер с такими явными признаками совершенного сокрушения, что, когда он испустил дух, слышали, как о. Ксаверий сказал: «Да будет благословен Бог за то, что Он привел меня сюда для спасения этой души», — и сие внушало веру, что Бог дал ему знать посмертную участь покойного.

Там же, озарённый светом свыше, он прозрел, в каком отчаянном положении находился один человек из Тернате, которого он оставил в добром здравии. Однажды во время проповеди он прервал свою речь и обратился к слушателям: «Молитесь Богу за Тьягу Жила¹⁶, который ныне при последнем издыхании». Вскоре пришла весть о его кончине, в точности подтвердившая слова Ксаверия.

Эти четыре корабля пробыли на Амбоне всего двадцать дней, после чего снялись с якоря, чтобы взять курс на Малакку. Люди с торгового судна, самого крепкого и хорошо оснащённого, пригласили святого мужа плыть вместе с ними, но он отказался, питая отвращение к кораблю, на котором творились неслыханные грехи. Обернувшись к Гонсалу Фернандешу, он сказал: «Этот корабль подвергается великой опасности. Да избавит вас от неё Бог». Предсказание и пожелание Ксаверия исполнились: при проходе через пролив Сабан судно с силой налетело на подводный риф, отчего сломались железные крепления руля, и весь корпус корабля едва не развалился на части. Но этой опасности удалось избежать, и остальная часть плавания прошла благополучно.

Отец, пробыв на острове ещё несколько дней, посетил семь христианских селений, которые там находились, и повсюду велел водрузить кресты на утешение верным. Один из этих крестов впоследствии прославился благодаря великому чуду, свидетелем которого стала вся страна.

Стояла жестокая засуха, и все опасались повсеместного неурожая. Некие женщины, привыкшие до своего крещения заклинаниями вызывать дождь, собрались вокруг идола, поклонились бесу и совершили все обряды чародейства, но их кощунственное действие не принесло плодов. Одна служанка-христианка, узнав о происходящем, прибежала туда и, сурово упрекнув нечестивых женщин, воскликнула: «Словно имея крест совсем рядом, нам не к кому прибегнуть, и словно святой отец не обещал нам, что все, о чем мы попросим у подножия креста, будет нам непременно даровано!».

Затем она повела остальных женщин к берегу реки, где Ксаверий собственноручно водрузил крест, и, преклонив колени вместе с ними перед священным знаменем

спасения, стала молить Иисуса Христа ниспослать им воду к посрамлению идола. В тот же миг со всех сторон сгустились тучи, и хлынул обильный дождь. Тогда все вместе они побежали к пагоде, опрокинули её, растоптали ногами и с насмешкой бросили в реку, говоря, что, не сумев получить от идола и капли воды, они даруют ему целую реку.

Столь живая вера соответствовала надеждам, которые святой возлагал на верующих Амбона. Он порой сравнивал их с первыми христианами и верил, что их стойкость выдержит испытание жестокостью тиранов. И он не ошибся в своем суждении, и все увидели, на что они способны, когда яванцы, разгневанные тем, что эти островитяне отрелись от закона Магомета, обрушились на их остров.

Пока сарацинское войско грабило страну, шестьсот христиан укрылись в замке, где вскоре были осаждены. Хотя им было чего опасаться от ярости варваров, они страшились лишь одного – как бы враги Иисуса Христа не надругались над крестом, который был воздвигнут посреди замка и который отец Франциск водрузил своей рукой. Чтобы уберечь его от поругания, они обернули его златотканым полотном и спрятали в глубокой яме.

Обезопасив своё сокровище, они открыли ворота неверным, которые, зная о содеянном, тотчас бросились на поиски креста, дабы на нем отомстить за презрение к их пророку. Но, не сумев его найти, они обратили всю свою ярость на тех, кто его спрятал и кто так и не пожелал выдать, где он находится.

Смерть, по-видимому, оказалась наименьшей из пыток, которые претерпело большинство из них. Магометанские солдаты одному отрубили ногу, другому — руку, этому вырывали язык, а тому — глаза. Эти христиане умирали мучительно медленно, но не испустили при этом ни единого вздоха и не проявили ни малейшей слабости -- столь сильно поддерживала их всемогущая благодать Иисуса Христа, за Которого они умирали.

Ксаверий наконец покинул Амбон, и именно тогда, вероятно, если мы рассмотрим дальнейший ход его жизни, ему и представился случай совершить путешествие в Макассар. Ибо, хотя доподлинно неизвестно ни когда он отправился на этот большой остров, ни всех плодов, которые он там принёс, нет сомнений, что он там был. Об этом у нас имеется в материалах процесса канонизации присяжное свидетельство одной португальской дамы из Малакки, по имени Жанна Мело, которая много раз слышала от принцессы Элеоноры, дочери одного из королей Макассара, что святой апостол крестил короля, её отца, принца, брата, и великое множество их подданных.

Но, когда бы ни состоялось это путешествие, он вернулся в Малакку в июле 1547 года.

---

¹ Пер. с исп. по Monum. Xav., ep. 17.8

² «Пасим» — вероятно, искажённое на европейский манер название. Это место на острове Маннар известно как Песалай (там. പെടലൈ, англ. Pesalai) и по сей день является крупной католической деревней.

³ Пер. с лат. по Monum. Xav., ep. 46.1, 6-8

- ⁴ Пегу (совр. Баго, Мьянма) — в то время столица одноименного монского царства.
- ⁵ Целебес — старое португальское название острова Сулавеси (Индонезия). Макаassar — главный город и порт на этом острове.
- ⁶ Мелиапур (порт. *Meliapor*), или Сан-Томе — исторический район города Ченнаи (Индия), где, по преданию, проповедовал и принял мученическую смерть ап. Фома.
- ⁷ Пер. с порт. по Monum. Xav., ер. 52.2
- ⁸ Фуста — небольшое быстроходное гребно-парусное судно, похожее на галеру, но меньше размером. Благодаря скорости и маневренности часто использовалось для пиратства и внезапных набегов.
- ⁹ Каракоа — тип большого военного судна, похожего на галеру, распространенного на Молуккских островах.
- ¹⁰ «Дом Милосердия» (*Santa Casa da Misericórdia*) — благотворительное братство, основанное в Португалии и ее колониях, занимавшееся помощью бедным, больным и сиротам.
- ¹¹ Остров Мавра (*l'île du More*) — старое европейское название северной части острова Хальмахера, самого крупного из Молуккских островов.
- ¹² Пер. с исп. по Monum. Xav., ер. 56.4
- ¹³ Яванцы (*Javares*) — здесь, вероятно, общее название для воинственных племен из внутренних территорий Молуккских островов, а не конкретно жителей острова Ява.
- ¹⁴ Пер. с исп. по Monum. Xav., ер. 61.4
- ¹⁵ «Касиль» (фр. *Cacil*) — не личное имя, а искаженный европейцами малайский титул наследного принца, *каусили* (*kaicili*). Настоящее имя султана было Хайрун. Автор жития, по-видимому, принял титул за имя, что было частой ошибкой в европейских источниках того времени.
- ¹⁶ Во французском оригинале — *Jacques Gilles*. Учитывая португальское присутствие на Тернате в то время, наиболее вероятным оригинальным именем было португальское Тьягу Жил (*Tiago Gil*) или, менее вероятно, испанское Хакобо Хиль (*Jacobo Gil*).

КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ

Ксаверий повстречал в Малакке трех инок из Общества, которые направлялись на Молуккские острова во исполнение полученных от него письменных распоряжений. Миссионерами этими были Жуан Бейра, Нуньес Рибера и Николас Нуньес, который ещё не имел священного сана. Мансильяс же¹, вопреки ясному приказу, не прибыл, ибо предпочел исполнить свою волю, оставшись трудиться на прежнем месте, нежели волю настоятеля, оставив начатое им дело; но непослушание это дорого ему обошлось: Ксаверий изгнал его из Общества, рассудив, что дурной инок принесет больше вреда, чем хороший делатель — пользы.

Трое упомянутых миссионеров прибыли в Индии с флотом дона Переса де Тавора вместе с семью другими сынами Игнатия. Часть из них уже отправилась на мыс

Коморин и на Рыбацкий берег, дабы возделывать эту новую христианскую ниву, столь дорогую сердцу о. Франциска.

Поскольку корабли, что должны были отплыть на Молуккские острова, приготовили лишь к концу августа, Бейра, Рибера и Нуньес в течение месяца наслаждались обществом о. Ксаверия и прошли у него обучение в трудах апостольской жизни. Сам же он пробыл в Малакке четыре месяца, ожидая корабля, который доставил бы его в Гоа, и все это время находил себе занятия в служении ближним.

Он привез с Амбона своего прежнего спутника, Жуана Дейру. Хотя Дейру и был привязан к отцу, он не принадлежал к Обществу Иисуса по причинам, о которых я уже говорил, а не заслужил этой чести по тем, о которых скажу сейчас. Несколько богатых купцов предложили ему некоторую сумму денег на содержание служителя Божия, и он принял её, не сказав о том Ксаверию. Отец, живший лишь ежедневным подаянием и ненавидевший деньги так же сильно, как его спутник их любил, счёл поступок Дейру оскорблением евангельской нищеты. И негодование, которое он испытал, заставило его забыть о той кротости, с какой он обыкновенно обращался с провинившимися. Не удовольствовавшись суровым выговором, он сослал Дейру на небольшой пустынный остров неподалеку от порта и повелел ему не только проводить дни в молитве, но и поститься на хлебе и воде, доколе он сам его не призовет обратно. Дейру, чей ум, легкий и переменчивый, не отличался постоянством ни в зле, ни в добре, повиновался и жил в точности по предписанному святым уставу.

Ночью ему было видение — во сне или наяву, он и сам не мог решить, когда давал показания под присягой о жизни о. Ксаверия. Ему представилось, будто он находится в прекраснейшей церкви и видит Царицу Небесную на престоле, сияющем драгоценными камнями. Лик Девы показался ему суровым, а приблизившись к Ней, он был отвергнут как человек, недостойный общества Её Сына. Она даже встала со Своего престола, чтобы покинуть церковь, и тогда всё исчезло.

Когда через некоторое время Дейру вернулся из своего уединения, он ничего не сказал о своем видении о. Ксаверию, которому Бог уже открыл его. Он даже дерзко отрицал, что видел то, о чём отец рассказал ему в подробностях. Ксаверий, недовольный более чем когда-либо поступком Дейру, не пожелал более иметь дела с человеком корыстным и неискренним. Он отослал его от себя, но прежде предсказал, что Бог дарует ему благодать изменить свои наклонности и однажды принять облачение св. Франциска. И это предсказание исполнилось так точно, что, когда в Индиях собирали сведения о нравах и чудесах Ксаверия, Дейру уже носил облачение св. Франциска и жил как добрый инок.

После отбытия трех миссионеров на Молуккские острова Ксаверий один нёс бремя трудов. Слава о святости отца, распространившаяся среди португальцев и индийцев, привела к тому, что каждый желал поверять ему дела своей совести. Поскольку он не мог выслушать всех, многие были недовольны и роптали на него. Но так как их недовольство и ропот проистекали из доброго источника, он не только утешался этим, но даже радовался, а не обижался, как он сам прямо говорит в своих письмах. Обычным его занятием было проповедовать христианам и язычникам, наставлять и крестить катехуменов, наставлять детей в христианском учении, посещать узников и больных, примирять врагов и творить другие дела милосердия.

Когда святой так подвизался, случилось нечто, что весьма приумножило его славу во всех Индиях. Чтобы понять суть дела, необходимо начать издалека.

С тех пор как португальцы завоевали Малакку, соседние короли стали завидовать их могуществу и не раз пытались изгнать из Индий чужеземный народ, пришедший бросить им вызов в их собственных владениях. Для этого они в разное время собирали большие армии, но всегда терпели неудачу и на собственном опыте убеждались, что число не может противостоять доблести.

Эти поражения не сломили, а лишь разъярили султана Алауддина, короля Ачеха. Ачех — величайшее королевство на острове Суматра, расположенное примерно в двенадцати лигах от материка, где находится Малакка. Этот государь был магометанином, непримиримым врагом христиан по своей религии и португальцев — по интересам своего государства. Он, однако, не осмелился сразу броситься на крепость Малакки, и вся его ярость свелась к тому, чтобы с мощной армадой курсировать вдоль побережья, дабы пресекать торговлю португальцев и мешать поступлению помощи, идущей к ним из Европы. Его замысел состоял в том, чтобы напасть на город, когда там истощатся запасы продовольствия и люди. Но для осуществления своего предприятия ему нужен был порт, расположенный несколько выше Малакки, к северу, где его флот мог бы удобно укрыться; ему также требовалась крепость, чтобы защититься от врагов. Он завладел портом и отдал приказ о строительстве цитадели.

Что до военных приготовлений, то он вёл их в такой тайне, что португальцы не получили ни единой весточки и не питали ни малейшего подозрения. Для столь славного похода отобрали пять тысяч воинов, весьма искушенных в морских сражениях, а пятьсот из них, именуемые оробалонами², составляли цвет дворянства королевства и в знак своего высокого происхождения носили золотые браслеты. Кроме того, в войске находилось великое множество янычар-наемников, недавно прибывших ко двору Ачеха и горевших желанием явить свою доблесть в бою с христианами.

Флот насчитывал шестьдесят больших кораблей, все хорошо оснащённые и вооружённые, не считая барок, фрегатов и брандеров. Командовал им сарацин Баджаджа Скоря, великий воитель, столь прославленный ратными подвигами, что в награду за взятие Малакки государь ещё до начала осады почтил его титулом короля Педира.

В Малакке о приближении ачехского войска узнали лишь тогда, когда оно само явилось с вестями. Враги предстали перед городом и вошли в порт 9 октября 1547 года, около двух часов ночи, решив под покровом тьмы пойти на приступ. Сперва они открыли огонь из пушек и пустили брандеры на португальские корабли; затем самые отважные, сойдя на берег, без всякого порядка устремились к тому месту в стене, которое сочли наиболее уязвимым, засыпали часть рва и стремительно ринулись на приступ.

Но они встретили более упорное сопротивление, чем ожидали. Солдаты и жители Малакки, сперва уstraшённые артиллерией и воплями варваров, в тот же миг воспрянули духом, осознав, что им остается лишь погибнуть или защищаться. Они сбежались на крепостной вал, яростно отбили нападавших и сбросили их со

штурмовых лестниц, так что ни один враг не проник в город, а многие пали замертво во рву.

Скора утешился после неудачи приступа, видя действие зажигательных снарядов и пушек. Все корабли, стоявшие в порту, были сожжены или выведены из строя, и хотя хлынул ливень, он не помог затушить пожар, ибо налетевший яростный ветер лишь сильнее разжигал пламя.

Ачехцы, гордые этим пожарищем, наутро показались на своих судах с пышными знаменами и испустили громкие крики, словно одержали победу. Но их торжество длилось недолго: пушки крепости заставили их отступить до самого острова Упе.

Между тем, семеро бедных рыбаков, проводших ночь на промысле и направлявшихся к городу, попали в засаду неверных, были схвачены и приведены к военачальнику. Отрубив им всем уши и носы, он отослал их обратно с письмом, адресованным дону Франсишку де Мело, губернатору Малакки, и составленным в таких выражениях:

«Баджаджа Скора, имеющий честь носить в золотых сосудах рис великого султана Алауддина, короля Ачеха и земель, омываемых обоими морями, уведомляет тебя: напиши своему королю, что я нахожусь здесь вопреки его воле, наводя ужас на твою крепость моим яростным рыком, и пробуду здесь, сколько мне будет угодно. В свидетели того, что я говорю, я призываю не только землю и народы, её населяющие, но и все стихии до самого подлунного неба, и объявляю им словами уст моих, что твой король лишён и славы, и доблести; что его поверженные знамена никогда не смогут подняться без дозволения того, кто его только что победил; что этой победой, нами одержанной, мой король попирает главу твоего, который с сего дня — его подданный и раб. И дабы ты сам признал эту истину, я вызываю тебя на бой в том месте, где я ныне нахожусь, если ты чувствуешь в себе достаточно мужества, чтобы мне противостоять».

Хотя письмо Скоры было сколь смехотворным, столь и хвастливым, в духе варваров, оно всё-таки поставило в тупик губернатора и офицеров крепости: ибо как принять вызов, не имея кораблей, и как отказать в нём с честью? На военном совете как раз обсуждали это столь важное и щекотливое дело, когда прибыл о. Ксаверий. Он, по своему обыкновению, только что отслужил мессу в церкви Богоматери Горной — храме, воздвигнутом на возвышенности близ города и посвящённом Пресвятой Деве. Дон Франсишку, пославший за ним, чтобы посоветоваться в затруднительном положении, в котором он оказался, дал ему прочесть письмо ачехского военачальника и спросил его мнения.

Святой, знавший, что король Ачеха помышлял не столько об изгнании португальцев из Малакки, сколько об уничтожении христианства на всем Востоке, прочтя письмо, возвел очи к небу и без колебаний ответил, что такого оскорбления сносить нельзя; что честь христианской веры задета сим ещё более, нежели честь короны Португалии; что если стерпеть эту обиду, то какова будет дерзость врагов, и на что, по их примеру, не осмелятся другие магометанские государи? Наконец, он заключил, что вызов следует принять и показать неверным, что Творец неба и земли могущественнее их короля Алауддина.

«Но как выйти в море, — возразил губернатор, — и на каких кораблях, если из восьми, что стояли в порту, осталось лишь четыре разбитых остова фуст? И даже если бы мы могли ими воспользоваться, что значат они против столь многочисленного флота?»

«Пусть у варваров будет еще больше судов, чем вы думаете, — ответил Ксаверий, — не сильнее ли мы их, имея на своей стороне Небо? И разве можем мы не победить, если сражаемся во имя Господне?»

Никто не осмелился возразить святому мужу, и все вместе отправились в арсенал. Там обнаружили одну довольно крепкую барку из тех, что зовутся «катур», и семь старых фуст, годившихся разве что на растопку. Эдуарду Баррету, в чьем ведении по должности находилось вооружение, было поручено спешно привести эти фусты в порядок. Но он заявил, что не может этого сделать, ибо, помимо того что на королевских складах недоставало всего необходимого для починки и оснащения судов, в казне не было ни гроша.

Губернатор, не имея никаких средств, уже начинал терять мужество, когда Ксаверий, внезапно, в некоем порыве духа, обнял одного за другим семерых капитанов, присутствовавших на военном совете. Он умолял их разделить между собой семь фуст и привести их в порядок, и даже, не дожидаясь ответа, назначил каждому его судно. Капитаны не посмели воспротивиться Ксаверию, или, вернее, Богу, Который направил их дух туда, куда желал святой. Более сотни рабочих тотчас же были приставлены к каждому судну, и через пять дней семь фуст оказались готовы к бою. Мело отдал «катур» Андре Тоскану, человеку отважному и сведущему в морском деле. Он распределил между семью капитанами сто восемьдесят отборных солдат и назначил Франсишку Деза адмиралом флота. Ксаверий хотел отправиться с ними, но жители, полагавшие, что всё потеряно, если они потеряют отца, и не ожидавшие утешения ни от кого, кроме него, в случае неудачи предприятия, подняли такой шум, что по зрелом размышлении было решено, что он не покинет города.

Накануне отплытия, собрав солдат и капитанов, он сказал им, что будет сопровождать их духом, и что, пока они будут сражаться с варварами, он будет воздевать руки к небу. Он призывал их сражаться доблестно, в надежде не на суетную и преходящую славу, но на прочную и бессмертную; чтобы в пылу битвы они взирали на распятого Иисуса Христа, за Чье дело они ратуют, и чтобы при виде Его язв они не страшились ни ран, ни смерти, будучи безмерно счастливы, если смогут отдать за Него жизнь.

Эти слова внушили им чувства столь христианские и благородные, что все в один голос громко поклялись сражаться с неверными до последней капли крови. Эта торжественная клятва тронула Ксаверия до слёз; он преподал свое благословение всему войску и, чтобы еще более их ободрить, назвал их отрядом воинов Иисуса Христа. Затем он выслушал их исповеди и причастил их собственноручно.

На следующий день они взошли на борт с радостью, которая, казалось, уже предвещала им победу. Но их веселье длилось лишь мгновение: едва подняли якорь, как адмиральский корабль дал трещину и тотчас затонул, так что удалось спасти лишь людей, находившихся на борту.

Весь народ, который отплытие флота привлекло на берег и который своими глазами видел гибель корабля, счёл это дурным предзнаменованием для похода и не мог удержаться от ропота на отца Франциска, который был тому виновником. Поднялись даже громкие крики с требованием вернуть остальные суда. Губернатор, видя такое волнение в народе и опасаясь, как бы эти первые порывы не имели дурных последствий, спешно послал за отцом.

Посланный застал Ксаверия у алтаря в церкви Богоматери Горной, в тот миг, когда он готовился вознести Святые Дары. Он приблизился, чтобы шепнуть ему на ухо, но отец знаком велел ему удалиться и замолчать.

Как только месса завершилась, Ксаверий, не дав посланнику и слова вымолвить, сказал ему: «Возвращайся и передай от меня своему господину, что потеря одного корабля не должна нас обескураживать».

Этим святой дал понять, что Бог открыл ему то, что должно было случиться. Он некоторое время пробыл в молитве перед образом Девы, и слышали, как из уст его исходили такие слова: «Иисусе мой, любовь сердца моего, воззри на меня оком благосклонным; и Ты, Дева святая, будь ко мне милостива». «Господи Иисусе, — говорил он также, — воззри на Свои священные язвы и вспомни, что они дают нам право просить у Тебя всего, чего мы желаем».

Окончив молитвы, он отправился в цитадель. Губернатор, встревоженный ропотом и криками народа, не в силах скрыть своего огорчения, упрекнул отца за предприятие, в которое тот их вовлёл. Но Ксаверий, в свою очередь, упрекнул его в маловерии и с улыбкой сказал: «Что же! Неужели вы падаете духом из-за такой малости?». Затем они отправились на берег моря, где всё ещё находились воины с адмиральского корабля, объятые ужасом от пережитой опасности. Отец ободрил их и увещевал быть стойкими в своём святом решении, несмотря на эту небольшую неудачу. Он дал им понять, что Небо допустило гибель их корабля лишь для испытания их верности, и что оно спасло их от кораблекрушения лишь для того, чтобы они сдержали свою клятву.

Между тем губернатор счёл уместным созвать большой совет. Все офицеры города и знатнейшие жители высказались за отказ от предприятия, которое, по их мнению, было безрассудным и не могло не закончиться несчастьем. Но военачальники и солдаты флота, воодушевленные словами святого мужа и исполненные некоей сверхчеловеческой силы, были совершенно иного мнения. Они заявили, что предпочитают умереть, нежели нарушить присягу, которую они торжественно дали Иисусу Христу. «Впрочем, — говорили они, — чего нам бояться больше, чем вчера? Наше число не уменьшилось оттого, что у нас стало на один корабль меньше, и мы будем сражаться так же хорошо с шестью фустами, как и с семью. К тому же, разве есть пределы нашим надеждам, коли нам покровительствует о. Франциск, изрекший своё обещание?»

Тогда Ксаверий, взяв слово, произнес пророческим голосом: «Потерянная фуста скоро будет заменена. Прежде чем зайдет солнце, к нам придут корабли лучшие, чем тот, которого нам недостает, и это я возвещаю вам от имени Бога».

Столь уверенное предсказание изумило всё собрание и заставило отложить решение дела до следующего дня. Остаток дня с нетерпением ожидали исполнения недавнего

обещания отца. Когда солнце уже готово было закатиться, и многие начали опасаться, что пророчество всё же не исполнится в точности в указанное святым время, с колокольни церкви Богоматери Горной заметили два латинских паруса, приближавшихся с севера. Мело тотчас послал ялик на разведку. Узнав, что это португальские корабли — один принадлежал Тьягу Суарешу-Галегу, а другой его сыну Бальтазару, — которые шли из королевства Патани, но следовали курсом на Пегу, не желая бросать якорь в Малакке, чтобы не платить пошлину за проход, он отправился к о. Франциску, который молился в церкви Богоматери Горной, и сказал ему, что исполнение предсказания будет бесполезным, если корабли пройдут мимо.

Ксаверий взялся остановить их и, сев в ялик, ходивший на разведку, отправился им навстречу. Увидев приближающегося мужа Божия, оба капитана повернули к нему и приняли его с почётом. Он изложил им положение дел и заклинал их, во имя веры и отечества, помочь городу против врага христианского имени и португальской короны. Чтобы склонить их и личной выгодой, он указал им на опасность, которой они подвергаются, продолжая свой путь, и что они, сами того не ведая, вот-вот попадут в руки варваров.

Они вняли доводам отца и на следующее утро вошли в порт под восторженные крики народа. После этого уже не оставалось сомнений, что следует сразиться с вражеским войском, и самые робкие из жителей присоединились к мнению солдат и капитанов.

Когда все было готово к отплытию, адмирал Франсишку Деза принял знамя из рук о. Ксаверия, который торжественно его благословил, и взошёл на корабль своего брата Жорже Деза вместо своего собственного, который затонул. Прочие капитаны, все сошедшие на берег, вернулись каждый на свое судно; и вместе с двумя вновь прибывшими их флот насчитывал теперь девять кораблей. Число воинов увеличилось на пятьдесят человек, так что теперь португальцев стало двести тридцать.

Флот вышел из порта 25 октября с приказом от губернатора не заходить за Пуло-Камбилан, что служит крайней точкой королевства Малакка с запада. Довод его был таков: когда силы неравны и враг превосходит нас числом, слава наша должна состоять в том, чтобы изгнать его с наших земель, а не преследовать за их пределами; и, какую бы надежду мы ни возлагали на Бога, не следует Его искушать, ибо Небо не имеет обыкновения благословлять безрассудство и самонадеянность.

Отправившись в путь, исполненные уверенности и радости, они через четыре дня достигли Пуло-Камбилана, не имея никаких вестей о неприятеле, сколь бы усердно ни старались его обнаружить.

Адмирал, повинуясь губернатору, уже помышлял о возвращении, вопреки пылу многих из своих людей, желавших пересечь предписанную им границу и отправиться на поиски варваров, где бы те ни находились. Так вот, адмирал уже готовился к возвращению, когда случилось лунное затмение. Затмение, одно из величайших, какие когда-либо видели, показалось им предзнаменованием полного разгрома магометан. Но в ту же ночь поднялся столь сильный ветер, что они вынуждены были простоять на якоре двадцать три дня. Когда же у них начали иссякать припасы, а ветер не позволял им повернуть в сторону Малакки, они решили отправиться за провизией в Тенассерим, что в королевстве Сиам.

Между тем в Малакке все пребывали в смятении. Надежда, которую вселил в горожан о. Ксаверий, поддерживала их несколько дней; но, видя, что и по прошествии месяца с лишним о флоте ничего не слышно, они решили, что он либо поглощен волнами, либо разбит ачехцами, и никто не спасся, чтобы принести об этом весть. В то же время некие сарацины уверяли, что из верных источников известно, будто два флота встретились, ачехцы перебили всех португальцев и королю Ачеха доставили головы военачальников. Этот слух распространился по городу и с каждым днём крепнул, как то свойственно ложным слухам, несущим нечто злое.

Чтобы придать лжи больше правдоподобия, указывали место, время и все обстоятельства битвы. Язычницы, чьи дети или мужья находились на флоте, обращались к колдунам и гадателям, и те подтверждали все, что говорилось в городе. Тогда народ открыто восстал на Ксаверия, и даже губернатор отчасти разделил чувства толпы.

Апостол же, ни на миг не усомнившись в том, что Бог открывал ему о войске, неизменно уверял, что скоро все увидят его возвращение с победой. Он не переставал возносить моления к Небу и в конце своих проповедей всегда призывал молиться Богу о благополучном возвращении флота. Но умы были так озлоблены и предубеждены, что многие осыпали его бранью; самые умеренные насмехались над ним и во всеуслышание говорили, что молитвы, быть может, и пригодятся душам солдат, павших в бою, но вряд ли помогут выиграть уже проигранную битву.

Еще одна весть, пришедшая с Суматры, усугубила всеобщее смятение. Король Бинтана, сын того самого Магомета, которого Альбукерке Великий лишил королевства Малакка, искал лишь случая вернуть отнятое у его отца. Видя, что город сильно ослаблен, и слыша, что ачехцы разбили португальское войско, он вышел в море с тремястами парусами и направился к реке Муар, что в шести лигах от Малакки, к западу.

Чтобы лучше скрыть свой замысел, он оттуда написал губернатору Мело, что вооружил флот против короля Патани, своего врага, но, узнав о поражении португальцев, он, как друг и брат короля Португалии, пришел на помощь Малакке против ачехцев, которые непременно овладеют ею, если не пресечь их победное шествие. Он просил лишь впустить их в город прежде, чем победители им завладеют, и тогда, мол, нечего будет опасаться.

Мело, которого стойкость о. Франциска ободрила, распознал ловушку и перехитрил тех, кто намеревался перехитрить его. Он ответил королю Бинтана, что город не нуждается в помощи, будучи в изобилии снабжён и людьми, и военными припасами; что такой завоеватель, как он, не должен оставлять столь важный поход, как его собственный, и задерживаться в пути; что же до них, то они со дня на день ожидают свой флот — не разбитый, как гласит молва, но торжествующий и нагруженный добычей врагов. Этот слух, впрочем, мог исходить лишь от сарацин, у которых языки длиннее копий. Таково было выражение, которое он употребил.

Магометанский государь по ответу губернатора понял, что его хитрость раскрыта и не следует ничего предпринимать, пока не станет доподлинно известно, что случилось с обоими флотами. Так он и остался в бездействии, не предпринимая никаких шагов.

Вернёмся к португальскому войску. Прежде чем они достигли Тенассерима, нужда в воде заставила их искать источник поблизости, в королевстве Кедах, в реке Перлис. Войдя в реку, они ночью заметили рыбацкую лодку, проходившую мимо их кораблей. Лодку остановили, и рыбаки поведали, что ачехцы стоят совсем недалеко; что вот уже полтора месяца, как они вошли в реку, разграбили всю округу и наконец остановились, чтобы построить крепость.

Эта весть исполнила португальцев радости. Деза, вне себя от счастья, что обнаружил неприятеля, которого уже и не искал, облачился в свои самые богатые одежды и велел палить из пушек в знак ликования, не подумав о том, что попусту тратит порох и предупреждает варваров о необходимости быть начеку. Лучшее, что он сделал, — послал три фусты вверх по течению, чтобы разведать, где находятся неверные, и понаблюдать за их поведением, пока он сам готовится к бою.

Три фусты встретили четыре бригаантины, высланные неприятелем узнать, что за пушечную пальбу они слышали. Прежде чем те и другие успели как следует рассмотреть друг друга, каждая фуста взяла на abordаж по бригаантине и захватила ее; четвертая спаслась бегством. Солдаты с фуст предали мечу всех, кто находился на бригаантинах, за исключением шестерых, которых они взяли в плен вместе с самими судами.

Пленников подвергли допросу, но, какие бы пытки им ни пришлось вытерпеть, поначалу не удалось выведать у них ни местонахождение врага, ни численность его войск и судов. Двое умерли под пытками, двоих бросили живьем в море. Двое оставшихся, уstraшенные участью своих товарищей, наконец заговорили, будучи допрашиваемы порознь. Каждый из них указал место, где стояли ачехцы, и поведал, что число их превышает десять тысяч, считая матросов, которые не уступали в доблести солдатам; что король той земли, которую они заняли, был вынужден бежать, чтобы избежать жестокой смерти; что, перебив две тысячи жителей и столько же взяв в рабство, они строят цитадель на пути, которым обычно следуют корабли из Бенгалии в Малакку, и что замысел их состоит не только в том, чтобы перекрыть проход судам, но и в том, чтобы умертвить всех христиан, которые попадут к ним в руки.

Услышанное вновь воспламенило отвагу и рвение солдат. Адмирал, со своей стороны, не преминул воодушевить их на битву. Схватив тесак, он прыгнул в ялик и обошел весь флот, заклиная своих людей во время сражения иметь перед глазами распятого Иисуса Христа, как то заповедал им о. Франциск, и всегда помнить о данной ими клятве, а главное — уповать на победу по заслугам святого мужа, который её им обещал.

Все единодушно ответили, что будут сражаться до смерти и почтут за великое счастье умереть, защищая свою веру. Деза, воодушевлённый ответом своих людей, занял в реке удобную позицию, откуда мог бы обстреливать неприятеля, не опасаясь, что многочисленные суда неверных смогут окружить его малый флот.

Ачехцы, едва получив от своей уцелевшей бригаантины вести о португальском флоте, приготовились к нападению. Помимо того, что силы придавали им великой гордости, нанесённое оскорбление привело их в такую ярость, что, не раздумывая ни мгновения, они снялись с якоря со всеми своими судами и войсками, оставив

лишь два корабля и двести солдат для охраны двух тысяч пленников и всей своей добычи.

Поскольку ветер был попутным, и они спускались по реке, корабли их шли с такой скоростью, что едва Деа успел вернуться на свой борт, как уже послышались их барабаны и вопли, от которых содрогались берега и соседние горы. Они были выстроены в десять рядов, и в каждом ряду было по шесть кораблей, за исключением первого, в котором было всего четыре, но самых мощных из всего флота. Корабль, на котором находился король Педира, главнокомандующий магометанской армией, шёл в первом ряду с тремя турецкими галеонами.

Ярость, охватившая варваров, была такова, что, едва завидев малый португальский флот, они открыли по нему огонь из всех орудий; но так плохо рассчитали, что не причинили ему никакого вреда. Вскоре после этого корабли двух главнокомандующих столкнулись и сошлись в абордажном бою и сражались с таким упорством с обеих сторон, что нельзя было сказать, за кем перевес, до тех пор, пока с корабля Жуана Суареша не выстрелила пушка, прозванная «Верблюд». Выстрел был произведен так точно, что потопил судно Скоры. Три галеона, сопровождавшие его в первом ряду, нарушили строй и прекратили бой, чтобы спасти своего военачальника и знатнейших вельмож из его свиты. Но эти галеоны, встав поперек и заняв часть ширины реки, преградили путь следовавшим за ними кораблям, так что суда второго ряда столкнулись с первыми, третьего — со вторыми, и все смешались в кучу, запутавшись друг в друге.

Португальцы, видя, что вражеский флот сбился в кучу и не может высвободиться, окружили его и открыли по нему пушечный огонь. Они трижды разрядили всю свою артиллерию, и так удачно, что потопили девять больших кораблей и сильно повредили остальные. Четыре португальские фусты затем сцепились с шестью магометанскими, которых пушки несколько пощадили. Солдаты с мечами в руках врываются на них, призывая имя Иисуса, и менее чем за полчаса убивают более двух тысяч человек. При виде этой резни и при грохоте артиллерии, производившей ужасное действие, повсюду воцарились страх и беспорядок, так что неверные сами бросались в реку, предпочитая такую смерть гибели от руки христиан.

Военачальника, когда он уже тонул, вытащили из воды. Приведённый в чувство отчаянием, он попытался ободрить оставшихся, но, раненый мушкетной пулей, сам пал духом и бежал с двумя кораблями. Пятьсот рыцарей-оробалонов были убиты или утонули вместе со всеми янычарами.

В конце концов, из всего ачехского войска спаслись лишь те, кто последовал за Скорой в его бегстве. Со стороны христиан пало всего двадцать шесть человек, из коих лишь четверо были урожденными португальцами. Добыча оказалась велика, ибо, помимо двух кораблей, где хранилось всё награбленное неверными и которыми завладели победители, было захвачено более сорока пяти судов, ещё годных к службе. Среди трофеев нашлось бесчисленное множество сарацинского и турецкого оружия, триста артиллерийских орудий всех видов; но что доставило наибольшую радость, так это шестьдесят две пушки с выбитым на них гербом Португалии, которые, будучи утеряны в различных войнах, наконец вернулись к своему законному владельцу.

Король Перлиса, едва узнав о разгроме врагов, вышел из леса, где скрывался, и с пятьюстами воинами обрушился на тех, кто по приказу Скоры строил крепость, и на солдат, охранявших работы. Перебив их всех, он отправился к капитану Дезе, поздравил его с доблестью португальцев и с успехом их оружия, а главное — возблагодарил за спасение своего королевства и в знак признательности предложил платить ежегодную дань португальской короне.

Деза тотчас же отправил фрегат, чтобы доставить в Малакку весть о победе; но там о ней уже знали во всех подробностях прежде, чем фрегат отплыл. И вот как это случилось.

О. Ксаверий, проповедуя в большой церкви между девятью и десятью часами утра в воскресенье, четвертого декабря по старому стилю³, в то самое время, когда два флота сошлись в битве, внезапно остановился и, казалось, впал в исступление — так изменилось его лицо и вся его фигура. Немного придя в себя, он, вместо того чтобы продолжать свою тему, увлеченный необычайным пылом, возвестил о встрече и столкновении флотов, но в выражениях загадочных и таинственных.

Собрание, не поняв, что хотел сказать проповедник, сочло его помешавшимся. По мере того как битва разгоралась, он все более воспламенялся, двигаясь, как человек вдохновенный, и говоря с пророческим видом. Наконец, пристально взглянув на распятие, что было перед ним, он со слезами на глазах произнес со вздохами, но отчетливо: «Ах, Иисусе, Боже души моей, Отец милосердия, смиренно молю Вас, заслугами Ваших священных страданий, не оставляйте воинов Ваших!». После этих слов он опустил голову, словно от сильной усталости, и оперся на кафедру, не произнеся ни единого слова. Пробыв в таком положении некоторое время, он внезапно выпрямился и громко воскликнул, с дрожью радости, с которой не мог совладать: «Иисус Христос, братья мои, победил за нас! В час, когда я говорю с вами, воины Его святого имени завершают разгром армии наших врагов; они учинили великое побоище, а мы потеряли лишь четверых из наших. Вы получите об этом весть в следующую пятницу, и скоро мы снова увидим наш флот».

Сколь ни невероятным казалось столь чудесное событие, Мело и знатнейшие горожане, там присутствовавшие, поверили ему без труда — так много божественного было в том, как говорил Ксаверий, и слова его несли на себе печать истины. Поскольку жены и матери солдат, находившихся во флоте, от сильного желания, чтобы весть оказалась правдой, казалось, опасались, что она ложна, отец собрал их всех после обеда в церкви Богоматери Горной и так отчетливо повторил сказанное утром, что они уже не смели сомневаться.

Уже в первые дни недели появились верные признаки победы: пришла весть, что король Бинтана, рассылавший повсюду гонцов, чтобы узнать, разбит ли португальский флот, извещенный о произошедшем на реке Перлис, покинул реку Муар и спешно отступает, безутешный в несчастье союзников и пристыженный своими ложными шагами.

Фрегат, посланный Дезой под командованием Эммануэля Годиньо, прибыл в точности в тот день, который указал святой муж. Вскоре после этого последовал и флот, который с триумфом вошел в порт под звуки труб и залпы артиллерии. Весь город встретил его радостными криками. О. Франциск, который вывел народ на берег, держал в руке распятие, давая понять жителям и победителям, что победой

они обязаны Иисусу Христу. И те, и другие, смешав голоса, вознесли торжественные благодарения Спасителю людей; но не могли удержаться от рукоплесканий святому, видя истинность его предсказаний, и во всеуслышание провозглашали, что именно он испросил у Неба столь великий успех.

Рукоплескания и похвалы, расточаемые о. Ксаверию, не в меньшей степени, чем дела, призывавшие его в Гоа, заставили его ускорить свое путешествие. Прошло уже четыре месяца с его возвращения с Молуккских островов, как он пребывал в Малакке и был готов к отъезду, когда в порт прибыли корабли, обычно приходившие каждый год из Китая. Один японец по имени Андзиро⁴ прибыл на своем корабле нарочно, чтобы увидеть отца Ксаверия. Это был человек тридцати пяти лет, женатый, богатый, знатного происхождения, который вел довольно распутную жизнь. Португальцы, двумя годами ранее открывшие Японию, познакомились с ним в Кагосиме, месте его рождения, и от него самого узнали, что, терзаемый воспоминаниями о грехах своей юности, он удалился к бонзам-отшельникам, но ни уединение, ни беседы с этими японскими иноками не смогли вернуть ему душевного спокойствия, и он вернулся к мирской торговле, терзаемый угрызениями совести ещё сильнее, чем прежде.

Другие португальские купцы, прибывшие тогда в город Кагосиму и видевшие отца Ксаверия во время его первого путешествия в Малакку, завязали с Андзиро самую тесную дружбу. Когда японец открыл им свои душевные муки, которые с каждым днём становились всё сильнее, они сказали, что в Малакке есть инок выдающейся святости, опытный в руководстве душами и способный вернуть ему душевный покой, и если он захочет испробовать это средство, они помогут и проводят его к святому, о котором говорили, о. Франциску Ксаверию, их другу, прибежищу грешников и утешителю скорбящих.

Андзиро ощутил сильное желание отправиться на поиски святого мужа; но дальняя дорога в восемьсот лиг, опасности бурного моря и мысли о семье несколько охладили его пыл. Дурное дело, в которое он ввязался почти в то же самое время, окончательно определило его решение: убив человека в ссоре и преследуемый правосудием, он не нашел ни лучшего убежища, чем португальские корабли, ни более верного способа спасти свою жизнь, чем принять сделанное ему предложение.

Алвареш Ваш, который более всех убеждал Андзиро в необходимости этого путешествия и не раз предлагал проводить его к отцу Ксаверию, ещё не уладил всех своих дел, когда японец прибежал к нему на корабль. Посему он отправил его с рекомендательными письмами к другому португальцу, по имени Фернанду Алвареш, который находился в ином порту Японии и должен был вскоре отплыть в Малакку.

Андзиро отправился в путь ночью в сопровождении двух слуг. Прибыв в порт и разыскивая Фернанду Алвареша, он встретил Жорже Алвареша, который как раз собирался сниматься с якоря. Этот Жорже Алвареш был богатым купцом, человеком весьма добропорядочным и искренне почитавшим о. Ксаверия. Он принял письма от Ваша, словно они были адресованы ему самому, взял троих японцев на своё судно, обошелся с ними в высшей степени учтиво и доставил их в Малакку, находя удовольствие в том, чтобы представить их человеку Божию, и воображая, что они станут первыми христианами своего народа. Но, к несчастью, Алвареш не застал о. Франциска, который незадолго до этого отбыл на Молуккские острова. Андзиро, куда более тревожась в чужой стране, чем в своей собственной, и отчаявшись когда-

либо увидеть того, о ком говорили ему друзья, вознамерился вернуться в Японию, не помышляя, какой опасности себя подвергает, и почти забыв об убийстве, заставившем его бежать, — как то свойственно преступникам, которые в подобных обстоятельствах слепнут, и которых божественное правосудие часто возвращает на то самое место, где они совершили преступление.

Он снова выходит в море и после недолгого пребывания в одном из портов Китая продолжает путь. Уже виднелись некоторые острова Японии, когда поднялась яростная буря, едва не погубившая корабль и за четыре дня отбросившая его обратно в тот самый китайский порт, где он останавливался. Для Андзиро это был благодатный удар Промысла, ибо та же рука, что низвергает виновных в бездну, порой чудесным образом отвращает опасность и извлекает их из неё.

Там японец встретил Алвареша Ваши, готового к отплытию в Малакку. Этот португалец с любовью упрекнул его в нетерпении, предложил переправить его в то место, которое он так поспешно покинул, и сказал, что, по всем признакам, о. Ксаверий уже должен был вернуться с Молуккских островов. Андзиро, чья совесть все ещё сильно беспокоила его и который оттого легко склонялся в любую сторону, последовал совету Васи и вернулся с ним.

Сойдя с корабля, он встретил на берегу Жорже Алвареша, того самого, что привёз его в Малакку в первый раз. Алвареш, удивлённый новой встречей с Андзиро, тотчас сказал ему, что отец Ксаверий вернулся с Молуккских островов, и немедленно повёл его к святому мужу. Ксаверий, который уже тогда провидел не только то, что этот японец станет первым из своего народа, кто примет крещение, но и то, что через него Евангелие будет проповедано в Японии, исполнился радости при виде его и обнял с великой нежностью. Вид и объятия святого так утешили Андзиро, что он уже не сомневался в том, на что ему дали надежду. Поскольку он немного понимал по-португальски, Ксаверий сам заверил его, что тревоги рассеются и он обретёт покой, который приехал искать издалека; но для этого сперва нужно познать и исполнять закон истинного Бога, Который один может умиротворить сердечные смуты и водворить в душе спокойствие. Андзиро, ничего так не желавший, как обрести мир совести, и очарованный добротой отца, с готовностью на всё согласился.

Служитель Божий преподавал ему начала веры, с которыми его друзья-португальцы уже несколько его ознакомили, насколько то было в силах людей торговых. Но, дабы его обращение упрочилось, он счёл уместным отправить его со слугами в семинарию в Гоа, чтобы там они получили основательное наставление в истинах и практиках христианства перед своим крещением. Замысел отца состоял ещё и в том, чтобы эти начатки японского христианства были посвящены Богу епископом доном Жуаном д'Альбукерке в столице Индии.

Поскольку при поездке в Гоа ему предстояло посетить Рыбацкий берег, он не захотел брать с собою троих японцев и поручил Жорже Алварешу доставить их. Он лишь написал через них ректору коллегии св. Павла и велел ему позаботиться о них со всем возможным усердием. На корабль другого португальца, по имени Гонсалу Фернандеш, он посадил двадцать или тридцать юношей, которых привёз с Молуккских островов, чтобы они учились в той же коллегии; после чего сам вошёл на борт судна, шедшего прямо в Кочин.

При проходе через Цейлонский пролив корабль, на котором плыл Ксаверий, застигла самая ужасная буря, какую когда-либо видели. Сперва пришлось выбросить в море все товары, а ветры дули с такой силой, что кормчий, не в силах удержать руль, оставил судно на волю волн. В течение трёх дней и трех ночей образ смерти неотступно стоял перед глазами, и ничто не ободряло моряков, кроме безмятежного лика о. Ксаверия, который оставался спокоен среди криков и суматохи на корабле.

Выслушав исповеди, воззвав о помощи к Небу и увещевая всех с равной готовностью принять из рук Господних жизнь или смерть, он удалился в каюту. Франсишку Перейра, искавший святого мужа в разгар бури, чтобы утешиться беседой с ним, нашел его на коленях перед распятием, целиком погружённого в Бога.

Корабль, влекомый стремительным течением, уже бился о Цейлонские отмели, и матросы считали себя погибшими безвозвратно, когда отец, выйдя из каюты, попросил у кормчего лот с линем, служившие для измерения глубины. Взяв, он опустил их до самого дна, произнося такие слова: «Великий Боже, Отец, Сын и Святой Дух, помилуй нас». В тот же миг судно остановилось, ветер утих; они продолжили путь и благополучно достигли порта Кочин 21 января 1548 года.

Отец воспользовался там недолгим досугом, чтобы написать несколько писем в Европу с лиссабонским кораблем, готовым к отплытию. Первое адресовалось королю Португалии Жуану III. Всё письмо было исполнено мудрых советов, касавшихся обязанностей государя. Святой вновь предостерегал, что Его Величество будет виновен перед Богом за дурное правление его министров и что однажды с него взыщется за спасение душ, которым он позволил погибнуть из-за недостатка усердия и твёрдости; но делал это со всей осмотрительностью и смягчающей силой христианского милосердия.

«Много раз я размышлял сам с собой, — писал он, — хорошо ли будет написать Вашему Величеству то, что в душе своей я почитаю благом для приумножения нашей святой веры. С одной стороны, мне казалось это служением Богу, а с другой — я полагал, что написанное мною так и не увидит света. Но, не написав, я, как мне мнится, отяготил бы свою совесть, ибо если Бог, Господь наш, давал мне это уразуметь, то для какой-то цели; и я не находил иной цели, кроме как написать об этом Вашему Величеству. Пишу же я, терзаясь в душе своей оттого, что написанное мною не исполнится, и что Ваше Величество, быть может, будет обвинено моими письмами в час своей смерти перед Богом, и не будут приняты оправдания, будто Вы о том не ведали.

Поверьте, Ваше Величество, это причиняло мне боль, ибо мои желания заключаются не в чём ином, как трудиться и умереть в этих краях, дабы помочь облегчить совесть Вашего Величества, ради той великой любви, которую Вы питаете к нашему Обществу. Так что, Государь, одна лишь мысль о том, что я должен написать Вашему Величеству, приводила меня в великое смятение. Наконец, я решился облегчить свою совесть, написав то, что чувствую, основываясь на опыте, который я приобрел в этих краях — как в Индии, так и в Малакке и на Молуккских островах».

Дав ему понять, сколь зависть и тайные раздоры чиновников препятствуют распространению Евангелия, он выражает желание, чтобы Его Величество обязался торжественной клятвой сурово наказывать всякого, по чьей вине вера не будет распространяться в Индиях. Он заявляет, что если бы те, в чьих руках власть, были

убеждены, что их проступки не останутся безнаказанными, то весь остров Цейлон, весь мыс Коморин и многие короли Малабара приняли бы христианство в течение одного года, а люди в Индиях признали бы божественность Иисуса Христа и исповедовали бы Его учение, когда бы министры, пренебрегшие интересами веры, были лишены званий и имущества.

Затем он просит у короля проповедников, а именно проповедников из Общества, считая их более подходящими, чем других, для Нового Света.

«Ради любви и служения Богу, Господу нашему, — говорит он, — прошу Ваше Величество оказать Вашим верным вассалам в Индии, и мне вместе с ними, такую милость: прислать в будущем году много проповедников из нашего Общества. Ибо сообщаю Вам, что крепости Индии в них весьма нуждаются — как португальцы в них, так и новообращённые христиане. Побуждает меня писать об этом пережитый опыт.

В Малакке и на Молуккских островах, во время моего там пребывания, я проповедовал дважды каждое воскресенье и по праздникам, видя в том великую нужду: португальцам — утром за мессой, а после обеда сыновьям и дочерям португальцев, их рабам и рабыням и свободным христианам из местных, разъясняя им члены веры. И один раз в неделю я проповедовал в церкви женам португальцев, как уроженкам той земли, так и метискам, о членах веры и таинствах Покаяния и Причащения. Если бы это наставление велось и впредь, то через несколько лет можно было бы увидеть дивный плод во славу Бога, Господа нашего. В крепостях я все это время обучал христианскому учению каждый день после обеда сыновей и дочерей португальцев, их рабов и рабынь и христиан из местных, и этим учением и наставлением весьма успешно пресекались идолопоклонство и колдовство.

Этот отчет я даю Вашему Величеству, чтобы Вы помнили о необходимости присылать проповедников, ибо из-за их нехватки ни португальцы, ни обращённые в нашу веру не могут стать настоящими христианами»⁶.

Поскольку о. Симан Родригиш, управлявший Обществом в Португалии, имел большой вес при дворе, о. Ксаверий написал и ему в то же время, прося поддержать перед королем все его просьбы. Особенно настоятельно он поручает ему выбирать проповедников, чтобы то были люди известной добродетели и образцовые подвижники. В конце он добавляет:

«Если бы я был уверен, что Король постиг всю глубину моей к нему бескорыстной любви, я бы попросил его об одной милости, в коей заключено и его собственное служение. И вот она: чтобы он каждый день уделял четверть часа, моля Бога, Господа нашего, даровать ему ясное разумение и живое сердечное переживание того, что говорит Христос: *Quid prodest homini si uniuersum mundum lucretur, animae uero suae detrimentum patiatur?* (Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Мф. 16:26). И чтобы он вменил себе в набожное правило в конце всех своих молитв добавлять: *Quid prodest...* и так далее.

Пора, дражайший брат магистр Симан, сообщить Королю понимание, ибо близок час, о коем он и не помышляет, — час, в который Господь наш призовет его к ответу, говоря: *Redde rationem uillicationis tuae*. (Дай отчет в управлении твоём. Лк. 16:2). Посему сделайте так, чтобы он упрочил в Индии духовные основы»⁷.

Из Кочина о. Ксаверий написал также отцам из Общества, пребывавшим в Риме, и весьма подробно поведал им о своих странствиях в Малакку, на Амбон, на Молуккские острова и на остров Моро, и о благословении, которое Бог там ниспослал. Не преминул он рассказать и об опасности, которой подвергся в Цейлонском проливе, и сделал это словами, полными утешения.

«В самый разгар бури, — писал он в своем письме, — я вверил себя Господу нашему, избрав себе сперва в заступники на земле всех членов благословенного Общества Иисуса со всеми его благодетелями. И, обретя столь великую поддержку и помощь, я всецело предался благоговейным молитвам Невесты Иисуса Христа, то есть Святой Матери Церкви, которую, пребывающую на земле, непрестанно выслушивает на небесах Жених её, Иисус Христос. Не преминул я избрать себе в заступники и всех святых, пребывающих во славе райской, начав с тех, кто в этой жизни принадлежал к святому Обществу Иисуса, и воззвав прежде всего о заступничестве блаженной души о. Фавра со всеми прочими, кто при жизни был в Обществе. Никогда не смог бы я до конца описать те утешения, что получаю, когда молюсь Богу, Господу нашему, через заступничество членов Общества — как живущих, так и царствующих на небесах.

Находясь в столь великой опасности, я вверился всем ангелам, пройдя по девяти их чинам, а вместе с ними — всем патриархам, пророкам, апостолам, евангелистам, мученикам, исповедникам, девам и всем святым небесным. И для большей уверенности в том, что смогу получить прощение моих бесчисленных грехов, я избрал себе в заступницы преславную Деву, нашу Владычицу, ибо на небесах, где она пребывает, всё, о чем она ни попросит Бога, Господа нашего, Он ей дарует. И наконец, возложив все мое упование на бесконечные заслуги смерти и страстей Иисуса Христа, нашего Искупителя и Господа, я, со всеми этими милостями и помощью, обрел в этой буре такое утешение, что, думаю, оно было больше того, что я испытал, когда опасность миновала. Обрести величайшему грешнику слезы радости и утешения в столь великой скорби — для меня, когда я вспоминаю об этом, это великое посрамление. И так я молил Бога, Господа нашего, в этой буре, чтобы, если Он избавит меня от неё, то лишь для того, чтобы я вошёл в другие, столь же великие или ещё большие опасности, которые бы послужили к вящей славе Его. Много раз Господь наш давал мне почувствовать в душе моей, от скольких телесных опасностей и духовных трудов Он меня сохранил благодаря благочестивым и непрестанным жертвоприношениям и молитвам всех тех, кто подвизается под знаменем благословенного Общества Иисуса, и тех, кто ныне пребывает во славе и великом ликовании, а при жизни сражался и принадлежал к Обществу. Этот отчет я даю вам, дражайшие во Христе отцы и братья, о том, сколь многим я вам обязан, дабы вы помогли мне выплатить всем то, чего я один не могу воздать ни Богу, ни вам.

Когда я начинаю говорить о святом Обществе Иисуса, я не знаю, как прервать столь сладостную беседу, и не нахожу сил закончить письмо. Но вижу, что вынужден закончить, не имея на то ни воли, ни возможности найти завершение, из-за спешки: корабли вот-вот отплывут. Не знаю, чем лучше закончить письмо, как не исповеданием перед всеми членами Общества, что *si oblitus unquam fuero Societatis nominis Jesu, oblivioni detur dextera mea* (если я когда-либо забуду имя Общества Иисуса, да будет забыта десница моя. Ср. Пс. 136:5), ибо чрезвычайно многими путями я познал, сколь многим я обязан всем членам Общества. Господь наш явил мне столь великую милость по вашим заслугам, дав мне, по моей убогой способности, познание долга, который я имею перед святым Обществом; не говорю

— полное познание, ибо во мне нет ни добродетели, ни таланта, достаточного для подлинного познания столь великого долга; но, чтобы хоть как-то избежать греха неблагодарности, по милости Бога, Господа нашего, есть во мне некоторое, хоть и малое, познание. Итак, я умолкаю, моля Бога, Господа нашего, чтобы, раз уж Он соединил нас в Своем святом Обществе в этой столь многотрудной жизни, то да соединит Он по Своей святой милости нас и в славном общении с Собою на небесах, ибо в этой жизни мы прискорбно разлучены друг с другом ради любви к Нему»⁸.

Написав эти письма и немного потрудившись в служении ближнему, он снова отправился в путь на Коморин, вновь обогнул мыс и достиг Рыбацкого берега. Параваны, его первенцы во Христе Иисусе, были вне себя от радости, вновь увидев своего святого и доброго отца, как они его называли. Все селения выходили ему навстречу, воспевая Символ веры и благодаря Бога за возвращение апостольского мужа. Радость святого была не меньше их собственной; но прежде всего он испытал безмерное утешение, видя, что число христиан значительно умножилось трудами его братьев. Там находилось несколько делателей из Общества, главными из которых были Антонио Криминали, Франсишку Энрикеш и Афонсу Сиприану. Ибо, поскольку о. Ксаверий писал с Амбона, чтобы на Рыбацкий берег посылали как можно больше людей для возделывания этих новых насаждений, все миссионеры, прибывавшие из Португалии с тех пор, как он со своими двумя спутниками достиг Индий, отправлялись в те края, за исключением троих, отбывших на Молуккские острова, и двоих, оставшихся в Гоа для наставления юношества.

Рвение верных утешило Ксаверия не меньше, чем их число. При посещении одного селения ему показали юношу из местных, который, отправившись в плавание со спутником-португальцем, был выброшен бурей на берег Малабара. Сарацины, населявшие те места, убив португальца, захотели заставить его спутника отречься от веры. С этой целью они привели его в мечеть и сулили ему великие блага, если он оставит закон Иисуса Христа и примет закон их пророка Магомета. Но, видя, что обещания не трогают его, они стали угрожать ему смертью и даже занесли тесак над его головой, чтобы утешить. Поскольку и это его не поколебало, и он продолжал стойко исповедовать Иисуса Христа, они заковали его в железо и обращались с ним весьма жестоко до тех пор, пока один португальский капитан, извещенный о случившемся, не ворвался с отрядом солдат в селение неверных и не вызволил юношу из их рук.

Ксаверий многократно обнял его и воздал хвалу Богу за то, что вера так жива в варварских сердцах. С радостью узнал он и о стойкости нескольких рабов, которые, бежав из домов своих португальских господ и живя среди язычников, не только не поддались языческому суевериям, но и в точности исполняли обеты своего крещения и жили весьма примерным образом. О них рассказывали, что, если кто-то из них умирал, они не позволяли сжигать тело по обычаю язычников или оставлять его без погребения, но хоронили его по обрядам Церкви и даже водружали на могиле крест.

Хотя неверные, которым они служили, не мешали им быть христианами, и каждый из них был тверд в решении сохранить веру посреди идолопоклонства, они горячо желали вернуться к верным, чтобы получать духовную помощь, которой им недоставало, и вести жизнь, ещё более согласную с их верой. Посему, едва узнав о возвращении о. Ксаверия, который большинство из них и крестил, они пришли умолять его примирить их с господами, которых они покинули, чтобы избавиться от рабства, и заявили ему, что готовы вновь лишиться свободы ради своего спасения.

Ксаверий принял их как своих возлюбленных детей и затем испросил для них прощения.

Обойдя все селения, он на пятнадцать дней остановился в Манападе, что не слишком далеко от мыса Коморин. Поскольку единственной целью, которую он себе ставил, было насаждение веры в Индиях, а для этого надлежало утвердить там Общество, он начал устроить дела согласно принципам и в духе о. Игнатия, генерала ордена. Созвав всех делателей, трудившихся на побережье, он исследовал дарования и добродетели каждого, беседуя с ними по душам и прося их поведать о своей внутренней жизни. После этого он назначил им места служения, сообразуясь с их духовными и телесными силами.

Он поставил о. Антонио Криминали настоятелем над всеми; и, дабы они могли лучше служить этому народу, повелел каждому с величайшим усердием изучать малабарское наречие, распространенное по всей стране.

Для этой цели он поручил о. Франсишку Энрикешу привести этот язык в систему и составить подробнейшую грамматику по образцу греческих и латинских. Труд казался неисполнимым, особенно для человека, недавно прибывшего из Европы и мало знакомого с индийскими языками; тем не менее, Энрикеш справился с ним, и даже в короткий срок, что, по-видимому, было чудом послушания.

Между тем, Ксаверий, рассудив, что толкование христианского учения, составленное им на Молуккских островах, будет весьма полезно его дорогим параванам, пожелал, чтобы один малабарский священник, хорошо владевший португальским, перевел его на свой язык. Но, дабы образ действий миссионеров был единообразен и один и тот же дух всех их воодушевлял, помимо устных наставлений, он дал им в письменном виде следующие правила:

«Прежде всего, в тех местах, которые вам предстоит возделывать, пекитесь о крещении новорожденных младенцев и совершайте его сами, не доверяя никому: в настоящее время нет ничего важнее этого. Не дожидайтесь, пока отцы и матери сами позовут вас; поскольку они легко могут пренебречь этим, вы должны обходить селения, входить в дома и крестить всех малых детей, каких найдёте.

После того, что касается крещения, ничто не должно лежать у вас на сердце более, чем наставление в началах веры детей, способных к учению. Не имея возможности быть повсюду, вы сделаете так, чтобы канакопулы⁹ и катехизаторы исполняли свой долг и благоговейно соблюдали установленные обычаи. Посему, когда вы приходите в селения, чтобы посмотреть, что там происходит, собирайте наставников вместе с учениками и узнавайте от детей в присутствии тех, кто обычно их наставляет, чему они научились или что забыли со времени вашего последнего посещения: это удвоит рвение учеников и исправность наставников.

По воскресеньям собирайте мужчин в церкви для чтения молитв и строго следите, присутствуют ли при этом патангатины, или старейшины народа. Вы будете разъяснять смысл произносимых молитв; будете порицать пороки, укоренившиеся в обычаях; будете давать им понять всю их чудовищность на убедительных примерах; наконец, будете угрожать упорным грешникам гневом Небесным и говорить им, что, если они не изменят нравов, дни их будут сокращены всевозможными болезнями,

языческие короли обратят их в рабство и их бессмертные души станут пищей вечного огня адского.

Как только вы прибудете в какое-либо место, вы узнаете, кто с кем враждует, и постараетесь их примирить. Примирения же вы будете справлять в церкви, и будет хорошо, чтобы все женщины собирались там по субботам, как мужчины — по воскресеньям.

Когда малабарский священник переведёт толкование Символа веры, вы сделаете с него копии и позаботитесь, чтобы их читали по воскресеньям мужчинам, а по субботам — женщинам; и, если вы будете при этом присутствовать, то сами будете читать вслух, добавляя необходимые разъяснения.

Пусть всё, что мужчины и женщины из набожных чувств пожертвуют церкви, будет роздано бедным, и остерегайтесь извлекать из этого какую-либо выгоду.

Не забывайте каждую субботу и каждое воскресенье напоминать верным, чтобы вас извещали, как только кто-нибудь заболеет, дабы вы могли его посетить; и дайте им понять, что если вас не известят, и больной умрет, вы не похороните его с христианами в наказание за их небрежение.

Когда вы приходите к больным, прежде всего велите им произнести Символ веры на их родном наречии. Вы будете спрашивать их о каждом члене и допытываться, искренне ли они веруют; затем велите им произнести *Confiteor* и другие католические молитвы, после чего прочтете над ними Евангелие.

Для погребения усопших вы будете собирать детей и, выйдя с ними из церкви, с крестом во главе процессии, будете петь Символ веры по пути туда и обратно. Вы прочтёте церковные молитвы в доме усопшего и, прежде чем предать его земле, обратитесь также с кратким увещанием к собравшимся в присутствии покойника о неизбежности смерти, об исправлении нравов и о следовании добродетелям.

Вы будете предупреждать мужчин в воскресенье, а женщин в субботу, чтобы они приносили в церковь своих больных малых детей, дабы над ними читали Евангелие для их исцеления, ведь вера отцов и матерей тем самым возрастёт вместе с почтением к храмам Господним.

Вы сами будете разбирать тяжбы; если не сможете сделать это на месте, отложите решение до воскресенья и после богослужения поручите это самым уважаемым жителям селения. Я не хочу, однако, чтобы дела такого рода занимали вас слишком много или чтобы вы предпочитали заботу о временных интересах ближнего делам милосердия, касающимся спасения душ. Полагаю, впрочем, что дела особой важности вам надлежит передавать на усмотрение португальского коменданта».

Делайте всё, что в ваших силах, дабы снискать любовь этих людей, ибо, внушая любовь, вы сотворите больше блага, нежели внушая страх. Не назначайте никакого наказания без совета о. Антонио Криминали; а если присутствует португальский комендант, не делайте ничего без его повеления. Если же какой-либо мужчина или женщина воздвигнет пагоду или идола, изгоните их из селения, если о. Криминали сочтёт это уместным. Являйте великую любовь детям, посещающим христианские

школы; прощайте им и порой закрывайте глаза на их проступки, дабы суровое обращение не оттолкнуло их от нас.

В присутствии португальца воздерживайтесь от порицания и осуждения местных христиан; напротив, хвалите их и всегда выступайте в их защиту. Ибо если принять во внимание, сколь мало времени прошло с тех пор, как они приняли веру, и сколь недостает им помощи для христианской жизни, то можно лишь удивляться, что они не погрязли в еще больших пороках.

Оказывайте малабарским священникам всевозможные услуги в том, что касается их духовного преуспевания. Заботьтесь о том, чтобы они исповедовались, служили мессу и подавали добрый пример, и не пишите против них ничего никому.

Общайтесь с португальскими комендантами так, чтобы никогда не было заметно ни малейшего недопонимания между вами. Что же до прочих португальцев, старайтесь всеми способами сделать их своими друзьями и никогда не вступайте в споры ни с кем из них, даже если бы они из чистой прихоти затеяли с вами тяжбу или ссору. Если они дурно обращаются с христианами, противодействуйте этому, но с кротостью; и если вы видите, что ваши возражения бесполезны, жалуйтесь коменданту, с которым, ещё раз прошу вас, никогда не имейте разногласий.

Пусть ваши беседы с португальцами будут лишь о вещах духовных: о смерти, о суде, о чистилище, об аде, о частом причащении и о точном соблюдении заповедей Божиих. Ибо если вы будете говорить с ними лишь на эти темы, они не будут отнимать у вас часы, предназначенные для вашего служения.

Не забывайте писать в Гоа отцам и братьям нашего Общества, отчитываясь им о плодах ваших трудов и предлагая то, что вы сочтёте полезным для преуспевания в благочестии. Пишите также епископу, но с великим почтением и смирением, как общему отцу и главному пастырю Нового Света.

Но что я поручаю вам настоятельнее всего и о чём не могу вдоволь наговориться, так это то, чтобы, в каком бы путешествии вы ни были и в каком бы месте ни находились, старайтесь снискать любовь всех людей добрыми услугами и учтивыми манерами: так вы станете более способными к завоеванию душ. Господь наш да дарует вам в этом Свою благодать и да пребудет со всеми вами вовеки».

Устроив таким образом дела на Рыбацком берегу, отец вознамерился отправиться на остров Цейлон, прежде чем вернуться в Гоа. Замысел его состоял в том, чтобы собрать плоды драгоценной крови, которую двумя годами ранее пролил король Джафнапатнама, или, по крайней мере, увидеть, какова расположенность к Евангелию у народов, бывших свидетелями стойкости мучеников.

Поистине, смерть двух обращённых юных принцев, претендовавших на корону Джафнапатнама, почти уничтожила всякую надежду на утверждение христианства на острове. Ксаверий, однако, не оставил своих трудов и обратился к королю Канди, одного из правителей Цейлона. Затем он отправился к тирану, который так жестоко обошёлся с христианами, чтобы, вопреки всякой человеческой очевидности, склонить его дозволить проповедь закона Иисуса Христа в его землях и побудить его самого стать христианином.

Поскольку доводы государственные имеют наибольшую силу над умами государей, отец сперва представил неверному королю, что его трон может быть упрочен лишь оружием португальцев, и что, если он однажды заключит с ними тесный союз, ему нечего будет опасаться ни врагов своих, ни подданных. Варвар, который страшился всего как внутри, так и вовне, забыв, что дон Афонсу де Соуза хотел воевать с ним в защиту двух крещёных принцев, выслушал эти мирные предложения и даже позволил разъяснить ему таинства христианского закона.

Наставления святого так тронули тирана, что, преобразившись в одночасье, он обещал принять веру и потрудиться над обращением подданных, предлагая в залог своего слова передать королевство в руки короля Португалии и платить ему такую дань, какую сочтут уместной, прося лишь о двух вещах: во-первых, чтобы губернатор Индий заключил с ним прочный мир, как и с другими индийскими королями, ставшими вассалами португальской короны; во-вторых, чтобы для предотвращения восстаний и смут, которые могли бы возникнуть из-за смены веры, ему прислали отряд португальских солдат, который будет содержаться за его счёт.

О. Ксаверий, весьма довольный, что преуспел сверх всяких ожиданий, отправился в Гоа с послом неверного короля и прибыл туда 20 марта того же 1548 года. Поскольку дон Жуан де Каштру, вице-король Индий, находился в Бассейне, близ Камбейского залива, отец тотчас же снова сел на корабль, несмотря на неблагоприятное время года, рассудив, что столь важное дело не терпит отлагательств и что промедление часто губит лучшие начинания.

Каштру никогда не видел Ксаверия, но всё, что он о нём слышал, внушало ему крайнее желание его увидеть. Он принял его со всяческой честью, какая подобала святому при первой встрече, и с готовностью согласился на предложения короля Джафнапатнама на изложенных условиях. Однако он на некоторое время задержал служителя Божия, чтобы послушать его проповеди и посоветоваться с ним о щекотливых делах, в которых интересы государства и веры были тесно переплетены.

Между тем, он назначил Антониу Мониша Баррету, человека властного и весьма храброго, начальником гарнизона Джафнапатнама, дав ему сто закалённых в боях солдат, достойных своего командира. Одновременно он приказал, чтобы с послом, оставшимся в Гоа, обходились со всей пышностью, и чтобы, если тот или его люди пожелают креститься, не жалели ничего на церемонию их крещения.

Но король Джафнапатнама впоследствии нарушил верность и Богу, и людям, и это, вероятно, навлекло на него и на его королевство роковые бедствия.

Пребывание Ксаверия в Бассейне не прошло даром для одного знатного и весьма распутного юноши по имени Родригу Секейра, которого он знал уже два года. Ибо Секейра, совершив убийство в городе Малакка в то время, когда отец был там в первый раз, укрылся в приюте, дабы избежать правосудия.

Именно там человек Божий и познакомился с ним и снискал его дружбу той кротостью и благородством, что всегда служили ему безотказно. Едва добившись расположения Секейры, он заговорил с ним о вечности с такой силою убеждения, что молодой дворянин взялся за ум и принес отцу генеральную исповедь. Ксаверий, чтобы еще более утвердить его в добре и вызволить из приюта, где тот скрывался из

страха перед казнью, уладил его дело с противной стороной и добился для него помилования от губернатора Малакки. Но, видя, что изнеженная и распутная жизнь той страны могла развратить его, несмотря на все его добрые намерения, он посоветовал ему покинуть Индии и вернуться в Европу.

Секейра, который чувствовал свою слабость и хотел спастись, обещал отцу всё и даже приготовился исполнить свое обещание. И в самом деле, он отправился в Гоа с намерением как можно скорее отплыть в Лиссабон; но, будучи назначен вице-королем доном Жуаном де Каштру сборщиком казенных податей, он оставил мысль о Португалии и вновь впал в прежнее распутство.

Он уже и не думал о Ксаверии, как вдруг встретил его посреди Бассейна. Вид отца сперва удивил и смутил его; но, тотчас оправившись, он смело подошел к Ксаверию и взял его руку, чтобы поцеловать, как делал это иногда прежде. Отец, при всей своей человечности и учтивости, довольно сурово оттолкнул Секейру; однако, немного смягчившись, сказал ему: «Как, сын мой, вы все еще в Индиях? Разве вы не уехали из Малакки, чтобы вернуться в Португалию?»

Португалец, совершенно смущенный и не зная, как оправдаться, свалил вину на губернатора, который, дескать, удержал его против воли. «Но, — возразил Ксаверий со святым негодованием, — разве губернатор принудил вас вести скотскую жизнь и два года не приступать к исповеди? Как бы то ни было, — продолжал он, — знайте, что мы никогда не будем в добром согласии, покуда вы не в ладу с Богом». При этих словах Секейра, проникнутый живейшей скорбью, попросил у отца прощения за то, что не сдержал своего слова и был так неверен благодати. Он исповедался в тот же день и совершенно переменил жизнь под руководством того, кого Бог послал ему, чтобы вернуть его на добрый путь.

Дон Жуан де Каштру, который также хотел воспользоваться советами отца для устройства своих нравов, был бы весьма рад удержать его подольше; но, видя его решимость уехать, отпустил его, умоляя, однако, провести зиму в Гоа, чтобы по возвращении своём он мог обсудить с ним дела своей совести.

Отец вернулся как нельзя кстати для Косме де Торреса, испанского священника родом из Валенсии, одного из величайших умов и лучших людей своего века. Торрес прибыл на флоте, который пришел из Новой Испании на Молуккские острова и после тщетных скитаний по разным морям остановился на острове Амбон, как я уже говорил. Там Торрес встретил Ксаверия и был так очарован его образом жизни, что помыслил стать его учеником. Но помимо того, что тяготы, неотделимые от апостольского служения, несколько оттолкнули его, он решил, что не должен ничего предпринимать без совета епископа Индий, а поэтому покинул Амбон, не приняв никакого решения и даже не открывшись о. Франциску.

Как только испанский флот достиг Гоа, о. Косме пошёл представиться епископу, который, нуждаясь в великих викариях, дал ему одно из главных викариатств своей епархии. Торрес решил, что Бог ничего большего от него не требует; и в течение четырех или пяти месяцев исполнял все обязанности должности, на которую его назначил епископ. Но постоянные беспокойства, терзавшие его, заставили священника усомниться в выборе; они склоняли его поверить, что Бог наказывает его за то, что он не последовал за новым апостолом Востока.

Однажды, будучи в сильном внутреннем смятении, он пошел в коллегию св. Павла, чтобы открыться о. Ланчилотти, и попросил его объяснить ему устройство Общества, которым он был так пленён, увидев о. Ксаверия на Амбоне. Поскольку уже некоторое время внутренний дух побуждал Торреса к великим свершениям и к тому, чтобы много пострадать во славу Иисуса Христа, он нашел орден Игнатия столь созвучным нынешнему расположению своей души, что, не колеблясь более, захотел совершить духовные упражнения, чтобы подготовиться к перемене состояния. Уже на второй день он получил столько света и столько утешения свыше, что ему казалось, будто уже находится на небесах; Косме не мог довольно надивиться тому, что простые истины, которые он часто читал без всякого вкуса, трогали его до такой степени, и он поведал об этом Ланчилотти в словах, полных восхищения.

Тем не менее, уstraшённый перспективой вечного обязательства и, быть может, искушаемый демоном, он не мог принять решение и день ото дня всё более колебался. Ксаверий прибыл как раз в это время. Едва он увидел Торреса, как тотчас перед ним предстал человек, полный решимости, который настоятельно просил принять его в число сынов Игнатия. Апостол принял его и сам позаботился наставить его в духе Общества. Он принял ещё и других португальцев, обладавших прекрасными талантами для миссий и горевших ревностью о душах.

Все они жили вместе в коллегии св. Павла, где рвение царило не только среди иезуитов, но и среди семинаристов, число которых росло день ото дня. Японец Андзиро был с ними, ведя весьма упорядоченную жизнь и с томлением вздыхая лишь о крещении, которое ему отложили до возвращения святого мужа.

Ксаверий не удовольствовался тем, чтобы наставить его заново, но пожелал, чтобы о. Торрес весьма основательно разъяснил ему все таинства веры. Андзиро и двое его слуг, получив те же наставления, что и их господин, были, наконец, торжественно крещены в день Пятидесятницы епископом Гоа, доном Жуаном де Албукерке. Так Церковь начала вступать во владение самым отдаленным народом мира в тот самый день, когда Святой Дух, сойдя на апостолов, дал им их миссию нести Евангелие всем народам земли.

Андзиро пожелал, чтобы его называли Павлом Святой Веры, в память о коллегии Общества Иисуса, где он получил особое познание божественного закона и которую называли то коллегией св. Павла, то семинарией Святой Веры. Один из его слуг принял имя Жуан, другой — Антониу. Приняв крещение, он обрёл душевный мир, которого доселе не мог достичь; и об этом он написал в Рим в том же году, в письме, адресованном о. Игнатию и датированном 25 ноября.

Но, дабы новые верующие имели истинные начала христианской нравственности и чтобы их поведение отвечало их вере, о. Ксаверий поручил Торресу провести с ними духовные упражнения Общества.

Невозможно описать те небесные озарения, благочестивые чувствования и внутренние улады, что ниспослало им Небо за тридцать дней их уединения. Андзиро мог говорить лишь о Боге, и говорил о Нём с пылом, который, казалось, испепелял его. Таинство Страстей Господних трогало его особенно, и при виде распятого Бога так умиляла его благость Божия и такую любовью он возгорался, что жаждал лишь мученичества и спасения братьев. Так, иногда можно было слышать, как он восклицал посреди своих молитв: «Как счастлив я был бы умереть за Тебя, о

мой Боже! Дорогие мои японцы, ах, как вы несчастны, и как жаль мне вашего ослепления!»

Господин и слуги вышли из своего уединения, охваченные невероятной ревностью, поэтому Ксаверий писал в Европу, что их пример воодушевляет его на служение Богу, и что он не может смотреть на них, не краснея за своё малодушие.

В беседах с ними он узнал то, что уже слышал от Жорже Алвареша и других португальцев: что Японская империя — одна из самых населенных в мире, японцы от природы любознательны и жаждут знаний, послушны и способны к учению; почти все они сметливы и вдумчивы, так что, если изложить им нравственные основы христианства, они без труда примут их, и если только проповедники Евангелия будут жить согласно евангельским правилам, весь народ покорится игу Иисуса Христа — быть может, не сразу, но со временем и после того, как их сомнения будут разъяснены.

Этого было достаточно, чтобы Ксаверий замыслил нести веру в Японию. Кротость, благородство, прекрасный нрав трех крещеных японцев создали у него доброе мнение и обо всех остальных; а португальские купцы, недавно вернувшиеся из Японии, прочно заверили его, что таков дух и характер всей нации, поэтому он не сомневался в великих успехах христианской веры в той стране. А то, что рассказал ему Андзиро, — что в его стране есть несколько монастырей неправоверных иноков, некоторые из них ведут жизнь уединённую и созерцательную; каждый монастырь имеет своего настоятеля, человека почтенного по возрасту и учёности; каждую неделю иноки выходят из уединения с изможденными лицами и в жутком одеянии, чтобы проповедовать народу, а в проповедях так живописуют ад, что женщины плачут и громко кричат, — все это, повторю, показалось Ксаверию весьма подходящими подступами, располагающими к вере, и он восхвалил Бога за то, что по дивному водительству Промысла, тайно уготовляющего спасение людей, дух лжи таким образом готовит пути истине.

Он также благоговел перед судами того же Промысла, который под предлогом спасения человека от казни и успокоения его духа вывел трёх японцев из их страны и привёл в Гоа, чтобы они послужили проводниками миссионеру. Но, дабы эти проводники оказались полезнее, он счёл уместным, чтобы их научили читать и писать по-португальски и чтобы они хорошо изучили язык. Андзиро, которого мы отныне будем называть Павлом Святой Веры, научился всему, чему хотели; ибо, помимо того, что он обладал живым и подвижным умом, у него была такая счастливая память, что он знал почти наизусть всё Евангелие от святого Матфея, которое о. Косме де Торрес разъяснил ему перед крещением.

Тем временем дон Жуан де Каштру снарядил флот с намерением завладеть Аденом, одним из самых укрепленных городов Счастливой Аравии, расположенным у подножия высокой горы, которая вдаётся в море длинным и узким мысом. Это место весьма удобно для того, чтобы закрыть проход в Индии туркам и сарацинам, которые идут туда через Красное море. Оттого и Албукерки Великий хотел занять его в 1513 году; но упорное сопротивление аденцев вынудило его снять осаду. Позже они сами изъявили желание сдаться португальцам, чтобы избавиться от тирании турок, однако тогда этого не случилось по вине одного капитана по имени Суареш, который, не имея приказа брать город, оказался столь плохим политиком, что отказался от него, когда тот хотел отдаться под власть португальской короны.

Этот народ, с которым турки обращались хуже, чем когда-либо, выказал то же намерение и во время правления Каштру, и именно по этой причине он послал флот к Мекканскому проливу под командованием дона Алвареша де Каштру, своего сына. Восемь фуст из Гоа, полные воинов, отправились в поход на Аден. Среди этих солдат был один, чрезвычайно храбрый и знаменитый своими военными подвигами, но запятанный преступлениями и куда более известный разгульной жизнью, нежели доблестью. Это был своего рода дикий зверь, имевший от человека лишь облик, а от христианина — лишь имя. Прошло восемнадцать лет, как он не исповедовался; и если он однажды и предстал перед викарием Гоа, то скорее для того, чтобы его не сочли магометанином или идолопоклонником, нежели для примирения с Богом.

О. Ксаверий заметил этого несчастного и ждал лишь благоприятного момента, чтобы потрудиться над столь трудным обращением. Узнав, что солдат садится на одну из фуст, идущих на соединение с флотом, он в тот же миг вышел из коллегии св. Павла, взяв с собой лишь breviарий, и вошёл на ту же фусту.

При виде о. Франциска решили, что он получил приказ от губернатора сопровождать его сына, дона Алвареша, и все этому обрадовались, кроме того, ради кого он и пришёл. Святой подступил к воину и, когда снялись с якоря, завёл с ним такую душевную беседу, что другие солдаты, менее распутные, не могли тому удивиться; а некоторые говорили о Ксаверии почти то же, что фарисей говорил о Господе нашем: *«Если бы этот человек был пророком, он знал бы, что это за солдат, общество которого ему так приятно»*.

Эти речи ничуть не охлаждали рвения отца. Он видел, как его солдат целые ночи напролет проводил за игрой, ибо был заядлым игроком; он делал вид, что не замечает его вспышек гнева, и иногда слышал, как тот божится, но не подавал виду. Лишь однажды он сказал ему, что игра требует хладнокровия, и что если он не будет осторожен, то страсть, с которой он играет, погубит его.

Каким бы грубым ни был солдат, он незаметно привязался к столь обходительному человеку и с удовольствием слушал его речи не только о войне и море, но и о вере и нравственности; в конце концов задумался над ужасом своей жизни и даже почувствовал некоторые угрызения совести.

Однажды, когда они были одни в уголке корабля, Ксаверий спросил, у кого он исповедовался перед отплытием. «Ах, отец мой, — сказал солдат, — прошло уже много лет, как я не исповедовался!» «Как же так! — возразил отец. — О чём вы думаете? Чем вы храбрее, тем большей опасности подвергаетесь каждый день; и какова была бы ваша участь, если бы вас убили в том состоянии, в котором вы сейчас находитесь!» «Я хотел было однажды исповедаться, — ответил солдат, — хотя бы для вида; но викарий Гоа не захотел меня даже выслушать и объявил, что я — отверженный, не заслуживающий ничего, кроме ада».

«Поступок викария кажется мне несколько суровым, — ответил Ксаверий, — однако у него были свои причины так с вами обращаться, а у меня есть свои, чтобы поступить иначе; ибо, в конце концов, милосердие Господне бесконечно, и Бог желает, чтобы мы имели к нашим братьям столько же снисхождения, сколько Он имеет к нам. Посему, будь грехи, в которых вы себя вините, в тысячу раз многочисленнее и ужаснее, чем они есть, у меня хватит терпения вас выслушать, и я

без труда дам вам отпущение, если только вы проникнетесь теми чувствами, которые я постараюсь вам внушить».

Этим словами он склонил солдата к исповеди, и притом к исповеди генеральной. Он сам подготовил его к ней, заставив его пересмотреть всю жизнь и подробно разобрать с ним все грехи, которые мог совершить человек его нрава и ремесла.

Когда они были заняты этим, бросили якорь в порту Кулан, чтобы немного пополнить припасы. Многие с кораблей сошли на берег, и среди прочих о. Ксаверий со своим солдатом. Они вдвоем удалились в место уединённое и пустынное; там солдат исповедался со слезами на глазах, решив искупить свои преступления покаянием, которое наложит на него его духовник, сколь бы суровым оно ни было. Но отец дал ему прочесть лишь один «Отче наш» и одну «Радуйся, Мария», чему кающийся удивился: «Отчего же, отец мой, — сказал он, — такому страшному грешнику, как я, вы даете столь легкую епитимию?» «Успокойтесь, сын мой, — ответил Ксаверий, — мы умилим Божественное правосудие». И в тот же миг он углубился в лес, пока солдат исполнял свой покаянный урок. Тогда он сделал то, что уже делал однажды в подобном случае: обнажил плечи и стал так жестоко бичевать себя, что солдат прибежал на звук ударов. Увидев отца всего в крови и прекрасно поняв причину столь странного поступка, он вырвал у него из рук бич, восклицая, что нести наказание за грех должен преступник, а не невинный; тотчас же сошел с себя одежду и со всей силы стал истязать свое тело. Ксаверий несколько раз обнял его и объявил, что сел на корабль лишь из любви к нему. Так, дав ему спасительные советы для укрепления в благодати, он покинул его и вернулся в Гоа на первом же корабле, вышедшем из порта, где они остановились. Что до солдата, то он последовал за флотом; и как только поход на Аден завершился, вступил в строгий монашеский орден, где жил и умер в великой святости.

Вскоре после того, как отец вернулся в Гоа, туда прибыл и губернатор, дон Жуан де Каштру, совсем больной: изнурительная лихорадка снедала его уже несколько месяцев. Чувствуя, как слабеет день ото дня, и не сомневаясь, что конец жизни близок, он полностью отошёл от дел, избрал разных людей для исполнения своих обязанностей и думал лишь о смерти и о своем спасении. Для этого он вёл долгие беседы с о. Ксаверием и не желал видеть никого, кроме него.

Между тем корабль, пришедший из Лиссабона, привез вице-королю письма от короля Португалии, в которых тот весьма хвалил его правление и продлевал его полномочия на три года. Поскольку дон Жуан де Каштру очень любили, по всему городу устроили публичные празднества. Но больной, слыша залпы артиллерии и видя чуть ли не со своего ложа огни фейерверков, не мог удержаться от смеха, хотя и был при смерти. «Как лжив и смешон этот мир, — говорил он, — предлагающий почести на три года, когда нам осталось жить лишь мгновение!» Отец был с ним до последнего вздоха и имел утешение видеть, как вельможа мира сего умирает с чувствами святого инок.

Ксаверий, став в некотором роде сам себе господином после смерти дон Жуана де Каштру, который просил его не покидать Гоа в течение зимы, замыслил посетить во второй раз Рыбацкий Берег перед путешествием в Японию, о котором он ещё не объявлял открыто. Но неподходящее время года удержало его; ибо в определенный период каналы острова так заносит песком, что ни один корабль не может ни выйти из порта, ни войти в него.

Ожидая, когда навигация станет свободной, святой особенно продолжительно и ревностно молился, словно для того, чтобы набраться новых сил после минувших трудов, по обычаю апостольских мужей, которые в общении с Богом находят отдохновение от трудов, понесённых ради ближнего.

Именно тогда, в саду коллегии св. Павла, то прогуливаясь, то уединяясь в маленьком скиту, который там построили, он восклицал: «Довольно, Господи, довольно!» — и распахивал сутану на груди, чтобы хоть немного остудить воздухом пламя, которым пылало его сердце. Этим он показывал, что не может более выносить изобилия небесных утешений, и давал понять одновременно, что предпочёл бы претерпеть множество мучений в служении Богу, нежели вкушать столько усад; поэтому он молил Господа нашего приберечь радости для будущей жизни, а в этой, напротив, не щадить его ни в каких страданиях.

Эти внутренние занятия не мешали ему ни трудиться ради спасения душ, ни облегчать участь несчастных в приютах и тюрьмах. Напротив, чем живее и пламеннее была в нём любовь к Богу, тем сильнее он желал зародить и возжечь её повсюду. Любовь часто заставляла его отказываться от покоя уединения и усад молитвы, в чём он следовал правилу своего отца Игнатия, гласившему, что должно оставлять Бога ради Бога.

Погода начала смягчаться, и Ксаверий уже готовился отплыть к мысу Коморин, когда из Мозамбика прибыл португальский корабль, доставивший пятерых миссионеров из Общества. Самым примечательным из этих миссионеров, а также из пяти других, прибывших с флотом, был Гаспар Барзе, фламандец по происхождению. Отец Франциск уже слышал о нём как о превосходном делателе и знаменитом проповеднике; но его присутствие и свидетельство всего корабля внушили святому столь высокое мнение о его достоинствах, что с тех пор он видел в нём апостола Востока.

Он провел пять дней с этими новыми спутниками. Уже на четвертый день он попросил отца Барзе проповедовать, чтобы увидеть его проповеднический дар, и нашёл в нём все качества совершенного проповедника. Несколько португальских дворян, которые во время опаснейшего плавания благодаря добродетелям и речам Барзе иначе взглянули на свою жизнь, пришли и бросились к ногам Ксаверия, прося принять их в Общество. Капитан корабля и комендант одной из главных крепостей, которыми португальцы владели в Индиях, были в их числе. Некоторых он принял перед отъездом, а остальным велел дожидаться его возвращения; но пожелал, чтобы все они прошли духовные упражнения отца Игнатия.

Наконец, 9 сентября Ксаверий отплыл к Рыбацкому Берегу. Там он утешил и укрепил верующих, которых по-прежнему преследовали бадаги, смертельные и непримиримые враги христианского имени. Он также ободрил делателей из Общества, которые по той же причине ежедневно подвергались смертельной опасности.

Узнав, что о. Франсишку Энрикеш, окормлявший христианскую общину Траванкора, пал духом и считает, что напрасно теряет время, поскольку некоторые из его неопитов, поколебленные обещаниями или угрозами нового короля, ненавидевшего христиан, возвращаются к своим прежним суевериям, он написал ему утешительное письмо и просил мужаться, уверяя, что труды его гораздо плодотворнее, чем ему

кажется, и даже если бы весь плод его рвения сводился к малым детям, умирающим после крещения, Бог был бы весьма доволен его служением, ведь, в конце концов, спасение одной-единственной души должно утешить миссионера во всех его трудах, а Бог вменяет в заслугу добрые намерения, и человек никогда не бывает бесполезен, когда трудится изо всех сил, сколь бы мал ни был его успех.

О. Ксаверий не удовольствовался тем, что укреплял миссионеров и устно, и письменно; он умолял самого о. Игнатия соблаговолить ободрить их, и особенно написать Энрикешу, человеку весьма аскетичному и очень трудолюбивому.

Завершив обход Рыбацкого Берега, он вернулся через Кочин, где задержался на два месяца и без усталости занимался наставлением детей, служением больным и исправлением нравов всего города.

Затем он отправился в Бассейн к вице-губернатору Индий, дону Гарсии де Са, которого назначил перед смертью дон Жуан де Каштру. Отец хотел получить от него рекомендательные письма к губернатору Малакки, чтобы облегчить себе путь в Японию.

По правде говоря, полученное им известие, что китайцы, недовольные португальцами, более не желают терпеть их у себя, казалось, должно было расстроить его замысел, ибо невозможно было достичь островов Японии, следуя путем из Малакки, не заходя в какой-либо порт Китая; но свойство апостольского рвения — ни во что не ставить невозможное, когда речь идет о великих предприятиях.

Как только Ксаверий вернулся в Гоа, и стало известно о путешествии, которое он замыслил, его друзья приложили все усилия, чтобы отговорить его. Они сперва указывали ему на дальность пути в тысячу триста лиг; на верные и неминуемые смертельные опасности, которым он будет постоянно подвергаться не только из-за пиратов, что рыщут в тех морях и убивают всех, кто попадает им в руки, но и из-за рифов, неведомых самым искусным кормчим, и из-за неких ветров, называемых тайфунами, которые свирепствуют от Китая до Японии на огромном морском пространстве. Ему говорили, что эти яростные вихри заставляют корабль кружиться волчком и топят его в одно мгновение, или же с яростью швыряют его на скалы и разбивают в щепы.

Добавляли, что даже если, своего рода чудом, судно его спасется от корсаров и бурь, он не будет в безопасности в портах Китая, откуда только что изгнали португальцев; что, впрочем, если его рвение ненасытно, то на Востоке есть ещё обширные королевства, не просвещённые светом Евангелия; даже близ Гоа есть острова и земли, сплошь языческие; пусть он отправляется туда, с Богом, но оставит эти слишком отдаленные острова, которые природа, казалось, отделила от общения смертных, к тому же, поскольку могущество португальцев не утверждено, христианство там никогда не сможет устоять против гонений язычников.

Ксаверий был слишком убежден, что Бог желает видеть его в Японии, чтобы прислушиваться к доводам друзей. Он посмеялся над их страхами и сказал, смеясь, что его участь, быть может, будет не хуже, чем у Жорже Алвареша или Алвареша Ваша, которые совершили путешествие в Японию вопреки тем пиратам и ветрам, которыми его пытались напугать. Затем, приняв серьезный вид, он сказал:

«Поистине, я удивляюсь, что вы хотите помешать мне идти ради блага душ туда, куда вы сами идете ради малой временной выгоды; и, признаюсь вам, мне стыдно за ваше маловерие. Но мне стыдно и за то, что меня опередили, и нестерпимо знать, что купцы проявили больше мужества, чем миссионеры».

Наконец, он сказал, что, испытав столько раз попечение Промысла, было бы неправильно не доверять Ему; Он не для того сохранил его от меча бадагов и от ядов на острове Мавра, чтобы оставить его в других опасностях; впрочем, Индии — не предел его миссии, и, отправляясь сюда, он всегда имел намерение нести веру до самых краев земли. Тогда он написал о. Игнатию, чтобы известить его о своём путешествии и поведать ему о чувствах своего сердца.

«Никогда не смог бы я до конца описать, — писал он, — какое внутреннее утешение я испытываю, предпринимая это путешествие, сопряжённое со многими и великими смертельными опасностями — от сильных бурь, ветров, мелей и множества разбойников. Из четырёх кораблей, идущих этим путем, если спасутся два — это уже большая удача. Повинуясь своему глубокому внутреннему побуждению, я бы не отказался от путешествия в Японию, даже если бы был уверен, что меня ожидают величайшие опасности, какие когда-либо со мной приключались, ибо я питаю великую надежду на Бога, Господа нашего, что в тех краях наша святая вера весьма приумножится»¹⁰.

В то же время он написал о. Симану Родригешу, и некоторые места из его письма хорошо показывают расположение святого мужа:

«...Прибыли корабли из Малакки, принесли верные вести о том, что все порты Китая восстали против португальцев. Но и это не заставит меня отказаться от намерения отправиться в Японию, о чём я вам уже писал. Ибо нет в этой многотрудной жизни большего отдохновения, чем жить среди великих смертельных опасностей, принимаемых всецело ради одной лишь любви и служения Богу, Господу нашему, и ради приумножения святой нашей веры. И в трудах сих человек обретает больше покоя, нежели живя без них»¹¹.

Апостол, будучи готов отправиться в Японию, назначил о. Пауло да Камерино генеральным настоятелем вместо себя, а о. Антониу Гомеша — ректором семинарии в Гоа; одновременно он предписал им обоим, чтобы во исполнение его пожелания они жили вместе и управляли своими подчиненными. Вот что в частности он поручил отцу Пауло:

«Прежде всего, поручаю вам, — говорил он ему, — ради любви к Богу, Господу нашему, и ради любви, которую вы питаете к отцу Игнатию и ко всем в Обществе Иисуса, чтобы вы с великим смирением, благоразумием и мудростью жили в любви и милосердии с Антонио Гомешем, со всеми отцами, которые придут из Португалии, и со всеми, кто рассеян по разным землям Индии. Я столь уверен во всех членах Общества Иисуса, судя по тому, что я о них знаю, что они не нуждаются в настоятеле; но, дабы обрести большую заслугу и жить в порядке, хорошо, чтобы был кто-то, поставленный настоятелем, кому бы они оказывали послушание. Посему, весьма уповая на ваше смирение, благоразумие и вежество, я считаю за благо, чтобы вы оставались старшим над всеми ними, и чтобы все, кто вне [коллегии], оказывали вам послушание, доколе не будет дано иное указание. <...>

И снова молю вас, и послушанием, которое вы принесли о. Игнатию, обязываю вас, насколько могу, чтобы не было между вами и Антонио Гомешем ни раздоров, ни несогласий, но лишь великая любовь и милосердие, не дающие повода для ропота ни внутренним, ни внешним.

Когда братья, трудящиеся на мысе Коморин, напишут о том, что им требуется какая-либо помощь для христиан от господина Губернатора или от Епископа, а о. Никколо, что в Кулане, о. Сиприано, что в Сан-Томе, о. Белшиор Гонсалвеш, что в Бассейне, о. Франсишку Переш, что в Малакке, и о. Жуан да Бейра с прочими отцами, что на Молуккских островах, со всеми другими спутниками, напишут обо всех своих заботах, как земных, так и духовных (ведь земные их заботы направлены к целям духовным), о которых сообщат братья из Общества, находящиеся вне [Гоа], вы будете с великим радением просьбы их исполнять, поручая это Антонио Гомешу, дабы и он исполнял сие с великим усердием. И когда будете писать братьям, которые трудятся вдали, неся многие труды, пишите им в выражениях, исполненных великой любви и милосердия.

Остерегайтесь писать слова суровые или то, что может ввести их в искушение. Снабжайте их всем необходимым, о чём только попросят, ибо они несут столь великие труды в служении Богу, особенно те, что на Молуккских островах и на мысе Коморин, что воистину крест несут. Посему помогайте им в духовном и в земном, направленном к духовному. И так я весьма поручаю вам и от имени Бога и о. Игнатия повелеваю, чтобы вы с великой заботой помогали тем, кто находится вдали»¹².

Со времени своего возвращения о. Ксаверий послал Никколо Ланчилотти в Кулан, Белшиора Гонсалвеша — в Бассейн, а Альфонсо Сиприано — на Сокотру. Перед отъездом он послал Гаспара Барзе в Ормуз со спутником, который ещё не был священником. Этот столь знаменитый город, что при входе в Персидский залив, был тогда полон ужасных пороков, которые привнесло туда смешение народов и различных верований. Святой помышлял отправиться туда сам, чтобы приготовить путь другим, следуя своему правилу — не посылать никого туда, где не изведаль страну на собственном опыте; но путешествие в Японию заставило его отказаться от поездки в Ормуз.

Какое бы высокое мнение он ни имел о мудрости и добродетели отца Гаспара, он не преминул дать ему письменные наставления, чтобы помочь ему хорошо проявить себя в столь важной миссии, как эта. Я счёл, что с этими наставления будут нескучно ознакомиться читателям; по крайней мере, я уверен, что они будут полезны миссионерам, и это побудило меня привести их. Вот они, в точном переводе с рукописной копии из архивов Гоа, а не в том изменённом и беспорядочном виде, в каком они встречаются в других источниках.

«НАСТАВЛЕНИЕ, КОТОРОЕ БЛАЖЕННЫЙ ОТЕЦ ФРАНЦИСК ОБЫКНОВЕННО ДАВАЛ ОТЦАМ ИЗ ОБЩЕСТВА В ИНДИИ, ПОСЫЛАЯ ИХ НА ЖАТВУ ДУХОВНУЮ В ТАМОШНИХ КРЕПОСТЯХ»¹³

1. Прежде всего, помните о себе самом, держа ответ в первую очередь перед Богом, а затем — перед своей душой и совестью. Утвердившись в этом двойном внимании, вы сможете принести великую пользу ближним.
2. Проявляйте великую готовность исполнять обязанности, не отмеченные величием и славой, дабы через них обрести смирение и преуспеть в нём. Так,

позаботьтесь о том, чтобы самим наставлять в молитвах детей португальцев, рабов и рабынь и свободных христиан из местных. И не доверяйте этого служения никому другому, ибо оно весьма назидательно и для тех, кто видит, как вы его исполняете, и для тех, кто слушает и внимает христианскому учению.

3. Посещайте бедных в приюте и время от времени увещивайте их и проповедуйте им о том, что касается их совести, побуждая их исповедоваться и причащаться, и напоминая, что нынешнее их положение — следствие грехов их. Исповедуйте их, когда сможете, а после навещайте и помогайте им в их нуждах, ходатайствуя перед теми, в чьей власти и попечении они состоят, об их земных нуждах.
4. Посещайте заключённых и проповедуйте им, увещивая их совершить генеральную исповедь за всю свою жизнь, ибо среди этих людей много таких (пожалуй, даже большинство), кто никогда не исповедуется. Таковых поручайте братству Милосердия¹⁴, дабы оно с особым усердием пеклось об их нуждах, снабжая всем необходимым сих страдающих бедняков.
5. Служите, насколько можете, братству Милосердия и будьте ему большим другом, помогая во всём. Тех же, кого вы исповедуете и за кем признаете необходимость возмещения ущерба, но при этом вернуть отнятое истинным владельцам невозможно, обязывайте передавать всё, что они должны, святому братству Милосердия. И хотя могут встретиться бедняки, на которых, казалось бы, милостыня будет потрачена не зря, но из-за множества обманов, которые в этом деле случаются, и поскольку бедняки часто коснеют во многих грехах, а нужды их лучше известны братьям Милосердия, то милостыню, которую вы могли бы раздать им, вверяйте лучше сообществу Милосердия, а уж оно распределит её среди самых нуждающихся и известных ему бедняков. Ибо к вам будет приходить больше людей с просьбами о земном, нежели о духовном, если почувствуют, что вы можете помочь милостыней. Пусть те, кто вас знает, видят, что вы можете помочь им лишь в духовном. А также, чтобы избежать подозрений и соблазна у людей, будто вы принимаете милостыню и деньги и хотите ими воспользоваться, — ибо когда люди искушаемы, они порой склонны толковать вещи в дурную сторону, — то для предотвращения этого неудобства хорошо передавать всю милостыню братству Милосердия. Если же вам покажется лучшим иной способ действий, поступайте так, как сочтете более угодным Богу и полезным для ближнего.
6. Знайте, что со всеми, с кем доведётся вам беседовать о духовном, — будь то близкие друзья, немногие знакомые или же иные люди, — во всех речах, беседах и самой дружбе держитесь так [безупречно], словно им суждено однажды стать вашими врагами. Ибо это поможет вам назидать их во всех ваших делах, а им самим послужит к посрамлению, когда дружба их иссякнет.
7. Руководствуйтесь этой мудростью в общении с лукавым сим миром, и вы всегда пребудете в бодрствовании. Так вы глубже вкусите сладость общения с Богом и достигнете большего самопознания. Ибо наше нерадение рождает многие поводы к соблазну: из-за него те, кто были нашими друзьями, отворачиваются от нас, а враги и вовсе незнакомые люди впадают в искушение.
8. Испытание совести дважды в день, или по крайней мере один раз, — смотрите же, не оставляйте его. Превыше всего старайтесь заботиться своей совестью, нежели о чужих, ибо кто не благ для себя, как будет благ для других?

9. Проповеди ваши пусть будут так часты, как только возможно, ибо это общее благо, от которого происходит великий плод и угождение Богу и польза душам. В проповедях ваших остерегайтесь говорить о вещах сомнительных или о трудностях учения Отцов Церкви, но лишь о вещах весьма ясных и о нравственном учении, порицая пороки, сокрушаясь об оскорблениях, наносимых Богу, об осуждении грешников на вечные муки ада, о внезапной смерти, застающей людей врасплох. Касайтесь также одного или нескольких моментов Страстей, в форме беседы грешника с Богом или гнева Божия на грешника, побуждая, насколько можете, чувства слушателей к сокрушению, скорби и слезам, призывая их к исповеди и принятию Святейшего Таинства. И таким образом вы принесёте плод в своих проповедях.
10. Остерегайтесь в проповедях порицать кого-либо поимённо, особенно тех, кто имеет власть в той земле. Частные обличения приберегите для их домов или для исповеди, ибо эти люди весьма опасны, и вместо того, чтобы исправиться, они становятся хуже, когда их порицают публично. Обличения же пусть прозвучат тогда, когда вы с ними подружитесь; и в зависимости от того, какова эта дружба, так и обличайте: если велика — то сильно, если мала — то мало. И обличения творите с лицом радостным и словами кроткими и исполненными любви, а не суровости. Время от времени обнимайте их и смиряйтесь перед ними, дабы они лучше приняли обличение, ибо если вы будете обличать их сурово, боюсь, они потеряют терпение и уважение, и вы наживёте себе врагов. И это я говорю в первую очередь о людях могущественных, имеющих власть или богатство.
11. Когда будете исповедовать, особенно в местах, где живут люди богатые и торговые, прежде побудите кающегося, чтобы он в течение двух или трёх дней размышлял о прошлой жизни, приводя на память свои грехи и записывая их, дабы лучше о них подумать. Выслушав же исповедь, не давайте отпущения сразу, но отложите его на два или три дня, предлагая таким людям некоторые размышления из первой недели Духовных упражнений, дабы они оплакивали свои провинности. Наложите на них также епитимию или бичевание для поощрения слёз и понудьте их вернуть должное, примириться с врагами и оставить грехи плоти или иные, в коих они закоснели. И сделайте так, чтобы они исполнили это прежде, нежели вы дадите им отпущение, ибо на исповеди они много обещают, но мало исполняют; а потому будет лучше, если они сделают до отпущения то, что обещают сделать после.
12. И заметьте: исповедуя в подобных местах, не проявляйте никакой суровости и не устрашайте кающихся, пока они не окончат исповедовать свои грехи, но лучше говорите им о великом милосердии Божиим, облегчая то, что само по себе весьма тяжело, — и так до тех пор, пока они не завершат свою исповедь.
13. Будьте также весьма внимательны на исповеди, ибо вы встретите людей, которые из стыда за некоторые гнусные и постыдные грехи не осмеливаются исповедать и открыть их. Таковых ободряйте всячески, дабы они поведали свои провинности, говоря им, что вам известны и более тяжкие грехи, чем их, и всячески облегчая им это бремя. Скажу вам более: иногда, чтобы помочь таким людям исповедать грехи, которые дьявол из-за стыда мешает им высказать, полезно бывает, если вы сами *in genere* (в общих чертах) поведаете о своей печальной прошлой жизни. Этому вас научит опыт.
14. Вы встретите людей, и о, если бы их было немного, которые сомневаются в таинствах, особенно в Причастии. Причина сего в том, что они давно не причащались, а также в их общении и торговых делах с неверными, а есть и другие причины, о которых я помолчу. Притом, видя, сколь отлична наша

жизнь от того, что мы проповедуем, грешники легко впадают в любое заблуждение относительно освящения Даров. С подобными людьми старайтесь обращаться так, чтобы они открыли вам все свои измышления, сомнения и маловерие, а затем побуждайте их твёрдо и без всякого сомнения верить, что в этом таинстве пребывает истинное Тело Господа нашего Иисуса Христа. Частое же причащение поможет им избавиться от грехов и заблуждений.

15. Когда будете исповедовать королевских чиновников, особенно капитанов, факторов или исполняющих иные королевские должности, а также управляющих чужим имуществом, с великим тщанием расспрашивайте их, как они зарабатывают себе на жизнь на таких постах, и пусть они подробно отчитаются перед вами. Ибо из их рассказа о том, как они пользуются чужим достоянием — например, не позволяют другим торговать, пока не купят или не продадут сами, либо, не исполняя приказов о выплате жалованья служившим королю, пользуются этими деньгами, — вы лучше поймете, обязаны ли они возместить нанесённый ущерб, нежели если бы просто спросили, владеют ли они чужим. На этот вопрос они легко ответят «нет», ибо вошло в обычай, что люди добывают себе пропитание несправедливыми путями, и, что хуже всего, обычай этот так укоренился, что уже и не вызывает удивления.
16. Пребывайте в совершенном послушании отцу викарию; по прибытии, преклонив колена, приложите к его руке. Лишь с его дозволения проповедуйте, исповедуйте, учите и совершайте прочие духовные дела, и ни под каким видом не вступайте с ним в пререкания. Старайтесь всячески снискать его дружбу, предлагая ему совершить духовные упражнения, по крайней мере, первой недели, если на большее он не согласится. Со всеми другими священниками будьте в доброй дружбе и ни с кем не ссорьтесь, но, напротив, оказывайте им всяческое почтение, стараясь расположить к себе, дабы и им предложить упражнения; и если не все захотят совершить их в уединении в течение нескольких дней, пусть это будут хотя бы упражнения первой недели.
17. Капитану выказывайте величайшее послушание и смиряйтесь перед ним, ни в коем случае не вступая с ним в пререкания, даже если увидите, что он поступает дурно. Когда же почувствуете, что он расположен к вам как к другу, с великой любовью, сострадая его душе и чести, со смирением и ясным лицом поведайте ему то, что о нём говорят в народе, — но лишь тогда, когда увидите, что это может принести пользу и что он к тому расположен.
18. Многие будут приходить к вам с жалобами на него, прося, чтобы вы с ним поговорили. Уклоняйтесь от этого, сколько можете, говоря, что вы заняты делами духовными и не знаете, сколь полезен будет такой разговор, ведь тот, кто не считается с Богом и собственной совестью, тем менее будет считаться с вами.
19. Обращением неверных занимайтесь, когда у вас будет на то время; и прежде всего, никогда не оставляйте общего блага ради частного, как то: проповеди — ради слушания исповедей, или ежедневного урока Закона Божия — ради других частных дел.
20. За час до урока катехизиса вы или ваш спутник идите по улицам с колокольчиком, созывая народ на христианское учение.
21. Владыке епископу пишите о плодах, которые Господь наш через вас там сотворит.

22. С самого начала потрудитесь узнать от людей добродетельных о нравах и обычаях той земли, куда вы направляетесь; уразумейте их как следует, дабы обличать их как публично, так и на исповеди, и разузнайте о наиболее распространенных у них ростовщических сделках.
23. Каждый вечер вверяйте Богу души, страждущие в огне чистилища, произнося несколько кратких слов, которые подвигнут слушателей к благочестию и состраданию, а также молитесь о душах, пребывающих в смертном грехе, дабы Господь наш даровал им благодать из него выйти, прочитывая за каждую из них по одному «Отче наш» и «Радуйся, Мария».
24. Со всеми беседуйте с лицом ясным и радостным, не омрачённым и не скорбным, ибо если вас увидят опечаленным и унылым, многие из страха перестанут прибегать к вашей помощи. Посему будьте приветливы и доброжелательны. Обличения же делайте наедине, с любовью и милосердием; пусть всегда чувствуют, что вам ненавистны проступки, а не те, кто с вами говорит и общается.
25. По воскресеньям и праздникам после обеда, в час или в два, или в три, как вам покажется лучше, разъясняйте в часовне Дома Милосердия или в церкви члены Символа веры рабам и рабыням, и вольноотпущенным христианам, и детям португальцев, предварительно созвав их, для чего вам или вашему спутнику надлежит пройти по улицам с колокольчиком, дабы все пришли слушать об истинах веры.
26. Возьмите отсюда христианское учение и изъяснение членов Символа веры, а также порядок и правило, которого человек должен держаться всякий день, чтобы вверять себя Богу и спасти свою душу. Этот порядок и правило давайте тем, кого исповедуете, в качестве епитимии за их грехи на определенное время, дабы после это вошло у них в обычай; ибо это весьма доброе правило, и кающиеся обретают в нём великую пользу. Так поступайте со многими людьми, даже если они не приходят к вам на беседу, и поместите текст на доске в церкви Богоматери и в часовне Дома Милосердия, чтобы оттуда его могли взять те, кто захочет им воспользоваться.
27. Если примете кого-либо в Общество и увидите, что они годны для служения Богу в нём, то испытания и епитимии, которые вы им дадите после окончания упражнений, будут состоять в служении в приюте, посещении заключённых и посильной помощи им, а также в служении в Доме Милосердия, — так, чтобы не вводить новшеств, которые могут вызвать насмешки и издевательства. В крайнем случае, можно отправить их просить милостыню во имя Божие для нищих из приюта или для узников. Таким образом, епитимия должна быть назидательна и служить примером для тех, кто её видит; и смотрите, чтобы вы так и поступали. А когда будете давать эти задания, сперва хорошо присмотритесь к тому, кто должен их исполнять, и сообразно добродетели, которую в нём увидите, такими пусть и будут задания: пусть они будут соразмерны добродетели и совершенству, которые вы в человеке усмотрите. Ибо, поступая иначе, вместо того чтобы принести им пользу, вы их погубите, и они впадут в искушение и потеряют мужество для всякого другого подвига.
28. Трудитесь, стремясь помочь тем, кого вы наставляли в духе, открывать вам свои искушения, ибо это великое средство усовершенствования для тех, кто ещё не совершенен. Если ученики почувствуют в вас строгость при наложении епитимий, они не откроют вам своих искушений, и те будут расти в них, пока не лишат их всякого покоя; тогда враг легко доведет их до того, что они сломаются и покинут вас.

29. Тем, кого увидите искушаемым или тщеславием, или чувственностью, или чем-либо иным, дайте время, чтобы они поразмыслили о средствах против такого искушения, направляя их размышления, дабы они сами находили как можно больше причин противиться этому искушению. А после устройте так, чтобы они в виде увещания или беседы говорили об этом другим людям, например, заключённым, больным в приюте и здоровым, ибо, делясь своими выводами, они получают большую пользу и побеждают эти искушения, сообщая другим те средства, которые они находят в себе самих, и воодушевляясь делать то, что они чувствуют и советуют делать другим. Это правило полезно и для мирян, которые исповедуются и имеют препятствия, из-за которых вы не можете дать им отпущение: побудите их поразмыслить: если бы им довелось давать совет другому, страдающему от того же недуга, какие бы они нашли слова и средства, чтобы убедить его поступить наоборот? А затем пусть эти же советы обратят на самих себя. Ибо таково учение, что силой Создателя влагается в души, дабы они славили Его как Творца и Спасителя и обретали спасение в жизни сей.
30. Когда будете исповедовать людей, которые весьма запутались в том, какой ущерб и кому должны возместить, и тех, что погрязли в плотской чувственности и, коснея в своих грехах по привычке, не желают внять голосу разума и найти способ их оставить, — то средством для них, если бы доводы рассудка имели хоть какую-то силу, была бы любовь и благоговение к Богу и Господу, побуждающие оставить эти грехи; а за неимением этого — страх смерти или ада. Но большинству недостает этого страха так же, как и любви. С такими поступайте следующим образом: представляйте им наказания Божии в этой нынешней жизни, как то: сокращение дней жизни через тяжкие болезни и другие опасности, потерю имущества, гонения, опасности на море и прочие беды этой жизни, которые Бог попускает за грехи. Именно страх перед этими карами многих и приводит к покаянию, ибо земных бед они страшатся более, нежели Бога и адских мук. До этих несчастий доводит грешников великое забвение Бога и совести, а также маловерие, заставляющее их судить лишь по видимому и сомневаться в жизни грядущей.
31. Когда вам предстоит вести духовную беседу с кем-либо наедине и говорить о делах Божиих и о его душе, имейте такое благоразумие в речи, чтобы сперва понять, внимателен ли этот человек, или рассеян, или же ум его занят помыслами, противными его спасению. И если увидите, что он свободен от искушений и расположен принять обличение или наставление, давайте ему их. Но если увидите, что он раздосадован, смущён, искушаем или разгневан, говорите с ним кротко, а не сурово, и издали подводите его к тому, что необходимо для спасения его души. Когда же увидите, что он свободен от страстей и расположен принять обличения, начинайте с малого; и если он примет это хорошо, переходите к большему. И так говорите с ним по существу, когда увидите, что он расположен к тому, чтобы истина и разум возымели в нем действие. И это я называю «подводить его издали» к тому, что нужно его совести. Если же он раздосадован, опровергайте те причины и доводы, из-за которых он гневается, приписывая случившееся неведению того, кто это сделал, а не злонравию, как он полагает в гневе; или говорите, что это случилось за его грехи, и что некогда он сам поступал так со своим отцом или матерью, или с другими, перед кем был виноват, почему Бог и попускает, чтобы другие платили ему той же монетой; и прибегайте к другим подобным речам, кротко, дабы избавить его от этого гнева. И то, что я говорю о досаде, относится и ко всякой другой страсти: всегда убеждайте его, что у

- него нет ни причины, ни повода так близко принимать события к сердцу. И таким образом говорите с раздосадованными, одержимыми страстями и искушаемыми, и притом с ясным лицом, пока не выведете их из страсти, в которой они пребывают, а после уже беседуйте с ними иначе, с некоторой строгостью и обличением, если видите, что они не повинуются голосу разума.
32. Где бы вы ни оказались, прилагайте всё усердие, дабы разузнать об обычаях, нравах и укладе жизни и торговли местных жителей и чужеземцев, черпая сведения у людей сведущих. Именно эти люди наставят вас, как послужить Богу и принести добрый плод в той земле, ибо от них вы получите верные сведения о царящих там пороках. Посему отныне и впредь старайтесь как можно подробнее разузнать о сделках и ростовщичестве, что там совершаются. В пути же размышляйте о том, как убедить грешников осознать свои прегрешения и долг возмещения, как надлежит вам проповедовать им и принимать их исповедь, и какие врачевства душевные им предложить. Помните, что вы не найдете лучшего средства, чем побудить их к генеральной исповеди во всех их грехах, предложив им некоторые размышления из первой недели [Духовных упражнений о.Игнатия], дабы они обрели сокрушение, скорбь, слёзы и печаль о своей гибели.
33. Также осведомляйтесь о многих тяжбах и обманах, которые творятся через суды, и о лжесвидетельствах, взятках, кумовстве и прочем, из-за чего утаивается и сокрывается истина. Короче говоря, ничто так не послужит душам людей той земли, как знание их жизни в мельчайших подробностях. Это и есть главное учение, которое помогает приносить пользу душам, то есть читать по живым книгам, которые научат вещам, коих в мёртвых, написанных книгах вы не найдёте, и не помогут они вам столько принести плода в душах, сколько поможет вам знание этих вещей от живых людей, которые сами в тех же обстоятельствах обращаются, ибо я всегда находил это правило для себя полезным.
34. По воскресеньям и праздникам или в некоторые будние дни посвящайте время примирению враждующих и прекращению тяжб, улаживая их, ибо на тяжбы тратят больше, чем стоит то, из-за чего их ведут, хотя поверенные и писцы этому и рады. Постарайтесь дать духовные упражнения этим поверенным и писцам, ибо именно они и разжигают все тяжбы.
35. Как можно меньше в своих проповедях ссылайтесь на авторитеты. Говорите о вещах внутренних, о том, что происходит с грешниками, живущими дурно, и о конце, который их ждёт, и о кознях врага, и о вещах, понятных народу, а не о том, чего они не понимают. И если хотите принести много плода и себе, и ближним, и жить в утешении, беседуйте с грешниками, побуждая их открываться вам; и это и есть живые книги, по которым вы должны учиться, как для проповеди, так и для собственного утешения. Я не говорю, чтобы вы никогда не читали писанных книг, но говорю, чтобы вы делали это, ища в них подтверждения из Писания для тех средств против пороков и грехов, о которых вы читаете в живых книгах, подкрепляя то, что вы говорите против пороков, авторитетом Священного Писания и примером святых.
36. Поскольку король повелевает давать вам все необходимое, берите от него, а не от кого-либо другого, ибо великое дело — не брать ни у кого ничего. Ибо, поверьте мне, кто берёт, у того отнимают свободу. То есть, кто берет у другого, слова его к тому не имеют такой силы, какую имели бы, если бы он не был ему обязан; и потому нам после тяжело, когда мы должны их обличать, и язык не поворачивается говорить против них.

37. Вы встретите много людей, живущих во грехе, которые будут весьма искать вашей дружбы и бесед с вами с той целью, чтобы вы не говорили о них дурного и чтобы придать себе веса за счёт знакомства с вами, а не для того, чтобы получить пользу и попытаться выбраться из своих грехов с вашей помощью. И я говорю вам это, чтобы вы были предупреждены. Когда такие будут приглашать вас или присылать вам что-либо, принимайте, но с условием, что и они примут от вас — увещание о том, что необходимо для спасения их души. И если они пригласят вас на обед, идите туда, а в уплату пригласите их на исповедь. Если же они отвергнут вашу духовную помощь, дайте им ясно понять, что иного общения вы с ними не ищете. Когда я говорю, чтобы вы вообще ничего не брали, я не имею в виду вещи малые и незначительные, как-то фрукты и тому подобное, ибо если вы их не примете, они соблазняются. Вещей же значительных не берите; и если вам пришлют много еды, отправьте её в приют, или узникам, или другим нуждающимся. Пусть мир знает, что малые вещи, которые вы принимаете, вы раздаете, ибо это назидает больше, чем если бы вы их не брали вовсе; ибо дарители принимают за оскорбление, когда речь идет о малых вещах, если вы не берете того, что вам посылают. Португальцы в Индиях соблазняются, если у них ничего не берут. И этого на сей раз довольно. Господь да пребудет с вами и да останется с нами. Аминь.

Спустя восемь дней после того, как Гаспар Барзе со своим спутником Раймоном Перейрой отправился в Ормуз, о. Ксаверий и сам отплыл в Японию; это было в апреле 1549 года. Он сел на фусту, которая шла лишь до Кочина, где его ждал корабль, готовый отплыть в Малакку. В спутники он взял о. Косме де Торреса и бр. Хуана Фернандеса, помимо трёх обращенных японцев — Павла Святой Веры и двух его слуг, Жуана и Антониу.

По правде говоря, он посадил на ту же фусту и Эммануэля Моралеша с Афонсу де Каштру, но лишь для того, чтобы доставить их в Малакку, откуда оба должны были отправиться на Молуккские острова.

Поскольку корабль, ожидавший Ксаверия и его спутников в порту Кочина, вот-вот должен был отплыть, они пробыли там всего несколько дней, но не провели их в праздности. Как-то раз святой, идя по городу, встретил одного знакомого португальца и сперва спросил его, как он поживает. «Весьма хорошо», — ответил тот. «Да, что касается тела, — возразил Ксаверий, — но что до души, то едва ли можно быть более больным, чем вы». Этот человек, замышлявший дурное дело, понял, что отец видит его душу насквозь, и, тотчас придя в себя, последовал за Ксаверием, исповедался и переменил жизнь.

Проповеди Каштру так вдохновили народ, что его хотели удержать в Кочине, дабы основать там коллегия Общества; но Ксаверий, предназначивший его для Молуккских островов, воспротивился воле народа; и Провидение, уготовившее этому миссионеру венец мученичества, не допустило, чтобы он остался в месте, где к нему испытывали бы лишь почтение.

Они отплыли из Кочина 25 апреля и прибыли в Малакку в последний день мая. Весь город вышел навстречу о. Ксаверию, и каждый испытал несказанную радость, увидев его вновь. Альфонсо Мартинес, генеральный викарий епископа, был в то время очень болен и пребывал в душевном смятении, вызывавшем жалость.

Извещённый о том, что близок час ответа перед Богом за тридцать лет служения и за всю жизнь, он был так поражён живо представившейся ему смертью и беспорядком собственных нравов, недостойных его сана, что впал в черную меланхолию и совершенно отчаялся в своем спасении. Он издавал жалобные крики, которые всех пугали; можно было слышать, как он во всеуслышание перечисляет свои грехи и с яростным сожалением их проклинает, не для того, чтобы просить прощения, но чтобы показать их чудовищность. Когда с ним пытались говорить о Божественном милосердии, он приходил в страшную ярость и кричал изо всех сил, что осужденным нет прощения и что в аду нет милосердия.

Больному сказали, что недавно прибыл о. Франциск, и спросили, не будет ли он рад его видеть. Мартинес, который прежде был в очень тесной дружбе с Ксаверием, при этом имени вздохнул и вдруг захотел встать, чтобы пойти, как он говорил, к человеку Божию; но усилие, которое он сделал, привело лишь к обмороку. В этот момент подоспел отец; ибо, хотя он по своему обыкновению и так первым делом посещал церковных настоятелей, болезнь викария ещё ускорила его приход. Как только больной немного пришел в себя, Ксаверий заговорил с ним о вечности и об условиях доброй христианской кончины. От этих слов Мартинес вновь впал в прежний ужас, а служитель Божий в который раз убедился в истине, открывавшейся ему и прежде: нет ничего труднее, чем внушить надежду на спасение тому, кто при жизни сделал эту надежду лишь поводом для более дерзких прегрешений.

Видя, что зло почти неизлечимо, он вознамерился силой исторгнуть у Небес для больного чувства истинного покаяния и благодать доброй смерти. Ибо он тут же дал обет отслужить весьма большое число месс в честь Пресвятой Троицы, Преподобной Девы, ангелов и некоторых святых, к которым он питал особое благоговение. Едва обет был произнесен, как Мартинес, успокоившись, обрёл здравые мысли и принял последние таинства с живым сокрушением о грехах, смешанным с кротким упованием на милосердие Божие; после чего тихо скончался на руках у Ксаверия, призывая имя Иисуса.

Столь счастливая кончина доставила святому мужу великую радость; но не меньшую принесли ему и апостольские труды Франциску Переса и Роке де Оливейры. Он послал их в предыдущем году в Малакку, чтобы основать там коллегия Общества, согласно желанию народа, и они были там очень хорошо приняты. Перес открыл публичную школу, чтобы наставлять юношество в науках и благочестии, в духе иезуитского устава. Оливейра всего себя посвятил служению проповеди и окормлению душ, уделяя, однако, главное внимание спасению турок и иудеев, которыми город наполнялся день ото дня; ибо первые приезжали специально из Мекки, а вторые — с Малабара, стремясь по мере сил насадить магометанство и иудаизм там, где процветало христианство.

Пример двух миссионеров привлек многих португальцев к тому образу жизни, которого они оба придерживались. Самым значительным из всех был молодой дворянин по имени Жуан Браву, которому его знатность и доблесть сулили всё в этом мире; но он предпочел евангельскую нищету и монашеское смирение величайшим земным благам. Он уже собирался ехать в Гоа, чтобы исполнить то, что внушило ему Небо, когда узнал, что Ксаверий должен проезжать через Малакку. Он дожидался его, а тем временем жил с Пересом и Оливейрой так, словно уже был

членом Общества. Он подражал, по крайней мере, насколько мог, их образу жизни и даже одевался, как они, то есть вместо богатых одежд надел худую, поношенную сутану, в которой бросал вызов миру, ещё не покинув его окончательно. Он провел целый месяц в духовных упражнениях и вышел из уединения лишь для того, чтобы посвятить себя делам милосердия в приюте. Там он три месяца служил больным, живя, как бедняк, и прося хлеба от двери к двери на глазах у своего родственника, Жакоме де Соузы, адмирала флота, который готовили для похода на Молуккские острова.

Эти испытания побудили отца Ксаверия принять Браву в Общество: он почти сразу же допустил его к принесению первых обетов и, найдя в нем превосходные задатки для всех апостольских добродетелей, усердно их взращивал. Перед отплытием в Японию он даже оставил ему письменно следующие правила:

«Первым делом, утром, пробудившись, немедля следуй этому порядку. По меньшей мере полчаса размышляй о некоторых моментах из жизни Христа, начиная от Его святого Рождества до Его славного Вознесения, таким образом: в понедельник утром будешь размышлять, созерцая Рождество Иисуса Христа, во вторник совершай следующую медитацию, и так в среду, четверг, пятницу и субботу, проходя медитации из Духовных упражнений, каждый день утром совершая по одной медитации в том же порядке и тем же способом, как ты делал это во время своих упражнений при мне. На следующей неделе будешь совершать упражнения третьей недели, начиная в понедельник с одной медитации, во вторник — с другой, и так далее, следуя порядку, указанному в упражнениях третьей недели. На следующей неделе будешь совершать упражнения четвертой недели, размышляя утром по полчаса или по часу над каждым предметом созерцания четвёртой недели, в порядке, указанном в упражнениях; так что каждый месяц ты будешь размышлять о всей жизни Христа, Господа нашего. А завершив размышления за один месяц, начнёшь их снова в том же порядке, как делал в предыдущем месяце. В конце каждого из этих упражнений будешь возобновлять и заново приносить обеты, которые ты дал, в особенности обеты целомудрия, послушания и бедности; так что каждый день ты будешь возобновлять их и заново приносить. Ибо, поступая так ежедневно, ты будешь менее терзаем врагом и плотью, восстающими на твои обеты, нежели если бы ты пренебрёг их возобновлением. Посему имей особое попечение о том, чтобы вновь и вновь приносить упомянутые обеты целомудрия, послушания и бедности.

После обеда и отдыха вернись на полчаса или час к размышлению и разбору того же события, который ты созерцал в духе утром, принося обеты целомудрия, послушания и бедности, как ты делал это утром; так что каждый день ты будешь размышлять час о жизни Христа, Господа нашего: полчаса утром, встав ото сна, и полчаса после отдыха, пока о. Франсишку Перес ведет урок катехизиса.

Ночью, прежде чем лечь спать, после ужина, уединившись где-либо, испытай свою совесть о том, что случилось с тобой в тот день: о мыслях, словах и делах, коими ты в нынешний день согрешил против нашего Бога и Господа, испытывая свою совесть с великим тщанием, как если бы тебе предстояло исповедаться в проступках, совершённых в тот день. И за все проси у Господа нашего Иисуса Христа прощения, обещая исправить свою жизнь; и в конце прочти один «Отче наш» и одну «Радуйся, Мария». И по окончании сего ложись, занимая ум мыслью о том, как тебе исправиться на следующий день.

Проснувшись утром, во время одевания и умывания, приводи на память проступки, ошибки и грехи, в которые ты впал в минувший день, прося Господа нашего Иисуса Христа о благодати не впасть и ныне в те же проступки и грехи, в которые впал днём ранее. А сделав это, начинай творить размышления тем способом и в том порядке, о котором я сказал. Так поступай каждый день; и если оставишь это, будучи здоров и не имея препятствий, сочти это за грех и исповедуйся в своей провинности за неисполнение того, что тебе так настоятельно велено и поручено отцом.

Всегда пребывай в совершенном послушании отцу, с которым будешь жить: во всём, что бы он тебе ни приказал, повинуйся ему беспрекословно, какого бы рода ни было дело, словно бы это приказывал тебе сам о. Игнатий. Все искушения, какого бы рода они ни были, открывай отцу, при котором пребываешь, дабы он помог тебе в них и дал средство для избавления от таковых искушений. Ибо, открывая искушения врага тому, кто может дать тебе средство, человек обретает великую заслугу, а враг побеждается и теряет силы искушать тебя, видя, что его искушения раскрываются и что злой его умысел и замысел не исполняются».

Так святой апостол наставлял молодых людей из Общества; и, быть может, ничто не показывает нам лучше, сколь велико было сродство между духом Ксаверия и духом Игнатия.

Тогда же пришли вести из Японии, и в некоторых письмах сообщалось, что один из князей¹⁶ острова просит евангельских проповедников у губернатора Индий через специальное посольство. Этот князь кое-что узнал о христианском законе, а чудесное событие породило в нём желание узнать больше. Событие это содержалось в письме и описывалось примерно следующим образом.

Португальские купцы, пристав к порту столичного города одного из королевств Японии, были по приказу князя размещены в запустелом доме, в котором, как считалось, обитали злые духи. Народное мнение не было безосновательным, и португальцы вскоре заметили, что их жилище весьма беспокойно. Ночью они слышали ужасный шум; чувствовали, как их стаскивают с кроватей и бьют во сне, не видя, однако, никого. Однажды ночью, проснувшись от криков одного из своих слуг и прибежав с оружием на шум, они нашли слугу распростёртым на земле и дрожащим от страха. Его спросили, отчего он так кричал и почему так сильно дрожит; он ответил, что видел ужасного призрака, такого, какими художники изображают бесов.

Поскольку слуга этот не был ни слабонервным, ни лжецом, португальцы не усомнились в причине шума, который регулярно повторялся каждую ночь. Чтобы положить этому конец, они развесили по всему дому кресты, и с тех пор больше ничего не слышали.

Японцы были весьма удивлены, когда узнали, как в доме воцарился покой. Сам князь, которому португальцы сказали, что крест христиан обращает злых духов в бегство, восхитился столь чудесным его действием и велел водрузить кресты повсюду, даже в своих княжеских покоях и на дорогах. Затем он захотел узнать, откуда крест черпает свою силу и почему бесы так его боятся; так он мало-помалу углубился в таинства веры. Но поскольку японцы чрезвычайно любознательны, не довольствуясь наставлениями купцов и солдат, он замыслил пригласить проповедников и для этого отправил посла в Индии.

Эти вести безмерно утешили о. Ксаверия, ибо японцы показались ему теперь ещё более расположенными к принятию Евангелия, что лишь укрепило его решимость ускорить путешествие. В порту Малакки было несколько португальских кораблей, готовых к отплытию в Японию; но все эти суда должны были совершать различные заходы в пути, а это не устраивало святого мужа. Единственным выходом было попроситься на китайский корабль, который шел прямо в Японию и был одним из тех небольших судов, что в Китае называют джонками.

Хозяин судна, по имени Неседа¹⁷, был знаменитым корсаром, другом португальцев, несмотря на объявленную войну между двумя народами, и столь известным своими разбоями, что его судно обычно называли «джонкой разбойника». Дон Педро да Силва, губернатор Малакки, заставил китайского капитана пообещать, что он благополучно доставит отца, и потребовал от него заложников, чтобы обязать его нерушимо сдержать свое обещание. Но можно ли полагаться на слово пирата и негодяя?

Ксаверий и его спутники взошли на борт 24 июня с наступлением ночи, а на следующий день на рассвете снялись с якоря при попутном ветре. Как только они вышли в море, капитан и матросы, все идолопоклонники, водрузили на корме пагоду, принесли ей жертвы, несмотря на увещевания Ксаверия, и спросили её посредством жребия, будет ли их плавание удачным. Предвещения были то хорошими, то плохими. Тем временем они бросили якорь у одного острова и запаслись там дровами на случай яростных бурь в тех морях. Одновременно они снова принялись вопрошать своего идола и допытываться с помощью жребия, будет ли у них попутный ветер. Жребий обещал хороший ветер, и на этом язычники весело продолжили свой путь. Однако, едва выйдя в открытое море, они снова бросили жребий, чтобы узнать, вернется ли корабль из Японии благополучно в Малакку. Ответ был, что он прибудет в Японию, но Малакки больше не увидит. Пират, который был весьма суеверен, в тот же миг решил сойти с курса; он и впрямь повернул в сторону и стал бесцельно, как будто забавляясь, скитаться, заходя на попадавшиеся по пути острова. О. Ксаверию было весьма прискорбно, что бес стал хозяином их судьбы, и что всё решалось согласно ответам врага Божия и людского.

Так, медленно плывя, они приблизились к берегам Кохинхины, и поднявшиеся тогда бури не раз угрожали им кораблекрушением. Идолопоклонники прибегли к своим обычным суевериям. Жребий объявил, что море успокоится и кораблю нечего бояться; но яростный ветер так взволновал волны, что моряки были вынуждены спустить паруса и бросить якорь. От судовой качки один молодой китайский христианин, которого Ксаверий вез с собой, упал в открытый трюм; его вытащили полумертвым и с тяжелой раной на голове. Пока его перевязывали, дочь капитана упала в море и была поглощена волнами, так что спасти её не удалось.

Столь роковое происшествие привело Неседу в отчаяние; и печально было, говорит сам Ксаверий в одном из своих писем, видеть беспорядок, царивший на судне. Судно огласилось криками и слезами: то были отчаяние от потери дочери и страх неминуемого крушения.

Тем не менее идолопоклонники, вместо того чтобы признать, что идол обманул их, позаботились о том, чтобы умиловить его, словно смерть китайки была следствием гнева пагоды. Они принесли в жертву птиц и воскурили в честь истукана благовония; после чего бросили жребий, чтобы узнать причину несчастья, которое

только что произошло. Узнали, что если бы молодой христианин умер в трюме, дочь капитана не погибла бы так несчастно. Тогда Неседа, вне себя от ярости, замыслил бросить Ксаверия и его спутников в море.

Поскольку ярость волн утихла в одно мгновение, дух его немного успокоился; он снялся с якоря и взял курс на Кантон с намерением провести там зиму.

Но ни ухищрения людей, ни усилия бесов ничего не могут против велений Промысла. Встречный ветер расстроил замысел капитана, заставив его, против воли, войти под всеми парусами в Японское море, и именно этот ветер и принес «джонку разбойника» к Кагосиме, месту рождения Андзиро, прозванного Павлом Святой Веры. Они пристали там 15 августа 1549 года.

---

¹ Несмотря на это суровое решение история Франсишку Мансильяса (Francisco Mansilhas) не закончилась изгнанием. Он продолжал служить в Индии как епархиальный священник, глубоко раскаиваясь в своем непослушании. Писал письма св. Игнатию Лойоле в Рим, умоляя о прощении. В 1552 г., видя его искреннее сокрушение, св. Игнатий вновь принял его в Общество Иисуса. Мансильяс умер в Гоа в 1565 г.

² *Оробалоны* (фр. *Orobalons*) — искаженное малайское слово *хулубаланг* (*hulubalang*), обозначавшее военных вождей, командиров или элитных воинов, как правило, из числа знати.

³ Речь идет о Юлианском календаре. События происходили в 1547 г., до календарной реформы папы Григория XIII (1582 г.). Автор жития, писавший свой труд уже после реформы, делает это уточнение для своих современников, живших по новому, григорианскому стилю.

⁴ Во французском оригинале — *Anger*. Это искаженное имя японца Андзиро (или Ядзиро), ставшего первым христианином из Японии.

⁵ Пер. с порт. по Monum. Xav., ep. 63.3-4

⁶ Там же п. 10-12.

⁷ Пер. с исп. по Monum. Xav., ep. 64.4

⁸ Пер. с исп. по Monum. Xav., ep. 61.21-22

⁹ Канакопулы (фр. *canacopoles*, от тамильского *kaṇakkappillai* — «счетовод», «писарь») — термин, которым португальцы в Индии называли местных грамотных жителей, служивших писцами, счетоводами или учителями. В контексте миссии — помощники катехизаторов из числа туземцев.

¹⁰ Пер. с исп. по Monum. Xav., ep. 71.10

¹¹ Пер. с исп. по Monum. Xav., ep. 74.2

¹² Пер. с порт. по Monum. Hav., ер. 152.1-6

¹³ Пер. с порт. по Monum. Hav., ер. 150

¹⁴ *Святой Дом Милосердия* (порт. *Santa Casa da Misericórdia*) — португальское светское братство (конфратерния), основанное королевой Леонорой в Лиссабоне в 1498 г. Его главной задачей было исполнение дел милосердия: содержание больниц и приютов, помощь бедным и заключенным, погребение усопших. Отделения братства действовали по всей Португальской империи, играя важнейшую роль в социальной жизни колоний.

¹⁵ Пер. с порт. по Monum. Hav., ер. 152

¹⁶ В оригинале — *roi* (король). Речь идет о даймё (князе) области Сацума на юге Японии, Симадзу Такахисе. (*Прим. пер.*)

¹⁷ Соблазнительно предположить, что это искажённое на европейский манер прозвище, которое могло звучать как Ниэсы Да, (寧私大 Niè Sī Dà), что означает примерно «Великий злой контрабандист».

КНИГА ПЯТАЯ

Я не стану предпринимать точного описания Японии после всех тех, что уже были сделаны географами и путешественниками. Всякий, кто хоть немного видел карту и читал донесения из Индий, знает, что Япония находится на краю Азии, напротив Китая; что это скопление различных, но составляющих как бы единое тело островов, главный из которых даёт свое имя всем остальным; что этот мир островов, по словам одного превосходного географа, весь исполнен гор, некоторые из которых неприступны и почти скрываются за облаками; что холод там чрезмерен, и что земля, богатая золотыми и серебряными рудниками, производит мало злаков, необходимых для жизни, поскольку её почти не возделывают.

Посему, не распространяясь более ни о положении, ни о природе страны, не останавливаясь даже на обычаях и нравах, о которых я уже кое-что сказал и о которых скажу в дальнейшем то, что потребует мой предмет, я буду говорить здесь лишь о правлении и о религии, о которых необходимо сперва узнать для понимания истории, которую я пишу.

В древности Япония была монархией. Император, которому повиновались все эти острова, именовался *дайри*¹ и вел свое происхождение от *ками*², которые, по мнению народа, происходили по прямой линии от Солнца.

Первой должностью в империи была должность *кубо*, то есть главнокомандующего армиями. Чтобы возвысить достоинство, и без того столь видное, со временем к имени *кубо* добавили *сама*, что означает «господин»; и так глава японского воинства стал называться *кубо-сама*³.

Более трехсот лет назад тогдашний *кубо-сама*, видя скипетр Японии в руках *дайри* вялого и изнеженного, восстал против него и захватил королевскую власть. Его замысел состоял в том, чтобы подчинить себе всё государство; но он овладел лишь Мияко⁴, где *дайри* держал свой двор, и зависимыми от него провинциями. Правители

других провинций удержались каждый в своей силой оружия и, в свою очередь, скинули иго [единовластия], так что монархия в одночасье разделилась на шестьдесят шесть частей, каждая из которых приняла имя княжества.

После этих переворотов князь Мияко стал прозываться *кубо-сама*, а тот, кто был лишен власти, сохранил имя *дайри*. Ему даже оставили, за исключением власти, все прерогативы королевского сана, из уважения к крови *ками*, и его потомки всегда имели тот же титул и те же преимущества. Таково в общих чертах было правление во времена св. Франциска Ксаверия; ибо несколько лет спустя Нобунага, один из соседних с Мияко князей, разбил в сражении *кубо-сама* и использовал свою победу с таким успехом, что, уничтожив отдельных князей, объединил всю Японию под своей властью.

Что касается религии, то все японцы, за исключением некоторых, исповедующих атеизм и верящих в смертность души, — идолопоклонники и придерживаются учения о переселении душ, как его преподавал Пифагор. Одни воздают божеские почести солнцу и луне; другие — *ками*, тем древним королям, о которых мы говорили, и *фотоке*⁵, богам Китая. Есть и такие, что поклоняются различным видам животных, а многие поклоняются демону в ужасных образах.

У них есть еще некое таинственное божество, именуемое Амида, и они говорят, что этот бог построил рай так далеко от земли, что души могут достичь его не ранее, чем через три года. Но бог Сяка⁶ — тот, о ком они рассказывают больше всего чудес, и кажется, это Мессия, подделанный самим демоном или его служителями; ибо, если им верить, Сяка, родившись от царицы, никогда не имевшей сношений ни с одним мужчиной, удалился в пустыни Сиама и совершал там суровейшие покаяния, чтобы искупить грехи людей, а выйдя из своего уединения, собрал учеников и проповедовал в разных странах небесное учение.

Невероятно, сколько храмов было построено в честь Амиды и Сяки: все города полны ими, а великолепие их равно их числу. Невозможно также представить, до чего доводит суеверие почитателей этих двух божеств: они бросаются с вершин скал или заживо погребают себя в подземных пещерах; и часто можно видеть лодки, полные мужчин и женщин, которые с камнем на шее, распевая хвалы своим богам, бросаются в море.

В остальном же дух лжи установил в Японии своего рода иерархию, подобную иерархии Католической Церкви; ибо у этих народов есть глава религии, и как бы верховный понтифик, которого они называют *сако*⁷; он держит свой двор в столице империи, и именно он утверждает секты, устанавливает церемонии, посвящает так называемых *тунди*⁸, которых можно сравнить с нашими епископами и чья главная обязанность — рукополагать жрецов идолов, даруя им власть совершать жертвоприношения. Эти жрецы, которых называют бонзами и из которых одни обитают в пустынях, а другие живут в городах, выказывают великую строгость нравов и являются среди японцев тем же, чем брахманы среди индийцев, разве что они еще более нечестивы и лицемерны.

Возвращаясь к нашему повествованию, скажем, что почти сразу по прибытии Ксаверия и его спутников Павел Святой Веры, которого мы звали Андзиро до его крещения, отправился отдать долг почтения князю⁹ Сацумы, которому была подвластна Кагосима и чей дворец находился всего в шести лигах оттуда. Этот

государь, прежде выказывавший ему много доброты, принял его весьма человеколюбиво и с тем большей радостью, что его считали погибшим. Столь благосклонный приём побудил Павла Святой Веры сперва испросить у князя прощения за проступок, вынудивший его бежать, и он без труда его получил.

Князь, будучи любопытен, как и все японцы, подробно расспрашивал его об Индиях: какова природа той страны и нрав её народов, и так ли могущественны португальцы, как о том говорят. После того как Павел удовлетворил любопытство князя на этот счёт, разговор зашёл о различных религиях индийцев, и в особенности о христианстве, которое европейцы принесли в Индии.

Павел довольно пространно изъяснил таинства веры и, видя, что его слушают с удовольствием, показал образ Девы, державшей на руках младенца Иисуса¹⁰. Образ этот был весьма искусно написан, и Ксаверий дал его японцу, чтобы тот показал его при случае.

Один лишь вид столь прекрасной живописи так поразил князя, что он, движимый чувством благочестия и благоговения, преклонил колени вместе со всеми своими придворными, дабы почтить Ту, что была изображена и чей облик показался ему более чем человеческим.

Он пожелал, чтобы образ отнесли княгине, его матери. Та, со своей стороны, была им очарована и по тому же внутреннему побуждению простёрлась ниц вместе со всеми дамами своей свиты, чтобы приветствовать Матерь и Сына. Но поскольку японки ещё более любопытны, чем японцы, она задала тысячу вопросов о Деве и об Иисусе Христе. Это дало Павлу повод рассказать всю жизнь Господа нашего; и рассказ этот так понравился княгине, что несколько дней спустя, когда он вернулся в Кагосиму, она послала к нему одного из своих придворных, чтобы получить копию образа, который она видела; но не нашлось художника, который мог бы исполнить желание государыни. Тогда она попросила, чтобы ей хотя бы вкратце изложили письменно главные положения христианского вероучения, и Павел удовлетворил ее просьбу.

О. Франциск, восхищенный таким расположением при дворе Сацумы, всерьёз задумал научиться проповедовать по-японски. Во всей Японии один язык, но столь богатый и многослойный, что на деле это все равно как если бы их было несколько. Одни слова и обороты речи употребляются в обиходной беседе, другие — в высоком слоге. У знати язык совершенно отличный от языка простонародья; у купцов и солдат — свой; женщины пользуются словами и выражениями, им одним свойственными. Когда же речь идёт о предмете возвышенном, касающемся, например, религии или государства, употребляют особые термины, и смешивать различные манеры речи было бы весьма грубой ошибкой.

Святой муж уже кое-что знал обо всех этих различных языках из общения с тремя японцами-христианами, но знал недостаточно, чтобы изъясняться с легкостью, в чем он сам признается, говоря, что по прибытии они с товарищами были подобны немым статуям. Посему он всецело посвятил себя изучению языка, и вот как он говорит об этом в том же письме:

«Ныне мы среди них, — пишет он, — словно немые изваяния: они много говорят и судят о нас, а мы, не разумея языка, молчим. Теперь же нам надлежит уподобиться детям, дабы изучить их язык; и дай Бог, чтобы мы смогли подражать им в простоте и

чистоте душевной, понуждая себя во всём стать подобными детям, не ведающим злобы»¹¹.

Не следует удивляться тому, что человек, которому Бог несколько раз сообщал дар языков, не знал японского и трудился над его изучением. Эти милости были временными, и Ксаверий нисколько на них не полагался; так что, собираясь пробыть в какой-либо стране, он изучал её язык, как если бы мог овладеть им лишь собственным усердием. Но Святой Дух необычайно помогал ему в этих случаях, как мы уже отмечали; и можно сказать, что легкость, с которой он изучал столько варварских языков, была почти равносильна постоянному дару языков.

Пока Ксаверий и его спутники трудились над приобретением знаний, необходимых им для возвещения Иисуса Христа народу Кагосимы, Павел Святой Веры, у которого они жили, сам наставлял свою семью. Бог так благословил его рвение, что, кроме его матери, жены и дочери, обратились и многие из его родственников, и Ксаверий всех их крестил.

Менее чем за сорок дней святой достаточно изучил японский, чтобы взяться за перевод изъяснения Апостольского Символа веры, составленного им в Индиях. По мере того как он переводил, он заучивал свой перевод наизусть, и с этим подспорьем решил, что может начать проповедь Евангелия. Но поскольку в Японии строго соблюдаются все приличия гражданской жизни и ничто не делается публично без разрешения государя, он захотел сперва посетить князя Сацумы и выбрал для своего визита день, когда празднуется память архангела Михаила.

Он вверил всю империю покровительству этого предводителя небесных воинств, который изгнал с небес мятежных ангелов, и каждый день горячо молил его истребить в Японии демонов, которые властвовали там столько веков.

Апостол Индий не был неизвестен при дворе Сацумы. Павел Святой Веры говорил о нём так, что у всех возникло желание его увидеть, и при первом его появлении на него смотрели с восхищением. Князь и княгиня приняли его с почётом, выказали ему много расположения и беседовали с ним часть ночи. Они не могли довольно надивиться тому, что он и его спутники пришли из другого мира и пересекли столько бурных морей не из духа алчности и не для того, чтобы обогатиться золотом Японии, но лишь для того, чтобы указать японцам истинный путь ко спасению.

С первой же беседы князь велел о. Ксаверию бережно хранить писания и книги, содержавшие христианское учение. «Ибо, — сказал государь, — если ваш закон истинен, демоны ополчатся против него, и вы должны всего опасаться их ярости». Затем он дал разрешение, о котором просил его отец, — проповедовать христианский закон в землях, ему подвластных, и даже несколько дней спустя издал грамоты, в силу которых все его подданные могли становиться христианами, когда им будет угодно.

Ксаверий воспользовался столь счастливым стечением обстоятельств и, не откладывая более, начал публично проповедовать в Кагосиме. Он начал с изъяснения первых членов Символа веры. Положение о существовании всемогущего Бога, Творца неба и земли, необычайно изумило его слушателей, которые не знали о Первосущество, от Коего, как от своей причины и начала, зависела бы вселенная. Другие догматы, касающиеся Троицы и Воплощения, показались им ещё более

невероятными; так что некоторые сочли проповедника мечтателем и посмеялись над ним. Однако самые мудрые не могли взять в толк, как чужестранец, не имевший никакой выгоды их обманывать, претерпев столько опасностей, пришел издалека, лишь чтобы рассказывать им басни.

С этими мыслями они захотели прояснить сомнения, возникшие у них относительно изъясненных им тайн. Ксаверий, с помощью Павла Святой Веры, который при необходимости служил ему толмачом, отвечал на всё столь ясно и вместе с тем столь разумно, что большинство, удовлетворенное его ответами, покорилося истине.

Первым, кто попросил и принял крещение, был человек низкого звания, лишённый благ фортуны, — словно бы Бог пожелал, чтобы Церковь Японии, подобно Церкви Вселенской, имела в своем основании лишь уничижение и бедность. Ему дали имя Бернард, и со временем он весьма прославился добродетелью.

Между тем Ксаверий посетил бонз и постарался снискать их благосклонность, будучи убежден, что христианство не будет иметь большого успеха в народе, если они воспротивятся проповеди Евангелия, и полагая, с другой стороны, что все примут закон истинного Бога, если только они не станут открыто с ним бороться.

Его благородство и прямота тотчас же снискали ему расположение их главы. Это был старец восьмидесяти лет, для бонзы человек весьма порядочный, почитавшийся столь мудрым, что князь Сацумы советовался с ним о самых важных делах, и столь сведущим в религии, что его прозвали Ниндзит¹², то есть «сердце истины». Но имя это не вполне ему соответствовало; и Ксаверий вскоре заметил, что старец не знает, во что верить касательно бессмертия души, говоря то, что наши души мало чем отличаются от душ животных, приходят с Небес и имеют в себе нечто божественное.

Эта неуверенность ума, колеблющегося между истиной и ложью, дала Ксаверию повод доказывать бессмертие души в их беседах, и он весьма убедительно рассуждал об этом, исходя лишь из начал естественного разума. Его рассуждения, однако, не имели иного следствия, кроме похвал в его адрес. Ниндзит хвалил ученость «европейского бонзы» — так они называли отца — и соглашался, что никто не имеет более глубокого познания природы; но он так и остался в неуверенности в этом вопросе веры, то ли из стыда менять мнение в своем возрасте, то ли, быть может, потому, что людей, сомневавшихся всю жизнь, труднее убедить, чем тех, кто никогда ни во что не верил.

Уважение, которое Ниндзит питал к Ксаверию, заставило и остальных бонз отнестись к святому с почтением. Они с одобрением слушали его, когда он говорил о божественном законе, и сами во всеуслышание признавали, что человек, пришедший с края света, через тысячи опасностей, чтобы проповедовать новую религию, не мог быть вдохновлён ничем, кроме духа истины, и не мог утверждать ничего, что не было бы достойно веры.

Свидетельство бонз придало вес проповеди Евангелия; но распущенность нравов помешала последовать столь святому закону. Тем не менее, до конца года нашлись двое, менее испорченные, чем другие, или более отзывчивые благодати Иисуса Христа, которые приняли веру; и их пример так вдохновил жителей Кагосимы, что многие попросили крещения.

Эти первые плоды проповеди сулили ещё более обильные, и вера со дня на день всё более процветала в Кагосиме, когда внезапно вспыхнувшее гонение разрушило столь прекрасные надежды и остановило успехи Евангелия. Бонзы, удивлённые тем, что весь народ готов оставить религию своей страны, обратили взоры на собственные интересы и ясно поняли, что если новый закон будет принят, то, поскольку они живут лишь подаяниями и приношениями, делаемыми богам, им скоро не на что станет жить. Они также решили, что надобно лечить зло, пока оно не стало неизлечимым, и не щадить никаких усилий на то, чтобы истребить португальских проповедников.

И тогда эти идолопоклоннические монахи, которые поначалу были так благосклонны к Ксаверию, начали против него открытую войну. Они повсюду порочили его и публично называли обманщиком, дойдя до того, что однажды, когда он проповедовал на одной из площадей города, один бонза прервал его посреди речи и предостерег народ, говоря, что это демон говорит с ними в образе человека.

Ярость бонз не возымела того действия, на которое они рассчитывали. Японцы, от природы обладающие умом и прямодушием, без труда поняли, что заставило их жрецов переменить речи и поведение, и оттого ещё больше поверили тому, что говорил им отец. Некоторые упрекали бонз, что лишь корысть воспламеняет их рвение; что вероучение защищают не клеветой и оскорблениями, а вескими доводами; что если учение европейца ложно, почему бы им ясно не доказать его ложность; что, впрочем, неважно, демон ли новый проповедник или человек, и что истину следует принимать, откуда бы она ни исходила; что, в конце концов, он живет весьма сурово и чистосердечнее их.

И в самом деле, Ксаверий, чтобы подать добрый пример простому народу, который обыкновенно судит по внешности, полностью воздерживался и от мяса, и от рыбы. Весьма горькие коренья и вареные на воде овощи составляли всю его пищу среди непрестанных трудов, так что он буквально соблюдал то воздержание, которое бонзы исповедовали на словах или, вернее, делали вид, что соблюдают. Он поступил так с самого начала по совету Павла Святой Веры, который сказал ему, что народу не понравится, если христианский монах будет менее строг в подвиге, чем жрецы идолов.

Чудеса, которые Бог сотворил через Своего слугу, ещё более утвердили христианский закон. Однажды святой, прогуливаясь по берегу моря, встретил рыбаков, которые вытаскивали пустую сеть и сетовали на свою неудачу. Он сжалился над ними и, сотворив краткую молитву, посоветовал им снова закинуть невод. Они послушались его слова и поймали такое множество рыбы, и притом самых разных видов, что едва смогли вытащить сеть. В последующие дни они продолжали свой промысел с тем же успехом; и, что показалось ещё более странным, море у Кагосимы, прежде не изобиловавшее рыбой, с тех пор стало чрезвычайно рыбным.

Одна женщина, наслышанная об исцелениях, которые апостол совершал в Индиях, принесла ему своего маленького ребенка, которого весьма уродовала опухоль по всему телу. Ксаверий взял дитя на руки, посмотрел на него с состраданием и трижды произнес над ним слова: «Бог да благословит тебя!» После чего он вернул его матери таким здоровым и красивым, что та была вне себя от изумления.

Это чудо прогремело по всему городу и вселило в одного прокажённого надежду на исцеление, которого он тщетно искал уже много лет. Не смея появляться на людях из-за своей болезни, которая отделяла его от общения и делала отвратительным для всех, он велел позвать отца Ксаверий, который был в то время очень занят, не имея возможности пойти к этому человеку, послал к нему одного из своих спутников с наказом трижды спросить больного, уверует ли он в Иисуса Христа, если будет исцелён от проказы, и, если тот твердо пообещает принять веру, трижды осенить его крестным знамением. Все произошло так, как повелел Ксаверий. Прокаженный дал слово, что станет христианином, если выздоровеет; и не успели трижды сотворить над ним крестное знамение, как его тело внезапно стало чистым, словно он никогда и не болел проказой. Столь внезапное исцеление заставило его без труда уверовать в Иисуса Христа, а живая вера ускорила его крещение.

Но самым славным чудом, которое Ксаверий совершил в Кагосиме, было воскрешение знатной девицы. Она умерла во цвете лет, и её отец, нежно любивший её, едва не лишился рассудка. Будучи идолопоклонником, он не находил утешения в своём горе, а друзья, приходившие его утешить, лишь усугубляли его скорбь. Двое новообращённых, пришедшие навестить его прежде, чем состоялись похороны той, кого он оплакивал днём и ночью, посоветовали ему искать помощи у святого мужа, творившего столь великие дела, и с упованием просить у него о возвращении жизни дочери.

Язычник, убеждённый новообращёнными, что для «европейского бонзы» нет ничего невозможного, начал надеяться вопреки всякой человеческой очевидности, по обыкновению скорбящих, которые легко верят тому, что им хочется слышать. Он пошёл к о. Франциску, бросился к его ногам и со слезами на глазах умолял воскресить единственную дочь, которую только что потерял, добавляя, что это будет равносильно возвращению жизни ему самому.

Ксаверий, тронутый верой и горем язычника, удалился со своим спутником Фернандесом, чтобы помолиться Богу. Вернувшись немного погодя, он сказал убитому горем отцу: «Иди, дочь твоя жива».

Идолопоклонник, надеявшийся, что святой пойдёт с ним в его дом и призовет имя Бога христиан над телом его дочери, решил, что над ним смеются, и ушел недовольный. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как увидел одного из своих слуг, который, вне себя от радости, издали кричал ему, что его дочь жива. Вскоре он встретил и её саму, идущую ему навстречу. Дочь рассказала отцу, что, как только она испустила дух, два ужасных демона схватили её и хотели низвергнуть в огненную бездну; но двое незнакомых мужей, величественного и скромного вида, вырвали её из рук этих двух палачей и вернули ей жизнь, так что она и не могла сказать, как это произошло.

Японец понял, кто были те двое мужей, о которых говорила его дочь, и тотчас повёл её к Ксаверию, чтобы воздать благодарение, какого заслуживала столь великая милость. Едва она увидела святого с его спутником Фернандесом, как воскликнула: «Вот мои два избавителя!» И в тот же миг дочь и отец попросили крещения. Ничего подобного никогда не видели среди японцев, и даже никогда не слышали, чтобы боги Японии имели власть возвращать мёртвых к жизни. Это воскрешение внушило народу высокое понятие об Иисусе Христе и сделало имя Ксаверия весьма знаменитым.

Но ничто не показало яснее, сколь возлюблен был апостол небом и сколь силен пред Богом, как образцовое наказание, которым божественное правосудие покарало дерзость одного человека, который, увлеченный собственной яростью или подстрекаемый яростью бонз, однажды осыпал его жестокими оскорблениями. Святой всё снёс со своей обычной кротостью и лишь сказал с несколько печальным видом тому, кто так дурно с ним обошелся на словах: «Да сохранит вам Бог уста». Тотчас же несчастный почувствовал, что язык его изъеден язвой, и изо рта его потекли гной и черви с невыносимым зловонием.

Эта столь явная и скорая месть должна была бы утешить бонз, но их многочисленность в некотором роде их успокаивала; и когда все действовали против святого мужа, никто не боялся за себя в отдельности. Что окончательно их разгневало, так это то, что одна весьма знатная и богатая дама, жена одного из главных вельмож двора и весьма щедрая к пагодам, была торжественно крещена со всей своей семьей.

Видя, что прежние уловки не приносят плода и что христианское учение равно пленяет и знать, и простой народ, бонзы, не смея, однако, прибегнуть к насилию из-за указов, дозволявших исповедание новой веры, измыслили новую хитрость: от имени всех богов страны принести жалобу князю на него самого.

Самые влиятельные из бонз, избранные на общем собрании для столь важного посольства, отправились к государю и сказали ему с видом более угрожающим, нежели покорным, что они пришли от имени Сяки и Амиды и других богов Японии спросить его, в какую часть света он хочет их изгнать, и якобы эти боги ищут себе другое жилище и другие храмы, раз он постыдно изгоняет их из своего княжества, или, вернее, из их собственного, чтобы принять там чужеземного бога, который узурпирует все божественные права и не терпит ни высшего, ни равного. Они с гордостью присовокупили, что хотя он, воистину, князь; но что есть князь, как не мирской человек? Ему ли быть судьёй в делах вероучения, судьёй богов? Какое, впрочем, правдоподобие в том, что все секты Японии заблуждаются, и что самые просвещённые народы земли обманывались на протяжении стольких веков? Что скажет потомство, когда узнает, что князь Сацумы, который получил свою корону от Сяки и Амиды, низверг их алтари и лишил их почестей, которыми они пользовались испокон веков? Но чего только не сделают соседние провинции, чтобы отомстить за оскорбление богов? Всё, пожалуй, дозволено в таких обстоятельствах, и наименьшее, чего ему следовало опасаться, — это междоусобная война, тем более жестокая, что единственной её причиной будет религия.

Обстоятельства, при которых бонзы обратились к князю, были для них благоприятны. Он только что узнал, что португальские корабли, обычно заходившие в Кагосиму, направились в Хирадо; и это его крайне огорчило не только потому, что его владения не получают выгоды от торговли с португальцами, но и потому, что его враг, князь Хирадо, один извлечет из этого всю пользу. Поскольку благосклонность, которую он сперва выказывал о. Ксаверию, была продиктована почти исключительно корыстью, он сильно охладел к нему, как только получил столь дурные вести; и это охлаждение расположило его поверить бонзам. Он уступил им во всём, чего они желали, и под страхом смерти запретил своим подданным, оставляя древнюю японскую веру, принимать новый закон, который проповедовали «европейские бонзы».

Каким бы ни было доброе расположение духа жителей Кагосимы к Евангелию, новые указы помешали идолопоклонникам общаться с тремя христианскими монахами — так легко гнев или милость государей меняют настроения народов!

Те же, чьих сердец уже коснулся Бог и кто был крещен, не только не отступили от благодати своего призвания, но стали ещё более верны ей, ибо, будучи числом не более сотни, они чувствовали себя в бесконечном долгу перед божественным милосердием за то, что были избраны в это малое стадо. Гонение даже усилило их рвение, и все они объявили отцу Ксаверию, что готовы претерпеть изгнание и смерть во славу Иисуса Христа.

Хотя отец не сомневался в их стойкости, он хотел укрепить их добрыми речами, прежде чем покинуть город и княжество, где он не видел никакой возможности для распространения веры. Для этого он тайно собирал их каждый день. Прочитав им отрывки из Писания, переведённые на японский и подобранные сообразно состоянию зарождающейся Церкви в Кагосиме, он изъяснял им раз за разом по одной из тайн жизни Господа нашего, а слушатели его, глубоко проникнутые благодатным действием Святого Духа, поминутно прерывали его речи слезами и вздохами.

Он велел сделать несколько копий своего катехизиса для верующих. Дополнив его более пространном изъяснением Символа веры и прибавив к нему различные духовные наставления вместе с Житием Господа нашего, которое он перевёл полностью, он велел напечатать его японскими иероглифами, чтобы распространить повсюду.

В то время двое обращённых бонз и двое других крещёных японцев предприняли путешествие в Индии, чтобы своими глазами увидеть то, о чём говорил им отец: великолепие, в котором пребывало христианство в Гоа, то есть множество христиан, великолепие церквей и красоту церковных обрядов.

Наконец, в начале сентября 1550 года он и сам покинул Кагосиму вместе с Косме де Торресом и Хуаном Фернандесом, неся на спине, по своему обыкновению, всё необходимое для совершения мессы. Перед отъездом он поручил верующих Павлу Святой Веры. Удивительно, что эти неофиты, лишённые священников, устояли посреди идолопоклонства и гонений со стороны бонз, и ни один из них не поколебался. Случилось даже так, что их назидательная жизнь обратила нескольких идолопоклонников; так что через несколько лет число христиан превысило пятьсот человек, а князь Сацумы написал вице-королю Индий, прося прислать отцов из Общества, которые бы проповедовали во всем его княжестве столь чистый и святой закон.

Новости, полученные от португальских кораблей, недавно прибывших в Японию, побудили Ксаверия направиться в Хирадо, а дурные отношения между двумя князьями вселили в него надежду, что князь Хирадо хорошо примет его самого и двух его спутников.

По пути они наткнулись на крепость, принадлежавшую князю по имени Экандоно¹³, вассалу князя Сацумы. Она была расположена на вершине скалы и имела десять больших бастионов. Очень прочная стена окружала её со всех сторон, а также ров, столь же широкий, сколь и глубокий, высеченный в скале. Со всех сторон были лишь

обрывы, и подойти к крепости можно было лишь по узкой тропе, где денно и ночью несли стражу.

Внутреннее убранство было столь же приятным, сколь устрашающим казался внешний вид. Великолепный дворец составлял основное строение, и во дворце были портики, галереи, залы и покои удивительной красоты. Все было высечено из цельной скалы и обработано так тонко, что казалось, будто эти творения отлиты в форме, а не высечены резцом.

Люди из замка, возвращавшиеся из Кагосимы, где они видели о. Ксаверия, по пути пригласили его предстать перед их господином, не сомневаясь, что Экандоно будет очень рад увидеть столь знаменитого человека.

Ксаверий, искавший любой возможности для проповеди Евангелия, не упустил и этой. Добрый прием, оказанный ему, дал ему повод заговорить об истинной религии и о вечном спасении. Слуги князя и солдаты гарнизона, присутствовавшие при этом, были так поражены и святостью, сиявшей на лице апостола, и истиной, блиставшей в его словах, что, развеяв свои сомнения, семнадцать человек разом попросили крещения, и отец крестил их собственноручно в присутствии *тоно* — так японцы называют владетельного господина или князя.

Прочие помышляли о том же и обрели бы ту же благодать, если бы Экандоно, действуя из политической осторожности и против собственного расположения, не воспротивился, дабы не навлечь на себя беды со стороны двора Сацумы. В сердце своем он признал Иисуса Христа и даже позволил Ксаверию тайно крестить свою жену и старшего сына; в остальном же он пообещал принять крещение и объявить себя христианином, как только его государь благосклонно отнесется к закону Божию.

Управляющий домом Экандоно был одним из тех, кто принял веру. Это был человек преклонных лет и совершенного благоразумия. Ксаверий поручил ему попечение о новой христианской общине и вручил написанную формулу крещения, изъяснение Символа веры, краткое Житие Господа нашего, семь покаянных псалмов, литанию всем святым и календарь церковных праздников.

Он сам указал во дворце подходящее место, где могли бы собираться верующие, и приказал управляющему приводить туда как можно больше язычников, по воскресеньям читать и тем, и другим часть христианского учения, по пятницам петь покаянные псалмы, а литании — каждый день. Управляющий в точности исполнил приказания отца, и эти семена благочестия принесли столь обильный плод, что несколько лет спустя Луис де Алмейда нашел в крепости Экандоно более ста христиан, и все они вели жизнь упорядоченную и чистую, были скромны в обхождении, усердны в молитве, милосердны друг к другу, строги к себе и суровы к своей плоти, так что это место более походило на монашескую обитель, нежели на военное укрепление. *Тоно*, хотя и оставался идолопоклонником, присутствовал на собраниях христиан и пожелал, чтобы двое родившихся у него детей были крещены. Один из этих новообращенных изящно изложил на своём языке историю Искупления рода человеческого, от греха Адама до сошествия Святого Духа. И именно он, когда его однажды спросили, что бы он ответил князю, если бы тот приказал ему отречься от закона Иисуса Христа, сказал: «Я бы смело ответил ему: "Государь, вы, без сомнения, хотите, чтобы я, родившись вашим подданным, был вам верен; вы хотите, чтобы я служил вашим интересам, готовый жить и умереть на

вашей службе; вы также хотите, чтобы я был умерен с равными мне, кроток с низшими, покорен своим господам, справедлив ко всем. Так повелите же мне быть христианином, ибо христианин обязан быть всем этим. Если же вы запретите мне исповедовать христианство, я в тот же миг стану жестоким, суровым, гордым, мятежным, несправедливым, нечестивым и не смогу более за себя отвечать"».

В остальном, Ксаверий, прощаясь со старцем, которого он поставил наставником для других, оставил ему дисциплину¹⁴, которой сам иногда пользовался. Старец хранил её как реликвию и не желал, чтобы на собраниях, где христиане наказывали свое тело, ею пользовались все подряд. Он позволял каждому нанести себе не более двух-трёх ударов — так боялся, что она износится, и говорил им, что они должны пользоваться ею не столько для усмирения плоти, сколько для сохранения здоровья. Также это было орудие, которое Бог обычно употреблял для исцеления больных в замке; и жена Экандоно, будучи в предсмертных судорогах, была внезапно исцелена, как только её осенили крестным знамением, приложив к ней дисциплину святого.

Ксаверий, уезжая, подарил ей самой небольшую книжицу, где его рукой были написаны литания всем святым и несколько католических молитв. Это также стало в дальнейшем источником чудесных исцелений не только для христиан, но и для идолопоклонников; и сам *тоно*, в разгар смертельной болезни, внезапно выздоровел, как только его жена приложила к нему эту книгу; так что люди в крепости говорили, что их князь вернулся к жизни, и это произошло не естественным путем.

Святой и его спутники продолжили путь, то по суше, то по морю. После многих тягот, перенесённых с радостью, и многих опасностей, они прибыли в порт Хирадо¹⁵, который был конечной точкой их путешествия. Португальцы сделали всё возможное, чтобы с честью принять отца Ксаверия: по его прибытии дали залп из всех орудий, развернули все знамёна и вымпелы, затрубили во все трубы, и, наконец, все корабельные команды издали радостные крики при виде человека Божия. Его против воли с той же пышностью проводили во дворец князя; и это великолепие немало послужило тому, чтобы его приняли с уважением при языческом дворе, который иначе, возможно, презрел бы его, не видя в нем ничего, кроме простоты и бедности.

Князь Хирадо, которому португальцы объяснили, сколь могуществен у их государя тот, кого они ему представляют, отнёсся к нему ещё благосклоннее, узнав, что князь Кагосимы вынудил его покинуть свои владения; ибо, чтобы угодить португальской короне и досадить князю Кагосимы, он тотчас же дал трём христианским монахам самые широкие полномочия проповедовать закон Иисуса Христа во всём своём княжестве.

Они немедленно пошли проповедовать по городу, и вся чернь сбежалась послушать «европейских бонз». Первые речи Ксаверия произвели большое впечатление на умы, и менее чем за двадцать дней он крестил в Хирадо больше неверных, чем за весь год в Кагосиме.

Лёгкость, с которой святой привёл этих людей к послушанию вере, натолкнула его на мысль оставить им Косме де Торреса для завершения их обращения, а самому отправиться в Мияко¹⁶, куда он всегда стремился попасть как в столицу империи, откуда знание об Иисусе Христе распространилось бы по всей Японии с большей лёгкостью.

В это великое путешествие Ксаверий отправился с Фернандесом и двумя японцами-христианами, Матфеем и Бернардом, в конце октября 1550 года; они морем достигли Хакаты¹⁷, что в двадцати лигах от Хирадо, а оттуда сели на корабль до Ямагути¹⁸, который отстоит оттуда более чем на сто лиг.

Ямагути — столица княжества Нагато¹⁹ и один из богатейших городов Японии не только благодаря торговле с чужестранцами, которые прибывают туда отовсюду, но и по причине изобилия серебряных рудников, а также плодородия земли; но, поскольку пороки всегда сопутствуют богатству, это был город совершенно испорченный и полный самых чудовищных распутств.

Ксаверий прибыл в Ямагути лишь с намерением отправиться в Мияко; но поразительное развращение нравов внушило ему столько ужаса и вместе с тем столько жалости, что он не мог решиться пройти мимо, не возвестив Иисуса Христа людям, столь ослеплённым и распутным, и не открыв им чистоту христианского закона. Рвение, которым он воспылил при рассказах о мерзостях города, не позволило ему пойти просить разрешения у князя, как он делал это в других местах. Он сразу же явился народу, пылая внутренним огнем, который отражался на его лице, и смело предложил людям истины веры. Его спутник Фернандес делал то же самое в другой части города.

Их слушали из любопытства, и многие, узнав, кто они, какие опасности претерпели и чего, наконец, добиваются, восхитились их мужеством и бескорыстием, что свойственно японскому народу, который отличается благородством духа и уважением к людям великодушным. С площадей их звали в дома и просили изложить свое учение более подробно и без спешки. «Ибо если ваш закон покажется нам более разумным, чем наш, — говорили знатнейшие горожане, — мы обещаем последовать ему».

Но когда человек становится рабом самых постыдных страстей, ему трудно принять то, что он считает лучшим, и даже судить здраво. Никто из них не сдержал своего слова. Сравнив оба закона, почти все согласились, что христианский более соответствует здравому смыслу, если рассматривать его умозрительно; но когда они обращались к практике и видели, насколько чуждо христианство мести, многоженству и всем плотским утехам, то, что казалось им справедливым и честным, уже не представлялось исполнимым, и порочность их сердца заглушала в них всякий свет разума. Так, вместо того чтобы уверовать в Иисуса Христа, они говорили, что Ксаверий и его спутник — настоящие шарлатаны, а религия, которую они проповедуют, — всего лишь басня. Эти слухи, распространившись, восстановили против них умы, так что, как только один или другой появлялся, чернь бежала за ними не для того, чтобы слушать, как прежде, а чтобы бросать в них камни и осыпать бранью. «Вот, — кричали они, — два бонзы-обманщика, которые хотят, чтобы мы поклонялись лишь одному Богу и имели лишь одну женщину».

Осиндо²⁰, князь Ямагути, узнав о происходящем, захотел сам судить об учении двух чужестранцев. Он велел привести и в присутствии всей знати своего двора спросил, откуда они и что привело их в Японию. Ксаверий в немногих словах ответил, что они европейцы и пришли проповедовать божественный закон. «Ибо, — добавил он, — ни один человек не может спастись, если не поклоняется Богу и Спасителю всех народов, Сыну Его Иисусу Христу, с чистым сердцем и в истинной вере».

«Объясните мне, — возразил князь, — этот закон, который вы называете божественным». Тогда Ксаверий начал читать часть книги, составленной им на японском языке, где говорилось о сотворении мира, о чём никто из присутствующих никогда не слышал, о бессмертии души, о конечной цели человека, о грехе Адама, о вечности наказаний и наград и, наконец, о пришествии Спасителя и о плодах искупления. Святой объяснил, что требовало разъяснения, и говорил в общей сложности более часа.

Князь выслушал его внимательно и не прерывая, но отпустил его, ничего не сказав и не выказав ни одобрения, ни осуждения изложенному ему учению. Это молчание, сопровождаемое большой учтивостью, послужило о. Франциску разрешением продолжать публичные проповеди. Он делал это с большим жаром и с меньшим успехом, чем когда-либо. Большинство смеялось над проповедником, и еще больше — над таинствами христианства. Некоторые, впрочем, были тронуты рассказом о страданиях Господа нашего до слёз, и это чувство сострадания расположило их сердца к вере; но число этих избранных было очень мало, ибо время, назначенное Провидением для обращения этого народа, ещё не пришло, и надобно было его ждать.

Итак, Ксаверий, пробыв в Ямагути более месяца и не собрав от своих трудов иных плодов, кроме множества оскорблений, продолжил свой путь в Мияко с тремя спутниками: Фернандесом, Матфеем и Бернардом. Они каждый день сокрушались о слепоте и жестокосердии несчастных, не желавших принять Евангелие; утешались, однако, надеждой на милосердие Божие, и внутренний голос часто говорил им, что семя божественного слова, брошенное в столь неблагоприятную и бесплодную землю, не пропадёт даром.

Они отправились в путь в конце декабря, во время непрерывных дождей. Всю зиму, которая в тех краях ужасна, ветры на суше не менее опасны, чем тайфуны на море. Холод очень сильный, и снег выпадает в таком изобилии, что в городах и деревнях жители не могут покинуть свои дома, и всякое сообщение между ними возможно лишь по крытым галереям. Ещё хуже в сельской местности, где повсюду лишь дремучие леса, крутые горы, бурные потоки, пересекающие долины и иногда затопляющие равнины; часто все так обледеневаet, что путники чаще падают, чем ступают, не говоря уже об огромных сосульках, свисающих с деревьев, от которых прохожие ежечасно рискуют получить увечье.

Четверо служителей Божиих пролагали свой путь в это суровое время года по трудным дорогам. Часто босые, переходя ручьи и овраги, в худых одеждах, не спасавших от лютого холода, они несли на себе свой скудный скарб, а единственной пищей в пути им служили горсти жареного или сушеного на огне риса, которые Бернард хранил в своей суме. У них было бы вдоволь средств к существованию, если бы Ксаверий захотел принять деньги, которые предлагали ему португальские купцы из Хирадо на дорожные расходы, или воспользоваться средствами, которые губернатор Индий передал ему от имени короля Португалии; но он счёл бы оскорблением Провидения, если бы стал запасаться на случай нужды, и не потратил ни единого из более чем тысячи экю, выделенных ему из сбережений, ни на что, кроме помощи бедным, принимавшим крещение. Он не удовольствовался даже щедротами короля, но выпросил для них всё, что мог, у своих друзей в Малакке и Гоа. Ибо он говорил, что чем более эти новые верующие лишены земных благ, тем более они заслуживают помощи; что их рвение достойно первых веков Церкви, и что

в Японии нет ни одного христианина, который предпочел бы скорее потерять жизнь, нежели любовь Иисуса Христа.

Путь от Ямагути до Мияко занимает не более пятнадцати дней, когда погода хорошая и благоприятная. Из-за непогоды четверо путников были в пути два месяца, то переходя бурные потоки, то пересекая равнины и леса, покрытые снегом, иногда взбираясь на скалы, а иногда скатываясь в пропасти. От крайнего утомления отец Ксаверий в первый же месяц заболел лихорадкой, и недуг заставил его немного отдохнуть в Сакаи²¹; но он не захотел принимать никакого лечения и вскоре снова отправился в путь.

Самым досадным ему казалось, что Бернард, бывший их проводником, постоянно сбивался с пути. Однажды, заблудившись в лесу и не зная больше, какой дорогой идти, они встретили всадника, направлявшегося в сторону Мияко. Ксаверий пошёл за ним и предложил нести его сундук, чтобы тот вывел их из леса и перевёл через весьма опасные места. Всадник принял предложение Ксаверия, но при этом поскакал рысью, так что святому пришлось бежать за ним следом, и это продолжалось почти весь день.

Спутники его, следовавшие поодаль, настигли его там, где с ним распрощался всадник, и нашли святого в таком изнеможении, что он едва держался на ногах. Камни и колючки изранили ему ступни, а ноги так отекали, что кожа во многих местах лопнула. Все эти невзгоды не мешали ему идти; он черпал силы в непрестанном единении с Богом, молясь с утра до вечера и прерывая внутреннее общение с Ним лишь для того, чтобы увещевать спутников к терпению.

Проходя через города и деревни, встречавшиеся им на пути, Ксаверий всегда читал что-нибудь из своего катехизиса собиравшейся вокруг них толпе. Чаще всего над ним смеялись, а дети кричали ему вслед: «Дэуш, Дэуш, Дэуш!», ибо это португальское слово (*Deos*) часто было у него на устах, а на их языке он его почти никогда не произносил. Ибо, говоря о Боге, он не хотел употреблять японских слов, пока японцы не будут хорошо наставлены в сущности и совершенствах Божественного величия. И тому он приводил две причины: первая — он не нашёл во всем их языке ни одного слова, которое бы хорошо выражало верховное Божество, о Коем он желал дать им ясное понятие; вторая — он опасался, как бы эти идолопоклонники не смешали Первое Существо со своими *ками* и *фотоке*, если услышат, что Его называют именами, приличествующими идолам. Пользуясь этим случаем, он говорил им, что, поскольку они никогда не знали истинного Бога, они и не могли дать Ему имени, а португальцы, которые Его знают, называют Его *Deos*; и он повторял это слово с таким благоговением в голосе и во всём облике, что даже язычники чувствовали, сколь досточтимое имя Божие.

После того, как он публично осудил в двух разных городах ложные секты Японии и царившие там ужасные пороки, жители выволокли его за городские стены жителями собрались побить камнями; но когда они начали подбирать камни, разразилась страшная гроза, заставившая их бежать. Святой муж остался один среди громов, сверкавших со всех сторон, не теряя своего обычного спокойствия и поклоняясь Божественному Промыслу, столь зримо сражавшемуся за него.

Наконец, в феврале 1551 года он прибыл в Мияко со своими тремя спутниками. Имя этого столь знаменитого города, который был средоточием и империи, и религии, и где держали свои дворы *кубо-сама*, *дайри* и *сако*, сулило Ксаверию великие

свершения; но действительность не исполнила ожиданий. Мияко, что по-японски означает «достойный созерцания», оказался лишь тенью того, чем он был прежде, так его опустошили войны и пожары. Повсюду виднелись развалины, и нынешнее положение дел грозило ему полным уничтожением. Все соседние князья объединились против *кубо-сама*, и повсюду слышалось лишь бряцание оружия.

Человек Божий пытался добиться аудиенции у *кубо-сама* и у *дайри*, но не смог этого сделать. Он не смог увидеть даже *сако*, или верховного понтифика японской религии. Чтобы устроить эти аудиенции, с него потребовали сто тысяч *кашей*²², что составляет шестьсот экю²³ нашей монетой, а у него ничего не было.

Не надеясь более ни на что с этой стороны, он проповедовал на площадях с той лишь властью, которую Бог дает тем, кого Он посылает. Поскольку весь город был в смятении и умы каждого были заняты мыслями о войне, никто и не думал его слушать, а те, кто слушал его мимоходом, не придавали никакого значения его словам. Так, пробыв в Мияко пятнадцать дней без всякой пользы и не видя никакой возможности принести там плод в том смятении, в котором все находилось, он твердо решил вернуться в Ямагути, не считая, однако, путешествие в Мияко совсем напрасным, не только потому, что он много претерпел, а страдание есть истинная прибыль для апостольских мужей, но и потому, что он по крайней мере проповедовал Иисуса Христа в самом идолопоклонническом городе мира и проложил путь своим братьям, которые в последующие годы должны были утвердить там христианство, как он это предвидел.

Итак, он сел на судно на реке, что спускается с окрестных гор и оmyвает стены Мияко, а затем впадает в морской залив, ведущий к Сакаи. На корабле он не мог отвести глаз от великолепного города Мияко и, по словам Фернандеса, не раз пел начало 113-го псалма: *In exitu Israel de Aegypto, domus Jacob de populo barbaro* («Когда вышел Израиль из Египта, дом Иакова — из народа иноплеменного»), — то ли видя в себе израильтянина, покидающего по велению Небес неверную землю, то ли видя в этом варварском народе тот, которому суждено однажды стать народом Божиим. Заметив, однако, что дары — верный способ снискать расположение японских государей, он отправился из Сакаи в Хирадо за теми вещами, которые вице-король Индии и губернатор Малакки обязали его взять с собой в Японию и которые он оставил там, а именно: небольшие часы с боем, весьма гармоничный музыкальный инструмент и другие произведения искусства, вся ценность которых заключалась в их редкости.

Заметив также, что его обноски оттолкнули японцев, которые много судят по внешности и почти не удостаивают вниманием человека, плохо одетого, он велел сшить себе новое и даже довольно приличное платье на милостыню, поданную португальцами, будучи убеждён, что апостольский муж должен *для всех сделаться всем*, и чтобы приобрести людей мира, надобно иногда немного сообразовываться с их слабостью.

Как только он прибыл в Ямагути, его дары снискали ему аудиенцию у князя и обеспечили благосклонный прием. Осиндоно, находивший европейские изделия удивительными, не удовольствовался тем, что поблагодарил отца со всей возможной учтивостью, но в тот же день послал ему большую сумму золотом и серебром в знак признательности. Ксаверий решительно отказался, и этот отказ заставил самого князя восхититься им. «Как далёк, — говорил Осиндоно, —

европейский бонза от алчности наших, которые так страстно любят богатство и думают лишь о своей выгоде!»

На следующий день Ксаверий представил князю Ямагути письма от губернатора и епископа Индий, в которых весьма восхвалялась христианская вера, и попросил в качестве единственной милости позволения её проповедовать, вновь уверяя его, что это и есть единственная причина его путешествия. Князь, всё более удивляясь великодушию отца, устно и публичным указом позволил ему учить закону Божию. Указ был вывешен на перекрестках и площадях города: в нем говорилось, что можно свободно следовать религии Европы, и под страхом суровых наказаний запрещалось препятствовать европейцам в исполнении их обязанностей.

Кроме того, Осиндоно выделил им для проживания старый необитаемый монастырь бонз. Не успели они там обосноваться, как к ним хлынуло множество людей: одни — из лести и желания угодить князю, другие — понаблюдать за их поведением и найти в нем что-либо предосудительное, многие — из любопытства и желания узнать что-нибудь новое. Все предлагали свои сомнения и спорили с таким жаром, что у большинства перехватывало дыхание. Дом никогда не пустовал, и эти непрерывные визиты отнимали все время у человека Божия. Он сам объясняет это и почти жалуется в письмах, в которых описывал о. Игнатию своё путешествие в Японию, где указывает качества, необходимые для работников Общества, которых следовало туда направить: во-первых, это должны быть люди безупречной жизни, в которой японцы, легко соблазняющиеся, не нашли бы ничего предосудительного; кроме того, они должны обладать способностями не меньшими, чем их добродетели, потому что в Японии также есть свои богословы, притом бесчисленные, великие в своей учёности и никогда не уступающие в споре, если только их не убедят неопровержимыми доводами; а еще нужно, чтобы эти миссионеры прибывали с готовностью терпеть крайнюю нужду и обладали великим мужеством жить в постоянных опасностях, а то и умереть, если понадобится, в ужасных мучениях, Итак, изложив всё это, он добавляет от себя в одном из этих писем: «Я пишу отцу Симону, а в его отсутствие ректору коллегии в Коимбре, чтобы он не посылал сюда никого, кроме людей, известных и одобренных вашей святой любовью», продолжая так:

«Им предстоят гонения, о каких многие и не помышляют. И днем, и ночью им не будет отбоя от посетителей и расспросов; их будут звать в дома знатных особ, и от этих приглашений нельзя будет уклониться. У них не останется времени ни на молитву, ни на размышление, ни на созерцание, ни на какое-либо духовное уединение. Поначалу они не смогут даже служить мессе. Они будут беспрестанно заняты ответами на вопросы, так что им не хватит времени ни на чтение breviария, ни даже на еду и сон. Японцы весьма назойливы, особенно с чужестранцами, которых они ни во что не ставят и над которыми постоянно насмеваются».²⁴

Однако эти докучные посещения стали приятны о. Ксаверию и в дальнейшем принесли добрый плод. Поскольку японцы обладают умом восприимчивым и сметливым, чем больше они заседали на него в спорах, тем лучше познавали истину; так что, когда их сомнения рассеивались, они легко понимали, что в христианской религии нет ничего противоречивого и она выдерживает самое строгое рассмотрение.

Именно в разгар этих допросов, которыми святой был подавлен, свершилось одно из самых поразительных чудес, о каких доводилось слышать: одним ответом он

удовлетворял сразу нескольких человек, расспрашивавших его о предметах весьма различных, а зачастую и противоположных, как, например, о бессмертии души и о движении небесных светил, о затмениях солнца или луны и о цветах радуги, о грехе и о благодати, о рае и об аде. Чудо же состояло в том, что, выслушав их всех, он отвечал им в немногих словах, а его слова, умножаясь в их ушах силою совершенно божественной, давали им услышать то, что они желали знать, словно бы он отвечал каждому в отдельности.

Они не раз замечали это чудо и пребывали в таком изумлении, что, глядя друг на друга в полном замешательстве и с восхищением взирая на отца, не знали, ни что подумать, ни что сказать. Но, сколь бы просвещёнными и искусными ни были большинство из них, они не поняли, что это было нечто сверхъестественное; они приписывали это неким тайным наукам, которыми, как они верили, владел один лишь Ксаверий. Потому, когда о. Косме де Торрес прибыл из Хирадо в Ямагути, бонзы говорили: «Этот не обладает ни великим знанием о. Франциска, ни искусством разрешать многие сомнения одним ответом». Процесс канонизации святого упоминает об этом чуде; и о. Антониу Куадрос, который отправился в Японию через четыре года после о. Ксаверия, писал об этом о. Жакоме Мирону, провинциалу Португалии; вот его слова: «Один японец сказал мне, что видел, как о. Франциск сотворил в Японии три чуда. Он заставил говорить и ходить человека, который был нем и парализован; он вернул речь другому немому и слух — глухому. Этот японец сказал мне ещё, что отца Франциска почитали в Японии как величайшего человека Европы, и другие отцы из Общества не стоили его, потому что они могли отвечать лишь одному идолопоклоннику за раз, тогда как о. Франциск одним словом разрешал десять или двенадцать вопросов. Когда я сказал ему, что это, возможно, происходило оттого, что вопросы были схожи, он заверил меня, что нет, они, напротив, были весьма различны. Он добавил, наконец, что это не было чем-то необычайным, но весьма свойственным о. Франциску».

Когда Ксаверий и его спутник Фернандес немного освободились от этих первых хлопот, они наперекор бонзам принялись проповедовать дважды в день на городских площадях. В Ямагути было семь или восемь верований, все они противостояли друг другу, и у каждого было множество приверженцев, которые защищали своё как наилучшее, так что эти различные бонзы постоянно спорили между собой. Но как только святой начал проповедовать божественный закон, все секты объединились, чтобы противостоять общему врагу. Они, однако, не осмелились поначалу открыто выступить против человека, которому благоволил двор и который, казалось им, имел в себе нечто сверхчеловеческое.

Тогда Бог вернул о. Ксаверию дар языков, который был дан ему в Индиях в нескольких случаях; ибо, никогда не изучая китайского языка, он каждое утро проповедовал по-китайски купцам из Китая, которые торговали в Ямагути и которых там было великое множество. После обеда он проповедовал японцам на их языке, но так легко и естественно, что, слушая его, никто не принял бы его за чужестранца.

Сила истины, которой ученые не могли противопоставить ничего разумного в спорах, три необычайных чуда, о которых мы только что рассказали, и многие другие, совершенные Ксаверием в то же время, его невинная и суровая жизнь, божественный дух, который оживлял его речи, — все это произвело такое впечатление на сердца, что менее чем за два месяца было крещено более пятисот

человек, по большей части люди знатные и образованные, которые основательно изучили христианство и уступали лишь потому, что не могли более сопротивляться.

Было удивительно, по свидетельству святого, видеть, что во всём городе говорили только об Иисусе Христе, и те, кто был самым ярким противником христианского закона, защищали его с наибольшим жаром и соблюдали с большей точностью. Все они нежно любили о. Франциска и буквально не отходили от него. Они с радостью вновь и вновь вопрошали его о таинствах веры, и несказанное утешение наполняло их, когда они постигали, что даже в самых простых обрядах, как, например, в крестном знамении, сокрыта великая тайна.

Отец, со своей стороны, испытывал не меньшее удовлетворение, и он сам признается в этом в письме, которое написал некоторое время спустя иезуитам в Европе:

«Я уже убелен сединами, — говорит он им, — но что до телесных сил, то мне кажется, никогда я не имел их в большем избытке, чем ныне. Труды среди народа рассудительного, жаждущего узнать, в каком законе ему надлежит спастись, приносят с собой величайшее удовлетворение. А после того как князь дал нам дозволение проповедовать закон Божий, столь велико было в Ямагути число людей, приходивших с вопросами и для споров, что я, пожалуй, мог бы по правде сказать: никогда в жизни я не испытывал столько радости и духовной отрады, как при виде того, что Господь наш через нас посрамлял язычников, и при виде победы, которую мы постоянно над ними одерживали.

С другой стороны, видя радость тех, кто уже стал христианином, при виде поражения язычников, я забывал о телесных трудах. Видел я также, с каким усердием христиане трудились, споря, побеждая и убеждая язычников принять христианство. И видя их победы и ту радость, с которой каждый рассказывал об успехах в спорах с язычниками, я утешался от всего сердца.

О, если бы возможно было вместе с рассказом об этих радостях переслать в университеты Европы и саму ту небесную отраду, которой Бог по единой Своей милости нас здесь одаряет! Я твердо верю, что многие ученые мужи нашли бы лучшее применение своим великим дарованиям в обращении народов. Если бы они могли вкушать ту духовную отраду и утешение, которые следуют за подобными трудами, и если бы они познали, сколь велика в Японии расположенность к приумножению нашей святой веры, то, мне кажется, многие ученые оставили бы свои занятия, а каноники и прочие прелаты свои саны и доходы ради жизни, несравненно более радостной, чем та, что у них есть, и отправились бы искать её в Японию».²⁵

Впрочем, внутренние улады служителя Божия не были столь чисты, чтобы к ним не примешивалась толика горечи. Было ему о ком проливать слёзы: об Осиндоно, князе Ямагути, который, будучи вполне убеждён в превосходстве христианства, коснел в идолопоклонстве из-за плотских утех; и о Нэатондоно, первом вельможе княжества, который, имея лишь благородные и добродетельные наклонности, мог бы стать апостолом двора, если бы вздорные причины не мешали ему стать христианином.

Он и княгиня, жена его, почитали Ксаверия как отца и даже чтили как святого; они также любили верных и помогали им во всех их нуждах; о вере же говорили не иначе как с уважением. Но поскольку они основали несколько монастырей бонз, им было досадно, по их словам, потерять плод своих благодеяний; и так страх лишиться

неведомо какой награды, которою льстили им бонзы, заставил их отречься от вечных благ, обещанных святым мужем.

Но сколь бы ни был могуществен обыкновенно пример государей в делах веры, христианство, тем не менее, принимали повсеместно, а один поступок спутника Ксаверия немало поспособствовал тому, чтобы привлечь самых упорных. Фернандес проповедовал в одном из самых людных мест города, и среди его слушателей были люди просвещённые, весьма приверженные своим сектам, которые не могли постичь правил Евангелия и слушали проповедника лишь для того, чтобы над ним посмеяться.

В середине проповеди некий простолюдин подошёл к Фернандесу, словно желая шепнуть ему что-то на ухо, и, извергнув мокроту, заплевал ему лицо. Фернандес, не сказав ни единого слова и не выказав ни малейшего волнения, взял платок, чтобы утереться, и продолжил свою речь, как будто ничего не произошло. Все были изумлены сдержанностью проповедника: самые вольнодумные, которых такое оскорбление заставило рассмеяться, сменили смех на восхищение и чистосердечно признали, что человек, который настолько властен над своими страстями, чтобы сдержать себя в подобной ситуации, обладает великим мужеством и величием духа.

Один из знатнейших в собрании усмотрел в этом непоколебимом терпении нечто большее. Был то учёнейший наставник Ямагути и самый яркий противник Евангелия. Он помыслил, что закон, который учит быть столь терпеливым и нечувствительным к оскорблениям, может исходить лишь с Небес, и так рассудил сам с собой: «Эти проповедники, которые с таким постоянством сносят самые жестокие обиды, не могут обманывать нас; слишком дорого обошёлся бы им этот обман, ибо не обманывают других себе в убыток. Лишь Тот, Кто сотворил сердце человеческое, может привести его в столь мирное устройство; силы природы на это не способны, и необходимо, чтобы нечто божественное было началом христианского терпения. В этих людях, без сомнения, живёт незыблемая уверенность в истинности их веры и в чаемой ими награде, ибо они готовы претерпеть всё ради своего Бога, от людей же не ждут ничего. В конце концов, какое неудобство и какая опасность может быть в том, чтобы последовать их закону? Если то, что они говорят нам о вечности, истинно, я буду вечно несчастен, если не уверую; и даже если бы не было иной жизни, кроме этой, не лучше ли принять религию, которая возвышает человека над самим собой и дарует ему мир нерушимый, нежели исповедовать секты, которые оставляют нам все наши немощи и не властны утишить сердечные смуты».

Всё это пронеслось в его уме, как он сам впоследствии рассказывал; и эти размышления, сопровождаемые движениями благодати, так его тронули, что, как только проповедь завершилась, он признал, что добродетель проповедника его убедила; после чего он попросил крещения и был торжественно крещён.

Столь славное обращение имело весьма счастливые последствия. Многие, кто смутно прозревал истину и боялся познать её до конца, открыли глаза и приняли свет Евангелия, и среди прочих — юноша двадцати пяти лет, которого весьма ценили за тонкость ума и который учился в самых знаменитых академиях Японии. Он пришел в Ямагути, чтобы стать бонзой; но, узнав, что секта бонз, к которой он хотел примкнуть, не признаёт первоначала и что в их книгах нет о нём ни малейшего упоминания, он переменял намерения и пребывал в великой нерешительности относительно выбора жизненного пути, пока, убеждённый

примером наставника и доводами Ксаверия, не стал христианином. Ему дали имя Лаврентий; и именно он, будучи принят в Общество Иисуса самим Ксаверием, нёс служение проповеди с таким блеском и таким успехом, что обратил неисчислимое множество людей благородных и доблестных, которые впоследствии стали столпами Церкви Японской.

Монастыри бонз день ото дня мало-помалу пустели из-за того, что их покидали молодые люди, в которых ещё оставались крупинцы стыда и честности. Стыдясь вести скотскую жизнь и обманывать простой народ, они оставляли облачение и звание бонзы, чтобы, вернувшись в мир, с тем большей лёгкостью обратиться. Эти молодые бонзы открывали Ксаверию тайны своих сект и сообщали ему о мерзостях, сокрытых от глаз толпы под видимостью строгости.

Отец, более не стесняясь в обличении тех, кто смертельно ненавидел верных и был единственно заинтересован в том, чтобы помешать утверждению веры, предавал гласности всё, что ему о них сообщали, и живописал их без прикрас. Эти разоблачённые лицемеры становились посмешищем для народа; но что уязвляло их ещё более, так то, что те, кто прежде слушал их как оракулов, теперь во всеуслышание упрекали их в невежестве.

Порой какая-нибудь женщина вызывала их на спор и теснила столь живыми доводами, что чем более они силились выпутаться, тем более сами же и запутывались; ибо Отец, посвящённый в тайны каждой секты, снабжал неофитов всем необходимым, чтобы посрамить бонз, приводя их к явному противоречию, а это среди японцев — величайший позор, какой только можно нанести людям учёным.

Впрочем, бонзы не отделались одним лишь презрением всего города; вместе с доверием и добрым именем они лишились и подаяний, которые давали им средства к существованию; так что большинство из них, не имея никакого расположения к христианству, покидали свои обители, чтобы не умереть с голоду, и меняли звание бонзы на ремесло солдата или ремесленника. Это давало христианам повод с невероятной радостью говорить, что скоро в Ямагути от этих идолопоклоннических иноков останется лишь столько, сколько нужно для охраны монастырей.

Старые бонзы, однако, более привязанные к своему состоянию и более закоснелые в заблуждении, чем другие, не щадили никаких усилий, чтобы удержаться. Они грозили гневом богов, возвещая гибель города и падение княжества; говорили, что Бог, Которому поклоняются в Европе, — не *Дэуш* или *Дэус*, как называют Его португальцы, а *Даюс*²⁷, то есть, на языке Японии, ложь и обман; они добавляли, что этот Бог возлагает на людей слишком тяжкое иго.

Какая справедливость, вопрошали они, в том, чтобы карать нарушителей закона, который невозможно соблюсти? Но каков же тот Промысел, что, при всей необходимости закона Христова для спасения, попустил, чтобы пятнадцать веков прошли, а он благороднейшей части мира так и не открылся? Религия, чей Бог столь пристрастен в раздавании Своих благодатных даров, едва ли может быть истинной; и если бы в европейском учении была хотя бы тень истины, Китай, где знают всё, не остался бы о нём в неведении.

Таковы были главные пункты, в которых бонзы обвиняли христианское вероучение. Ксаверий приводит их в своих письмах, но не говорит обо всех ответах, которые он давал, а из иных источников они нам неизвестны. Посему, не следуя примеру двух

или трех историков, которые влагают в его уста речи по своему усмотрению на все эти темы, я напишу лишь то, что сам Святой оставил в письменном виде.

Идолопоклонники, вместо того чтобы радоваться, что наконец просвещены светом веры, сокрушались о слепоте предков, и можно было слышать, как они восклицали с горестным тоном: «Что же! отцы наши горят в аду за то, что не поклонялись Богу, Который был им неведом, и не соблюдали закона, о котором никогда не слышали!»

Бонзы же распаляли народ, говоря, что португальские священники ни на что не годны и не могут никого извлечь из ада, тогда как они сами делают это, когда им заблагорассудится, своими постами и молитвами; что вечность мучений свидетельствует либо о жестокости, либо о бессилии Бога христиан: о Его жестокости, если, имея возможность избавить души от огня, Он не желает этого; о Его бессилии, если, желая, не может; наконец, что Амида и Сяка куда более милосердны и могущественны, но извлекают из ада лишь тех, кто при жизни щедро одарял бонз.

Нам не известны, как я уже сказал, все по отдельности ответы святого; знаем лишь от него самого, что, видя скорбь японцев о том, что они столько веков были оставлены без всякого познания божественного закона, он был счастлив утешить их и помочь им обрести более здравые понятия. Ибо он показал им в общих чертах, что древнейший из всех законов есть закон Божий — не тот, что возвещается звуком слов, но тот, что начертан в сердцах рукою самой природы; так что всякий, приходящий в мир, приносит с собой некие заповеди, которым учит его собственный инстинкт и разум.

Прежде чем Япония приняла свои законы от мудрецов Китая, говорил Ксаверий, там знали, что человекоубийства, воровства и прелюбодеяния следует избегать; потому и искали для их совершения мест уединённых и тёмных. Совершив же их, ощущали укоры совести, которая всегда тайно обвиняет виновных, даже если их дурные поступки неизвестны людям и не запрещены человеческими законами. Пусть дитя будет вскормлено со зверями в лесах, вдали от общения с людьми и вне благоустроенных городов, оно, тем не менее, будет знать правила гражданского общества; ибо, будучи спрошено, дурно ли убивать человека, отнимать у него его достояние, осквернять его ложе, нападать на него хитростью или силой, оно, несомненно, ответит утвердительно. Если же это верно для дикаря, не имеющего никакого воспитания, то сколь более верно для людей образованных, живущих совместно и имеющих просвещённый ум? Итак, — добавлял святой, — Бог не оставлял Японию столько веков в неведении, как утверждают ваши бонзы.

Этим он давал им понять, что закон естественный был ступенью, которая незаметно вела к закону христианскому, и что человек, живущий нравственно добропорядочно, не преминет познать Иисуса Христа каким-либо образом, то есть перед смертью Бог пошлёт ему проповедника или просветит его непосредственно Сам.

Эти доводы, которыми пользовались и Отцы Церкви в подобных случаях, так удовлетворили язычников, что у них более не осталось затруднений в вопросе, который причинял им столько мучений.

Бонзы, видя, что народ более доверяет авторитету Ксаверия, нежели их собственному, и не зная, как опровергнуть противника, затеяли при дворе интригу, чтобы погубить христиан в глазах князя. Ему внушили подозрения, очернив их

поведение и сказав, что это люди мятежные, враги общественного блага и особы государя, так что Осиндоно, который был к ним столь благосклонен и любил их, внезапно переменял свои чувства.

По правде говоря, поскольку японцы гордятся тем, что нерушимо держат слово, однажды данное, он не осмелился отменить торжественный указ, изданный им в пользу христианского закона; но, чтобы сделать его бесполезным, он стал дурно обращаться с верными, вплоть до лишения их имущества, и начал с главнейших вельмож княжества.

В то же время бонзы, гордые благосклонностью при дворе, писали письма и повсюду распространяли пасквилы против отца Ксаверия. Они говорили, что это нищий, который, не имея чем жить в Индиях, пришел искать хлеба в Японию; особенно же старались выставить его отъявленным чародеем, который силою своих чар заставляет бесов служить себе и творит всевозможные чудеса, дабы вводить в заблуждение простой народ.

Но ни перемена в князе, ни клевета бонз не замедлили успехов Евангелия. Число верных в Ямагути за несколько дней возросло до более чем трёх тысяч; и все они были так ревностны, что не нашлось ни одного, кто не был бы готов не только оставить свое имущество, но и пролить кровь за веру, в случае если бы князь, как того опасались, начал преследовать зарождающуюся Церковь огнем и мечом.

Слава апостола возрастала вопреки ложным слухам, которые распускали; и имя его стало столь знаменито в соседних княжествах, что все народы желали увидеть великого бонзу из Европы.

Ксаверий уже некоторое время помышлял о возвращении в Индии, чтобы самому избрать делателей, каких требовала Япония; и замысел его состоял в том, чтобы вернуться туда через Китай, обращение которого уже сильно занимало его сердце. Ибо, ежедневно общаясь с китайскими купцами, бывавшими в Ямагути, он понял, что народ столь учтивый и разумный легко станет христианским; к тому же ему давали надежду, что, как только обратится Китай, обратится и Япония; по крайней мере, самые неверующие из японцев часто говорили ему, что не переменят веры, пока её не переменят китайцы; пусть он несёт Евангелие в ту великую империю, и когда он подчинит её власти Иисуса Христа, они все станут христианами.

Между тем португальский корабль под командованием Эдуарду да Гамы прибыл в княжество Бунго²⁸; и в Ямагути пришла весть, что этот корабль, пришедший из Индий, должен снова отправиться в путь через месяц или два. Ксаверий, чтобы узнать доподлинно, что к чему, послал на место Матфея, одного из японцев-христиан, что его сопровождали, и поручил ему письмо, адресованное капитану и купцам судна. Святой просил известить его, кто они, откуда прибыли и скоро ли отплывут; затем сообщал им, что, будучи обязан вернуться в Индии, присоединится к ним, в случае если они возвращаются; наконец, он заклинал их уделять немного меньше времени делам своей торговли, чтобы помыслить о делах своего спасения, и напоминал, что все шелка Китая, какую бы прибыль они ни приносили, не стоят малейшей духовной выгоды, которую они могли бы обрести, ежедневно испытывая свою совесть.

Корабль стоял в порту Фигэн, в пятидесяти лигах от Ямагути и в одной лиге от Футео, который иные называют Фунаи, столицы княжества Бунго. Португальцы

были вне себя от радости, получив вести от о. Ксаверия: они сообщили ему свои новости и известили, что не позднее, чем через месяц отплывут в Китай, где оставили три корабля, груженных для Индий, которые отправятся в январе, и что Жакоме Перейра, его близкий друг, находится на одном из этих кораблей.

Матфей вернулся через пять дней; и, помимо того, что привез о. Франциску письма от капитана и главных купцов, передал ему и письма из Гоа, в которых отцы из коллегии св. Павла писали, что его присутствие совершенно необходимо для устройства дел Общества.

Ксаверий, таким образом, не теряя времени, поручил христиан о. Косме де Торресу и бр. Хуану Фернандесу, которых оставил в Ямагути, и отправился в путь к середине сентября 1551 года.

Он мог бы совершить это путешествие с удобством по морю, но предпочел идти по суше и пешком, по своему обыкновению. Он взял в спутники Матфея и Бернарда; двое вельмож-христиан также захотели последовать за ним. Несколько дней назад у них конфисковали имущество в наказание за то, что они приняли крещение; но благодать Иисуса Христа, заменявшая им всё, делала их бедность столь драгоценной, что они считали себя куда богаче, чем прежде. Другой христианин присоединился к ним — тот самый Лаврентий, о котором мы говорили, прозванный Косым, из-за того, что глаза его были немного скошены.

Отец весело шёл со своими пятью спутниками до Пинлашау²⁹, селения, отстоящего от Фигэна на одну или две лиги. Прибыв туда, он почувствовал, что все силы его иссякли, ноги сильно отекали, а вдобавок у него началась сильная головная боль, так что не смог идти дальше.

Матфей, Лаврентий и Бернард пошли вперед, чтобы доставить вести о нём на корабль. Едва Эдуарду да Гама узнал, что святой муж близко, он велел созвать всех португальцев, торговавших в Футео, и, выбрав знатнейших, вместе с ними поехал навстречу Ксаверию, чтобы торжественно отдать ему почести.

Ксаверия недолгий отдых привел в чувство; догадавшись о чести, которую ему хотели оказать, он снова отправился в путь, но не избежал полностью того, от чего стремился уклониться. В четверти лиги от Фигэна кавалькада встретила его идущим между двумя вельможами из Ямагути, которые его не покинули, и самостоятельно несущим свой узел.

Гама был удивлён, увидев в таком виде столь значительного человека, и, спешившись со всеми своими людьми, приветствовал его с величайшим почтением. После первых приветствий отца попросили соблаговолить сесть на коня, но его так и не удалось на это уговорить, так что португальцы велели вести своих коней следом и сами шли пешком до самого порта.

Корабль был полностью оснащён, украшен знамёнами и вымпелами по приказу, данному капитаном. Те, кто остался на борту, стояли в доспехах у бортов: они дали залп при виде святого, и тотчас же загрохотала вся артиллерия. Поскольку стреляли четыре раза подряд, гром пушек был слышен в Футео так отчётливо, что народ был встревожен, а король вообразил, что на португальцев напали корсары, которые с недавних пор опустошали те берега. Чтобы прояснить ситуацию, он направил одного из придворных к капитану судна.

Гама, указав придворному князя Бунго на о. Франциска, сказал ему, что шум, встревоживший город, был лишь скромным проявлением почестей, подобающих столь великой особе, весьма возлюбленной Небом и весьма чтимой при дворе Португалии. Японец, не видевший в отце ничего, кроме бедности, и помнивший о том, что ему писали из Ямагути, на мгновение замер, не говоря ни слова; затем, с видом изумлённым, произнес: «Я в большом затруднении, какой ответ дать моему князю. Ибо то, что вы мне только что сказали, мало согласуется и с тем, что я вижу, и с тем, что сообщили бонзы из Ямагути: они, мол, видели собственными глазами, как ваш отец-бонза по-дружески беседовал с бесом, который учил его колдовать и творить неведомые магические действия, дабы ослеплять невежд; что это несчастный столь отвержен и проклят всею землёй, что даже паразиты, покрывающие его с ног до головы, гнушаются плотью столь скверной. Впрочем, боюсь, если я доложу князю то, что вы думаете об этом бонзе, то наши прослывят либо людьми недалёкими, выносящими ложные суждения, либо завистниками и обманщиками».

Тогда Гама, взяв слово, сказал японскому вельможе всё, что было нужно, дабы внушить ему добрые понятия о поведении святого и удержать от дурных мыслей касательно его бедности. Что до последнего, португалец объявил ему, что за презренной наружностью сего мужа скрывалось высокое происхождение, судьба сделала его богатым, но добродетель — бедным, его предельные лишения явились следствием величия души, презиравшей то, что люди ценят превыше всего.

Такая речь привела японца в восхищение. Он передал своему князю верный отчёт о сказанном, добавив от себя, что португальцы почитают за большее счастье обладать этим святым мужем, нежели кораблём, полным золотых слитков.

Князь Бунго уже слышал об отце Франциске и не верил тому, что писали о нём бонзы из Ямагути. Это был государь двадцати пяти лет, чрезвычайно мудрый, весьма щедрый, весьма учтивый, но весьма необузданный в плотских утехах, как то японским князьям свойственно.

То, что он узнал от своего придворного, лишь усилило желание увидеть Ксаверия, и в тот же день он написал ему в таких выражениях:

«Отец-бонза из Тюмасикоги, — так они называют Португалию, — да будет твое счастливое прибытие в мои владения столь же приятно твоему Богу, сколь приятны Ему хвалы, коими святые чтут Его. Когда Квансион-а-фама, мой слуга, которого я послал в порт Фигэн, сказал мне, что ты прибыл туда из Ямагути, я был тому рад чрезвычайно, что весь мой двор тебе подтвердит. Поскольку Бог не счёл меня достойным тебе повелевать, я настоятельно молю тебя прийти, прежде чем взойдёт солнце, и постучать в ворота моего дворца, где я буду ждать тебя с нетерпением, и позволь мне просить тебя об этой милости с надеждой, что моя просьба не будет тебе в тягость. Тем временем, простёршись ниц, я молю твоего Бога, Которого исповедую Богом всех богов, Владыкою величайших и лучших, что живут на небесах; так вот, я молю Его дать понять гордецам века сего, сколь угодно Ему твоё житие, святое и бедное; дабы чада твои не были обмануты ложными обещаниями мира. Сообщи мне о своём здоровье, чтобы я мог спокойно спать ночью, пока петухи не разбудят меня, возвещая твой приход».

Письмо это было доставлено юным родовитым княжичем в сопровождении тридцати молодых вельмож двора, которых сопровождал мудрый старец, его

наставник, по имени Пумэн-доно, один из знатнейших людей княжества и единокровный брат князя Минато³⁰. Честь, которую португальцы оказывали о. Ксаверию, так удивила княжича, что он громко сказал своему наставнику: «Воистину, Бог этих людей должен быть велик, и тайны Его сокрыты от людей, раз уж Он желает, чтобы богатейшие корабли отдавали честь человеку столь бедному, как этот бонза португальцев, и чтобы грохот пушек возвещал, что бедность может быть угодна Владыке всего мира, — та бедность, которая сама по себе столь презренна и столь постыдна в общем мнении, что кажется, будто даже помыслить о ней — тяжкий грех».

«Хотя мы и гнушаемся бедности, — возразил Пумэн-доно, — и считаем бедных неспособными к счастью, может статься, что этот бедняк так ценит свою бедность, что она угодна Богу, Которому он служит, и что, блюдя её со всей возможной строгостью из любви к своему Богу, он богаче любого человека на земле».

Молодой посол, вернувшись ко двору, засвидетельствовал князю, с каким почтением приняли его письмо, и принялся убеждать его, что с бонзой из Европы следует обращаться совсем иначе, нежели с обычными бонзами, вплоть до того, что, по его словам, было бы великим грехом смешивать его с ними; что, впрочем, он не так беден, как говорят его враги; капитан и португальские купцы охотно отдали бы ему свой корабль и все свои сокровища, если бы он того пожелал; и, собственно говоря, нельзя назвать бедным того, кто имеет столько богатства, сколько пожелает.

Между тем португальцы, собравшись, чтобы решить, как о. Ксаверию явиться на следующий день ко двору, сошлись во мнении, что он должен предстать с величайшим великолепием и пышностью, какие только возможны. Он сперва воспротивился их мнению из отвращения к пышности, столь мало приличествующей его монашескому состоянию, но затем уступил мольбам и, более того, доводам собравшихся. Доводы эти состояли в том, что, поскольку бонзы из Ямагути написали всё, что только могли вообразить, дабы выставить Ксаверия презренным, следовало избавить народ от ложных представлений, которые у него могли сложиться, и показать, сколь христиане чтут служителей Евангелия, дабы тем самым побудить язычников уважать их и верить им; таким образом, честь будет оказана не столько ему, сколько Иисусу Христу, и проповедь будут ценить в той мере, в какой будут почитать проповедника.

Итак, они со всем усердием приготовились к торжественному выходу святого и на следующий день, ещё до рассвета, отправились в путь в пышной процессии.

Шествие составляли тридцать знатных португальцев в богатейших одеждах, с золотыми цепями на шее и в драгоценных камнях. Слуги и рабы, также богато одетые, сопровождали своих господ. О. Франциск был облачён в сутану из черного камлота, поверх которой был надет стихарь, а на нем — стола из зеленого бархата, отделанная золотой парчой. Шлюпка и две барки, на которых они плыли от корабля к городу по впадавшей в море реке, были убраны по бортам прекраснейшими китайскими коврами и увешаны шелковыми знаменами всех цветов. В шлюпке и барках сидели трубачи, флейтисты, гобоисты и другие музыканты, и звуки их инструментов, сливаясь воедино, рождали приятнейшую гармонию.

Весть, что утром в Футео прибудет великий бонза из Европы, привлекла на берег множество знатных особ; а при звуках труб сбежалось столько простого люда, что португальцам было нелегко сойти на землю.

Квансяндоно³¹, капитан канафамов³² и один из главных придворных, ожидал их там по приказу короля. Он принял святого весьма учтиво и предложил ему паланкин, чтобы добраться до дворца; но Ксаверий отказался и двинулся в путь со всей своей свитой в строгом порядке. Эдуарду да Гама шёл впереди с непокрытой головой и с тростью в руке, как оруженосец и мажордом блаженного отца. За ним следовали пятеро других португальцев, знатнейшие из всех, что были на корабле; один нёс книгу в мешочке из белого атласа; другой — бенгальскую трость, отделанную золотом; третий — комнатные туфли из прекрасного черного бархата, какие носили лишь самые высокопоставленные особы; четвертый держал образ Богоматери, окутанный шарфом из фиолетового дамаста; а пятый — великолепный зонт-парасоль. Отец шествовал следом в том облачении, что я описал, с видом одновременно величественным и скромным. Остальные португальцы шли за ним; и, судя по их осанке, убранству и свите, их можно было принять скорее за кавалеров и вельмож, нежели за купцов.

Так они прошли по главным улицам города под звуки труб, флейт и гобоев, сопровождаемые бесчисленной толпой народа, не считая тех, кто заполнил окна, балконы и даже крыши.

Прибыв на площадь перед королевским дворцом, они увидели там шестьсот гвардейцев, одни — с копьями, другие — с дротиками, все — с прекрасными мечами и в богатых одеждах. Эти гвардейцы по знаку своего командира, по имени Финджейн-доно³³, стройными рядами двинулись навстречу святому, а затем разделились на два ряда, чтобы открыть ему проход посреди себя.

Едва войдя во дворец, португальцы, шествовавшие непосредственно перед о. Ксаверием, повернулись к нему и почтительно его приветствовали. Один предложил ему бенгальскую трость, а другой — бархатные туфли. Тот, кто нёс зонт, раскрыл его над головой святого мужа, а двое других, несшие книгу и образ, встали по бокам от него. Все это было проделано с таким изяществом и с таким почтением ко Ксаверию, что присутствовавшие вельможи были восхищены, и слышали, как они говорили, что о. Франциск — не тот, кем ложно представили его бонзы; он, без сомнения, человек, сошедший с небес, чтобы посрамить их зависть и сокрушить их гордыню.

Пройдя длинную галерею, они вошли в большой зал, полный людей, которые, судя по их одеждам из дамаста, расшитым золотом и украшенным прекрасными узорами, казались особами самого высокого ранга. Там юное дитя, которое вёл за руку почтенный старец, приблизившись к отцу, приветствовало его такими словами: «Да будет твоё прибытие в дом князя, моего господина, столь же приятно ему, сколь приятна небесная влага земледельцам в жестокую засуху. Входи, не страшась ничего, — продолжал он, — ибо я уверяю тебя, что люди добродетельные тебя любят, хотя злые и не могут видеть тебя без скорби, и лик их при виде твоём подобен ночи, тёмной и грозовой».

Ксаверий ответил сообразно возрасту того, кто обратился к нему с приветствием. Но дитя, вновь молвило так, что в речи его не было ничего детского: «Поистине, мужество твоё должно быть необычайно, раз ты пришёл с края земли в чужую страну, чтобы стяжать презрение под именем бедняка, и сколь же велика должна быть благодать твоего Бога, раз Он благоволит к твоей бедности, вопреки общему мнению мира. Наши бонзы весьма далеки от того, чтобы поступать так же, ведь они публично и под присягою уверяют, что бедняки не могут спастись, равно как и женщины».

«Да будет угодно бесконечной благодати Господней, — возразил Ксаверий, — просветить этих бедных слепцов лучами Своего небесного учения, дабы они признали своё заблуждение в этом и во всём остальном».

Дитя произнесло и другие речи, столь разумные и возвышенные, что муж Божий не усомнился в его вдохновении Святым Духом, Который, когда Ему угодно, исполняет мудростью детей и делает их языки красноречивыми прежде, чем их разум созреет.

Во время этих бесед, удививших всех, они перешли в другой зал, где находилось несколько вельмож, одетых весьма пышно и имевших весьма благородный вид. В тот миг, как отец вошел, все трижды глубоко поклонились, коснувшись лбом земли, в чем они весьма искусны; и это почтение, которое японцы называют *громэнэрэ*³⁴, должны оказывать лишь сын отцу и вассал господину. Затем двое отделились от толпы, чтобы от имени всех засвидетельствовать ему свою радость, и один из них молвил так:

«Да будет твоё прибытие, святой отец-бонза, столь же приятно нашему князю, как приятен смех малого дитяти его матери, что держит его в своих объятиях, а это непременно так и будет; ибо мы клянемся тебе волосами на головах наших, что всё, вплоть до этих стен, которые, кажется, трепещут от радости в твоём присутствии, побуждает нас оказать тебе добрый прием и радоваться твоему приходу, который, без сомнения, послужит к славе того Бога, о Котором ты говорил столь великие вещи в Ямагути».

Когда приветствие было завершено, молодые вельможи хотели последовать за отцом; но дитя, о котором мы только что говорили и которое Ксаверий держал за руку, знаком велело им остановиться. Они вошли на террасу, всю обсаженную апельсиновыми деревьями, а оттуда перешли в зал, куда более просторный, чем два предыдущих. Фа-сяран-доно³⁵, брат князя, был там с великолепной свитой. Оказав святому все почести, какие обыкновенно оказывают знатнейшим особам Японии, он сказал ему, что этот день — самый торжественный в году для двора Бунго, и князь, его господин, считает себя богаче и счастливее, принимая его в своем дворце, нежели если бы получил всё серебро тридцати двух сокровищниц Китая. «Впрочем, — прибавил княжич, — я желаю вам приумножения славы и исполнения замысла, который привел вас сюда с краёв земли».

Тогда дитя, ведшее о. Ксаверия, передало его в руки Фа-сяран-доно и немного отступило в сторону; они вошли в королевскую прихожую, где знатнейшие вельможи королевства ожидали святого.

Будучи принят ими весьма учтиво, он был наконец допущен на аудиенцию в покои, где золото сверкало со всех сторон. Князь, который стоял, сделал пять или шесть шагов, едва завидев отца, а затем трижды поклонился до земли, чему вся свита весьма изумилась.

Ксаверий, со своей стороны, простёрся ниц перед князем и хотел коснуться его стопы, по обычаю страны; но князь не позволил этого и сам поднял Ксаверия; затем, взяв его за руку, усадил рядом с собой на том же возвышении. Княжич, его брат, сидел ниже, а португальцы — напротив них, с самыми знатными особами двора. Князь сказал отцу всё, что только можно сказать учтливому, и, оставив гордость княжеского величия, от которой правители Японии никогда не отступают публично, обращался с ним запросто, как с близким другом.

Отец отвечал на милости князя словами, полными почтения и покорности; после чего, воспользовавшись случаем возвестить ему Иисуса Христа, он в немногих словах изъяснил главные правила христианской нравственности; но сделал это так убедительно, что в конце его речи государь воскликнул в порыве восхищения: «Ах! кто сможет когда-либо проникнуть в эту глубокую Божью тайну! почему Он попустил, чтобы мы жили в слепоте, а этот португальский бонза был столь просвещён? ибо, в конце концов, мы сами свидетели того, что слышали о нём; и всё, что он говорит, подкреплено доводами столь сильными, столь ясными и столь согласными с естественным разумением, что всякий, кто захочет их рассмотреть по правилам здравого смысла, найдёт, что истина в них повсюду, и одно положение не опровергает другого.

Не то у наших бонз: они не могут произнести речи, не противореча самим себе, и оттого, чем больше они говорят, тем больше запутываются; смущённые в своей науке, ещё более смущённые в изъяснении того, чему учат, отвергая сегодня как ложное то, что вчера одобряли как истинное, отрекаясь и отступая от своих слов ежечасно, так что самый просвещённый и тонкий ум не может ничего понять в их учении, и в деле спасения всегда остаётся в неуверенности, во что верить: явный знак того, что они следуют лишь своему капризу и не имеют в основе своей веры никакой прочной и непреложной истины».

Вот что сказал князь. И по пылкости его речи легко было судить, что он говорил от избытка сердца. Там находился бонза, весьма значительный в своей секте и весьма учёный, но крайне кичившийся своим знанием и самый гордый человек на свете. Этот бонза, по имени Фа-сён-доно³⁶, ревнуя о чести своего звания или, быть может, приняв на свой счёт то, что князь говорил в общем, несколько раз был искушаем его прервать. Он, однако, сдержался; но едва государь закончил говорить, как, потеряв всякое почтение и не соблюдая никакой меры: «Как осмеливаетесь вы, — сказал он ему, — судить о делах вероучения, не учившись в университете Фиандзимы³⁷, единственном, где изъясняются священные таинства богов? Если вы ничего не знаете, посоветуйтесь с учёными: вот я, готов вас наставить».

Дерзость бонзы возмутила всех, и лишь князь, казалось, не был взволнован; он с улыбкой велел ему продолжать, если ему есть что сказать. Фа-сён-доно, ещё паче возгордившись и осмелев от сдержанности князя, начал, возвысив голос, превозносить звание бонзы: нельзя, мол, сомневаться, что они весьма угодны Небесам, соблюдая закон и заставляя народ его соблюдать; они проводят долгие и холодные ночи в молитве за своих благодетелей; они воздерживаются от всех чувственных удовольствий; свежая рыба никогда не появляется на их столе; они заботятся о больных, наставляют детей, утешают скорбящих, примиряют врагов, умиротворяют мятежи и умиротворяют княжества; они, помимо прочего, выдают векселя на иную жизнь, и тем самым все мёртвые становятся богаты на небесах; наконец, бонзы — близкие друзья звёзд и доверенные лица небожительниц, имеют право беседовать с ними по ночам, низводить их с небес, держать в своих объятиях и ласкать, сколько им заблагорассудится.

Эти нелепости рассмешили всё собрание; отчего бонза, раздражённый, так вышел из себя, что государь знаком велел княжичу, своему брату, заставить его замолчать. Затем он велел убрать его сиденье и сам приказал ему удалиться, сказав ему сперва в насмешку, что его гнев — убедительное доказательство святости бонз; а затем серьёзно, что человек его нрава имеет больше общего с адом, нежели с небом.

При этих словах бонза, вне себя от ярости, воскликнул яростно: «Придёт время, когда ни один человек в мире не будет достоин служить мне, и все монархи на земле будут слишком ничтожны, чтобы коснуться края моей ризы»; он хотел сказать, когда он преобразится в одного из их богов, и что этот бог и он будут вместе одним божеством, — награда, которую бонзы обещают себе после смерти.

Хотя князь не мог слышать этих безумств без лёгкой усмешки, он испытал одновременно и негодование, и жалость, вплоть до того, что захотел образумить бонзу, опровергнув столь абсурдные положения; но Ксаверий попросил отложить это на другое время, когда гнев бонзы утихнет.

Король сказал тогда лишь Фа-сён-доно, чтобы тот шёл каяться, что говорил с такой гордыней и сравнивал себя с Богом. Фа-сён-доно ничего не ответил; но слышали, как он ворчал и скрежетал зубами, удаляясь. Будучи у дверей покоев и готовый выйти «Да низвергнут боги, — сказал он громко, — с небес огонь, который сожжёт его, и обратят в пепел всех князей, которые осмеливаются говорить, как ты».

Государь и святой продолжали беседу о различных вопросах вероучения до самого обеденного часа. Когда подали кушанья, князь пригласил Ксаверия разделить с ним трапезу. Ксаверий всячески отнекивался, приводя все мыслимые доводы; но государь, желавший этого непременно, сказал: «Знаю я, друг мой и отец мой, что ты не нуждаешься в моих яствах, но будь ты японец, как мы, ты бы знал, что князь не может оказать людям, которых он любит, большего знака дружбы, чем пригласив их разделить с ним трапезу; потому, поскольку я люблю тебя и хочу тебе это засвидетельствовать, ты должен отобедать со мной, и я полагаю, что тем самым получишь больше чести, нежели ты».

Тогда Ксаверий, глубоко поклонившись, поцеловал меч короля, что в Японии является знаком почтения. Затем он сказал ему: «Я молю от всего сердца Владыку небесного воздать за сие множество милостей, даровав Вашему Величеству свет веры и христианские добродетели, дабы Вы служили Богу верно в течение своей жизни и наслаждались Им вечно после своей смерти». Князь обнял его и, со своей стороны, помолился Богу, чтобы молитвы святого были услышаны, при условии, однако, что они всегда будут вместе на небесах и никогда не разлучатся, дабы иметь возможность долго и основательно беседовать о божественном.

Наконец, они сели за стол. Пока они ели, португальцы и все вельможи двора стояли на коленях вместе с горожанами, среди которых было несколько бонз, кипевших от ярости в сердце своём, но пример Фа-сён-доно мешал им дать волю гневу.

Почести, оказанные Ксаверию князем Бунго, снискали ему такое уважение и такое доверие в народе, что, едва он вернулся в жилище португальцев, как отовсюду стали приходить, чтобы послушать его речи о Боге. Его публичные проповеди и частные беседы не остались без плода: бесчисленное множество людей сразу же отсеклось от идолов и исповедало Иисуса Христа. Святой проводил целые дни, крестя идолопоклонников или наставляя новообращённых; так что португальцы могли видеться с ним для своего духовного утешения лишь в определенные часы ночи, когда у него появлялось немного досуга.

Поскольку европейцы нежно любили святого и опасались, как бы непрерывный труд не подорвал его сил, они просили его беречь себя и принимать по крайней мере то, чего требует природа, чтобы не пасть окончательно; но он отвечал им, что если

они его действительно любят, то не должны думать о нём; они должны считать его мёртвым к телесным утешениям, а его пища, покой и жизнь состоят в том, чтобы освободить от бесовского самоуправства души, ради которых Бог призвал его на край земли.

Среди обращений, случившихся в Футео, одним из самых примечательных было обращение знаменитого бонзы из Канафамы по имени Сакаи-Феран³⁸. Этот бонза, который был весьма учен и служил опорой своей секты, видя, что другие не осмеливаются спорить с Ксаверием о вероучении, вознамерился вступить с ним в публичный диспут. Диспут состоялся на главной площади города, в присутствии многочисленного народа. Едва Ксаверий изложил христианское учение, как бонза осознал своё ослепление.

Неверный, однако, не преминул бороться с истиной, которую уже прозревал; но, будучи наконец убеждён ответами своего противника и тронут Богом изнутри, он преклонил колени и, воздев руки к небу, произнес громко, со слезами на глазах: «Иисусе Христе, единый и истинный Сын Божий, я предаюсь Тебе, я исповедую сердцем и устами, что Ты — Бог вечный и всемогущий; и я прошу всех, кто меня слушает, простить меня за то, что я столько раз преподавал им как истину то, что ныне сам признаю и объявляю лишь ложью и баснями».

Столь удивительный поступок взволновал всех присутствующих, и лишь от о. Ксаверия зависело, крестить ли в тот день пятьсот человек, которые, убеждённые примером бонзы из Канафамы, настоятельно просили крещения. Он, быть может, сделал бы это в Индиях, где не было учёных мужей, которые бы оспаривали таинства веры и искушали верность новых христиан коварными рассуждениями; но он не считал уместным делать это в месте, где бонзы, не в силах помешать язычникам обратиться, старались вернуть их после тысячами ложных ухищрений, и ему показалось необходимым, прежде чем крестить взрослых, хорошо укрепить их против хитросплетений этих идолопоклоннических софистов.

Святой также мало-помалу готовил язычников к этому первому таинству через исправление их нравов; и он предпочел не спешить с крещением князя Бунго, ибо считал, что его обращение всегда будет достаточно скорым, но хотел позаботиться, чтобы оно оказалось искренним и постоянным.

Таким образом, главная забота о. Франциска в отношении государя состояла в том, чтобы внушить ему отвращение к постыдным порокам, которым научили его бонзы и в которых он жил без всяких угрызений совести, полагаясь на слово своих наставников.

Поскольку князь охотно слушал человека Божия и имел с ним долгие беседы, он вскоре начал менять жизнь и подавать знаки перемены; сперва он удалил из покоев и дворца прекрасного юношу, который был его любимцем.

Он щедро одарял бедных, к которым прежде не имел даже сострадания, полагая, что грешно их жалеть и справедливо быть жестоким к ним, согласно тому, что ему опять-таки говорили бонзы, которые утверждали, что бедность делает людей не только презренными и смешными, но и преступными и достойными самых суровых наказаний.

Согласно принципам тех же наставников беременные женщины имели право вызывать у себя выкидыш определенными снадобьями и даже убивать детей, которые рождались на свет вопреки их воле, так что каждый день совершалось бесчисленное множество таких убийств, и не было ничего обычного в королевстве Бунго, чем матери-детоубийцы; одни это делали, чтобы избавить себя от труда кормить и воспитывать своих детей; другие — чтобы избавить их самих от бедствий нищеты; многие — чтобы сохранить репутацию целомудренных, будучи при этом совершенно распутными.

Государь, вняв убеждениям отца, под страхом смерти запретил эти жестокости. Он издал и другие указы против различных языческих обрядов, оскорблявших благопристойность, и более не позволял бонзам входить в свой дворец. В остальном же он был восхищён добродетелью святого мужа и часто признавался придворным, что, едва завидев его, чувствовал душевное смятение до самой глубины, ибо лик служителя Божия казался ему ясным зеркалом, в котором он видел все мерзости своей жизни.

Пока Ксаверий имел такие успехи в столице Бунго, Косме де Торрес и Хуан Фернандес страдали за веру в Ямагути. После отъезда святого всё собрание бонз ополчилось на них и вознамерилось посрамить их в диспутах, льстя себе надеждой, что спутники Ксаверия не столь учёны, как он, и полагая, к тому же, что малейший перевес над ними восстановит положение язычества.

Но вышло совсем не так, как думали бонзы. Торрес, которому Фернандес служил толмачом, отвечал на их вопросы с такой силой, что они остались в замешательстве. Не в силах одолеть его доводами, они попытались опорочить его клеветой, распуслав слух, будто спутники великого бонзы из Португалии по ночам режут малых детей, пьют их кровь и едят их плоть; и якобы бес объявил устами одного идола, будто эти два европейца — его ученики, и это он научает одного из них столь тонким ответам на публичных диспутах.

Кроме того, некоторые из бонз клялись, что видели собственными глазами беса, который метал огненные стрелы, подобные молниям, в дворец короля, в наказание, по их словам, за то, что в городе приняли проповедников нового закона.

Но, видя, что все эти выдумки не приносят им успеха и народ смеется над ними, вместо того чтобы верить, они, чтобы отомстить и одновременно подтвердить свое видение, подговорили одного недовольного двором вельможу королевства, великого воина, взяться за оружие. Этот вельможа, побуждаемый обидой, корыстью и верой, менее чем за три недели собрал войско с помощью бонз и обрушился на Ямагути.

Король, который не был в состоянии ни дать битву, ни выдержать долгой осады и всего опасался от подданных, коими был весьма ненавидим, пал духом до такой степени, что не нашёл для себя иного выхода, кроме смерти; ибо, опасаясь позора попасть в руки мятежников, в варварском отчаянии он убил сына и сам распорол себе живот кинжалом, приказав предварительно одному из своих верных слуг сжечь их тела тотчас после их смерти и не оставлять даже их пепла во власти врага.

Все в городе было предано огню и мечу. Во время этого беспорядка воины, подстрекаемые бонзами, искали Торреса и Фернандеса, чтобы их убить; и они оба непременно погибли бы, если бы жена Нэатон-доно, о которой мы говорили и

которая, будучи язычницей, так любила Ксаверия, не укрыла их в своем дворце, пока общественное спокойствие не было восстановлено. Поскольку такие народные волнения подобны бурям, которые не длятся долго и проходят тем быстрее, чем яростнее были, город через несколько дней вернулся к прежнему состоянию.

Старейшины народа, собравшись для избрания князя, единодушно избрали брата государя Бунго, молодого княжича, весьма доблестного и рождённого для великих дел. Тотчас же было отправлено торжественное посольство к этому княжичу, чтобы поднести ему корону Ямагути.

Двор Бунго праздновал избрание нового князя с поразительным великолепием, когда Ксаверий ещё находился в Футео. Святой и сам радовался этому тем более, что воображал, что столь страшное смятение, вызванное бонзами для уничтожения христианства, послужит к его вящему утверждению. Он не ошибся в догадках и с тех пор обрёл уверенность, что государственный переворот послужит ко благу веры; ибо стоило ему попросить государя Бунго походатайствовать о христианах Ямагути перед братом, как тот исполнил просьбу, и новый правитель дал княжье слово оказывать верным не меньшее покровительство, чем сам государь Бунго.

Прошло более сорока дней, как Ксаверий находился в Футео, когда португальские купцы завершили все приготовления к плаванию в Китай. Когда всё было готово к посадке на корабль, святой пошёл проститься с князем вместе с ними. Обратившись к купцам, князь признался, что завидует их счастью быть спутниками о. Франциска; по его словам, расставаясь со святым, он будто бы лишается собственного отца, и одна лишь мысль, что эта разлука может оказаться вечной, причиняет ему острую боль. Ксаверий поцеловал ему руку, сделав глубокий поклон, и сказал ему, что вернется повидать Его Величество как можно скорее, всегда будет носить его в своем сердце и в благодарность за милости, которыми он его почтил, будет непрестанно молить Бога осыпать его небесными благословениями.

Когда князь отозвал его в сторону для тайной беседы, Ксаверий воспользовался этим мгновением и дал ему важнейшие наставления о спасении души. Он советовал ему прежде всего ежедневно вспоминать, как быстро проходит то, что кажется в нынешней жизни великим, да и сама жизнь так коротка, что едва начав жить, уже надобно умирать; и если не умереть христианином, не следует ожидать ничего, кроме несчастной вечности; что, напротив, всякий, кто, будучи истинно верным, пребудет в благодати своего крещения, стяжает право на вечное наследие Сына Божия как Его возлюбленное дитя.

Он также просил его почаще размышлять, что случилось со столькими императорами и князьями Японии; какая польза им в том, что они были на престоле и в утехах несколько лет, если теперь предстоит гореть вечно в глубинах ада; какое безумие — губить душу навеки, чтобы доставить телу скоропреходящую утеху, и нет ни княжества, ни империи, даже если бы то была монархия всего мира, утрату которой не следовало бы счесть благом, если теряют их для обретения неба и стяжания венца бессмертного. Эти истины, столь несомненные, были неведомы его предкам и даже всем японцам по тайным судам Божиим и в наказание за их грехи; что же до него, пусть он помыслит об отчёте, который предстоит дать о самом себе; сколь более виновен он окажется пред Богом, если останется в заблуждениях и пороках даже после того, как Божественный Промысел привёл с края света до самого его дворца слугителя Евангелия, дабы указать ему путь ко спасению.

«Да не попустит того Господь, — сказал Ксаверий, — и да будет Ему угодно услышать молитвы, которые я буду возносить Ему денно и ночью о вашем обращении; я желаю сего с чрезвычайным пылом и уверяю вас, что, в каком бы месте я ни был, самая приятная весть, которую мне могут сообщить, — это то, что государь Бунго — христианин и живет согласно правилам христианским».

Речь отца так растрогала князя, что слёзы трижды навернулись ему на глаза. Эти слёзы, однако, не принесли тогда никакого плода, настолько государь, уже отрёкшийся от нечистых мерзостей, что внушают ужас самой природе, всё ещё оставался привязан к другим плотским утехам; и лишь несколько лет спустя, размышляя над увещеваниями святого мужа, он совершенно исправил свои нравы и принял, наконец, крещение.

Ксаверий, простившись с князем, отправился в порт Фигэн с купцами, которые должны были отплыть через несколько дней. Отъезд святого радовал бонз; но слава, с которой он уезжал, весьма их досаждала: им казалось, что все почести, которые он получил, обращаются в их позор, и после такого оскорбления они навеки останутся в поругании, если не отомстят за него как можно скорее и памятным образом. Собравшись, чтобы обсудить столь важное дело, они заключили, что лучшее средство — это поднять народ в Футео, как было сделано в Ямагути, отдать на разграбление товары португальцев, поджечь их корабль и предать их всех мечу; затем, если представится благоприятный случай, напасть на самого князя и истребить весь княжеский дом.

Поскольку Ксаверий был чтим в городе, причём даже среди самых порочных идолопоклонников, бонзы решили, что ничего не добьются, если не уничтожат доброе мнение и высокое представление, которое о нём сложилось. Посему они принялись распространять не только то, что писали о нём бонзы из Ямагути, но и новенькое, что выдумали сами; мол, это самый злой человек на земле, враг и живых, и мёртвых, который по ночам выкапывает трупы для своих заклинаний, и у него во рту сидит бес, которым он очаровывает мир.

Они добавляли, что он наложил чары на князя, это и есть причина его упрямства; но если государь не образумится, то речь пойдёт не менее чем о его короне и его жизни; Амида и Сяка, столь могущественные и грозные, поклялись сделать из него и его подданных устрашающий пример, и если народ мудр, он заблаговременно обезопасит себя от гнева Небес, отомстив за честь богов ложному бонзе и корсарам, которые сделали его своим кумиром.

Народ был слишком убежден в святости о. Ксаверия, чтобы верить вещам столь неправдоподобным, и всё, что могли сказать бонзы, послужило лишь к тому, чтобы их самих исполнить еще большей ненависти. Итак, отчаявшись настроить против него чернь, они были вынуждены избрать другой путь, чтобы погубить его по крайней мере в мнении князя.

В двенадцати лигах от города находился знаменитый монастырь бонз, чей глава, или настоятель, звался Фу-каран-доно³⁹: это был человек, искушённый во всех японских науках, который тридцать лет преподавал таинства языческой религии в самой знаменитой академии королевства; но, сколь бы учён он ни был, его авторитет значительно превосходил его учение, его слушали как оракула Японии, и ему слепо верили на слово.

Бонзы из Футео вообразили, что если они смогут заставить его приехать в город и сведут с Ксаверием в присутствии всего двора, их честь будет восстановлена, столь несомненным виделось им поражение португальского бонзы. Они написали Фу-каран-доно со всей возможной убедительностью и сообщили ему, что, если он возьмет на себя труд совершить это небольшое путешествие, чтобы отомстить за полученное ими оскорбление, они с триумфом отнесут его на своих плечах в его монастырь.

Этот бонза, в котором тщеславия было ещё больше, чем знания, поспешно приехал в сопровождении шести весьма ученых бонз, его подчинённых и учеников. Он явился во дворец как раз в тот момент, когда Ксаверий и португальские купцы имели аудиенцию у короля, к которому пришли проститься в последний раз, чтобы отплыть на следующий день. Прежде чем князь их отпустил, ему доложили, что Фу-каран-доно просит приветствовать Его Величество в присутствии португальского бонзы. При имени Фу-каран-доно король выказал признаки смущения и некоторое время молчал, подозревая, что бонза пришёл вызвать на диспут о Франциска, и ища в уме, как он сам признался позже, способ избежать этой неприятности; ибо, какое бы представление он ни имел о способностях святого мужа, он не считал его достаточно сильным для столь грозного противника и из нежного расположения, которое к нему питал, не хотел подвергать его публичному посрамлению.

Ксаверий, заметив смущение короля и угадав его причину, настоятельно умолял Его Величество позволить бонзе войти и сказать всё, что он пожелает. «Ибо, что до меня, — прибавил Ксаверий, — не извольте, Государь, беспокоиться. Закон, который я проповедую, — это не наука земных академий и не изобретение человеческого ума; это учение всецело небесное, и один лишь Бог — его наставник. Все бонзы Японии и все ученые мира могут против него не более, чем тени ночные против света солнца».

Государь, уступив просьбе святого, позволил бонзе войти. Фу-каран-доно, совершив перед князем три обычных поклона, сел рядом с Ксаверием и, пристально взглянув на него, сказал с самодовольным видом: «Не знаю, знаешь ли ты меня, или, лучше сказать, узнаешь ли».

«Не припомню, чтобы я вас когда-либо видел», — ответил Ксаверий. Тогда бонза, разразившись смехом и повернувшись к своим спутникам, сказал им: «Ясно вижу, что мне не составит труда одолеть человека, который имел со мной дело более ста раз и делает вид, будто никогда меня не видел». Затем, взглянув на Ксаверия с презрительной усмешкой, он продолжил: «Не осталось ли у тебя ничего из товаров, что ты продал мне в порту Френажомы?»⁴⁰

«Поистине, — возразил Ксаверий с лицом неизменно безмятежным и скромным, — я в жизни своей не был купцом и никогда не видал Френажомы». «О, какая забывчивость и какая глупость! — подхватил бонза, изумляясь и продолжая хохотать. — Как! — сказал он. — Неужели ты мог это забыть?»

«Напомните же мне, — кротко отвечивал отец, — вы, у кого и ума, и памяти больше, чем у меня».

«Охотно, — сказал бонза, гордый похвалой, которую ему сказал Ксаверий. — Сегодня ровно тысяча пятьсот лет, как ты и я, будучи купцами, торговали в Френажоме, и я купил у тебя сто штук шёлка по очень хорошей цене; теперь-то ты вспоминаешь?»

Святой, поняв, к чему клонит бонза, учтиво спросил, сколько ему лет. «Мне пятьдесят два года», — сказал Фу-каран-доно. «Как же это возможно, — возразил Ксаверий, — чтобы вы были купцом пятнадцать веков назад, если вы живёте на свете всего полвека? И как мы могли торговать в то время, вы и я, во Френажоме, если большинство из вас, бонз, учит, что тысячу пятьсот лет назад Япония была лишь пустыней?»

«Слушай меня, — сказал бонза, — и ты услышишь оракулов и согласишься, что мы знаем о прошлом больше, чем вы о настоящем. Знай же, что мир никогда не имел начала, и что люди, собственно говоря, не умирают; душа лишь освобождается от тела, в котором была заключена; и, пока это тело тлеет в земле, она ищет другое, свежее и сильное, в котором мы возрождаемся то в поле [мужском,] более благородном, то в поле [женском,] несовершенно, в зависимости от различных созвездий небесных и различных аспектов луны. Эти перемены в рождении заставляют меняться и наши судьбы. И вот награда тех, кто жил свято, — иметь ясную память обо всех жизнях, которые они прожили в минувшие века, и представлять себе самих себя целиком, какими они были от вечности, в образе князя, купца, учёного, воина и под многими другими личинами. Напротив, всякий, кто, подобно тебе, так мало знает о своих собственных делах, что не ведаёт, кем он был и что делал в течение бесконечного ряда веков, показывает, что его преступления сделали его достойным смерти столько раз, сколько он терял память о жизнях, которые менял».

Португалец, от которого мы знаем всё, что я только что рассказал, и который присутствовал на диспуте (как он сам повествует в рассказе о своих путешествиях), не сообщает об ответах, которые дал о. Ксаверий; он ограничивается словами: «У меня не достанет ни учёности, ни самонадеянности, чтобы излагать тонкие и веские доводы, которыми святой сокрушил безумные измышления бонзы».

Известно лишь от этого португальца, что Фу-каран-доно умолк, не найдя, что возразить по существу, и, чтобы хоть как-то спасти свою честь, сменил тему, но и тут потерпел полное поражение; ибо, забыв все приличия, которые природа предписывает людям и которым обычай мира учит людей порядочных, он выдвинул гнусные положения, о которых нельзя даже упомянуть, не оскорбив стыдливости, и отстаивал их с великой наглостью против доводов Отца, которые король и вельможи двора сочли весьма основательными.

Поскольку бонза разразился криками и оскорблениями, которые более походили на ссору, нежели на диспут, один из присутствовавших вельмож сказал ему со смехом: «Коли вам так хочется сражаться, отчего бы не отправиться в княжество Ямагути, где пылает война? Там бы вы нашли, с кем помериться силой; к чему же приходить сюда, где всё пребывает в мире?»

«Если вы пришли для диспута, — добавил другой, — почему бы вам не вести его кротко и учтиво, по примеру европейского бонзы?»

Эти насмешки и упрёки не утомили Фу-каран-доно. Он отвечал вельможам с такой дерзостью и такой гордостью, что князь, утомлённый его наглостью, велел изгнать его из зала, поклявшись, что, не будь он бонзой, это стоило бы ему жизни.

Оскорбление, нанесённое Фу-каран-доно, было воспринято бонзами города как оскорбление, нанесённое богам: они объявили, что религия осквернена и князь со

всем своим двором и всем народом навлек на себя ненависть Небес. Посему они закрыли храмы и не желали более ни приносить жертвы, ни даже принимать милостыню. Чернь, которую прежде не удалось взволновать, начала бунтовать, и она взялась бы за оружие, если бы князь своей мудростью не успокоил немного умы.

Между тем португальцы, не чувствуя себя в полной безопасности от ярости суеверного народа и имея основания опасаться, что за оскорбление, полученное Фу-каран-доно, отыграются на них, спешно вернулись на свой корабль с намерением отплыть при первом же ветре. Покидая город, они просили о. Ксаверия последовать за ними; но он не мог решиться уйти как беглец, оставив христиан, погубить которых поклялись бонзы.

Сколь ни велико было нетерпение купцов, стремившихся покинуть небезопасную страну, страх за участь о. Франциска удержал их ещё на несколько дней. В это время они направили к нему капитана судна, чтобы уговорить присоединиться к ним. Эдуарду да Гама повсюду искал отца и обнаружил его наконец в бедной хижине с восемью христианами, которые, наиболее открыто выступив против бонз, имели все основания их опасаться и были рады умереть, лишь бы умереть в объятиях человека Божия.

Капитан убеждал Ксаверия самыми сильными доводами, какие только мог придумать, и в особенности указывал на несчастье, которое ему угрожало: будучи во власти бонз, он неминуемо погибнет, и будет поздно бежать, когда разразится буря.

Отец, отнюдь не собиравшийся уступать, сурово упрекнул капитана и других португальцев за то, что они хотели похитить у него венец мученичества, который он пришел искать издалека. «Брат мой, — говорил он Гаме с пылом, в котором угадывались святые желания его души, — как счастлив я был бы, если бы обрёл то, что вы называете несчастьем, а я считаю высшим блаженством! Но я не заслуживаю, чтобы Бог оказал мне столь великую милость; и я не хочу становиться ещё более недостойным её, что случилось бы, сядь я на корабль с вами, ибо в какой соблазн я введу своим бегством новообращённых? Не будет ли у них повода нарушить обеты, данные Богу, видя, как я пренебрегаю долгом своего служения? Как! Если вы за плату, полученную от своих пассажиров, считаете себя обязанными защищать их от грозящей опасности и потому собрали их всех на свой корабль, то не тем ли паче я должен беречь мое стадо и умереть здесь с ним за Бога бесконечно благого, искупившего меня ценою Своей жизни на кресте? Не должен ли я запечатлеть моею кровью и возвестить моею смертью, что все люди призваны жертвовать кровью и жизнью ради сего Бога милосердия?»

Столь великодушный ответ так тронул капитана, что тот перестал настаивать и решил не покидать его. Итак, приняв решение, не беспокоясь ни о том, что станет с кораблем, ни о том, что будет с ним самим, и считая все потери ничем в обществе Ксаверия, он возвращается к своим купцам и объявляет им о решении отца и о своём собственном, добавив, что если они не хотят оставаться, он оставляет им свой корабль; у них есть матросы и солдаты, провизия и военные припасы, так что пусть идут, куда заблагорассудится, и делают всё, что захотят; что же до него, то он полон решимости жить и умереть со святым мужем.

Не нашлось ни одного, кто не разделил бы чувств Гамы; и все единодушно ответили, что хотят, подобно ему, разделить участь апостола. В тот же миг корабль, который отдалили из опасения нападения, вновь подвели к порту Фигэн; на нём оставили

солдат для охраны, а капитан отправился в Футео с купцами. Их возвращение утешило неофитов и удивило народ, который не мог вдоволь надивиться тому, что человек столь бедный так почитаем своими, что они предпочли рисковать богатством и жизнью, нежели потерять его из виду.

Но это возвращение весьма смутило бонз, которым бегство Гамы придавало мужества и позволяло строить козни против христиан. Видя, что их замыслы могут и не увенчаться успехом, и что, к тому же, их снова вызывают на вероучительный диспут, они решили немного приспособиться ко времени, сочтя за лучшее для себя возобновить диспут между Фу-каран-доно и Ксаверием перед двором.

Они сами испросили на то разрешения у князя, который охотно его дал, но на определенных условиях, которые должны были соблюдаться с обеих сторон. Условия эти состояли в следующем: устранить из диспута крики, гнев и всякие колкие слова; доводы и возражения излагать в точных терминах и в форме справедливого рассуждения, по усмотрению арбитров, которые будут руководить диспутом; исход и победу определять по одобрению слушателей; при сомнениях по какому-либо пункту проводить голосование, и правоту признавать за той стороной, за которую отдадут больше голосов; наконец, всякий, кто захочет исповедовать христианство, может это делать без всяких препятствий.

Эти условия были слишком разумны, чтобы бонзы приняли их. Они обратились с жалобой к государю, утверждая, что негоже мирянам вершить суд в вопросах веры, но, убедившись в твердости князя, покорились его желанию. На следующее утро назначили диспут, и судьями были избраны некоторые из мудрейших вельмож двора.

Фу-каран-доно явился в назначенный час перед дворцом в сопровождении трёх тысяч бонз. Князь, опасавшийся за свою особу или, по крайней мере, страшившийся беспорядков, впустил с ним лишь четырёх бонз, а остальным, в утешение, велел передать, что немного чести идти многим против одного.

Ксаверий, которого князь предупредил, пришёл в то же время в сопровождении знатнейших португальцев, весьма пышно одетых, которые служили ему как бы офицерами и оказывали всевозможные почести, следуя за ним с непокрытой головой и говоря с ним лишь на коленях. Бонзы не могли видеть без досады пышный выход своего противника; и что удвоило их огорчение, так это то, что они слышали, как вельможи говорили друг другу: «Вот тот бедняк, которого нам так смехотворно живописали. Дай Бог, чтобы наши дети походили на него, даже если бонзы скажут о них все то же, что говорили о нём! Мы видим истину своими глазами; и ложь, которую они выдумали, хорошо показывает их недобросовестность». Князь с удовольствием выслушал эту речь и сказал вельможам, что бонзы уверяли его, будто сердце у него заболит, как только явится о. Франциск. Он признался, что почти поверил им; но по собственному опыту убедился, что сан служителей и толкователей богов не мешает лгать.

Фу-каран-доно, слышавший все с того места, где находился, счёл это дурным предзнаменованием и, повернувшись к своим четырём спутникам, сказал им, что боится, как бы этот день не стал для них ещё менее славным, чем предыдущий.

Князь принял о. Ксаверия с большой учтивостью и, поговорив с ним некоторое время наедине весьма любезно, пожелал, чтобы именно он начал диспут. Едва

каждый занял свое место, как Святой по приказу князя спросил у бонзы, почему бы в Японии не принять христианское вероучение. Бонза, который значительно поумерил гордыню, скромно ответил: «Потому что это новый закон, во всем противный древним законам империи, и который, кажется, создан лишь для того, чтобы сделать презренными верных слугителей богов; потому что он уничтожает привилегии, которые *кубо-самы* минувших веков дали бонзам, и учит, что вне общества христиан нет спасения; но прежде всего, — добавил он, немного распалаясь, — потому что он осмеливается говорить, что святые Амида, Сяка, Жизон⁴¹ и Канон⁴² находятся в глубокой дымной пещере, осуждённые на вечные муки и отданные в добычу дракону обители ночи».

Бонзы умолкли после этих слов, и Ксаверий, которому государь подал знак отвечать, сказал для начала, что, поскольку Фу-каран-доно смешал воедино множество вещей, ему кажется уместным, для лучшего прояснения трудностей, сосредоточиться на одном положении и не оставлять его, пока не выяснится, истинно оно или ложно. Все сочли это разумным, и сам Фу-каран-доно попросил Ксаверия объяснить, почему он и его спутники дурно отзываются о богах их страны.

Святой возразил, что не именует идолов богами, ибо они недостойны этого имени, и что столь великое имя приличествует лишь верховному Господу, сотворившему небо и землю. Затем он начал говорить о Божественном Существе и описал Его свойства, известные нам через естественный свет разума: независимость, вечность, всемогущество, безграничную мудрость, благость и справедливость. Он дал понять, что эти бесконечные совершенства не могут быть постигнуты никаким сотворённым разумом, сколь бы проницательным он ни был; и, таким образом наполнив своих слушателей высочайшим представлением о божестве, он показал, что идолы Японии, которые, по словам самих японцев, были людьми, подвластными общим законам природы и времени, были кем угодно, но не богами; что их следовало почитать, самое большее, как философов, законодателей и князей, но не как бессмертных божеств, ибо их рождение и смерть были отмечены в общественных памятниках; что если взглянуть на их деяния, то тем более не следовало называть их всемогущими; что, не сумев помешать тому, чтобы после их смерти их великолепные дворцы и гробницы превратились в руины, они не проявляют признаков того, что построили вселенную или поддерживают её в том состоянии, в каком мы её видим; наконец, что честь сия принадлежит лишь истинному Богу, которому поклоняются христиане, и, видя красоту неба, плодородие земли, порядок времён года, можно судить, что только Он, будучи Духом вечным, всемогущим, бесконечно мудрым, мог быть творцом и абсолютным владыкой мира.

Ксаверий ещё не умолк, как всё собрание воскликнуло, что он прав. Тотчас судьи объявили, как нечто несомненное, что пагоды — не боги. Фу-каран-доно хотел возразить, но со всех сторон раздались голоса, подтверждавшие сказанное, и князь, согласно условленным статьям, повелел бонзе молчать.

Так бонза, против своей воли, перешёл к другому вопросу и спросил у о. Франциска, почему он не одобряет векселя, которые они выписывали в пользу усопших, ведь богатые находили в этом свою выгоду, и им возвращали их деньги с процентами на небесах. Отец ответил, что право на рай основано не на этих фальшивых бумагах, а на добрых делах, совершаемых с верою, которую он проповедовал; Тот, кто населяет её в душах, есть Иисус Христос, истинный Сын Божий, распятый за спасение грешников, и те, кто сохраняет эту веру живой до самой смерти, непременно

обретают вечное блаженство; столь святой закон не корыстен и не исключает из царства небесного ни бедных, ни женщин; бедность, переносимая с терпением, даже есть весьма верное средство для обретения небес, а слабейший пол имеет в этом отношении большие преимущества перед другим, благодаря стыдливости и благочестию, которые ему как бы естественны.

Все, кроме Фу-каран-доно и его спутников, рукоплескали речи святого; бонзы же, не имея что ответить и не имея вдоволь смирения, чтобы отречься от своих слов, хранили угрюмое молчание. Было решено, что мнение Ксаверия наиболее разумно, и диспут отложили на завтра.

Эти неудачи привели бы бонзу в полное отчаяние, если бы его не поддерживала самонадеянность. Он вернулся на следующий день; но, словно не доверяя своим силам, сколь бы ни был тщеславен, он привёл с собой шесть других весьма учёных бонз, избранных из всех сект, не для того, чтобы быть простыми свидетелями поединка, а чтобы поддерживать друг друга и спорить каждому в свою очередь.

Сначала они задавали весьма тонкие вопросы о таинствах веры. О. Ксаверий был удивлён; и, поскольку эти вопросы, которые португальский автор не приводит, в частности, были, по-видимому, выше обычных языческих познаний, он почти уверовал, что их внушил им бес; по крайней мере, он признался, что для их разрешения ему нужна чрезвычайная помощь свыше, и он умолял португальцев поддержать его своими молитвами во время диспута. Был ли он осенён свыше, или же трудности не превосходили его знаний настолько, насколько он думал, но он ответил так, что удовлетворил всё собрание.

После того, как было решено, что эти первые вопросы полностью разрешены, один из бонз, весьма страстный к богатствам и не представлявший себе ничего лучшего в мире, чем золото и серебро, взялся доказывать, что Бог — великий враг бедных. Ибо, говорил бонза, раз Он отказывает им в благах, которые щедро дарует богатым, и, заставляя их рождаться в низкой доле, подвергает всем несчастьям и всем поношениям жизни, не является ли это знаком, что Он не имеет к ним ни уважения, ни любви?

Ксаверий опроверг довод бонзы как принципами морали, которые рассматривают богатства сами по себе как ложные блага, так и принципами Евангелия, которые, в отношении спасения, считают их истинным злом. Он рассуждал об этом так справедливо и так ясно, что его противники, вопреки себе, покорились истине, по свидетельству португальца, который при том присутствовал. Затем они выдвинули столь экстравагантные и безумные положения, что отцу не составило труда на них ответить, настолько они сами себя опровергали. Забавно, что семеро бонз, не сумев договориться по некоторым пунктам учения, начали спорить друг с другом с большой горячностью и гневом, дойдя до оскорблений; не избежать бы и рукоприкладства, если бы князь не остановил их, пригрозив им и заговорив тоном повелителя, который их устроил.

Так закончился диспут в тот день, и ничто так не укрепило умы в расположении к о. Ксаверию, как вид его противников, разделившихся между собой.

На следующий день государь, по своему обыкновению, выехал на прогулку по городу с весьма пышной свитой. Проезжая мимо дома, где остановились португальцы, он послал сказать святому мужу, что просит его прийти поохотиться в

его садах, и прийти хорошо вооружённым, дабы одним ударом убить по меньшей мере двух коршунов из тех семерых, что накануне хотели вырвать ему глаза. Ксаверий, прекрасно поняв, что имел в виду государь, пришёл приветствовать его и воздать благодарность. Государь взял человека Божия за руку и под рукоплескания народа проводил его до своего дворца.

Семеро бонз, изображённые под видом семи коршунов, уже были в зале; вид у них был отнюдь не побеждённый, и они держались тем более гордо, что, как свойственно людям тщеславным и надменным, не имели на то никаких оснований.

Первым их шагом к возобновлению диспута стала подача письменной жалобы, в которой они оспаривали решение, вынесенное судьями, и излагали новые возражения по вопросам, обсуждавшимся в предыдущие дни.

Государь сам ответил им, что решённое не нуждается в прояснении и следует придерживаться условий, принятых обеими сторонами. Он добавил, что о. Франциск вскоре должен отплыть, и несправедливо тратить время на бесполезные повторы; впрочем, если у них есть новые вопросы, пусть предлагают их, и их выслушают; но если им нечего сказать нового, пусть удалятся.

Столь решительный ответ заставил их отказаться от своей жалобы и перейти к другим материям. Фу-каран-доно, напустив на себя вид благочестивый и скромный, спросил, почему христиане в публичных молитвах, обращаясь к блаженным Рая, дают им неподобающие имена; он дал понять, что слово *Sancte* в японском языке — крайне непристойное⁴³. Отец объявил, что это латинское слово не несёт в себе ничего, кроме чистоты и благоговения; тем не менее, дабы воображение японцев не осквернялось этой двусмысленностью, он пожелал, чтобы верные отныне говорили *Beate Petre, Beate Paule* вместо *Sancte Petre, Sancte Paule*.

Что же до имени Бога, из-за которого бонзы также хотели затеять с ним ссору, поскольку *Даяудз* по-японски означает «ложь», то он посмеялся над их придирками и счёл возражение сущим пустяком, с чем судьи и все слушатели согласились.

Три других пункта, на которых бонзы настаивали более всего, были сочтены более основательными и важными.

Первый был изложен так: «Либо Бог предвидел, что Люцифер и его сообщники восстанут и будут осуждены на вечные муки, либо не предвидел. Если не предвидел, то Его знание не так всеобъемлюще, как вы говорите; но если предвидел, то гораздо хуже, что Он не воспрепятствовал их бунту и осуждению, которые, по-вашему, стали источником стольких зол. Таким образом, — говорил бонза, — вы вынуждены признать в вашем Боге либо неведение, либо злой умысел».

Ксаверий был так поражён, услышав, как бонза рассуждает подобно схоластическому богослову, что, повернувшись к Эдуарду да Гама, стоявшему рядом, сказал ему тихо по-португальски, чтобы японцы не поняли: «Смотрите, как бесуищряет умы своих служителей».

Тем временем другой бонза, продолжая наступление, сказал, исходя из того же принципа, что если Бог знал, что Адам согрешит и увлечёт за собой всех людей в бездну несчастий, то зачем Он его сотворил? По крайней мере, когда этот праотец готов был вкусить запретный плод, почему всемогущая рука, давшая ему бытие, не уничтожила его в тот же миг?

Третий бонза, взяв слово, стал теснить Ксаверия с другой стороны: «Если наше зло так же старо, как мир, — хитроумно говорил он, — почему Бог допустил, чтобы прошло столько веков, прежде чем Он принёс исцеление? Почему Он не сошёл с небес, чтобы стать человеком и искупить род человеческий Своей смертью, как только человек стал виновен? В чём согрешили первые люди, что стали недостойны такой благодати? И в чём заслуга их потомков, что с ними обошлись более благосклонно?»

Эти возражения не показались новыми Ксаверию, который был весьма учён и знал всё, что говорят по этому поводу отцы Церкви и богословы. Он, без сомнения, ответил согласно их учению, но португалец, который передаёт возражения, не решился записать ответы, поскольку они, если верить ему самому, значительно превосходили разумение купца.

Бонзы привели различные возражения, на которые отец в немногих словах и по университетским правилам дал убедительные решения. То ли они не знали этих решений или не привыкли к схоластическому методу, или же из чрезмерного упрямства делали вид, что не понимают их, дабы не испытать стыда от уступки, — но они не сдавались и кричали громче прежнего. Поскольку они спорили не столько ради истины, сколько ради победы, то отрицали всё, вплоть до очевидных принципов, намереваясь этим смутить своего противника; но Ксаверий, умея извлекать выгоду, сам приводил их в замешательство, указывая на явные противоречия, из которых они не могли выбраться. В итоге, вместо ответа, они скрежетали зубами, исходили пеной от ярости и бросали вокруг яростные взгляды.

Князь, возмущённый упрямством бонз, сказал им с некоторым гневом: «Что до меня, насколько я способен судить, я нахожу, что о. Франциск говорит разумно, а вы сами не знаете, что говорите. Чтобы хорошо познать эти истины, — добавил государь, — надобно быть более просвещённым или менее пристрастным, чем вы; но если вам недостаёт божественного закона, пользуйтесь разумом, который один показывает, что нельзя отрицать ясных вещей, а не лайте, как псы».

Поднявшись после этих слов, он взял Ксаверия за руку и проводил до самого дома. Люди, следовавшие за ними толпой, воспевали хвалу святому мужу, в то время как бонзы, вне себя от досады и ярости, говорили во весь голос: «Да падёт огонь небесный на князя, который так легко даёт себя обольстить чужеземному чародею!»

Так завершились диспуты, которые Ксаверий вёл с бонзами. Они доставили великую славу ему и вероучению, которое он проповедовал, но принесли довольно мало плода идолопоклонникам, ибо ни автор, которого мы уже неоднократно цитировали, ни другие историки жития святого не говорят, чтобы тогда случились какие-либо новые обращения. И можно, без сомнения, подивиться, что придворные вельможи, которые так одобряли христианское учение, всё ещё пребывали в идолопоклонстве и пороке; но не потому ли, что в деле обращения одного лишь просвещения ума недостаточно, и надобно, чтобы тронута было сердце, ведь и философы, о которых говорит св. Павел, «познав Бога, не прославили Его, как Бога» (Рим. 1:21). Весьма вероятно, однако, что эти диспуты возымели своё действие со временем, и даже весьма правдоподобно, что они стали семенем дивных обращений, случившихся в последующие годы.

На следующий день о. Ксаверий отправился проститься с государем, который явил ему новые знаки своего благоволения; и в тот же день, 20 ноября 1551 года, апостол

отбыл из Японии, пробыв там два года и четыре месяца. Незадолго до этого Бог открыл своему слуге, что город Малакка осаждён с моря и суши; осаду эту предпринял сарацинский король Гентана с войском в двенадцать тысяч воинов, и заботы губернатора дона Педро де Сильва и помощь дона Фернандеша Карвалью не смогли защитить город от натиска варваров. Яванцы, народ воинственный и свирепый, овладев городом, предали всё огню и мечу; из трёхсот португальцев, находившихся там, более ста были убиты, а остальные избегли меча неверных, лишь укрывшись в крепости. Малакка стала местом ужаса, и враг, устав от резни, заковал в цепи многие тысячи людей.

Святой сообщил эти печальные вести Гаме и португальцам со своего корабля ещё до выхода из порта и объявил им, что грехи столь развращённого города навлекли на него проклятие Небес, которым он ему угрожал; но в то же время он заклинал их молить Бога, дабы умиловить божественное правосудие, и сам молился от всего сердца.

Помимо двух японцев, Матфея и Бернарда, которые всегда следовали за отцом и не захотели его покидать, на португальский корабль вместе с ним взойшёл посол государя Бунго. Целью этого посольства было снискать дружбу вице-короля Индий и получить проповедника, который пришёл бы завершить обращение княжества Бунго вместо о. Франциска.

Они плыли вдоль побережья шесть дней, и плавание было благополучным до острова короля Минато по имени Мелейтор⁴⁴, откуда по пересечении пролива они вышли в открытое море. В новолуние погода изменилась, и поднялся столь яростный южный ветер, что кормчий, при всём своём искусстве, не мог ему противостоять. Буря унесла корабль в море, неведомое ни португальцам, ни индийцам; небо было так черно от туч, что пять дней и пять ночей не было видно ни солнца, ни звёзд, поэтому моряки не могли определить широту, чтобы узнать, где они находятся.

Однажды к вечеру ветер усилился до такой степени, что судно не в силах было пробиться сквозь волны, столь высоки они были и столь яростно набегали. В столь бедственном положении было решено срубить носовую надстройку, чтобы легче управиться с парусами и судно лучше слушалось руля; затем к кораблю толстыми канатами привязали шлюпку, которая следовала за ним. Но пока занимались этим, наступила ночь, очень тёмная, с ужасным дождём, который усилил бурю, и из шлюпки не смогли забрать пятерых португальцев и десятерых индийцев, рабов и матросов, оставшихся в ней.

Находившиеся на корабле в столь крайней опасности не видели иного спасения, кроме как в присутствии о. Ксаверия. Он увещевал их оплакивать свои грехи, чтобы умиловить гнев Небесный, и сам в изобилии проливал слёзы перед Богом.

В самую глухую пору ночи раздался жалобный крик — то был вопль людей, уже прощавшихся с жизнью и моливших о помощи. Он доносился со шлюпки, которую силой ветра оторвало от судна и уносили волны.

Как только капитан это заметил, он приказал кормчему повернуть к несчастным, не думая о том, что, желая спасти своего племянника Афонсу Калву, одного из пятерых португальцев в шлюпке, он погубит корабль и погибнет сам. И действительно, поскольку судном было трудно управлять, при попытке повернуть в сторону

шлюпки оно стало боком и накренилось между двумя водяными горами, одна из которых обрушилась на корму и затопила палубу. В тот миг все решили, что пришёл конец, и воздух огласился криками и стенаниями.

Ксаверий, молившийся в каюте капитана, прибежал на шум и увидел плачевное зрелище: судно готово было пойти ко дну, а матросы, солдаты и пассажиры, все вперемешку, лежали друг на друге, рыдая над своей несчастной судьбою и не ожидая ничего, кроме смерти.

Тогда святой муж, возведя очи и руки к небу, громко воскликнул в порыве благоговения: «Иисусе, любовь души моей, молю Тебя, помоги нам; [заклинаю Тебя] пятью ранами Твоими, что Ты принял за нас на кресте!» Тотчас корабль, уже шедший ко дну, сам выпрямился и поднялся над водой. Моряки, ободрённые столь явным чудом, так управились с парусами, что поймали попутный ветер и вернулись на курс.

Между тем шлюпка исчезла, и никто не сомневался, что её поглотили волны. Капитан оплакивал племянника, другие сожалели о товарищах. Что до отца, то его более всего огорчала гибель двух рабов-магометан, не пожелавших стать христианами. Он сокрушался об их несчастной участи; но, пребывая в этих чувствах, он углубился в себя или, вернее, весь собрался в Боге, и ему пришла мысль призвать Небеса на помощь шлюпке: вдруг она ещё не погибла.

Поистине, то было внушение Святого Духа, ибо не успел он окончить молитву, как почувствовал, что услышан; итак, повернувшись к Эдуарду да Гама, который был крайне опечален, он сказал ему с весёлым лицом: «Не скорбите, брат мой, не пройдёт и трёх дней, как дочь вернётся к матери». Он имел в виду, что шлюпка присоединится к кораблю, и так и объяснил.

Капитан, поглощённый горем, видел слишком мало правдоподобия в словах отца, чтобы поверить им. Тем не менее, на рассвете он велел послать человека на марсовую площадку, чтобы посмотреть, не видно ли чего; но не было видно ничего, кроме всё ещё сильно волнующегося и сплошь белого от пены моря.

Отец, удалившийся на молитву, вернулся два часа спустя с той же весёлостью на лице; и, пожелав доброго утра капитану, кормчему и шести или семи другим португальцам, которые были вместе с ними, спросил их, не видели ли они шлюпку. Они ответили, что нет; и, когда он пожелал, чтобы кто-нибудь поднялся на марс, один из португальцев, по имени Педро Велью, сказал ему резко: «Да, отче, вернётся шлюпка, когда другая пропадёт», — желая сказать, что она не вернётся никогда.

Ксаверий кротко упрекнул Велью за его маловерие и дал ему понять, что для всемогущей руки Божией нет ничего трудного. «Упование, которое я возлагаю на Божественное милосердие, — сказал он, — даёт мне надежду, что люди, которых я вверил покровительству Пресвятой Девы и за которых я дал обет отслужить три мессы у Богоматери-на-Горе, не погибнут».

Затем он стал убеждать капитана послать кого-нибудь на марс, посмотреть, не покажется ли шлюпка. Гама, чтобы угодить служителю Божию, поднялся туда сам вместе с одним матросом; и, просмотрев полчаса внимательно во все стороны, оба ничего не увидели.

Между тем Ксаверия, которому от качки сделалось дурно и который провёл два дня и три ночи без еды и сна, одолели сильнейшие головные боли, и он едва мог держаться на ногах от головокружения. Один португальский купец, по имени Фернан Мендеш Пинту, видя это, попросил его немного отдохнуть и предложил для этого свою каюту. Ксаверий, который из духа самообуздания обыкновенно спал на палубе, принял предложение Мендеша и в довершение милости попросил, чтобы китайский слуга купца постоял у дверей каюты, дабы никто его не прервал.

Намерение отца состояло не в том, чтобы дать отдых своему телу. Он снова погрузился в молитву, и от китайского слуги стало известно, что с семи часов утра, когда он уединился, и до самого вечера он простоял на коленях, вздыхая и проливая слёзы. Он вышел из своего уединения после захода солнца и снова спросил кормчего, не видели ли шлюпку, которая не могла быть далеко. Кормчий ответил, что о ней нечего больше и думать, и невозможно, чтобы она выдержала такую яростную бурю; но даже если бы она случайно избежала гибели или Бог спас бы её чудом, она была бы более чем в пятидесяти лигах от их корабля, и было бы безрассудством верить, что она может вернуться.

Свойство христианского упования — быть твёрдым и непоколебимым вопреки всем разумным опасениям. Ксаверий счёл доводы кормчего верными, и тем не менее не усомнился в возвращении шлюпки: он всё время твердил ему, что она недалеко, и заклинал его послать кого-нибудь на марс, пока ещё светло. Кормчий, не столько из желания угодить отцу, сколько чтобы разуверить его, поднялся сам и ничего не увидел.

Ксаверий, не обращая внимания на донесение кормчего, настоятельно просил капитана спустить паруса, чтобы дать шлюпке время догнать корабль. Авторитет святого мужа перевесил доводы кормчего: рею спустили, и они простояли так около трёх часов; но наконец пассажиры устали, не в силах более выносить качку, и все закричали: «Паруса!» Отец упрекнул их в нетерпении, сам схватился за рею, чтобы помешать матросам поднять паруса, и, склонив на неё голову, разразился вздохами и рыданиями и пролил потоки слёз.

Немного погодя он выпрямился и, устремив к небу глаза, всё ещё полные слёз, произнёс торжественно: «Иисусе, Господи мой и Боже мой, заклинаю Тебя страстями Твоими священными, сжался над этими бедными людьми, которые идут к нам через столько опасностей».

Затем он снова склонился и некоторое время молча стоял, опершись на рею, словно уснув. Вдруг мальчик, сидевший у подножия мачты, внезапно закричал: «Чудо, чудо, вон шлюпка!» Все сбегались на крик мальчика, и действительно на расстоянии мушкетного выстрела увидели шлюпку. Пока она приближалась, корабль оглашался восторженными криками и возгласами ликования. Между тем большинство бросились к ногам Ксаверия и, признавая себя грешниками, недостойными присутствия такого святого мужа, просили у него прощения за своё неверие; но отец, смущённый таким обращением, как можно скорее вырвался из их рук и пошёл запереться в каюте.

Наконец шлюпка достигла корабля. Заметили, что, хотя волны были очень сильны, она шла прямо, без качки, и остановилась сама собой. Заметили также, что она оставалась неподвижной до тех пор, пока пятнадцать человек, которых она несла, не вошли в судно, и матросы не привязали её за кормой.

Как только обняли этих людей, которых считали погибшими, захотели узнать об их приключении, и были весьма удивлены, услышав, что они прошли сквозь самую ужасную бурю, какую когда-либо видели, не боясь ни погибнуть, ни сбиться с пути; потому что, говорили они, о. Франциск был их кормчим, и его присутствие не оставляло им ни малейшего повода для беспокойства. Поскольку люди с корабля утверждали, что отец их не покидал, те, со шлюпки, которые всё время видели его рядом у руля, не могли поверить тому, что им говорили. После недолгого спора и те, и другие решили, что святой был одновременно в двух местах; и столь явное чудо произвело такое впечатление на умы двух рабов-сарацин со шлюпки, что они отреклись от магометанства.

Нетерпение, с которым пятнадцать спасённых желали видеть того, кто столь благополучно привёл их к цели и кто исчез из их глаз в тот самый миг, как они достигли корабля, заставило Ксаверия явиться. Они хотели приветствовать его как своего избавителя, простёршись перед ним ниц, но он не допустил этого и объявил им, что от кораблекрушения их спасла не его рука, но десница Господня. В то же время он во всеуслышание вознёс благодарение Богу за столь необычайную милость и приказал кормчему готовиться к продолжению пути, заверив его, что вскоре они получат попутный ветер.

Опыт, который кормчий имел в морском деле, не сулил ему столь скорой перемены; но приключение со шлюпкой заставило его, вопреки собственному опыту, поверить словам о. Ксаверия, и мгновение спустя он признал, что устами святого мужа говорил Тот, Кто повелевает морем и ветрами (ср. Лк. 8:25).

Не успели поднять паруса, как подул северный ветер, небо прояснилось, и море совершенно успокоилось; так что за тринадцать дней плавания они достигли порта Сансян⁴⁵, где португальские купцы с корабля вели свою торговлю. Поскольку сезон навигации в этих морях подходил к концу, там оставалось лишь два корабля из Индии, и один из них принадлежал Диогу Перейре. Корабль Эдуарду да Гама был не в состоянии дойти до Малакки без остановок и нуждался в пополнении припасов в Сиаме, поэтому святой перешёл на судно своего друга Перейры. И дивно, что в тот миг, как он взошёл на борт, ветер, который пятнадцать дней дул с севера и был совершенно противен тому, что требовался для плавания в Индии, полностью переменялся, так что на следующий день, который был последним днём 1551 года, они вышли в море. Другой корабль, который ждал лишь ветра, отплыл вместе с ними; но в дальнейшем плавании ему суждено было узнать, что на его борту нет Апостола Индии.

Перед отплытием Ксаверий, беседуя об опасностях морских с кормчим, который привёз его из Японии и которого звали Франсишку де Агиар, объявил ему, что он не окончит своих дней на воде, и ни один корабль, на котором он будет находиться, никогда не потерпит крушения, какой бы сильной ни была буря. Агиар так твёрдо поверил словам отца и впоследствии столь явно ощущал их действие во многих случаях, что, не обращая внимания ни на ветры, ни на времена года, он очень часто выходил в море на старом, плохо оснащённом судне; дошло до того, что те, кто не знал, что им движет, принимали его за человека безрассудного и малосведущего в морском деле.

Однажды, среди прочего, он показал, сколь полагался на обещания святого: это было, когда он шёл из Тенассерима⁴⁶ в королевство Пегу на лёгкой, совсем изношенной и ветхой лодке. Буря, поднявшаяся в середине пути, разбила о скалы

большие корабли, следовавшие за лодкой Агиара; она одна, казалось, смеялась над рифами; и, пока море было ужасно взволновано, кормчий пел, словно оно было совершенно спокойно. Один пассажир, дрожавший от страха, спросил его, как у него хватает духу петь, когда они так близки к смерти! «Это потому, — ответил Агиар, — что я ничего не боюсь, и не боялся бы, — добавил он, — даже если бы волны поднялись ещё выше, а моя лодка была бы из стекла; ибо отец-магистр Франциск заверил меня, что я не погибну в море, на каком бы судне я ни был».

Сарацины, бывшие в лодке и слышавшие слова кормчего, были так тронуты этим непрерывным чудом, что пообещали стать христианами, как только сойдут на берег, и верно исполнили своё обещание. Когда лодка бросила якорь в Давэе, они приняли там крещение, тем более убеждённые в истинности чуда и христианства, что сами увидели на окрестном берегу обломки других кораблей.

Беседы, которые Ксаверий вёл с Перейрой во время плавания, были почти все о Японии и Китае. Святой рассказал своему другу об успехах, которые вера за короткое время сделала в королевствах Сацума, Ямагути, Бунго, и о надежде так же легко обратить все острова, как только китайцы станут поклоняться Иисусу Христу; он говорил, что именно это и заставило его решиться отправиться в Китай, а в Индии он возвращается лишь для того, чтобы, уладив дела Общества, совершить это путешествие, для чего везёт из Японии свой катехизис, переведённый на китайский, и этот перевод облегчит ему начало, которое всегда бывает трудным.

Некоторые португальцы, бывшие на том же судне и знавшие китайские законы, сочли замысел отца несколько несбыточным. Они сказали ему, что, помимо плохих отношений между китайцами и португальцами, иностранцам под страхом смерти или вечного заключения запрещено ступить на землю этой империи; и купцы их нации, тайно проникавшие туда для торговли, будучи опознаны, одни были обезглавлены, другие закованы в железо и брошены в темницы до конца своих дней. Впрочем, добавили они, путь в Китай мог бы открыться, если бы от имени короля Жуана III к китайскому императору было направлено торжественное посольство; однако подобное предприятие потребовало бы несметных расходов, даже если принять в расчёт лишь дары для императора и его министров. К тому же вице-король Индий едва ли взял бы на себя издержки такого посольства в пору, когда он и без того с трудом нёс бремя других, не менее важных государственных дел.

Эти трудности начали смущать о. Франциска, когда Диогу Перейра, который под одеждой купца скрывал по-княжески щедрое сердце апостола, предложил свой корабль и всё своё достояние, чтобы способствовать успеху экспедиции, которую только что присоветовали купцы. Отец с восторгом принял его предложения и со своей стороны обязался испросить у вице-короля посольство в Китай для своего друга.

Перейра, получивший известия об осаде Малакки, выразил святому опасение, что его корабль могут задержать для помощи городу. Ксаверий, которому Бог открыл освобождение Малакки, возможно, дарованное по его молитвам, успокоил друга, сказав ему, что, когда крепость была близка к сдаче, неверные, охваченные паническим ужасом, обратились в бегство, и город теперь полностью свободен.

У Перейры оставалось ещё одно беспокойство относительно путешествия, которое о. Ксаверий хотел предпринять до поездки в Китай. Поскольку сезон был уже поздний, он опасался, что в Малакке они не найдут корабля, идущего в Гоа. Сам он не мог

отвезти отца в Кочин, так как был обязан зайти в Сунду для разгрузки товаров. Но беспокойство Перейры тотчас рассеялось, ибо Ксаверий, вновь просвещённый свыше, твёрдо сказал ему, что судно Антониу Перейры стоит в порту Малакки и они найдут его готовым поднять якорь для отплытия в Кочин.

Ксаверий открывал это своему другу во время весьма мирной погоды, делавшего плавание приятным, когда вдруг они почувствовали приближение одного из тех ужасных вихрей, о которых мы говорили и которые в одно мгновение топят корабли. Все на судне сперва сочли гибель неминуемой; однако, осознав, что с ними о. Франциск, обрели некоторую надежду и просили его ходатайствовать за них перед Богом.

Святой, ничего не ответив, удалился на молитву. Вскоре он вернулся с пылающим лицом и, благословив корабль, громко произнёс такие слова: «Корабль „Святой Крест“ — таково было имя судна — никогда не погибнет в море; то место, где его построили, увидит, как он сам распадётся от ветхости. Дай Бог, — прибавил он, — чтобы то же самое можно было сказать о корабле, который отплыл вместе с нами! Но мы слишком скоро увидим, сколь несчастна его судьба».

В тот же миг явились знамения, начавшие подтверждать пророчество: вихрь рассеялся, и море вновь стало спокойным. Затем они увидели товары и мёртвые тела, плывущие по воде, и поняли, что тайфун погубил следовавший за ними корабль; вскоре они получили тому подтверждение от двух матросов, которые, когда судно гибло, уцепились за доску и, несколько часов боровшись с волнами за свою жизнь, были теми же волнами прибиты к борту корабля Перейры.

Остальное плавание было благополучным, и никогда не видели более ясной погоды. Когда корабль бросил якорь в Сингапурском проливе, Ксаверий, который доподлинно знал, что Антониу Перейра находится в порту Малакки и готов отплыть в Кочин, как мы уже говорили, написал ему с уходящим фрегатом, прося подождать ещё три дня. Тем же путём он написал о. Франциску Перешу, настоятелю иезуитов в Малакке, и приказал им всем позаботиться о припасах для сопровождавших его японцев.

Как только в городе узнали о прибытии Ксаверия, все так развеселились, что общая радость почти затмила память о несчастьях войны. Жители толпами сбежались на берег; и как только появился святой, отовсюду слышались лишь приветствия и радостные крики. При выходе с корабля его встретили со всей возможной нежностью и благоговением.

Провожая его в обитель отцов Общества, они показывали ему руины домов и говорили, что, если бы он не покинул их, они были бы защищены от ярости яванов, как были защищены от ярости ачехцев; но отец ответил, что причиной столь ужасного бича стало безмерье их грехов; ничто не могло бы отвратить его, кроме скорой перемены нравов, и средство привлечь к себе Божественное милосердие — это принять наказание в покаянном духе.

Он посетил бывшего губернатора, дона Педро де Сильва, и нового, который сменил его, дона Алвару де Атаиде, и сообщил о своём проекте посольства в Китай. И тот, и другой нашли этот замысел равно выгодным как для короны Португалии, так и для христианской веры.

Диогу Перейра, не имея возможности сопровождать отца в Гоа по причине, о которой мы говорили, предоставил с того времени тридцать тысяч экю на подготовку к путешествию в Китай и послал с отцом одного из своих людей, который всё устроил. Ксаверий, многократно обняв этого верного друга, взошёл со своими японцами на судно Антониу Перейры, которое ждало лишь их, чтобы поднять паруса.

Пророчество, которое человек Божий изрёк на благо корабля «Святой Крест», способствовало тому, что его стали называть «кораблём Святого», и с тех пор, как он отплыл из Малакки вместе с судном, на котором был Ксаверий, слава о нём разнеслась по всему Востоку. В какой бы порт он ни прибывал, его принимали с почестями и всегда приветствовали с других кораблей пушечными залпами. Все купцы спешили поместить на него свой груз и охотно платили за перевозку товаров или за право проезда больше, чем было принято платить на других судах. При его загрузке не соблюдали обычных мер веса, но грузили всё, что только могло войти. Поскольку он прослужил очень долго и тридцать лет спустя после смерти о. Франциска всё ещё использовался для торговли в Индиях, его продолжали чрезмерно нагружать, каким бы изношенным и ветхим он ни был.

Хозяева, в чьи руки он попадал в течение этих тридцати лет, принимали лишь одну меру предосторожности: всегда держать его подальше от земли, так что, когда требовался какой-либо ремонт, его чинили прямо в море.

Впрочем, это не значит, что за всё это время он не попадал в весьма опасные переделки. На него часто нападали корсары и обрушивались бури, но он избегал всяческих опасностей, и никто никогда не раскаялся, что взошёл на его борт.

По правде говоря, однажды, идя из Малакки в Кочин с чрезмерным грузом, он в начале пути дал такую течь, что пассажиры, которых было очень много, захотели перевести часть людей и товаров на другие суда компании. Но те суда, имея свой груз, не захотели облегчить «Святой Крест», и ужасная погода заставила его быстро вернуться в порт. Весь город был удивлён столь скорым возвращением; люди смеялись над теми, кто боялся потерпеть кораблекрушение на «корабле Святого». Их публично упрекали в маловерии и так пристыдили, что они не осмелились ни уменьшить груз судна, ни задержаться в порту. Они тотчас снова вышли в море; и то, что мир говорил им о счастливой судьбе, сопутствовавшей этому кораблю вот уже двадцать два года, так их успокоило, что они совершили своё путешествие без всякого страха.

Так «Святой Крест» обошёл все моря и все порты Азии, пока не попал в руки коменданта крепости Диу, который, видя, что корабль наполовину сгнил и дал течь во многих местах, счёл, что он более не сможет служить, если не будет полностью отремонтирован. Для этого он велел отвести его в Кочин и вытащить на берег в том самом месте, где он некогда был построен; но не успели его положить на бок, как он распался сам собой, и от всего большого корпуса не осталось ничего, кроме досок и брусьев, годных лишь на то, чтобы их сжечь.

Народ Кочина, знавший предсказание Ксаверия во всех подробностях, пришёл посмотреть на его исполнение. Один небогатый купец, по имени Жорже Нунеш, оказавшийся там, подумал, что в досках ещё осталось нечто от благодатной силы, запечатленной на них благословением святого, и взял одну из них, которую велел приладить к своему фрегату, будучи убеждён, что с такой помощью он никогда не

потерпит крушения. И так, полный живой веры, он смело предпринимал очень долгие плавания, которые с трудом совершали и самые большие корабли; и, не обращая внимания на погоду и ничегоне остерегаясь, много раз пересекал самые бурные заливы. Когда ему говорили, что неразумно так рисковать, он отвечал, что морские ветры хорошо знают его фрегат и почитают на нём доску святого. И действительно, судно всегда благополучно выходило из самых больших опасностей; и, что примечательно, разделив судьбу корабля, оно закончило век свой так же, как и тот, распавшись само собой на берегу Коллама, где его намеревались чинить.

Вернёмся к плаванию о. Ксаверия: он прибыл в Кочин 24 января 1552 года. Король Мальдивских островов находился там уже несколько месяцев — двадцатилетний государь, рождённый в магометанской вере и воспитанный в ненависти к христианам. Восстание подданных, которые не любили его или ненавидели его правление, вынудило его покинуть своё королевство, чтобы спасти жизнь, и искать убежища у португальцев, от которых он надеялся получить помощь для восстановления на престоле. Отцы Общества приняли его в своём доме и прежде всего постарались обратить его, показав ему ложность его секты. Тяжёлое положение делало его довольно восприимчивым к наставлениям о. Антонио Эредиа, который с большим рвением взялся за его обращение; но страх ещё больше разгневать мятежных подданных, если он сменит веру, заставлял его со дня на день всё откладывать своё обращение; и, возможно, он так и не оставил бы магометанства, если бы не прибыл о. Франциск, чтобы завершить труд, начатый другими.

Святой апостол говорил о Боге королю Мальдивских островов с такой силой, что наконец привёл его к послушанию вере, вопреки всей мирской мудрости, мешавшей ему покориться. Наставив его заново в таинствах христианства, он торжественно его крестил. Затем он побудил португальцев вернуть его на трон и назначил нескольких отцов из Кочина сопровождать морскую армию, которая отправится на Мальдивы: его замысел состоял в том, чтобы они трудились над обращением всего королевства, как только король будет восстановлен. Но поскольку для короны Португалии было мало важно, будут ли ей подвластны острова, не производящие ни золота, ни пряностей, ни благовоний, губернаторы ничего не сделали для этого несчастного государя, который, отчаявшись когда-либо вернуть свои владения, женился на португалке и вёл частную жизнь до самой смерти, счастливый лишь в том, что утрата короны принесла ему дар веры и благодать крещения.

Когда святой муж был готов к отъезду, представился случай написать в Европу, он им воспользовался, чтобы отчитаться о путешествии в Японию и королю Португалии, и генералу Общества. Взойдя на корабль, идущий в Гоа, он прибыл туда в очень короткий срок, в начале февраля.

Едва сойдя на берег, он посетил больных в городских приютах, а затем отправился в коллегия св. Павла, которая была обителью Общества. После обычных объятий, которые были нежнее, чем когда-либо, он спросил, нет ли в коллегии больных; ему сказали, что есть лишь один, находящийся при смерти. Тотчас Ксаверий пошёл к нему и прочёл над ним Евангелие: при виде святого умирающий обрёл силы и полностью выздоровел. Врачи не надеялись на его исцеление, и всё уже было готово к его погребению; но он сам не отчаивался в своём выздоровлении и в день прибытия Ксаверия говорил угасающим голосом, что, если Бог окажет ему милость увидеть их доброго отца, он непременно исцелится.

Вести, которые Ксаверий сообщил отцам Гоа о церкви в Японии, весьма их утешили, а он сам был утешен, узнав от них о состоянии христианства в Индиях. Миссионеры, которых он разослал перед своим отъездом, почти все собрались к его возвращению: одни прибыли по его письмам и приказу; другие — сами, по весьма неотложным делам, словно Святой Дух нарочно собрал их, чтобы присутствие человека Божия удвоило в них благочестивый пыл и апостольскую ревность. Бог повсюду благословил их труды. Город Ормуз, доставшийся в удел отцу Барзе, совершенно преобразился: там можно было видеть, как идолопоклонники, сарацины и иудеи спешили к крещению, капища идолов освящались во имя Иисуса Христа, мечети и синагоги пустели, нравы исправлялись и все дурные обычаи искоренялись.

Христианство процветало более чем когда-либо на Рыбацком берегу со времени смерти отца Антонио Криминаля, который с такой заботой возделывал его и который, возделывая, был убит бадагами. Кровь мученика, казалось, лишь умножила там число христиан; их насчитывалось более пятисот тысяч, все ревностные и готовые умереть за свою веру.

Евангелие достигло не меньших успехов в Кочине и Колламе, в Бассейне и Мелиапуре, на Молуккских островах и на островах Мавра. Но невозможно описать, сколь плодотворно трудились евангельские делатели в Гоа.

По ходатайству одного из отцов коллегии св. Павла губернатор своим приказом изгнал всех идольских жрецов с острова. Было даже запрещено под строгим наказанием совершать какие-либо публичные акты идолопоклонства во всём округе Гоа; и эти указы постепенно привели к обращению бесчисленного множества язычников. Что до португальцев, то их жизнь упорядочилась: имея свободу делать всё, они не позволяли себе ничего, кроме досточестного, и блудное сожителство стало до крайности редко, тогда как прежде было совершенно обычно. Солдаты жили почти как монахи, и невозможно описать, сколь их благочестие назидало народ.

Но ничто не тронуло Ксаверия более, чем обращение двух государей, которое произошло в Гоа во время его отсутствия. Первым был король Танура, королевства, расположенного вдоль Малабарского побережья, между Кранганором и Каликутом⁴⁷. Этот государь, будучи одновременно сарацином и идолопоклонником, но притом мудрый, великий воин, весьма статный и учтивый сверх того, что подобало варвару, с юных лет имел склонность к христианству, хотя и не знал его как следует. Он пленился им, как только один францисканский монах, бывавший при его дворе, подробно наставил его в таинствах веры. Однако войны, которые этот государь вёл с другими королями в течение десяти лет, мешали ему принять крещение. Наконец он был крещён, но тайно, и даже продолжал внешне жить, как неверный, стараясь щадить чувства своих подданных. Тем не менее, его мучила совесть, и, чтобы прояснить для себя столь щекотливый вопрос, он попросил епископа Гоа прислать ему «апостола» — так индийцы, равно как и португальцы, уже тогда называли отцов Общества.

Отец Гомеш, посланный к королю Танура, прямо сказал ему, что Бог желает, чтобы Ему служили в духе и истине; что притворство в вере хуже неверия, и что Иисус Христос постыдится перед ангелами тех, кто постыдился Его перед людьми.

Король, предпочитавший спасение своей короне, поверил Гомешу и решил открыто исповедать веру, как только примирится со своими врагами. Заключив мир при

посредничестве самого отца, который и посоветовал ему это, он отправился в Гоа вопреки воле своих подданных, которые, не сумев ни доводами, ни мольбами повлиять на него, схватили его и заключили в одну из самых крепких цитаделей королевства. Он бежал из тюрьмы, переплыл реку и, найдя восемь фуст из Гоа, высланных ему навстречу, благополучно прибыл в город. Епископ и вице-король под рукоплескания народа проводили его в собор, и там, у подножия алтарей, он принёс публичное исповедание веры с такими чувствами и выражениями благочестия, которые тронули всех до слёз.

Другим государем, чьё обращение чрезвычайно обрадовало отца Ксаверия, был король Тринкомали, одного из государств Цейлона. Этот король ещё в колыбели был возведён на престол, а затем в возрасте восьми лет свергнут узурпатором, который, не удовольствовавшись похищением короны, хотел лишить его и жизни; но его вывезли из королевства один принц королевской крови и сорок вельмож его двора, которые искали ему убежища у христиан Рыбацкого берега.

Параваны приняли его со всем милосердием, какое подобало оказать ребёнку его происхождения, обиженному судьбой, и пообещали провожатым служить ему всем, чем смогут; но в то же время они посоветовали им добыть для него венец более благородный и долговечный, чем его собственный, и рассказали всё, что знали об усыновлении детей Божиих, о наследии святых и о Царстве Небесном.

То ли человеческие соображения побудили принца, родственника юного короля, действовать, то ли Божий Дух коснулся его сердца, но он согласился на то, чего хотели параваны, и сам отдал себя в руки о. Энрикеша для наставления. Другие вельможи последовали его примеру, и все они были крещены вместе с королём, который явственно выказал при крещении благочестивые чувства, к которым его возраст не способен.

Предводители христиан Рыбацкого берега, собрав затем все припасы и воинов, какие только могла дать страна, переправились на остров Цейлон под предводительством принца и сорока вельмож; но узурпатор так прочно утвердился, что параваны были вынуждены спешно возвратиться обратно. Юного короля отвезли в Гоа, и португальцы позаботились о нём, поместив в коллегию св. Павла, где он был воспитан в добродетели отцами Общества.

Ксаверий восхвалил Бога, узнав, как вельможи земные покоряются владычеству Иисуса Христа через служение сынов Игнатия; и он радовался этому вместе со своими братьями, тем более что епископ Гоа, дон Жуан де Альбукерке, засвидетельствовал ему, что он чрезвычайно доволен их работой.

Этот святой и мудрый прелат показал ему письмо, которое он написал об этом во время его отсутствия генералу Общества. Письмо было на португальском, писано в Кочине 28 ноября 1550 года; вот его перевод на французский:

«Великие дела, которые совершают подчинённые Вашего Высокопреподобия во всех странах Востока, святость их жизни, чистота учения, их рвение в трудах ради спасения португальцев через служение слова Божия и таинство покаяния, их неутомимые странствия по всем королевствам Индии для обращения идолопоклонников и мавров, их постоянное усердие в изучении языков этого нового мира и в обучении таинствам веры, особенно на мысе Коморин, — всё это

обязывает меня написать Вашему Высокопреподобию, чтобы засвидетельствовать то, что я вижу своими глазами.

Поистине, отцы вашего Общества — превосходные делатели в винограднике Господнем; и они так верно служат епископам, что их помощь душам, вверенным мне, даёт мне надежду, что я проведу меньше лет в чистилище.

Я не смею братья за подробное повествование обо всех их деяниях, да даже если бы захотел, у меня не хватило бы на это времени. Скажу лишь, что они здесь словно зажжённые светильники, рассеивающие густую тьму, в которой были погребены эти варварские народы, и что уже, благодаря им, многие неверные племена поклоняются единому Богу в трёх Лицах.

Впрочем, я даю им всё, о чём они просят меня для блага душ; я передаю каждому из них всю свою власть и полномочия, ничего не оставляя себе; и я считаю себя одним из членов этого святого тела, хотя моя жизнь и далека от их жизни. Одним словом, я люблю их в Иисусе Христе, чистой и искренней любовью».

Остальная часть письма не относится прямо к нашему предмету, и было бы излишне её приводить.

Человек Божий узнал почти в то же время, что португальские министры, находившиеся в Гоа, донесли в Лиссабон о плодах трудов Общества, и что, в частности, новый вице-король, дон Антониу де Норонья, написал, что Индии чрезвычайно довольны иезуитами; что невозможно созерцать блага, которое они повсюду творят, не благословляя за это Бога, и что их жизнь соответствует духу их призвания.

Святой узнал также, что король Португалии сообщил Папе все эти новости, особенно об обращении короля Танура и о мученичестве о. Антониу Криминаля; что он поделился с Его Святейшеством намерением основать несколько коллегий Общества, чтобы наполнить весь Восток апостольскими делателями, и в ожидании этого он приказал, чтобы все семинарии, учреждённые в Индиях для воспитания юношества, были переданы в руки Общества, если они ещё не перешли к ним.

Наконец, о. Ксаверию сказали, что вице-король Индий и коменданты крепостей получили приказ от короля Жуана III содержать миссионеров во всех их путешествиях, и этот столь благочестивый государь возлагал на Общество обязанность заботиться о спасении неверных, взятую им на себя согласно древним соглашениям, заключённым со Святым Престолом, когда короне Португалии были позволены завоевания на Востоке.

Среди стольких поводов для удовлетворения, поведение Антониу Гомеша причинило о. Ксаверию истинную скорбь. Перед своим путешествием в Японию он назначил его ректором коллегии св. Павла, согласно намерению или, вернее, по приказу о. Симана Родригеша, который послал его в Индии через три года после его новициата и который в отношении этих миссий имел абсолютную власть, будучи провинциалом всей Португалии, от которой зависели Индии.

Гомеш обладал выдающимися качествами, которые редко встречаются вместе. Будучи значительным философом, богословом и канонистом, он являлся одновременно превосходным проповедником и одним из искуснейших в мире деловиков; притом, весь пылая рвением о спасении душ, всегда готовый

подвизаться в самых тяжёлых миссиях и всегда неутомимый в труде, но слишком уж он держался за собственное мнение, упрямо следовал лишь своим взглядам и действовал более по велению своего нрава, нежели по духу Божию или по разуму.

Поскольку он вступил в Общество, будучи уже в летах, то не укротил вовремя тот порывистый нрав, который управлял им во всём; и как только он принял на себя обязанности ректора, начал исполнять их по своему произволу, даже на глазах у Ксаверия, который ещё не уехал в Японию и, видя, сколь мало правление Гомеша соответствует духу их устава, собирался удалить его из Гоа, послав в Ормуз; но вице-король, чьей поддержки Гомеш добился через одного из главных министров португальской короны, не позволил ни выслать его из Гоа, ни лишить должности; и всё, что смог сделать Ксаверий, — это умерить власть Гомеша, поставив о. Паоло ди Камерино генеральным настоятелем всех миссий в Индиях.

Но как только святой уехал, Гомеш узурпировал власть, ссылаясь на то, что о. Родригеш дал ему абсолютные полномочия, а Камерино — человек слишком добрый и более пригодный для посещения тюрем и приютов Гоа, нежели для руководства миссиями и управления коллегиями Общества.

Прежде всего он предписал своим подчинённым новые правила и прямо объявил им, что им надобно «вернуться в утробу матери», возродиться в духовной жизни и преобразиться в других людей: не то чтобы они нуждались в исправлении, будучи образцами совершенства, но он принёс из Европы некий образ жизни, который соответствовал его идеям и его нраву. Итак, он предпринял изменение внутреннего распорядка и устройство занятий иезуитов по образцу Парижского университета, где он учился в юности. Каждый день приносил лишь перемены и новшества, которые вводил с высокомерием и суровостью, более свойственными королевскому реформатору, нежели духовному настоятелю, доходя до того, что, дабы заставить себе повиноваться и внушить страх, говорил, будто имеет от о. Симана Родригеша полную власть заключать в тюрьму или отправлять в Португалию всякого, кто воспротивится его правлению.

Его поведение было не менее безрассудным и в отношении юношей, воспитывавшихся в семинарии, большинство из которых были индийцами: хотя они были ещё новичками в вере и даже едва ли верующими, он предписывал им практики самой совершенной внутренней жизни, в которых они ровным счётом ничего не понимали; и поскольку они не могли исполнять эти столь возвышенные упражнения, он очень сурово их наказывал. Отсюда рождались ропот, интриги, отчаяние этой недовольной молодёжи; и отсюда же происходило, что многие, не в силах вынести столь сурового руководства, по ночам перелезали через стены и убегали из коллегии.

Гомеш, не желавший, чтобы ему перечили, становился от этого ещё более несносным и странным, так что однажды он изгнал всех оставшихся семинаристов, словно они были неспособны к дисциплине; и, приняв на их место двадцать семь португальцев, просившихся в Общество, не имея ни малейшего понятия о гуманитарных науках, он превратил семинарию в новициат.

Поскольку он полностью расположил к себе дону Жорже Кабрала, который был тогда вице-королём Индий, никто не осмеливался противиться его безумным затеям, даже епископ дон Жуан де Альбукерке, который не хотел вступать в конфликт с вице-королём и опасался усугубить зло попыткой его исправить.

Ректор, впрочем, не был так привязан к Гоа, чтобы время от времени не совершать поездок в другие места: то ли его природная деятельность не позволяла ему оставаться в покое, то ли его рвению было тесно в одном месте, то ли, наконец, считая себя генеральным настоятелем миссий, он полагал своим долгом за всем следить и всё делать самому.

Когда город Кочин пожелал основать коллегия для Общества, он отправился на место, чтобы принять её; но своим дурным поведением испортил хорошее дело. Комендант крепости сперва дал ему церковь, именуемую «Мать Божия», против воли викария Кочина и вопреки желанию некоего братства, которому церковь принадлежала. Когда пожертвование было оспорено в суде, Гомеш, у которого было всё необходимое для ложного шага: большое упрямство, немалое влияние и добрые намерения, — счёл своим долгом поддержать тяжбу и получить церковь любой ценой. Столь насильственный образ действий возмутил народ, которому всегда было весьма любо милосердие отцов, и общественное негодование дошло до того, что королю Португалии и отцу Игнатию были написаны жалобные письма.

Вот так обстояли дела, когда о. Ксаверий вернулся из Японии, и отчасти поэтому письма, которые он получил из Ямагути, так настоятельно убеждали его вернуться. Первой его заботой было исправить ошибки ректора, и он начал с дела в Кочине; так что, проезжая там на обратном пути и зная о насилии Гомеша, он собрал в хоре собора магистрат города со всем братством Матери Божией; и в присутствии викария, преклонив перед иноками колени, попросил у них прощения за случившееся, вручил им ключи от спорной церкви и полностью уступил её. Но смирение иногда добивается того, чего не может взять высокомерие: братья обратно вручили ключи Ксаверию и сами составили подлинный дарственный акт на свою церковь в пользу коллегии Общества.

Что касается Гоа, то святой отослал португальцев, которых Гомеш принял в Общество; и, собрав тех из юных индийцев, кого удалось найти из числа изгнанных или ушедших по своей воле, он восстановил семинарию, роспуск которой был столь пагубен для христианства в Индиях.

Оставалось лишь наказать виновного, который так дурно употребил свою власть. Ксаверий хотел сделать из него пример, тем более что, говоря с ним о наказании, которого заслуживали его проступки, он нашёл его чрезвычайно гордым и мало расположенным к повиновению. Тогда святой решил, что человек, не смилившийся и не покорившийся после столь скандальных заблуждений, недостоин Общества Иисуса. Он не захотел, однако, лишать его облачения в Гоа, опасаясь, что уход Гомеша наделает слишком много шума; но, объяснившись на этот счёт с вице-королём, отправил его в крепость Диу, что близ Камбея, с приказом отцам, находившимся там, дать ему отставку и сделать всё возможное, чтобы убедить его вернуться в Португалию на первом же корабле. Всё было исполнено согласно намерениям святого мужа; но Гомеш, сев на корабль, который потерпел крушение в середине плавания, несчастным образом утонул, словно бы для того, дабы столь плачевным концом преподать урок, что таланты природные и даже дары благодати служат лишь к гибели инок, не имеющего духа смирения и послушания.

---

¹ Дайри — император Японии.

- ² Ками — божества синтоистского пантеона.
- ³ Кубо-сама — сёгун, военный правитель.
- ⁴ Мияко — «столица», в данном контексте — Киото.
- ⁵ Фотоке — Будды или бодхисаттвы.
- ⁶ Сяка — Шакьямуни, исторический Будда.
- ⁷ Сако — вероятно, искаженное *содзё*, высокий ранг в буддийской иерархии.
- ⁸ Тунди — вероятно, искаженное *дзасу*, глава буддийского монастыря или школы.
- ⁹ В оригинале — *roi* (король). Речь идет о даймё (князе) области Сацумы на юге Японии, Симадзу Такахисе.
- ¹⁰ Речь идет о копии византийской иконы «*Salus Populi Romani*» (Спасение народа Римского), которая хранится в базилике Санта-Мария-Маджоре в Риме. Этот образ был особо почитаем ранними иезуитами, и его копии часто брали с собой миссионеры.
- ¹¹ Пер. с исп. по Monum. Hav., ep. 90.41
- ¹² Ниндзит (*Ningit*) — европейское искажение имени или титула главного бонзы Кагосимы. Вероятно, речь идет о Ниндзицу-сёине (忍室上人), настоятеле главного дзен-буддийского монастыря Фукусё-дзи. Прозвище «сердце истины» могло быть вольным переводом его имени.
- ¹³ Экандоно — европейское искажение японского титула Ики-но-ками-доно (吉崎守殿), что означает «господин, правитель провинции Ики». Настоящее имя этого самурая, вассала клана Симадзу, было Нииро Хисатоки (新納久時).
- ¹⁴ Дисциплина — короткая плетё для самобичевания.
- ¹⁵ Хирандо (*Firando*) — портовый город на одноименном острове.
- ¹⁶ Мияко (*Méaco*) — «столица», т.е. Киото.
- ¹⁷ Хаката (*Facata*) — ныне район города Фукуока.
- ¹⁸ Ямагути (*Amanguchi*) — столица одноименной префектуры.
- ¹⁹ Нагато (*Naugato*) — историческая провинция.
- ²⁰ Оути Ёситаки (大内義隆, даймё Ямагути; имя Осиндоно (*Oxindono*) — это искажённое на европейский манер Оути-доно, где «-доно» — уважительный титул, добавлявшийся к фамилии знатного самурая.
- ²¹ Сакаи (*Sacay*) — портовый город близ Осаки.
- ²² Каши (*caixes*) — мелкая китайская монета.

²³ Экю (*écus*) — старинная французская монета.

²⁴ Пер. с исп. по Monum. Hav., ер. 99.8

²⁵ Пер. с исп. по Monum. Hav., ер. 100.53-55

²⁶ Найто Окимори (内藤興盛 Naitō Okimori). Он был одним из главных и самых влиятельных вассалов (яп. *каро*) даймё Оути Ёситаки (в тексте он назван Осиндоно), правителя княжества Ямагути.

²⁷ В оригинале — *Dajux*. Это искаженная европейцами передача японского слова *дай-усо* (大嘘, что означает «великая ложь». Бонзы играли на созвучии этого слова с португальским *Дэуш* (что японцы выговаривали как “Дэусу”), пытаясь дискредитировать христианство.

²⁸ В XVI веке, во времена Ксаверия, это было одно из влиятельных княжеств на острове Кюсю. Его столицей был город Фунаи (в тексте — Футео), ныне город Оита. Правителем Бунго в тот период был могущественный даймё Отомо Сорин, который проявлял большой интерес к европейцам и их культуре. Именно его покровительство и позволило португальцам основать там торговую факторию, а иезуитам — начать успешную миссию. Позже Отомо Сорин и сам принял христианство.

²⁹ Название «Пинлашау» (в оригинале *Pinlaschau*) — это сильно искажённая европейская транскрипция XVII века. Речь идёт о городке Хэцуги, который находится на пути из Ямагути в провинцию Бунго, сейчас это часть города Оита. Автор жития, Доминик Буур, работал с рукописными отчётами и письмами миссионеров. В скорописи XVI-XVII веков буквы легко путались. Вполне возможно, что неразборчиво написанное португальцами *Hetsugui* или *Feçogui* было прочитано французским автором как *Pinlaschau*.

³⁰ Это Оути Ёсинага (大内義長 Ōuchi Yoshinaga). «Минато» (по-французски *Minato*) — скорее всего, ошибка или искажение. По-японски «минато» (港 означает просто «порт». В тексте говорится, что Пумэн-доно (то есть монах Хорин) был единокровным братом «короля Минато». Исторически известно, что братом Хорина был именно Оути Ёсинага, который в то время был правителем (даймё) соседнего княжества Нагато со столицей в Ямагути. Вероятно, европейцы ошибочно называли его владения по имени какого-то портового города.

³¹ Квансяндона (*Quansyandono*) — искажённое европейцами японское имя или титул. Историки предполагают, что речь может идти о Фукуде или ином придворном даймё Отомо Сорина.

³² Канафамы (*Canafama*) — ещё одно искажение, точное значение которого утеряно. Вероятно, так называлась определённая группа придворных или гвардейцев.

³³ Финджейн-доно (*Fingeindono*) — искажённое имя или титул командира гвардии.

³⁴ Громэнэрэ (*gromenare*) — искаженная португальцами фраза, вероятно, *го-мэн насаи* (御免さい), что означает «простите», «позвольте». Европейцы, часто слышавшие эту фразу во время церемониальных поклонов, ошибочно приняли её за название самого поклона.

³⁵ Фасярандоно (*Facharandono*) — искаженный титул брата даймё Отомо Сорина, которого в действительности звали Отомо Тикасада (大友親貞).

³⁶ Фасиондоно (*Faxiondono*) — искаженный титул влиятельного дзэн-буддийского монаха, известного своими спорами с Ксаверием. Вероятно, это был Фукусай (福斎).

³⁷ Фиандзима (*Fianzima*) — по-видимому, эпитет горы Хиэй (比叡山), где находился монастырь Энряку-дзи, главный центр буддийского учения в Японии.

³⁸ Точное японское имя этого человека, к сожалению, неизвестно, так как «Сакаи-Феран» — это сильно искаженная европейская транскрипция. Однако историки выдвигают весьма правдоподобную гипотезу о его происхождении: Сакаи (Sakai): Скорее всего, указывает на его происхождение из крупного торгового города Сакаи (堺), недалеко от Осаки; Феран (Feran): Почти наверняка является искажением высокого буддийского монашеского звания Хоин (法印 Hōin), которое присваивалось самым учёным и уважаемым наставникам. Таким образом, речь, вероятно, идёт о человеке, которого звали «Хоин из Сакаи». Его личное имя до нас не дошло.

³⁹ Нансё Гэнко (南浦玄興 Nanshō Genkō). Имя «Фу-каран-доно» (*Fucarandono* в оригинале) — это искажённая форма его титула Фуко-ан Доно (普光庵). Фуко-ан было названием его обители или храма; -доно — это уважительный титул, примерно соответствующий «господин». Нансё Гэнко был очень известным и влиятельным дзэн-буддийским мастером школы Риндзай и настоятелем монастыря. Именно его пригласили для публичного диспута со святым Франциском Ксаверием.

⁴⁰ Возм. по-японски что-то вроде Фуренадзима – вымышленный портовый город, который бонза Фу-каран-доно придумывает во время своего спора со св. Франциском Ксаверием.

⁴¹ Жизон (Gizon) — Дзидзо (地藏 Jizō), одно из самых почитаемых в Японии божеств, покровителя детей и путников.

⁴² Канон (Capon) — бодхисаттва Каннон (観音 Kannon), божество милосердия, японский аналог Авалокитешвары.

⁴³ Это известный исторический и лингвистический казус, с которым столкнулись первые христианские миссионеры в Японии. Дело в том, что фонетически латинское слово *Sancte* (Святой) было очень созвучно японскому выражению, которое можно было понять как «три задницы» (санкэцу). Разумеется, для японцев такое обращение к святым в молитве звучало в лучшем случае нелепо, а в худшем — кощунственно и непристойно.

⁴⁴ Такого названия острова в Японии не существует; скорее всего автор пытается передать на европейский манер какой-то описательный эпитет. Учитывая маршрут корабля св. Франциска, который отплыл из княжества Бунго (совр. префектура Оита), наиболее вероятным местом остановки был один из островов архипелага Амакуса (天草), расположенного к западу от острова Кюсю. Этот архипелаг был на пути в открытое море и служил удобным местом для пополнения запасов.

⁴⁵ Историческое португальское и французское название острова Шанчуань (山島) у побережья Китая.

⁴⁶ Историческая область и одноимённый крупный портовый город на юге современной Мьянмы (Бирмы), на побережье Андаманского моря. В XVI веке, во времена святого Франциска Ксаверия, это был важный торговый центр, через который проходили морские пути из Индии в Сиам (Таиланд) и на Малаккский полуостров.

⁴⁷ Это исторические португальские названия городов на Малабарском побережье Индии: Кранганор — современный город Кодунгаллур (Kodungallur); Каликут — это современный Кожикод (Kozhikode).

КНИГА ШЕСТАЯ

Когда дела Общества были таким образом улажены, Ксаверий думал лишь о том, чтобы снабдить миссии в Индиях добрыми делателями, или, вернее, увеличить в большинстве миссий число тех, кто там уже трудился и кого не хватало для общих нужд. Итак, он послал Белшиора Нунеша в Бассейн, Гонсалу Родригеша в Кочин, Жуана Лопеша в Мелиапур и Луиша Мендеша на Рыбацкий берег, где утвердил настоятелем отца Энрике Энрикеша, которого миссионеры побережья сами избрали на место отца Антонио Криминаля.

Затем он обратил все свои помыслы к Китаю. Вице-король дон Афонсу де Норонья весьма охотно предоставил купцу Диогу Перейре посольство, которого просил Ксаверий; он даже пообещал всячески содействовать ему и выделил средства на подарки китайскому императору. Однако самые великолепные дары были собраны за счёт самого посла: то были ризы из золотой парчи и облачения для алтарей из узорчатой ткани; благочестивые картины, написанные превосходными европейскими живописцами, и другие великолепные церковные украшения — всё, что могло явить китайцам величие христианской веры.

Епископ дон Жуан де Альбукерке отнёсся к замыслу отца не менее благосклонно, чем вице-король, и, желая написать китайскому императору так, чтобы дать ему достойное свидетельство о святом законе Божиим, велел выписать своё письмо золотыми буквами, снабдив различными живописными украшениями.

Оставалось лишь избрать миссионеров, которые должны были сопровождать Ксаверия в Китай, и назначить нескольких в Японию; ибо, помимо того, что святой сам думал о своих дорогих японцах, и посол князя Бунго, прибывший с ним в Гоа, просил евангельских проповедников от имени своего государя. Человеку Божию немало пришлось потрудиться, чтобы удовлетворить всех, кто предлагал себя для этого служения.

В то время в коллегии Гоа находилось тридцать членов Общества: одни были в Индиях с первых лет служения Ксаверия; другие прибыли недавно или были приняты незадолго до того — все испытанной добродетели и достойные той участи, которой каждый с таким рвением желал для себя; но не было никого, кто выказал бы больше усердия или заслуживал бы большего отличия, чем Гашпар Барзеу.

Ксаверий, прежде чем отправиться из Японии, отозвал его из Ормуза с намерением послать в ту же Японию или взять с собою в Китай, однако не сделал ни того, ни другого; и после долгих размышлений счёл более уместным оставить Барзеу в Гоа, где тот со времени своего возвращения из Ормуза приносил невероятные плоды. Но главной причиной была нужда коллегии св. Павла, которая ещё несколько ощущала

на себе последствия правления Гомеша и нуждалась в настоятеле, чьё поведение было бы во всём безупречно. Итак, он поставил его ректором коллегии в Гоа и одновременно вице-провинциалом Индий властью, полученной им от генерала Общества; ибо святой по возвращении из Японии нашёл два патента из Рима, выданные в 1549 году, один от 10 октября, другой от 23 декабря, как свидетельствуют копии, хранящиеся в архивах Общества. Первым святой Игнатий объявлял Ксаверия провинциалом Индий и всех королевств Востока, из которых он образовал отдельную провинцию, отделённую от португальской. Вторым он в полной мере передавал ему все привилегии, дарованные верховными понтификами главе Ордена и тем его членам, кому глава пожелает их уделить.

Впрочем, вот грамота, которой был назначен Барзеу и которая хранится в архивах Гоа, написанная рукой самого отца Ксаверия.

«Я, Франциск, недостойный настоятель Общества Имени Иисуса в землях индийских, уповаю на Вас, магистр Гашпар, на Ваше смирение, добродетель и благоразумие, а равно и на Вашу распорядительность, силою святого послушания повелеваю Вам быть ректором сей коллегии Святой Веры, а также настоятелем над всеми отцами и братьями-португальцами Общества Имени Иисуса, которые пребывают от мыса Доброй Надежды и далее, — и над теми, что в Малакке, на Молуккских островах, в Японии и во всех прочих землях, и над теми, что прибудут в эти края под моё начало из Португалии или из любой другой части Европы. Все они пускай будут под вашим началом, за исключением того случая, если наш отец Игнатий пришлёт в эти земли особо подобранного человека для управления сей коллегией, а я уже писал ему о нуждах, которые есть в этих землях индийских, и о необходимости прислать человека многоопытного и испытанного на должность ректора сей коллегии и для попечения о тех, кто здесь пребывает. И так я повелеваю вам сим письмом, в силу святого послушания, что тому человеку, кого наш отец Игнатий или любой другой Генеральный настоятель Общества Имени Иисуса пришлёт в эти края на должность ректора Коллегии и попечителя тех, кто в этих краях пребывает, — сему человеку вы немедленно передадите полномочия, как только он предъявит вам указ, подписанный нашим отцом Игнатием или любым другим Генеральным настоятелем Общества Имени Иисуса; а без указа, подписанного нашим отцом Игнатием или любым другим Генеральным настоятелем, полномочий, которые я вам вверяю, не передавайте»¹.

Объявив таким образом отца Барзеу настоятелем в присутствии всей коллегии, Ксаверий преклонил пред ним колени в знак признания его власти и дабы публично подать пример покорности. Затем он повелел всем в силу святого послушания повиноваться ему, а ему самому приказал изгонять из Общества всех, кто предпримет что-либо против его власти или откажется следовать его распоряжениям. Причём повелел он ему изгонять таковых, невзирая ни на их способности, ни на красноречие, ни на любые другие природные дарования, добавив, что какими бы превосходными качествами они ни обладали, им недостает самых главных: смирения и послушания.

Барзеу не проронил ни слова, когда ему объявили, что он не поедет в Китай, как бы страстно он ни желал туда отправиться; можно сказать, что в этом случае он великодушно принес в жертву послушанию весь пыл своего рвения. Но когда его назначили ректором и вице-провинциалом, он, смущенный этими званиями, громко запротестовал, уверяя, что не имеет никаких способностей к управлению. А уж увидев святого у своих ног, он и вовсе чуть не сгорел от стыда; и сам пал на колени и

со слезами на глазах заклинал его принять во внимание его немощь. Святой, в совершенстве знавший Барзеу, не стал его слушать и счёл тем более достойным обеих должностей, чем менее тот сам себя считал к ним способным.

Хотя в трудах отца Барзеу нуждались повсеместно, его присутствие в Гоа оставалось насущной необходимостью — как для доброго порядка в коллегии, так и для блага всех миссий. Ксаверий, силою святого послушания, запретил ему покидать остров в течение трех лет. Он поступил так для того, чтобы Барзеу, будучи связан этим повелением, имел право отказывать городам, которые захотят его заполучить, и чтобы, если его отказ окажется для них огорчителен, они не держали на него зла.

После всех этих точных распоряжений Ксаверий дал новому ректору письменные наставления, которые должны были помочь ему в управлении подчиненными и в руководстве самим собой, дабы, согласно общему их устремлению, единственной их целью оставалась вящая слава Божия. Наставления эти весьма пространны, и я приведу здесь лишь главные из них.

«Прежде всего, усердно следите за собой. Глубоко смиряйте себя, руководствуясь данными мною правилами смирения и пожиная их плоды. Посвящайте значительную часть ваших размышлений созерцанию и запечатлению в душе тех истин, которые Бог по Своей милости уже открыл вам и ещё откроет, когда вы будете размышлять над данными мною наставлениями.

Проявляйте неустанную заботу и любовь к братьям, помня о своём долге перед ними и о том, сколько добра Господь совершает через них для вас. Мы — единое мистическое тело, Глава которого — Христос, и один член не может трудиться без другого. Посему все являются соработниками в деле Общества, а таланты, ими полученные, — *не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего (Рим. 9:16).*

С Отцами, пребывающими как в Коллегии, так и за её пределами, обходитесь с большой мягкостью и сдержанностью, а не со строгостью. Исключение составляют случаи, когда они злоупотребляют вашей добротой³ и человечностью. В таком случае, исключительно ради их блага, а не из стремления властвовать, используйте свою власть, чтобы наложить подобающее наказание для их исправления и в назидание Братьям.

Всякое непослушание, будь то со стороны отцов или братьев, должно влечь за собой наказание и епитимии. Поступайте же следующим образом. С теми, в ком вы замечаете тщеславие, гордыню или пренебрежение к послушанию, обходитесь сурово, а не с любезностью, и налагайте на них епитимии. Дайте им ясно понять, что вы не смотрите на их проступки сквозь пальцы. Ибо ничто так не поощряет непокорных, как вид настоятеля, проявляющего слабость или нерешительность в наказании непослушных и дерзких. Видя это, они лишь утверждают в своём высокомерии. Исполняйте это в точности так, как я говорю, не обращая внимания на людскую молву, но лишь на исполнение своего долга.

Если же непослушание — отца ли, брата ли — вызвано небрежностью или забывчивостью, а не пренебрежением, обходитесь с виновным более милостиво. Упрекайте его с ласковым выражением лица и налагайте епитимию лёгкую. Братьев-мирян, которые проявляют самомнение и считают себя выше своего положения, ставьте на самые низкие и смиренные послушания. При этом держитесь

с ними сурово и строго. Когда же они проявят смирение, смягчитесь и вы, отвечая на их внешние знаки покорности. Дайте им почувствовать, что это они нуждаются в Обществе, а не Общество в тех, кто высокого о себе мнения.

Никогда не принимайте людей неспособных, со слабым суждением и разумом, людей малодушных и тех, коими движат скорее земные нужды, нежели благочестие. Тем, кого вы всё же примете, «Духовные упражнения» должны давать только вы или отец Мораис, но не кто-либо из братьев. Внимательно наблюдайте за новичками в это время. По окончании упражнений определите их на низкие и смиренные послушания, например, на служение в больницах или на работы в обители. В ходе упражнений строго спрашивайте с них об усердии, с которым они предаются размышлениям. Если заметите небрежность, можете их отпустить вовсе или же прервать упражнения на несколько дней, чтобы они осознали свои упущения и оставшееся время использовали с большей пользой.

<...>

Настоятельно поручаю и приказываю вам, как и всем другим Отцам, быть в совершенном послушании у владыки епископа. Ни в коем случае не доставляйте ему огорчений, а, напротив, будьте для него источником утешения и радости, насколько это в ваших силах, ведь он весьма любит вас и благоволит к вам, и потому есть все причины служить ему и любить его. Напишите отцам, находящимся вне Коллегии, чтобы они кратко сообщали господину Епископу о плодах своих трудов, не вдаваясь в прочие дела. Если же они захотят написать о чем-то ещё, пусть речь пойдёт о плодах служения местного викария и других священников. И особо предупредите их от моего имени: никогда не писать владыке епископу ничего дурного о викариях или священниках, но сообщать только хорошее, ибо о дурном всегда найдутся желающие донести.

<...>

Вам надлежит полностью устраниваться от светских дел. Людям, которые обращаются к вам с подобными просьбами, мягко объясняйте, что ваше время посвящено подготовке к проповедям, исповеди и другим духовным трудам, и вы не можете пренебречь духовным ради временного, ибо это противно долгу милосердия. Так вы сможете отстраниться от мирских забот, которые лишь вносят смуту в душу и заставляют монашествующих беспокоиться и вновь погружаться в суету мира.

Будьте очень внимательны и разборчивы в общении, ибо люди приходят с разными намерениями: одни ищут духовной пользы, другие же — земной выгоды. Многие даже на исповеди говорят больше о своих мирских нуждах, нежели о духовных. Таких людей следует остерегаться. Сразу же и прямо говорите им, что не в ваших силах помочь ни милостыней, ни заступничеством в светских делах. Не тратьте на них своего времени, ибо они глухи к нуждам духа. Это правило относится ко всем, будь то мужчины или женщины. Ищущие лишь земного никогда не получат духовной пользы, но лишь станут для вас искушением, способным втянуть вас в мирскую суету и помешать вашему служению. Исполняйте это наставление неукоснительно, ибо я знаю, сколь велика в том нужда. Не обращайтесь внимания на ропот тех, кто приходит с нечистыми помыслами. Мирские люди не должны видеть в вас страха перед ними, ибо бояться их значит слишком поддаваться влиянию мира и заботиться о его мнении больше, чем о Боге и о духовном совершенстве»².

Затем Ксаверий дал Барзеу несколько частных распоряжений, касавшихся отдельных лиц и обитателей Общества. После этого он избрал себе в спутники Бальтазара Гаго, Эдуарду да Силву и Педру де Алкасеву, а также Франсишку Гонсалеса и Алвару Феррейру де Монтемайора, не считая молодого китайца-мирянина по имени Антонио, воспитанного в семинарии Святой Веры: одни предназначались для Китая, другие — для Японии.

Отец Игнатий писал отцу Франциску, что весьма важно отправить из Индий в Европу члена Общества, хорошо сведущего в делах Востока, который мог бы дать точный отчёт обо всём королю Португалии и Верховному Понтифику, дабы испросить у одного помощи временной, а у другого — благодатных даров духовных, необходимых для приумножения христианства в Новом Свете.

Отец Франциск получил эти письма лишь по возвращении из Японии: у него и самого была та же мысль; но когда он увидел, что мысль Игнатия столь созвучна его собственной, он назначил своим посланником в Португалию и Италию Андре Фернандеша, мужа великого разума и великой добродетели, который ещё не был священником. Помимо того, что он подробно наставил его о положении дел в Индиях, он написал на сей предмет весьма пространные письма королю Португалии, отцу Родригешу и отцу Игнатию. Готовясь отплыть в Китай, он извещал дону Жуана III о своём отъезде в таких выражениях:

«Из Кочина я отправил Вашему Величеству письмо с кораблями сего года с сообщением о том, что я прибыл из Японии, и описанием того, сколь великий плод для христианства Господь сотворил там, о тамошних властителях, о друзьях и слугах, которые у Вашего Величества там появились, и о том, что в Ямагути уже построена одна церковь и дом Общества с одним отцом и одним братом, которые обучают прежде обращённых христиан и крестят новых. Уповаем на Господа, что вера будет приумножаться силою благодати Божией и при благоволении Вашего Величества.

Это я пишу сейчас из Гоа, готовый отправиться в Китай с одним братом из Общества и с Диего Перейрой, который едет в те края как посол Вашего Высочества с щедрыми дарами, состоящими из дорогих сокровищ, среди коих есть одно бесценное, коего никогда ни один король или властитель не посылал, — это вера и закон Иисуса Христа, нашего Икупителя; дар, который шлёт [тамошнему государю] Ваше Величество. Если бы он его познал, то оценил бы его выше, чем свой сан короля китайского, сколько бы могущества в нём ни заключалось. Уповаем на Господа, что Он явит милость тамошнему королю и королевству, и что по своей милости Он откроет сим созданиям путь [к пониманию], чтобы они поклонились своему Создателю и уверовали в Иисуса, своего Спасителя.

Посол едет договариваться о мире между Вашим Величеством и королем Китая; а мы, члены Общества, слуги Вашего Величества, идём провозглашать войну бесам и тем, кто им поклоняется, с суровыми требованиями от имени нашего Господа Бога прежде всего к королю, а затем ко всем жителям его королевства, чтобы они не поклонялись сатане или творениям, но их Создателю и Иисусу, нашему Спасителю и Господу, Который искупил их и спас Своей драгоценнейшей кровью. Великая дерзость, кажется, это, государь, — идти в чужую землю, к чужому и столь могущественному королю и упрекать его, и говорить истины, способные в наше время навлечь на [проповедника] большие опасности даже среди христианских королей и князей, а уж тем более среди язычников. Но одно лишь даёт нам мужество

и силы – то, что сам Господь является конечной целью наших устремлений, ведь именно Он по Своей благодати изволил вложить в нас великое упование, которым мы обладаем, не сомневаясь, что Его божественная сила несравненно больше, чем сила короля китайского и всех сил мира»³.

Пока снаряжали корабль, который должен был доставить миссионеров в Китай и Японию, Ксаверий по ночам собирал отцов из коллегии св. Павла, не имея возможности делать это днём, ибо они были заняты с утра до вечера. Он беседовал с ними о добродетелях, коих требует апостольское служение, и говорил с таким пылом и вдохновением, что в собрании, по свидетельству некоторых присутствовавших, оставивших о том письменные свидетельства, то и дело слышались вздохи да лились слёзы.

Но наставления, которые он дал им, прощаясь в последний раз, весьма примечательны; и мне кажется, я не могу передать их лучше, чем позволив говорить писателю, записавшему их с уст самого святого.

«Отец-магистр Франциск, — говорит он, — обнимая братьев перед посадкой на корабль в Китай и проливая о них слёзы, заповедовал каждому быть стойким в своём призвании, иметь глубокое смирение, основанное на истинном познании самого себя, и в особенности — повиноваться с готовностью».

Он подробно остановился на этом последнем пункте и заповедал послушание как добродетель весьма угодную Богу, весьма восхваляемую Святым Духом и совершенно необходимую чадам Общества.

Апостол отплыл из Гоа в Великий Четверг, который в том 1552 году пришёлся на 14 апреля. Море было довольно спокойно до Никобарских островов, что лежат немного выше Суматры, к северу. Там волны начали расти, и вскоре буря разразилась с такой яростью, что едва ли оставалась какая-либо надежда на спасение. Что усугубило страх, так это то, что две фусты, шедшие в сопровождении, не выдержав ярости волн, затонули одна за другой.

Корабль, на котором плыл Ксаверий и его спутники, был большим королевским судном, чрезвычайно нагруженным, так что его масса и груз мешали ему как следует повиноваться парусу и рулю. Было решено, что его следует облегчить, и уже начали вытаскивать товары, чтобы бросить их в море, когда отец Франциск попросил капитана не торопиться. Но поскольку матросы сказали, что если буря к вечеру, как обычно случалось, усилится, то разгружать судно в ночной тьме будет неудобно, он ответил им, чтобы не беспокоились: море успокоится, а они до захода солнца увидят землю. Капитан, знавший, сколь верны предсказания отца, без труда поверил ему, и дальнейшие события подтвердили истинность пророчества: сначала море улеглось, а затем на закате показалась земля.

Но пока все радовались приближению к порту, кто-то заметил, что святой муж был печален и даже вздыхал от скорби. Некоторые спросили его о причине, и он велел им молить Бога за город Малакку, поражённый моровым поветрием. Ксаверий говорил правду, и болезнь распространилась так широко и оказалась так заразна, что казалась началом чумы. Повсюду свирепствовали лишь злокачественные лихорадки, которые убивали самых крепких людей в очень короткое время и тотчас же передавались другим.

Вот в каком состоянии корабль застал Малакку. Никогда ещё вид человека Божия не был милее жителям: каждый сулил себе от него облегчение для тела и утешение для души, и они не обманулись в своих надеждах.

Едва сойдя на берег, он пошёл искать больных, где нашёл множество возможностей проявить милосердие. Не нашлось никого, кто не захотел бы исповедоваться у отца Франциска и умереть в его объятиях, ведь, согласно единодушному мнению, всякий, кому так посчастливится, непременно спасётся.

Он ходил со своими спутниками с улицы на улицу, собирая бедняков, которые изнемогали на мостовой без всякой помощи; носил их в приюты и в коллегию Общества, которую превратил в госпиталь. Когда все места в приютах и в коллегии были заняты, он велел построить хижины вдоль моря из обломков старых судов, чтобы дать пристанища остальным несчастным; затем он добывал для них пищу и лекарства, которые самолично выпрашивал, ради любви к Богу, у благочестивых особ, и оказывал им денно и ночно всевозможные услуги.

Чудесным казалось уже то, что Ксаверий и его спутники, ухаживая за больными, напутствуя умирающих и погребая усопших, оставались невредимы там, где всякий, кто прикасался к страждущим, сам становился жертвой смертельного недуга. Но истинным венцом чудес стало воскрешение юноши, которому Бог в те дни вернул жизнь через служение слуги Своего.

Этот юноша по имени Франсишку Сьявуш, был единственным сыном благочестивой женщины, которая давно находилась под духовным руководством отца. Случайно взяв в рот железный наконечник отравленной стрелы, какие бывают у восточных народов, он тотчас же умер, столь тонок и смертелен был яд. Его уже готовили к погребению, когда случайно подошёл Ксаверий; он был так тронут криками и слезами матери, что, взяв мёртвого за руку, вернул его к жизни такими словами: «Франсишку, во имя Иисуса Христа, встань».

Воскресший счёл с того момента, что он более не принадлежит себе и должен посвятить Богу жизнь, чудесным образом вновь обретённую: он так и сделал и в благодарность Ксаверию принял облачение Общества.

Как только мор почти полностью прекратился, святой начал обсуждать посольство и путешествие в Китай с доном Алвару де Атаиде, губернатором Малакки, которому вице-король поручил исполнение столь важного дела. Дон Алвару весьма одобрил это предприятие, когда Ксаверий впервые заговорил с ним о нём по возвращении из Японии, и даже обещал тогда способствовать ему всей своей властью; но зависть и корыстолюбие — две страсти, которые заглушают самые разумные чувства и заставляют забывать самые торжественные обязательства.

Губернатор был недоволен Перейрой, который в предыдущем году не захотел одолжить ему десять тысяч экю; и он не мог стерпеть, чтобы купец был назначен послом к величайшему монарху мира. Он даже говорил в насмешку, что этот Перейра, о котором упоминалось в грамотах вице-короля, — некий вельможа португальского двора, а не тот Жакоме Перейра, который был слугой дона Гонсалу Коутинью. Но что досаждало ему более всего, так это то, что, помимо чести, которую купец обретёт от своего посольства, он извлечёт из него и весьма большую выгоду от продажи товаров, которые он сбудет в Китае очень дорого. Губернатор добавлял, что следовало бы признать в его лице заслуги графа, его отца, и что сто тысяч экю,

которые, по меньшей мере, заработает Перейра, куда более приличествуют сыну Атаиде, нежели слуге Коутинью. Тут он и замыслил расстроить путешествие в Китай. Однако не объявил об этом сразу; и, чтобы получше скрыть свой замысел или чтобы не показаться слишком неблагодарным, он расточал любезности отцу Ксаверию, которому был чрезвычайно обязан, ибо святой выхлопотал для него должность флотского капитан-майора и сам принёс ему грамоты, после того как дон Алвару, когда ему впервые заговорили о посольстве в Китай, выказал к нему большой интерес и обязался способствовать его успеху, в случае если порты и навигация португальцев однажды окажутся в его ведении.

Чтобы привязать его к себе еще крепче, отец Ксаверий исходатайствовал для него у вице-короля и доставил ему некоторые особые привилегии сверх тех, что полагались ему по должности. Но, дабы окончательно расположить его к себе, застав его по прибытии тяжело больным, он всецело посвятил себя служению ему и стал для него разом и сиделкой, и капелланом, бодрствуя по ночам и всякий день служа для него мессу. Однако всё это не возымело действия на сердце, которым владели зависть и алчность.

Как ни старался дон Алвару скрывать свои злые умыслы, Ксаверий вскоре их распознал и тотчас написал Перейре, который все еще находился в Сунде, чтобы тот приезжал без всякой пышности и не являл великолепия, дабы не ожесточить натуру завистливую и корыстную. Но и скромность посла не помешала губернатору дать волю своему нраву. Едва до него донесся слух о прибытии корабля, он отправил в порт судебных чиновников и солдат с приказом завладеть судном «Святой Крест», снять с него руль и доставить к нему.

Таков был первый акт власти, который дон Алвару свершил в качестве капитана морских сил: он обратил против самого Ксаверия могущество, которым тот его наделил, и довел неблагодарность до последней черты.

Впрочем, дабы прикрыть своё корыстолюбие видимостью заботы об общественном благе, как то в обычае у облеченных властью, он во всеуслышание объявил, будто интересы короны вынуждают его поступать подобным образом. Он утверждал, будто ему известно, что яваны готовятся к войне, дабы вновь обрушиться на Малакку; что против столь могущественных врагов ему надобно как можно больше кораблей, а потому «Святой Крест» ему совершенно необходим.

Этот вымысел, сочиненный самим губернатором, был вскоре опровергнут прибытием нескольких других португальских судов из яванских земель. Прибывшие заверили, что варвары эти, раздираемые междоусобными войнами, и не помышляют ни о каких внешних походах.

Не зная более, как спасти видимость приличий, дон Алвару сбросил маску и отбросил всякую сдержанность. Ксаверий, видя, что более всего этим человеком движет любовь к наживе, велел Перейре предложить ему тридцать тысяч экю в дар; но желание завладеть всем побудило дона Алвару отказаться от предложенного.

Когда же казначей и другие сановники португальской короны явились к нему и представили ему на вид, что королевские указы запрещают чинить препятствия в плавании купцам, уплатившим портовую пошлину, он, пригрозив им тростью, в гнев выгнал их из своих покоев. Он кричал, что слишком стар, чтобы выслушивать советы; что, покуда он остается губернатором Малакки и капитаном морских сил,

Жайме Перейра не отправится в Китай ни как посол, ни как купец; а если отец Ксаверий столь ревностен в обращении язычников, пусть едет в Бразилию или в королевство Мономотапа.

Королевский аудитор Франсишку Алвариш, человек весьма влиятельный в городе, сперва пытался убедить дона Алвару вернуть руль «Святого Креста» и мольбами, и доводами, но, не преуспев, вознамерился отнять его силой. Но Ксаверий воспротивился этому, справедливо рассудив, что солдаты, охраняющие руль, будут защищать его ценой своей жизни и что дело это повлечет за собой дурные последствия.

Путь, который избрал святой муж, был иным: он направил к губернатору великого викария Жуана Суариша в сопровождении самых именитых горожан. Они должны были предъявить ему письма короля дона Жуана III, в которых было прямо выражено намерение короля, дабы отец Ксаверий распространял веру как можно далее во всех королевствах Востока, а губернаторы Индий оказывали ему в этом всяческое содействие. Суариш также зачитал губернатору письмо вице-короля дона Афонсу де Нороньи, в котором всякий, кто воспрепятствует этому особому начинанию, объявлялся государственным преступником.

Однако то, что должно было образумить дона Алвару или хотя бы утешить его, лишь распалило в нем безрассудство и дерзость. Вне себя от ярости, он вскочил со своего места и, топнув ногой, грубо прогнал великого викария, бросив ему в ответ: «Того требуют интересы короля, а я того не желаю! Я здесь хозяин».

Но гнев губернатора излился не только на тех, кто увещевал его от имени святого; он обратился на самого святого, которого губернатор почитал зачинщиком и главой всего предприятия. Невозможно поверить, какие грубые слова он говорил ему, как оскорбительно обходился с ним при всякой встрече; так что в Малакке открыто говорили, что гонение сие вменяется отцу Франциску в мученичество.

Слуга Божий не принимал близко к сердцу то, что касалось его самого; он всякий день благословлял Небеса за возможность пострадать. Но он до глубины души сокрушался об ущербе для веры, и порой видели, как он обливался слезами.

Почти месяц он не оставлял попыток воздействовать на губернатора, то заклиная его ранами распятого Бога, то увещевая его страхом перед несчастной вечностью и сиюсь втолковать ему, какой это грех — останавливать проповедь Евангелия. Но божественные доводы трогали дона Алвару не более, чем соображения человеческие.

Столь странное ожесточение вконец удручило отца Ксаверия. Видя, что все пути кротости оказались напрасны, а благоприятное для плавания время уходит, он, испросив совета у Бога, рассудил наконец, что должно прибегнуть к последним средствам. За десять лет, что он провел в Индиях, никто, кроме епископа Гоа, не знал, что он апостольский нунций. Он хранил об этом глубокое молчание и никак не пользовался своим саном. Но теперь он счел себя обязанным объявить о нем в столь важном деле и, если потребует, поразить анафемами Церкви того, кто открыто вел войну против Церкви.

И все же он не захотел метать эту молнию сам. Обратившись к великому викарию, он сперва показал ему одно из бреве Павла III, которым он был назначен нунцием во

всех королевствах Востока. Затем он умолял Суариша показать эти бумаги дону Алвару и разъяснить ему, каким церковным прещениям подвергаются те, кто противится легатам папы в делах веры. Он просил увещевать губернатора всем, что есть святого, позволить посольство в Китай; в случае же отказа — пригрозить ему церковными карами от имени наместника Иисуса Христа и в то же время заклинать его смертью Спасителя рода человеческого сжалиться над самим собой.

Ксаверий до последнего надеялся, что губернатор одумается, и в бумаге, которую он вручил великому викарию, дабы склонить его к столь щекотливому поручению, он писал собственными словами: «Не могу поверить, чтобы дон Алвару был столь ожесточён, чтобы не смягчиться, едва ему станут известны намерения и приказы Святого Престола». В той же бумаге он просил великого викария вернуть её ему вместе с ответом дона Алвару, дабы и то, и другое стало подлинным свидетельством для епископа Гоа, что он ничего не упустил в китайском предприятии, и если оно не осуществится, то не вполне по его вине.

Суариш свершил перед губернатором все указанные святым шаги, но ничто не могло заставить дона Алвару одуматься. Он посмеялся над угрозами и обрушился с бранью на самого Ксаверия, во всеуслышание называя его честолюбцем и лицемером, другом грешников и мытарей.

Великий викарий, не в силах долее сносить столь вопиющее и возмутительное нечестие, наконец отлучил губернатора от Церкви, как и было условлено с отцом Франциском. Он отлучил также и всех его людей, которые из трусливого угождения потворствовали страстям своего господина и непочтительно отзывались о Святом Престоле.

Отлучение нимало не смутило человека, у которого не было ни понятий о вере, ни понятий о чести. Не заботясь ни о гневe Небес, ни о людской молве, он завладел кораблем «Святой Крест» и поставил на него своего капитана с двадцатью пятью преданными матросами, чтобы отправить его для торговли в Шанчуань, где португальцы вели весьма обширную деятельность.

Дурной исход переговоров викария Малакки тяжело уязвил отца Ксаверия; сердце его было ранено, и он признался отцу Франциску Перишу, что никогда ещё не переживал огорчений так глубоко. Плачевное состояние, в котором дон Алвару оказался перед Богом, разорение Перейры, полное расстройство посольства в Китай — всё это исторгало из него стоны, и тем более, что он вменял все эти несчастья в вину самому себе, как он дал понять своему другу Перейре, который скрывался в Малакке и которому он решился написать, не находя в себе сил его увидеть.

«Поистине, наши с Вами грехи, — писал он. — оказались столь велики, что Господь не пожелал воспользоваться нами для Своего дела, и винить в этом мы можем лишь самих себя. Мои же прегрешения были настолько тяжкими, что навлекли беду и на меня, и на Вас. Вы вправе сетовать на меня, сударь, ибо по моей вине Вы понесли разорение, как и все, кто был с нами. Я стал причиной Ваших убытков в четыре или пять тысяч пардао, потраченных по моей просьбе на дары для китайского короля, а теперь под угрозой и корабль, и все Ваше предприятие. Умоляю Вас, сударь, помните, что единственным моим намерением всегда было служить Вам, и Господь и Ваша Милость — тому свидетели. Если бы не это, я бы умер от скорби.

Прошу Вас, не приходите ко мне, дабы не умножать мою печаль, ибо при виде Вас она лишь усилится от осознания того, что я стал причиной Вашего разорения. Я удаляюсь на корабль и останусь там, чтобы не видеть людей, приходящих ко мне со слезами и упреками в том, что я их погубил. Лишь сознание чистоты моих помыслов, как я уже говорил, удерживает меня от смерти в пучине скорби. Я уже распрощался с доном Алвару, который счел за благо помешать нашему путешествию.

Единственное, что я могу сделать, чтобы исполнить свой долг перед Вами, — это написать Королю, нашему Государю, что именно я стал причиной Вашего разорения. Это я упросил Вас ради служения Господу и Его Величеству отправиться послом от вице-короля в Китай для заключения мира между нашим Государем и китайским императором. Король придавал этому посольству огромное значение, видя в нем честь и приумножение благ для своего государства, а также великие выгоды, которые могли из этого последовать. И поскольку, служа нашему Государю, Вы были лишены посольства, порученного Вам вице-королем, что повлекло за собой огромные расходы и потерю Вашего корабля и разрушение всего предприятия, я для очистки совести считаю своим долгом написать Королю, что ему следует возместить Вам все убытки, понесённые на его службе. Большого я сделать не могу. Господь свидетель, как я огорчен тем, что дон Алвару, воспрепятствовав столь важному для Господа делу, нанес мне такую обиду. И скорблю о нём, ибо его постигнет кара Господня, куда более суровая, чем он может себе представить»⁴.

Но хотя отец Ксаверий и написал королю Португалии весьма настоятельные письма в защиту Перейры, он не написал ему ничего против дона Алвару. И сам дон Алвару был тому свидетелем, перехватив письма отца. Он не нашел в них ни слова жалобы, что его необычайно удивило. Слуга Божий всякий день приносил за него жертву мессы и проливал много слез у подножия алтарей, стремясь испросить для него благодать искреннего покаяния.

Однажды он сказал, что дон Алвару разом лишится и достояния, и чести, и жизни, и прибавил: «Дай Бог, чтобы душа не погибла!»

Что до прочего, то хотя врата в Китай и казались совсем закрытыми, ибо была утрачена надежда на посольство, которое должно было облегчить доступ в это королевство, святой не отчаялся возвестить Евангелие китайцам. Он помыслил, что, отправившись на остров близ Кантона, он сможет тайно пробраться на материк; что, если его схватят и бросят в темницу, он будет проповедовать веру узникам; что из темниц христианское учение распространится по городам и, быть может, дойдет до самого двора; что, может быть, вельможи империи и сам император из любопытства пожелают увидеть человека, возвещающего столь необычное учение, и тогда у него будет случай изложить им закон Иисуса Христа во всей полноте.

С этими мыслями он принял решение взойти на борт «Святого Креста», который губернатор Малакки отправлял в Шанчуань. Но поскольку попытка войти в Китай тем путем, который он себе наметил, была невозможна без величайших опасностей, он решил, что единственным священником, который им подвергнется, должен быть он сам. Оставив с собой лишь одного брата из Общества, китайца Антония Святой Веры, и еще одного юношу-индийца, он отправил в Японию Балтазара Гагу, Дуарте да Силву и Педру де Алкасеву: первого — в королевство Бунго, а двух других — в Ямагути.

В это время с Молуккских островов прибыл Жуан Бейра в поисках помощи для повсеместного утверждения там христианства. От него Ксаверий узнал добрые вести о христианской общине на тех островах и отослал его к отцу Барзеу с приказом дать ему спутников и отправить обратно как можно скорее.

Когда «Святой Крест» был уже готов к отплытию, он уединился в церкви Богоматери-на-Горе, чтобы вверить свое путешествие Пресвятой Деве. Он продолжал свою молитву до захода солнца и провёл бы в ней всю ночь, если бы не пришли известить его, что якорь уже поднят.

Великий викарий Жуан Суариш, который провожал его до самого корабля, спросил его по дороге, простился ли он с губернатором, и добавил, что, если он этого не сделает, немощные могут соблазниться; что это будет знаком обиды и поводом для ропота. Святой, который хотел на своем примере показать, как должно обходиться с отлученным, ответил без колебаний: «Дон Алвару не увидит меня в этой жизни; я жду его на суде Божиим, где ему предстоит дать очень важный отчёт».

Пройдя дальше, он остановился перед церковью, стоявшей довольно близко к морю, и в порыве духа, возведя очи к небу, громко помолился о спасении несчастного дона Алвару. После он простерся ниц и некоторое время пребывал в молчании, лицом к земле, беседуя с Богом в глубине своего сердца.

Затем поднялся с порывистым движением, в котором было нечто грозное, снял обувь с ног своих, ударил башмак о башмак и отряхнул их о камень, говоря, что не желает уносить и праха с проклятой земли.

Тогда он предрек, более подробно, чем прежде, кары, которые Небо готовило губернатору Малакки. Взойдя на судно, он оставил толпу, следовавшую за ним, в изумлении от его предсказаний и печали о его отъезде.

Тотчас же отдали паруса. На корабле было более пятисот человек, считая слуг и пассажиров. Они уже довольно далеко отошли в море, когда ветер внезапно стих, и в одно мгновение волны так улеглись, что «Святой Крест» замер неподвижно, словно стоял в порту или на якоре.

Во время этого штиля, который длился четырнадцать дней, вода подошла к концу, и некоторые вскоре умерли. На шлюпке отправлялись во все стороны, чтобы отыскать какой-нибудь берег, где можно было бы найти источники. Поскольку они были далеко в море, то обнаружили лишь остров Формозу — по крайней мере, они подумали, что это именно она показалась им. Семь дней они силились пристать к берегу, но все их старания были тщетны.

Меж тем судно наполнилось больными, которых мучила неутолимая жажда. Все они уже стояли на пороге гибели, когда один из путников, вспомнив о том, какой силой пред Богом обладает отец Ксаверий, воззвал к остальным. Собравшись, они припали к ногам святого и, более слезами, нежели словами, заклинали его испросить у Небес воды или ветра.

Ксаверий сказал им, чтобы они сами обратились к Богу, велел им прочесть литании, преклонив колена у подножия большого распятия, и повелел разойтись, но уповать на Иисуса Христа. Сам же удалился в каюту, откуда вышел немного погодя, спустился в шлюпку с одним мальчиком и, велев ему отведать морской воды,

спросил, пресная она или соленая. Мальчик ответил, что соленая. Он велел ему отведать снова, и мальчик сказал, что она пресная.

Тогда отец, поднявшись на борт, велел наполнить водой все сосуды на корабле, но кто-то, поспешив напиться, обнаружил, что вода солона. Святой осенил сосуды крестным знамением: в то же мгновение вода утратила свою природную соленость и стала столь вкусна, что все в один голос утверждали, что она лучше воды из Бангара, которой моряки обыкновенно запасались и которая считалась превосходной, самой лучшей водою во всех Индиях.

Это чудо так поразило арабов-сарацин, которые целыми семьями переселялись в Китай, что, припав к ногам святого мужа, они исповедали Бога христианского и попросили крещения. Верующие же, со своей стороны, восхищались отцом Франциском и все вместе благодарили его за спасение своих жизней; но отец говорил им, что благодарить надобно Бога, а не такого грешника, как он.

Большинство моряков и пассажиров из благоговения сохранили эту чудотворную воду — сперва как свидетельство чуда, а затем и как небесное врачевство. Ибо вода эта, привезенная в Индии, исцелила великое множество больных: достаточно было добавить две-три капли в питье, чтобы выздороветь.

Во время плаванья пятилетний ребенок, стоявший на борту корабля, упал в море в тот миг, когда судно, поймав попутный ветер, слегка накренилось. Отец ребенка был безутешен, и скорбь его была так велика, что он три дня не показывался на палубе. Он был магометанин, и чудо с водой не обратило его. Наконец он появился, но по-прежнему плача и не переставая сокрушаться о своем единственном сыне. Ксаверий, не знавший об этом несчастье, спросил магометанина о причине его слёз; узнав же, он на мгновение погрузился в себя и сказал ему: «Если Бог вернет вам сына, обещаете ли вы мне уверовать в Иисуса Христа и со всей искренностью стать христианином?»

Неверный дал ему обещание, и три дня спустя, ещё до восхода солнца, ребенка увидели на палубе. Мальчик не знал, что с ним было в течение этих шести дней, и помнил лишь, как упал в море, но не мог сказать, как вернулся на корабль. Отец его, увидев его вновь, едва не умер от радости; и Ксаверию не было нужды напоминать неверному о данном им обещании. Он пришёл сам в сопровождении жены, сына и слуги: все четверо были крещены, а ребенок получил имя Франциск.

Люди с корабля, бывшие свидетелями этих двух чудес, рассказали о них жителям острова под названием Чжанчжоу, мимо которого они проходили, то было торговое место, полное иноземных купцов. Желание увидеть столь дивного человека привело однажды на корабль около шестидесяти человек — одни были эфиопы, другие индийцы, все идолопоклонники или магометане. Ксаверий сперва проповедовал им Евангелие и наставил их в святынях обычаях христианства. Не успел он закончить речь, как они уверовали в Иисуса Христа и приняли крещение.

Крестя их, он казался гораздо выше ростом, чем обычно, так что те, кто стоял на близком к судну берегу, думали, будто он взошёл на скамью. Но, видя, как он ходит туда-сюда, оставаясь всё таким же высоким, они вообразили, что в этом может быть нечто чудесное, и захотели удостовериться. Эштеван Вентура поднялся на корабль нарочно для этого и, подойдя к отцу Ксаверию, увидел, что тот стоит ногами на палубе, но тем не менее на целую голову возвышается над самыми рослыми людьми,

на которых изливал священные воды крещения. Вентура заметил также, что после того, как святой крестил эту толпу, он вновь обрёл свой обычный рост.

От Чжанчжоу корабль продолжил свой путь к Шанчуаню, который отстоит лишь на шесть лиг от материка напротив Кантона, города в Китае. Они были уже далеко за Кантоном, тогда как моряки полагали, что ещё не дошли до него. Ксаверий пытался их разубедить, но они упорствовали, и судно ушло бы гораздо дальше, чем следовало, если бы капитан, поверив слову святого, не приказал убрать паруса и бросить якорь до возвращения шлюпки, которую он послал на разведку к ближайшему берегу.

Ее не было целых три дня, и все на корабле уже решили, что ее застиг тайфун — тот грозный ветер, о котором мы уже не раз говорили. Но Ксаверий заверил, что она скоро вернется с провизией, посланной им португальцами с Шанчуаня, и что за ней даже последуют несколько судов, которые выйдут им навстречу, чтобы указать путь в гавань. Все произошло так, как сказал отец, и «Святой Крест» в сопровождении португальских судов с Шанчуаня пристал там к земле через двадцать три дня после своего отплытия из Малакки.

Это три острова, столь близкие друг к другу, что, если смотреть на них издали, они кажутся одним; потому китайцы на своем языке называют их *Сансеу*⁵ — словом, составленным из *сам*, что значит «три», и *сеу*, что значит «остров». Главный из этих островов, который португальцы называли Шанчуань, имеет очень хорошую гавань, со всех сторон увенчанную горами и по форме напоминающую полукруг в той части, что обращена к Макао. На нем мало коренных жителей, почти нет никаких жизненных удобств, и сам по себе он так бесплоден, дик и неводелан, что кажется скорее местом для изгнанников, нежели для торговли. Китайцы позволяли португальцам торговать там, покупать у них товары и продавать им свои, не нарушая закона королевства, который запрещал чужеземцам ступать на материковую землю. Поэтому португальские купцы не могли приблизиться к ней, не рискуя жизнью или свободой; им даже не дозволялось строить на острове прочные дома. Они могли лишь ставить хижины из циновки и ветвей деревьев, чтобы не сидеть безвылазно на своих судах.

Среди этих купцов был один, чрезвычайно богатый и очень щедрый, притом веселого нрава и приятный в общении, любивший удовольствия, дозволенные приличиями, и не отказывавший себе ни в чём, что может сделать жизнь сладостной. В остальном же он был весьма предан отцу Ксаверию; звали его Педру Велью. Это тот самый Велью, что был со святым в Японии и вернулся оттуда вместе с ним.

Поскольку Ксаверий беспокоился о спасении души этого купца, он время от времени увещевал его сдерживать свои природные наклонности и даже порой наказывать свое тело во искупление грехов. Велью не понимал таких речей; и, то ли будучи слишком изнежен, то ли не считая себя достаточно грешным, он не мог решиться прибегнуть к самобичеванию. Но вместо умерщвления плоти и покаянных подвигов он творил великую милостыню, и отец Франциск получал от него всякую мыслимую помощь для облегчения участи нуждающихся.

Однажды отцу понадобилась некоторая сумма денег, чтобы выдать замуж одну юную сироту, бедную и миловидную, которой грозила опасность погибнуть. По своему обыкновению, он обратился к Велью. Он застал его за игрой у другого купца;

но, поскольку дело не терпело отлагательств, он все же решился попросить его об этой милостыне.

Велью, любивший пошутить, сказал, притворно рассердившись: «Отец Франциск, когда проигрываешь, не очень-то расположен давать; и для мудрого человека вы выбрали весьма неподходящее время». — «Творить добро время есть всегда, — ответил Ксаверий, — а лучшее время для милостыни — когда деньги в руках, как раз как у вас сейчас».

Купец, продолжая в том же духе и делая вид, будто присутствие отца Ксаверия ему в тягость, добавил, словно желая от него отделаться: «Держите, вот ключ от моего сундука; возьмите всё, если хотите, и оставьте меня в покое». В сундуке купца было тридцать тысяч таэлей, что составляло сорок пять тысяч золотых экю. Отец взял триста экю — сумму, достаточную для свадьбы сироты.

Некоторое время спустя Велью, пересчитывая свои деньги и обнаружив всю сумму в целости, подумал, что отец к ним не притронулся, и не преминул высказать ему за это упрёк. Ксаверий заверил его, что взял триста экю. «Клянусь вам, — возразил Велью, — я не нашел недостачи ни на один. Но да простит вам это Бог, — продолжал он, — моим намерением было разделить с вами всю сумму, и я ожидал, что из сорока пяти тысяч экю вы возьмете по меньшей мере половину».

Ксаверий, видя, что Велью говорит совершенно искренне и побуждаем чистым милосердием, сказал, словно движимый Духом Божиим: «Педру, намерение, которое вы имели, — это доброе дело пред очами Того, Кто взвешивает помыслы и движения сердца; Он Сам зачтёт вам его, и то, чего вы не отдали, однажды вернется вам сторицей. А до тех пор я отвечаю вам от Его имени, что вы никогда не будете иметь недостатка в земных благах, и если вас постигнут беды, которые расстроят ваши дела, друзья ваши помогут вам своим кошельком. Кроме того, возвещаю вам, что вы не умрёте, не будучи заранее извещены о дне своей смерти».

С тех пор как прозвучали эти предсказания, Велью, совершенно переменившись, посвятил себя лишь благочестивым деяниям и, оставаясь купцом, вёл жизнь почти монашескую. Предсказание о том, что он узнает день своей смерти, очень часто приходило ему на память, и однажды он не удержался и спросил святого, когда и каким образом это произойдет. Святой без колебаний ответил ему: «Когда вино покажется тебе горьким, готовься к смерти и знай, что тебе останется жить не более одного дня».

Купец прожил в достатке и славе до глубокой старости. Время от времени его постигали довольно неприятные неудачи в делах, как то бывает с теми, чьё состояние зависит от моря; но друзья всегда вовремя приходили на помощь и выделяли ему средства, достаточные, чтобы поправить дела. Наконец, однажды на большом пиру, будучи веселее обычного, он попросил пить; и едва отведав вина, нашёл его очень горьким.

Тотчас, вспомнив предсказание отца Ксаверия, он втайне пришёл в ужас, который от души распространился по всему телу, как если бы ему возвестили о его кончине или словно бы образ смерти предстал пред его очами. Тем не менее, немного придя в себя, он для проверки попросил тех, кто сидел с ним за столом, отведать вина из его бокала. Всем оно показалось превосходным, кроме него одного, хотя он пробовал его несколько раз.

Он велел принести себе других вин и другой бокал, но всегда ощущал ту же горечь.

Тогда, не сомневаясь более, что его последний час настал, принеся внутренне свою жизнь в жертву Богу, он поведал гостям об исполнившемся пророчестве и встал из-за стола с чувствами христианина, который помышляет уже лишь о смерти.

Разделив всё свое достояние между детьми и бедными, он пошёл к своим друзьям, чтобы проститься с ними в последний раз. Он был в полном здравии, несмотря на свой возраст, а потому люди думали, что старость ослабила его рассудок, и пытались отогнать от него эти мрачные мысли. Но он, не послушав никого, сам отдал распоряжения о своих похоронах и пригласил друзей прийти и отдать ему последний долг. Чтобы угодить ему и отчасти в насмешку, они все собрались в церкви. В их присутствии он, не будучи болен, принял Виатик и Последнее помазание, затем лег в гроб и велел петь заупокойную мессу.

На слух о столь странном событии сбежался народ: одних привлекало диковинное зрелище, другие хотели своими глазами увидеть, сбудется ли предсказание отца Ксаверия.

Когда месса была окончена, священник со служителями совершил все церковные обряды вокруг гроба и наконец пропел последние слова христианского погребения над старцем, который был полон жизни и отвечал на все [слова обряда].

Когда обряд был завершен, слуга Велью подошел, чтобы помочь своему господину подняться из гроба, — и нашел его мёртвым. Каждый воочию убедился в истинности свершившегося, и все разошлись, дивясь милосердию Божию к столь щедрому купцу и благословляя память святого Апостола Индий.

Но это был не единственный случай пророческого озарения, что произошёл с Ксаверием на острове Шанчуань. Однажды в виду острова показался корабль, шедший из Макао в Японию, и был он застигнут ужасным тайфуном. Португальские купцы, вложившие в это судно свои средства, в тревоге от явно неминуемой гибели поспешили к отцу Франциску в поисках утешения. Но святой заверил их, что бояться нечего и что корабль уже благополучно достиг порта. Поверив его слову, они успокоились. Однако время шло, а корабль, который должен был пробывать в Японии лишь несколько дней, не возвращался, и они сочли его окончательно погибшим. Ксаверий упрекнул их в маловерии и уверенно предрёк, что судно вернётся до конца недели. И впрямь, через два дня оно возвратилось, нагруженное богатствами и овеянное славой своего спасения от тайфунов.

В то же время Ксаверию стала известна распря, что произошла между доном Алвару ди Атаиди, губернатором Малакки, и доном Бернарду ди Соузой, недавно вернувшимся с Молуккских островов. Он поведал о ней в подробностях португальцам, которые, узнав впоследствии о том же от людей из самой Малакки, убедились, что всё в точности соответствовало рассказу отца.

Эти чудесные ведения сопровождались деяниями не менее удивительными. И, не говоря уже о воскрешении умершего ребенка, которое Ксаверий совершил, но обстоятельства коего не были засвидетельствованы в актах канонизации святого, он избавил край от тигров, которые его разоряли. Эти свирепые звери выходили стаями из лесов и пожирали не только детей, но и взрослых, слишком удалявшихся от укреплений, возведенных для защиты от них. Однажды ночью слуга Божий

вышел навстречу тиграм и, увидев их близко, окропил их святой водой, повелев удалиться и никогда более не появляться. Повеление возымело действие: вся стая обратилась в бегство, и с тех пор на острове больше не видели тигров.

Радость, которую испытали португальцы от прибытия отца Ксаверия, сменилась печалью, как только они узнали, что он приехал в Шанчуань лишь для того, чтобы переправиться в Китай. Все они пытались заставить его отказаться от своего замысла, описывая суровые законы империи; заверяя, что порты охраняются бдительными и верными чиновниками, которых невозможно ни обмануть, ни подкупить; что мандарины жестоки ко всем чужеземцам; что в прошлом году португальских моряков, выброшенных бурей на берег Кантона, истерзали розгами и заключили в мрачные темницы, где они, если еще не умерли, то и поныне претерпевают новые мучения; что его самого, по меньшей мере, ожидает пожизненное заключение, а это не то, чего должен искать апостол, пламенеющий жаждой спасения всего Востока.

Доводы эти не произвели никакого впечатления на сердце святого: он принял своё решение по другим, более веским, причинам и ответил купцам то же, что написал тогда отцу Франсишку Перишу — что он не может не уповать на Божественную благость и что недоверие его было бы тем более преступным, что могущественное вдохновение Святого Духа побуждает его учить китайцев закону истинного Бога.

«Я избран, — говорил он, — для столь высокого предприятия по особой милости Небес. Если бы я усомнился в его исполнении и, устранившись трудностей, проявил малодушие, не было ли бы это хуже всех тех бед, которыми мне грозят? Но что могут против меня бесы и их служители, кроме того, что позволит им верховный Владыка мира? И если сей великий Бог защищает меня, чего мне страшиться? Добавьте к этому, что, предавая себя с полным доверием в Его руки, я повинуюсь Иисусу Христу, Который в Евангелии провозглашает, что *всякий, кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее* (Мф. 16:25). Господь наш говорит также, что *никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия* (Лк. 9:62). Поскольку, согласно этим основам вечной мудрости, смерть телесная несравненно менее страшна, чем гибель души, я решился пожертвовать жизнью хрупкой и жалкой ради вечности блаженной. Так или иначе, решение принято, я хочу отправиться в Китай, и ничто не способно заставить меня отступить от моего замысла. Пусть весь ад ополчится, я не усташусь, лишь бы Небо было ко мне благосклонно; ибо, *если Бог за нас, кто против нас?* (Рим. 8:31)».

Португальцы, полагая, что столь непреклонная решимость происходит оттого, что человек Божий либо не до конца сознаёт опасность, либо считает их рассказы преувеличением, подослали к нему китайских купцов, с которыми вели торговлю, дабы те его вразумили. Однако дело обернулось совсем не так, как они ожидали. Эти китайцы, с которыми Ксаверий не преминул заговорить о христианстве и которые были людьми здравомыслящими, вместо того чтобы отговаривать его, посоветовали ему отправиться в Китай. Они лишь предупредили его взять с собой книги, содержащие всё христианское учение, и добавили, что недавно император послал ученых людей в соседние царства, чтобы узнать о религиях, отличных от китайской; что, как им представляется, та, которую исповедуют христиане, будет хорошо принята при дворе, и что необычность столь разумного закона послужит пропуском тому, кто первым его туда принесёт.

Ксаверий пришёл в восхищение, увидев, какое поприще открывается для Евангелия у самого просвещенного народа в мире, и не сомневался, что религия христиан, будучи сравнена здравомыслящими людьми с сектами Востока, возымеет над ними преимущество. Воодушевленный паче прежнего в своём намерении, он начал с поисков хорошего толмача; ибо китаец Антоний, которого он привез из Гоа, не знал придворного языка и почти забыл язык простонародный.

Он нашел другого китаец, который не только в совершенстве владел языком мандаринов, но и прекрасно умел писать, в чём и заключается главная наука в Китае. Человек этот, в остальном, был весьма благообразной наружности, доброго нрава и приятен в беседе; главное же, он казался всецело преданным христианам и обещал всевозможные добрые услуги — то ли в надежде разбогатеть, представив императору учителя нового закона, то ли по внушению Божию.

Гораздо труднее было найти моряков, которые согласились бы перевезти отца; ибо всякий, кто взялся бы за это, рисковал не менее чем жизнью. Но корысть заставляет решаться и рисковать всем тех, кто любит деньги больше собственной жизни. Один китайский купец по имени Капосека предложил доставить Ксаверия в провинцию Кантон, если ему хорошо заплатят, и потребовал платы перцем на сумму в двести пардо (*). Отец согласился и получил от своих друзей столько перца, сколько хотел. Оставалось лишь договориться о том, как это будет исполнено.

Китаец обещал ночью забрать Ксаверия в свою лодку и до рассвета высадить его на берегу, удаленном от приморских селений; если же этот путь покажется недостаточно безопасным, он обязался спрятать отца в своем доме и через четыре дня рано утром оставить у ворот Кантона. Но он требовал, чтобы Ксаверий со своей стороны обязался сперва явиться к мандарину с письмами, которые вице-король Индий и епископ Гоа писали императору; ибо святой сохранил эти письма, предназначавшиеся для посольства, которое расстроил дон Алвару. Китаец, кроме того, требовал нерушимой тайны и заставил отца поклясться, что самые жестокие пытки никогда не вынудят его назвать ни имени, ни дома того, кто доставил его на берег.

Отец обещал и исполнил всё, чего от него пожелали, не без осознания опасности, которой он себя подвергал, как он и писал одному из своих дорогих друзей.

«Я вижу, — говорил он, — две почти неминуемые опасности в этом деле: с одной стороны, есть большие основания опасаться, что купец-идолопоклонник, получив плату за переправу, либо бросит меня в море, либо оставит на каком-нибудь необитаемом острове; с другой — что губернатор Кантона обрушит на меня свою ярость и, чтобы устроить всех чужеземцев, либо предаст меня мучительной смерти, либо осудит на пожизненное заключение. Но покуда я следую гласу, который меня призывает, и повинуюсь Господу, я ни во что не ставлю ни свободу мою, ни жизнь».

Когда все уже было готово к отплытию в Китай, и обстоятельства, казалось, складывались как нельзя лучше, португальцы из Шанчуаня неожиданно воспротивились этому замыслу. Ими владела корысть и порождённый ею страх: они опасались, что рвение Ксаверия навлечет на них пагубные последствия. Переговариваясь меж собой, они представляли, как мандарин, губернатор провинции Кантон, непременно отомстит им за дерзость их соотечественника, как по его приказу их суда будут разграблены, а жизнь их окажется в опасности. Этот

всеобщий страх, который не был лишен оснований и возрастал день ото дня, побудил самых богатых из них обратиться к отцу Франциску, заклиная его, если уж он не жалеет самого себя, сжалиться над ними, их жёнами и детьми.

В это время отца сразила сильная лихорадка, не отпускавшая его почти две недели. Португальцы сочли это знаком того, что Небеса противятся путешествию в Китай. Но, едва оправившись от недуга, он с ещё большей ревностью устремился к исполнению своего замысла. Пока купцы грузили свои суда, он денно и ночью пребывал в мыслях об обращении китайцев и находил единственную отраду в помысле о том, какое великое счастье ему уготовано — освободить от власти дьявола самую обширную империю на земле. «Если, однако, — говорил он, — Бог соблаговолит употребить столь ничтожное орудие, как я, для столь славного предприятия».

Поглощённый этими мыслями, он часто прогуливался по берегу моря и, обращая взор в сторону Китая, выпускал глубокие вздохи. Иногда он доверчиво говорил своим друзьям, что желает лишь одного — быть оставленным у ворот Кантона, и не заботится об остальном: счастлив, если возвестит Иисуса Христа китайцам, ещё более счастлив, если умрет за Иисуса Христа.

Тем временем все португальские корабли, кроме «Святого Креста», который еще не был полностью загружен, отплыли в Индии. Ксаверий передал отплывавшим купцам различные письма для Малакки и для Гоа. Своему другу Диогу Перейре он написал в выражениях, полных признательности и любви:

«Да воздаст Вам Господь Бог наш за всё, — говорилось в его письме, — ибо я не в силах отплатить Вам равным. Всю свою жизнь я буду молить Бога о Вас, дабы Он хранил Вас от всякого зла, даруя в этой жизни Свою благодать, здоровье и долголетие для святого служения, а в будущей — рай для души Вашей.

Чувствуя, впрочем, что одних моих молитв недостаточно, чтобы отплатить Вам за Вашу доброту, я настоятельно поручаю всем Отцам Общества Иисуса в Индии почитать Вас как близкого друга и непрестанно возносить о Вас молитвы Господу. Ибо если Закон Божий утвердится в Китае, то это станет возможным лишь благодаря Вашему участию. Посему слава этого великого свершения будет принадлежать Вам и в земной жизни, и в вечности. А те, кто обратится там ко Христу, и Отцы, которые отправятся туда на служение, будут вечно обязаны молиться о Вас Богу. <...>

Да будет на то воля Божья, чтобы это путешествие увенчалось успехом, и я смог бы ожидать Вас при дворе китайского императора. Если же я всё-таки попаду в Китай, то найти меня, полагаю, можно будет лишь в одном из двух мест: либо в кантонской тюрьме, либо в Пекине, где, как говорят, постоянно пребывает сам император. <...>

Да соединит нас Господь по Своей милости для святого служения в Китае еще в этой жизни. Если же нет, то да встретимся мы в славе небесного рая»⁷.

С той же почтой он написал отцу Франциску Перишу, настоятелю в Малакке. Он повелевал ему в силу святого послушания как можно скорее покинуть сей злосчастный город и увести своих подчиненных в Кочин, где он назначал его ректором Коллегии вместо Антониу Эредиа, которого отсылал в Гоа.

Хотя отец Ксаверий вновь сокрушался о несчастной доле дон-Алвару и желал более чем когда-либо, чтобы Бог простил ему его грехи, он все же предписал в письме отцу Гашпару Барзеу добиться, чтобы епископ отдал приказ великому викарию Малакки объявить губернатора отлучённым. Он поступил так не только по той причине, что закоренелые и подающие соблазн грешники, подобные дону Алвару, должны быть публично посрамлены, дабы прийти в себя и не развращать других, но ещё и потому, что следовало внушить страх будущим губернаторам, дабы они по его примеру не вздумали чинить препятствия путешествиям миссионеров, которых будут посылать на Молукки, в Японию и в другие края.

В том же письме он просил отца Барзеу принимать в Общество немногих и хорошо испытывать тех, кого будут принимать. «Ибо я опасаюсь, — писал он, — что многим из тех, кого приняли и принимают всякий день, было бы лучше оставаться за стенами. С людьми такого рода вы должны поступать так, как, вы видели, я поступал со многими в Гоа, и как я только что поступил здесь со своим спутником, которого изгнал из Общества, сочтя его совершенно непригодным». Он говорил об Алвару Феррейре, которого привез с собой из Индии и которого отослал из Шанчуаня с португальскими кораблями.

Среди отплывших купцов был один, который покинул остров поспешнее других, ничего не сказав отцу Ксаверию, которому давал приют в своей хижине, и не дождавшись китайского судна, купленного им в порту Кантона. Однажды, когда отец ранним утром служил мессу, этот купец поднял паруса и бежал с великой поспешностью, словно остров в тот день должен был быть поглощён морем. После мессы Ксаверий, оглядевшись по сторонам и не увидев того, кого искал глазами, спросил, как человек в состоянии вдохновения: «Где мой хозяин?» Узнав, что купец уже в открытом море, он продолжал: «Кто торопит его отплыть? Почему не дожидаться корабля, что идет из Кантона? И куда влечет его злая судьба?»

Тем же вечером прибыло китайское судно. Что же до беглого купца, то не успел он достичь Малакки, как, отправившись в лес за деревом для починки своего корабля, был зарезан разбойниками.

Когда все португальские суда ушли, кроме того, что принадлежало губернатору Малакки, а вернее, было им несправедливо захвачено, Ксаверий оказался в такой нужде, что едва мог найти себе пропитание. Поистине, стоит подивиться тому, что люди, которым он спас жизнь, превратив морскую воду в пресную, имели жестокость оставить его умирать от голода. Некоторые полагали, что дон Алвару приказал им во всем отказывать отцу Франциску; но мне представляется, что Провидение, желавшее испытать его так, как оно порой испытывает тех, кого любит наипаче, допустило это оставление для полного освящения святого.

Более всего его уязвило то, что китайский толмач, который делал ему столь выгодные предложения, взял свое слово назад — то ли сам, из страха перед опасностью, то ли по наущению людей, преданных губернатору Малакки. Отец, однако, не пал духом: он уповал, что Бог поможет ему иным способом, и что в крайнем случае Антоний Святой Веры послужит ему переводчиком. Но, в довершение несчастья, купец, который должен был ввести его в Китай, не вернулся в назначенный срок, и он напрасно ждал его несколько дней.

Не надеясь более ни на что с этой стороны, он, однако, не утратил упования и нашел другой выход. Дошли вести, что король Сиамы, сосед Малакки и друг португальцев,

готовит на следующий год пышное посольство к императору Китая. Ксаверий решил вернуться в Малакку при первой же возможности и приложить все усилия, чтобы отправиться в Китай с послом Сиама.

Но вечная Премудрость, которая иногда внушает великие замыслы своим слугам, не всегда желает, чтобы они их исполняли, хотя и желает, чтобы они, со своей стороны, не жалели сил для их исполнения. Бог поступил с Ксаверием так, как некогда с Моисеем, который умер, лишь узрев землю, куда ему было велено привести израильтян. 20 ноября отца Франциска охватила лихорадка, и в то же время он получил ясное знание о дне и часе своей смерти, о чём прямо объявил кормчему корабля, Франсишку ди Агиару, который позже засвидетельствовал это под присягой.

С этого момента он почувствовал странное отвращение ко всему земному и помышлял уже лишь о небесном отечестве, куда призывал его Бог. Будучи сильно изнурён лихорадкой, он удалился на судно, служившее общим приютом для больных, чтобы умереть в бедности, и капитан Луиш ди Алмейда принял его, вопреки всем приказам своего господина дона Алвару. Поскольку качка корабля причиняла святому сильные головные боли и мешала ему полностью сосредоточиться на Боге, как он того желал, на следующий день он попросил Алмейду переправить его обратно на сушу. Его перенесли и оставили на берегу, на произвол стихий и непогоды, в особенности пронизывающего северного ветра, который дул в то время. Он умер бы там без всякой помощи, если бы один португалец, более милосердный, чем другие, по имени Жоржи Алвариш, не велел отнести его в свою хижину, которая, впрочем, была немногим лучше самого берега и была открыта всем ветрам.

Болезнь проявилась острой болью в боку и сильным стеснением в груди. Алвариш счёл, что Ксаверию следует пустить кровь, и отец, из слепого доверия к мнению своего гостеприимца, согласился, хотя и знал, что все лекарства будут бесполезны. Корабельный хирург, человек неумелый и малоопытный в своем искусстве, сделал кровопускание так неудачно, что были задеты нервы, и больной впал в слабость и судороги. Тем не менее кровь ему пустили и во второй раз, что привело к тем же последствиям, что и в первый; кроме того, за этим последовало ужасное отвращение к пище, так что больной ничего не мог принимать. Самой изысканной его едой стало несколько миндальных орехов, которые капитан корабля дал ему из милосердия.

Недуг усиливался час от часу, и природные силы таяли с каждым днем, но лицо его оставалось безмятежным, а дух — спокойным. Он переводил взор то на небо, то на распятие, ведя любовные беседы со своим Богом и проливая обильные слёзы.

Он пребывал в таком состоянии до 28 ноября, когда лихорадка ударила ему в голову. В бреду он говорил лишь о Боге и о своем путешествии в Китай, но в выражениях более нежных и пылких, чем когда-либо. Затем он потерял дар речи и обрёл его вновь лишь три дня спустя. Силы тогда окончательно оставили его, так что все ежеминутно ожидали его кончины. Однако он снова пришел в себя и с ясным умом внятной речью громко возобновил свои беседы с Богом. То были лишь благоговейные вздыхания, короткие, но живые и прочувствованные молитвы. Те, кто был при нем, не понимали всего, что он говорил, ибо он постоянно говорил по-латыни; и Антоний Святой Веры, не отходивший от него, передал лишь, что человек Божий часто повторял: «*Jesu, fili David, miserere mei*» («Иисусе, Сыне Давидов, помилуй мя!»), и слова, которые были ему так привычны: «*O sanctissima Trinitas!*» («О,

Пресвятая Троица!»). Взывая к Царице Небесной, он также говорил: «*Monstra te esse matrem*» («Покажи, что Ты — Мать»).

Два дня он не принимал никакой пищи. Велев перенести на корабль облачения, которые он использовал для служения мессы, и книги, составленные им для наставления народов Востока, он приготовился к своему последнему часу, который был уже очень близок.

Кроме Антония Святой Веры, при нем был один юноша-индиец, которого он привез из Гоа. Святой, уже умирая, взглянул на этого юношу, и вид его, казалось, смутил его; затем с состраданием он дважды произнес: «О, несчастный!» — и прослезился. Бог в тот миг открыл отцу Ксаверию трагическую кончину индийца, который пять или шесть месяцев спустя, предавшись постыдному распутству, был на месте убит выстрелом из аркебузы. Так дух пророчества сопровождал святому мужу до последнего вздоха.

Наконец, 2 декабря, в пятницу, устремив на своё распятие взор, полный слёз умиления, он произнёс слова: «*In te, Domine, speravi; non confundar in aeternum*» («На Тебя, Господи, уповаю, да не постыжусь вовек»), — и в то же мгновение, охваченный небесной радостью, озарившей его лицо, тихо испустил дух около двух часов пополудни 1552 года.

Ему было сорок шесть лет, из которых десять с половиной он провёл в Индиях. Ростом он был несколько выше среднего, крепкого сложения, вид имел одновременно приятный и величавый. У него был приятный цвет лица, широкий лоб, соразмерный нос, глаза голубые, но живые и пронзительные, волосы и борода — тёмно-каштановые. От беспрестанных трудов он стал рано седесть и в последний год своей жизни был сед почти полностью. Это, без сомнения, и послужило причиной того, что его первые историки, прежде чем появились достоверные свидетельства о его возрасте, писали, будто ему было пятьдесят пять лет.

Когда стало известно, что отец Франциск скончался, многие с корабля, и даже самые преданные губернатору Малакки, поспешили к хижине. Они заметили, что его лицо румяно, словно он был жив, и с первого взгляда почти не могли поверить, что он умер. Но взглядевшись пристальнее, они исполнились благоговения, которое вытеснило все прочие чувства. Преклоняли колени, благоговейно целовали его руки и со слезами на глазах вверяли себя его молитвам, не сомневаясь, что душа его наслаждается лицезрением Бога на Небесах.

Тело предали земле лишь в следующее воскресенье, около полудня. Похороны его прошли без всяких обрядов; и, кроме Антония Святой Веры, Франциску ди Агиара и еще двоих, никто на них не присутствовал. Один историк Индий писал, что причиной тому был невыносимый холод, стоявший в тот день; но, по-видимому, страх навлечь на себя гнев губернатора Малакки сыграл в этом не меньшую роль. С него сняли его ветхую сутану (которую те четверо, что отдали ему последний долг, из благоговения разделили между собой) и облачили его в священнические одежды.

Затем Жоржи Алвариш распорядился поместить тело в довольно большой ящик по обычаю китайцев. Он велел наполнить ящик негашеной известью: чтобы плоть скорее истлела, и можно было забрать кости на корабль, который через несколько месяцев должен был возвращаться в Индии.

На оконечности гавани возвышался холм, у подножия которого был небольшой луг, где португальцы установили крест. Именно возле этого креста святой и был погребён. У его изголовья и в ногах сложили две груды камней, чтобы отметить место захоронения.

Между тем Бог явил святость Своего слуги в королевстве Наваррском чудесным событием, а вернее, прекращением чуда. В небольшой часовне замка Ксавериев находилось старинное распятие из гипса в человеческий рост. В последний год жизни святого это распятие на виду у людей обильно истекало кровью каждую пятницу; но как только Ксаверий умер, кровь перестала течь. Распятие и поныне можно видеть на том же месте с запекшейся кровью вдоль рук и бёдер, на кистях и на боку.

Очевидцы поведали также, что епископ Памплоны, узнав, что некоторые из местных жителей осмеливаются соскабливать частицы этой крови, наложил отлучение на всякого, кто впредь дерзнёт взять хотя бы малую её толику. Стало также известно из вестей, приходивших из Индий, что когда Ксаверий претерпевал непомерные труды или находился в великой опасности, распятие обильно кровоточило, с ловно в те часы, когда апостол страдал из любви к Иисусу Христу, Сам Иисус Христос, оставаясь бесстрастен, страдал вместе с ним.

Два с половиной месяца спустя после кончины святого мужа, корабль, стоявший в гавани Шанчуаня, готовился к отплытию в Индии. Антоний Святой Веры и Жоржи Алвариш упростили капитана Луиша ди Алмейду не оставлять на острове останки отца Франциска.

По приказу своего господина один из людей Алмейды 17 февраля 1553 года открыл гроб, чтобы посмотреть, истлела ли плоть и можно ли собрать кости. Но, убрав известь с лица, он обнаружил, что оно осталось свежим и румяным, как у человека, который сладко спит. Любопытство побудило его осмотреть и тело — он нашел его также совершенно целым и полным соков. Чтобы удостовериться окончательно, он отсек небольшой кусок плоти с правого бедра у колена и увидел, как потекла кровь.

Он тотчас побежал рассказать капитану об увиденном и принес ему этот отрезанный кусок плоти длиной в палец. Все немедленно поспешили к месту погребения и, тщательно осмотрев тело со всех сторон, нашли его целым и не тронутым никаким тлением. Священнические облачения, в которые он был одет, нисколько не пострадали от извести. Но что более всего изумило всех, так это то, что святое тело источало столь нежное и приятное благоухание, что, по свидетельству многих присутствовавших, самые изысканные ароматы не могли с ним сравниться, и казалось, то было благоухание небесное.

Тогда эти люди, которые при жизни отца Ксаверия, желая угодить страстям губернатора Малакки, дурно с ним обходились, наконец почтили его после смерти. Многие со слезами просили у него прощения за то, что из трусливого малодушия оставили его в болезни. Некоторые, не стесняясь в выражениях, обрушились на дон Алвару с проклятьями; были и такие, что во всеуслышание повторили то, что позже скажет вице-король Индий дон Афонсу ди Норонья: что Алвару ди Атаиди погубил отца Франциска — и своими гонениями в Малакке, и жестокостью своих людей в Шанчуане. В благоговейном порыве они вновь покрыли тело известью, перенесли священные останки на корабль и вскоре отплыли, сочтя за великое счастье доставить в Индию такое сокровище.

Они прибыли в Малакку 22 марта, не встретив на своем пути ни одного из тех ужасных вихрей, что свирепствуют во всех этих морях, — словно присутствие мощей их рассеяло. Не доходя до порта, они отправили шлюпку, чтобы известить город о даре, который везут. Хотя в Малакке уже не было никого из Общества, а в городе свирепствовала чума, вся знать и все духовенство во главе с Диогу Перейрой вышли к берегу встречать тело, каждый со свечой в руке. Они с почестями перенесли его в церковь Богоматери-на-Горе, сопровождаемые толпой христиан, магометан и идолопоклонников, которые в этот миг, казалось, все исповедовали одну веру.

Один лишь дон Алвару ди Атаиди не выказал почтения святому. Когда процессия проходила мимо его дворца, он как раз играл в кости и, услышав шум толпы, высунул голову в окно и назвал всеобщее благоговение простодушием и глупостью, после чего хладнокровно вернулся к игре. Но его нечестие не осталось безнаказанным, и предсказания человека Божия вскоре начали сбываться.

Вице-король Индий, получив жалобы на тиранические притеснения дона Алвару, лишил его правления Малаккой и, доставив в Гоа как государственного преступника, под надежной охраной отправил в Португалию. Там всё его имущество было конфисковано в королевскую казну, а сам он был приговорен к пожизненному заключению. Ещё до отъезда из Индий он страдал от постыдной болезни, которая в Европе чрезвычайно усилилась и от которой он в конце концов умер без всякого ухода, ибо зловоние его тела сделало его невыносимым для всех. Что же до Перейры, который всем пожертвовал ради веры и которого губернатор так несправедливо разорил, то король дон Жуан III вернул ему его достояние с лихвой и в последующие годы осыпал его милостями, согласно пророчеству Ксаверия.

Но благоговение народа было вознаграждено немедленно. Чума, которая вот уже несколько недель опустошала город, как и предсказывал святой перед смертью в письме к отцу Франсишку Перишу, внезапно прекратилась: болезнь более не распространялась, а те, кто был ею поражён, исцелились без всяких лекарств. Кроме заразной болезни, от голода ежедневно умирало бесчисленное множество людей. Этот второй бич был отвращён в то же время; ибо вместе с кораблем, на борту которого находилось тело человека Божия, в порт Малакки прибыли и другие суда, доставившие всевозможные припасы и провизию.

Столь великие милости должны были бы побудить жителей почтить своего благодетеля достойным его погребением; однако, то ли из страха перед губернатором, то ли по воле Божией, допускающей подобное для вящей славы Своего слуги, они, извлеки тело из гроба, похоронили его вне церкви, в том месте, где обычно хоронили простолудинов.

Они даже не вырыли достаточно широкой могилы, а поэтому, пытаясь силой втиснуть в неё тело, повредили ему плечи, и из них истекла кровь, распространившая дивное благоухание. Они дошли до того, что безрассудно топтали землю, покрывавшую тело, и причинили ему увечья в нескольких местах, — словно святому мужу суждено было претерпевать мучения от жителей Малакки и при жизни, и после смерти.

Эта драгоценная святыня оставалась без почестей до августа, когда отец Жуан Бейра прибыл из Гоа, чтобы вернуться на Молукки с двумя спутниками, которых вице-провинциал Гашпар Барзеу дал ему по приказу отца Ксаверия.

Поскольку он нежно любил святого, его смерть стала для него глубоким горем, и он не мог решиться отправиться на Молукки, не увидев мощей, о которых ему рассказывали столько чудес.

Поделившись этим с Диогу Перейрой и двумя или тремя другими друзьями покойного, они тайно откопали его однажды ночью. Тело оказалось целым, свежим и благоухающим, и влажность земли за пять месяцев ничуть его не повредила; даже плат, положенный на его лицо, оказался пропитанным алой кровью.

Столь поразительное зрелище поразило их, и они решили, что не должны возвращать тело в землю, а возымели намерение перевезти его в Гоа. Перейра велел изготовить гроб из драгоценного дерева и, после того как его обили богатым китайским дамастом, в него положили останки, облачённые в золотую парчу, с подушкой из броката под головой. Гроб затем поместили в укромное место, известное лишь этим верным друзьям отца Франциска. Бог же явным чудом соблаговолил показать, что их рвение было Ему угодно: свеча, которую они зажгли перед гробом и которая должна была сгореть менее чем за десять часов, горела целых восемнадцать дней, днём и ночью; и было замечено, что воск, натёкший с неё, весил больше, чем сама свеча изначально.

Между тем представился случай отправиться на Молукки, тогда как случая для путешествия в Гоа еще ждали. Бейра отплыл, воспламенённый как никогда ревностью о спасении душ и исполненный нового апостольского духа, который, казалось, вдохнул в него вид святого апостола. Но из двух спутников, данных ему для миссии на Молукках, он оставил одного в Малакке для охраны священных останков, и это был Эммануэл Тавора. В то же время из Японии прибыл Педру де Алкасева, посланный в Гоа по делам этой новой христианской общины; и оба они, немного погодя, перенесли святые мощи на судно Лопу ди Нороньи.

Это было старое судно, столь ветхое и ненадежное, что никто не решался на него ступить; но когда стало известно, что этот корабль должен везти тело отца Франциска, все поспешили занять на нем место, не сомневаясь, что там будут в безопасности; и пассажирам не пришлось раскаяться в своем уповании, ибо Бог не раз чудесным образом избавлял их от кораблекрушения.

Сперва свирепая буря бросила корабль на песчаные мели, и киль увяз так глубоко, что выбраться было невозможно. Но тогда вопреки всякому чаянию с носа подул ветер, который снял судно с мели, и, чтобы стало ясно, что здесь действует рука Божия, порыв этот прекратился в тот же миг, как только киль освободился из песка.

Немного погодя, при входе в залив Цейлона, они с силой налетели на подводные рифы. От мощного удара сорвало руль, и они остались с зажатым в скале килем; чудом было уже одно то, что корабль, столь ветхий, не развалился на части.

Моряки в этом положении поступили так, как поступают обычно в крайней опасности: они срубили мачты; и, поскольку это не помогло, вознамерились выбросить все товары в море, чтобы облегчить судно, но ярость волн, которые бились о него со всех сторон и страшно его раскачивали, не позволила им сделать то, чего они хотели.

Тогда они прибегли к заступничеству святого, чьи мощи везли в Гоа. Вынеся его из каюты кормчего и положив на палубу, они все преклонили колени вокруг него с

зажженными факелами; и, словно отец Ксаверий был ещё жив и мог их видеть и слышать, заклинали его спасти их от смерти.

Едва их молитва окончилась, как под кораблем раздался громкий треск, и в тот же миг они увидели, что судно уже в проливе, из чего заключили, что скала раскололась, открыв кораблю проход.

Они весело продолжили свой путь и, обогнув мыс Коморин, пристали к берегу в Кочине. Весь город вышел отдать долг своему наставнику и возлюбленному отцу; и невозможно поверить, какие чувства благоговения явил народ.

Из Кочина они отплыли в Батикалу. Жена Антониу Родригиша, королевского чиновника, которая долгое время была больна, надеялась исцелиться, если сможет увидеть отца Франциска. Она велела отнести себя на корабль и при виде мёртвого святого мгновенно обрела здоровье. Не довольствуясь своим исцелением, она захотела получить небольшой кусочек от края ризы, в которую был облачен отец; и невозможно представить, скольких больных она сама исцелила этой драгоценной реликвией.

Когда корабль был в двадцати лигах от Гоа и едва мог продвигаться из-за встречного ветра, капитан с несколькими людьми сел в шлюпку и на веслах добрался до города, желая самым первым сообщить вице-королю и отцам из Общества о прибытии святых мощей. Отец Гашпар Барзеу был уже мёртв, и его преемником на посту ректора Коллегии св. Павла и на посту вице-провинциала Индий был объявлен отец Белшиор Нуниш, согласно письму, которое отец Ксаверий оставил запечатанным, отправляясь в Китай, и которое по приказу самого Ксаверия вскрыли после смерти отца Гашпара.

Вице-король немедленно предоставил Нунишу легкую фусту, на которой тот с тремя другими членами Общества и четырьмя юношами из семинарии отплыл в сторону Батикалы, чтобы забрать останки святого. Они приняли его под грохот артиллерии не только с корабля Лопу, но и с шести других судов, шедших вместе с ним и также задержанных ветром у Батикалы.

15 марта 1554 года фуста причалила в Рибандаре, что в полулиге от Гоа. Она провела там остаток дня и всю ночь, пока в городе готовились к торжественной встрече святого апостола Индий.

И действительно, на следующее утро, в Страстную пятницу, показались шесть гребных лодок, оснащённых горящими факелами и пышно украшенных, в которых находился цвет португальского дворянства.

За ними следовали двенадцать других лодок, в которых находились триста знатнейших горожан, каждый со свечой в руке; и в каждой лодке были оркестры со всевозможными инструментами.

Вся флотилия разделилась на два крыла, сопровождая фусту, которая шла посередине. Мощи святого, покрытые золотой парчой Перейры, покоились на корме под богатым балдахином, при свете зажженных факелов и в обрамлении роскошных стягов по обоим бортам.

Так, медленно и в строгом порядке, они плыли к Гоа. Весь город собрался на берегу, с нетерпением ожидая увидеть возлюбленного своего отца. Едва его заметили издали,

как раздались радостные крики и полились слёзы умиления. Некоторые, самые нетерпеливые, бросились в море и, доплыв до фусты, сопровождали её вплавь до самого берега.

Вице-король ожидал там в окружении своей стражи и остальной знати, королевского совета и магистратов, все — в церемониальных облачениях. В то время как святые мощи выгружали на берег, сонм юных дворян, посвящённых служению при алтаре, запел песнь *Benedictus Dominus Deus Israël* («Благословен Господь Бог Израилев»). Тем временем процессия выстроилась и двинулась в следующем порядке:

Впереди шли девяносто детей в белых одеждах, увенчанные цветами, каждый с оливковой ветвью в руке. За ними следовали члены Братства Милосердия со своим великолепным знаменем. Духовенство шло за братьями и непосредственно предшествовало мощам, которые несли отцы из Общества.

Вице-король со всей свитой замыкал шествие, за которым следовала неисчислимая толпа народа.

Все улицы были украшены коврами, и когда появлялись благословенные мощи, из всех окон и со всех крыш бросали цветы.

Но ничто не сделало это торжество более славным, чем чудеса, которые тогда совершились; ибо казалось, от святых мощей вместе с небесным благоуханием исходила целительная сила. Многие больные, которых принесли на улицы, исцелились при виде святого; а некоторые, кто не мог даже подняться с кровати, обрели здоровье, лишь призвав его имя.

Жоана Перейра была одной из них; после трёхмесячной болезни, оказавшись почти при смерти, она не успела воззвать к помощи святого, как почувствовала себя совершенно исцелённой. Другая девица уже была при последнем издыхании и держала в руке освящённую свечу, но мать вверила её заступничеству слуги Божия, и едва процессия поравнялась с их домом, как умирающая тотчас пришла в себя и встала совершенно здоровая.

После нескольких кругов по городу шествие достигло коллегии св. Павла, и гроб установили в большом приделе церкви. Перед приделом возвели заграждение против напора толпы, но это заграждение, несмотря на охранявших его солдат, было вскоре сломлено.

Чтобы унять волнение, пришлось трижды показать святого, держа его стоймя, дабы все могли его хорошо видеть. Было даже решено оставить его открытым на три дня на утешение жителей, которые не уставали смотреть на него и, созерцая, проникались глубоким благоговением.

В присутствии святых мощей совершались новые исцеления: прозревали слепые, начинали ходить парализованные, и прокаженные становились чисты, как младенцы.

При виде этих чудес народ во всеуслышание рассказывал об удивительных вещах, которые были известны об отце Ксаверии, и его давний спутник Хуан Дейро, бывший тогда монахом-францисканцем и оказавшийся там, поведал, плача от умиления и благоговения, как святой предсказал ему всё, что с ним случилось. В тот день, который приходился на пятницу, каноники кафедрального собора

торжественно отслужили мессу Кресту Господню. На следующий день монахи-францисканцы, которых человек Божий всегда почитал и чрезвычайно любил, пришли отслужить мессу в честь Девы Марии в церкви Общества. После того как таким образом было удовлетворено всеобщее благоговение, в ночь на воскресенье гроб был помещен на возвышение, у главного алтаря со стороны Евангелия.

Не должен я здесь умолчать и о том, что корабль, доставивший в Гоа столь драгоценное сокровище, сам собой дал течь и пошел ко дну, как только с него сошли люди и сгрузили товары, — дабы показать, что Бог чудесным образом сохранял его лишь ради этого святого тела, и что судно, послужившее столь святому делу, не должно было более служить ничему мирскому.

Как только в Европе узнали о смерти отца Ксаверия, там начали говорить о его канонизации; и по этому поводу Его величество Жуан III, король Португалии, приказал вице-королю Индий, дону Франсишку Баррету, составить протоколы о жизни и чудесах слуги Божия. Это было исполнено в Гоа, в Кочине, на Рыбацком берегу, в Малакке, на Молукках и в других местах, куда послали людей порядочных, и притом просвещённых и учёных, которые выслушали свидетелей и рассмотрели факты со всей возможной точностью.

По правде говоря, народ счёл проведение этих дознаний дурным знаком, будучи убеждён в святости отца и не терпя, чтобы в ней сомневались. Посему они не стали дожидаться, пока завершатся все церковные процедуры и пока выскажется Святой Престол, чтобы начать молиться отцу Франциску; они уже тогда призывали его в своих нуждах; особенно, когда оказывались в опасностях. Некоторые помещали его портрет в своих молельнях; и даже архиепископ Гоа, дон Криштован ди Лисбоа (ибо епископская кафедра была возведена в ранг архиепископской), — архиепископ, подчёркиваю, носил на груди небольшой образок Ксаверия и часто лобызал его с благоговейной нежностью. Его преданность святому не осталась без вознаграждения: после того как он целый месяц жестоко страдал от камней, исцелился в одно мгновение и в дальнейшем не испытывал болей.

Дошло даже до того, что кое-где в Индиях новообращённые христиане, побуждаемые благочестием поспешным и неразумным, которое могут извинить лишь искренняя вера и рвение, построили церкви в честь отца Франциска.

Среди этих церквей была одна, весьма знаменитая, на побережье Траванкора. Когда сарацины разрушили ее вместе с одиннадцатью другими, более древними, христиане, не имея возможности восстановить их все из-за своей бедности, отстроили лишь эту, которая была им дороже всех.

Впрочем, где бы ни находились церкви, посвященные отцу Франциску, повсюду стекалось такое множество народа, чтобы почитать святого мужа, что, по свидетельству Франсишку Нуниша, викария из Коллама, ради паломников пришлось выкопать колодец близ церкви, построенной в самом Колламе. Нуниш также говорил, что храмы, освящённые во имя апостолов и других святых, словно бы утрачивали прежнее имя, как только в них выставляли образ Ксаверия; и народ, обращая всё свое почитание к нему, неизменно называл их «церквями отца Франциска».

Но что самое удивительное, даже враги Иисуса Христа почитали его после смерти так же, как и при жизни. Они называли его чудотворцем, другом Небес, владыкой

природы, богом земным. Некоторые предпринимали весьма долгие путешествия и приезжали в Гоа специально, чтобы увидеть его нетленное тело, которое, за исключением самодвижности, имело все признаки жизни. Были и язычники, говорившие о воздвижении ему алтарей; а некоторые последователи Магомета и впрямь посвятили ему мечеть на западном побережье Коморина.

Король Траванкора, магометанин, также построил в его честь великолепный храм, и неверные питали такое благоговение к этому месту, где почитали великого отца, что не осмеливались там даже плюнуть на землю, если верить свидетельству местных жителей.

Язычники имели обычай для подтверждения истины держать в руке раскаленное железо и совершать другие подобные суеверные обряды; но с тех пор, как отец Франциск стяжал в Индиях столь великое почитание, они стали клясться его именем, и это было среди них самым подлинным доказательством правдивости слов. Нельзя было даже безнаказанно солгать, поклявшись таким образом, и Бог не раз подкреплял столь благочестивый обычай явными чудесами. Вот тому страшный пример: один идолопоклонник был должен христианину крупную сумму денег; поскольку он отрицал долг и его нельзя было уличить в суде, христианин заставил его поклясться в церкви перед образом отца Франциска. Идолопоклонник без всякого зазрения совести принес ложную клятву; но едва он вернулся домой, как, извергая обильную кровь изо рта, умер в припадках ярости и бешенства, более походивших на беснование, чем на безумие.

Не меньше почестей, чем в Индиях, воздавали его памяти и в Японии. Христиане княжества Сацума благоговейно хранили камень, на котором он часто проповедовал, и показывали его как нечто драгоценное. Дом, где он жил в Ямагути, почитался как святое место и всегда сохранялся в целостности среди кровопролитных войн, не раз опустошавших город.

Впрочем, индийцы и японцы были не единственными народами, почитавшими отца Ксаверия после его смерти. Благоухание его святой жизни распространилось за моря, в другие неверные страны, где он никогда не бывал; и Афонсу Леон Барбуда, путешествовавший вдоль берегов Африки, сообщает, что в королевствах Софалы, за рекой Куама⁸, и на окрестных островах имя отца Франциска было весьма знаменито, и мавры там говорили о нем как о дивном человеке.

Столь многочисленные, столь славные и столь несомненные свидетельства вновь побудили короля Португалии ходатайствовать о канонизации святого мужа; и с этой целью было составлено весьма пространное собрание свидетельств о его добродетелях, изложение коего приводится здесь.

Даже самые неотложные дела не могли отвлечь отца Ксаверия от созерцательной молитвы. В Гоа он завёл обыкновение после трапезы подниматься на церковную колокольню, чтобы там, в уединении, проводить два часа в общении с Богом. Однако в этих беседах он часто забывал о времени, а дела меж тем требовали его внимания. Потому он и поручил юноше из семинарии Святой Веры по имени Андре приходить и извещать его, когда истекут два часа, отведённые им для созерцания.

Однажды, когда отцу предстояла беседа с вице-королём, Андре поднялся на колокольню, дабы напомнить ему о времени. Он застал святого сидящим на низкой скамье; руки его были скрещены на груди, а взор устремлён к небу. Понаблюдав за

ним, юноша окликнул его, но отец не отвечал. Тогда Андре заговорил громче, затем попробовал привлечь его внимание шумом, но все было тщетно: Ксаверий не шелохнулся. И Андре удалился, не смея нарушить покой того, кто, казалось, был подобен ангелу и уже здесь, на земле, вкушал небесное блаженство. Два часа спустя он вернулся и застал отца в том же молитвенном созерцании. Опасаясь не исполнить своего долга, юноша решился тронуть отца за плечо и осторожно потрясти его. Ксаверий, наконец очнувшись, сперва удивился, что два часа уже миновали. Когда же он узнал, что пробыл в молитве более четырех часов, то поднялся и вместе с Андре направился ко дворцу вице-короля. Но едва он переступил порог, как снова был восхищён духом. Бесцельно побродив по улицам, он повернул назад, лишь когда начало смеркаться, и сказал своему спутнику: «Сын мой, мы увидимся с вице-королём в другой раз. Бог пожелал, чтобы этот день был отдан Ему без остатка».

В другой раз, идя по улицам того же города, он был так поглощён мыслями о Боге, что не заметил разъяренного слона, от которого все спасались бегством. Напрасно ему кричали, чтобы он посторонился, он ничего не слышал; слон прошел совсем близко, а он и не обратил на то внимания.

Во время морских путешествий он исправно предавался молитве с полуночи до восхода солнца; отсюда и пошла у моряков поговорка, что в это время нечего бояться, ибо отец Франциск бодрствует над кораблем, и бури не смеют подняться, пока он говорит с Богом.

Один человек из Манапада, у которого он останавливался и который наблюдал за ним в разные часы ночи, всегда заставлял его на коленях у подножия распятия и часто видел, как комната озарялась лучами, исходящими от его лица.

Когда он останавливался в христианских городах, тот недолгий отдых, что уделял он своей плоти, он обыкновенно вкушал в церкви, дабы быть ближе ко Святым Дарам, пред коими молился всю оставшуюся ночь. В тех же краях, где церковей ещё не было, он большую часть ночи проводил под открытым небом; и ничто, по его собственному признанию, не возносило дух его к Богу так, как вид усеянного звездами небосвода.

Папа, во внимание к его апостольским трудам и заботам, дозволил ему читать breviарий более краткий, нежели римский, всего с тремя чтениями на каждый день. Этот чин, именуемый «Службой Кресту», в те времена охотно разрешали совершать людям, обременённым трудами. Однако Ксаверий, сколь бы ни был он занят служением Божиим, так ни разу и не воспользовался этим дозволением. Напротив, прежде чем приступить к каждому каноническому часу, он неизменно читал гимн *Veni Creator* (Приди, о Дух Творящий), и замечали, что при этих словах лицо его так озарялось, словно Святой Дух, Которого он призывал, зримо сходил на него.

Ежедневно на рассвете совершал он святую мессу, и всегда с тем же благоговением и набожностью, что и в первый раз. Небесная сладость, переполнявшая его душу у алтаря, изливалась и на молящихся. Так, Антониу Андрада вспоминал, что в юности, будучи солдатом, он всякий раз испытывал столь глубокое внутреннее утешение, прислуживая отцу Ксаверию, что сам искал любой возможности исполнить эту услугу.

Случалось, что посреди беседы с мирскими людьми святой муж бывал призван Богом через некие внезапные озарения, понуждавшие его удалиться; а когда его

начинали искать, то находили либо перед Святыми Дарами, либо в уединённом месте, погружённым в глубокое созерцание, нередко парящим в воздухе, с лучами, исходящими от лика. Несколько очевидцев свидетельствовали об этом; одни говорили, что вначале они видели святого коленопреклонённым и недвижимым, а затем замечали, что он мало-помалу поднимается от земли, и тогда, объятые священным трепетом, они не могли пристально глядеть на него, столь ярко сияло его лицо. Другие же утверждали, что, когда он говорил им о делах Божиих, они вдруг видели, как он отдаляется от них и тело его само собой возносится ввысь.

Эти необычайные восхищения, в коих есть нечто от славы блаженных, случались с ним время от времени во время евхаристической жертвы, после того как он произносил слова пресуществления; так, видели его вознесённым в Малакке и в Мелиапуре. То же самое неоднократно происходило и в Гоа, когда он причащал народ; и, что примечательно, поскольку он имел обыкновение преподавать причастие коленопреклоненно, то и в воздухе парил в той же позе.

Что до обычных экстазов, то они случались с ним почти ежедневно, в особенности у алтаря и после мессы; и часто его не могли привести в чувство, даже когда с силой тянули и трясли за сутану.

Блаженство, которое он тогда переживал, понятно лишь тем душам, коим Бог ниспосылает подобные милости. Всякий, однако же, видит, что если человек и может на земле радоваться небесным утехам, то это происходит тогда, когда душа, восхищенная из самой себя, погружается в Бога и словно бы теряется в Нём. В этом блаженном состоянии самые долгие промежутки времени кажутся лишь мгновением; всё великолепие мира бледнеет пред ликом вечности; человек забывает о сне и пище; он ничего не видит и не слышит, ибо тело, сделавшись в некотором роде бесчувственным, словно душа отделилась от него, лишается своих отправлений, и все природные силы словно бы угасают.

Но не только во время этих экстатических порывов Ксаверий тесно соединялся с Господом нашим: в самой гуще трудов дух его сосредотачивался в Боге, и ни многолюдство, ни бремя дел не могли его рассеять, так что он всецело пребывал и в том, что делал, и в Том, во славу Кого трудился.

Столь тесное и непрестанное единение могло проистекать лишь из нежной любви: воистину, божественная любовь так воспламеняла его, что лицо его пылало, и, чтобы умерить жар, сжигавший его изнутри и снаружи, приходилось лить ему воду на грудь.

Часто, во время проповеди или просто в пути, его охватывал такой внутренний жар, что, не в силах с ним совладать, он распахивал на груди сутану. Подобное не раз случалось на глазах у людей: на площадях Малакки и Гоа, в саду коллегии св. Павла и на морском берегу.

С уст его ежечасно срывались живые и пламенные слова, подобные искрам того священного огня, которым пылало его сердце, как, например: «О Пресвятая Троица!», «О Создатель мой!», «О Иисусе мой!», «О Иисусе, любовь сердца моего!»

Он произносил их на латыни, дабы скрыть их смысл от простого народа. А живя на Рыбацком берегу, в королевстве Траванкор и на Молуккских островах, он так часто повторял в течение дня *O sanctissima Trinitas!* (О Пресвятая Троица!), что даже самые

дикие язычники, попадая в беду или дивясь чему-либо, бессознательно произносили те же слова, смутно чувствуя их священную и таинственную силу.

Даже сон не прерывал этих нежных воздыханий, и каждую ночь слышали, как он повторял «О Иисусе мой, любовь сердца моего!» или другие, преисполненные нежности слова, открывавшие сокровенное устройство его души.

Даже в беспамятстве от сильной горячки, терзавшей его в Мозамбике и на Шанчуане, он говорил о Боге и с Богом с ещё бóльшим пылом, чем прежде, так что и бред его казался лишь новым порывом любви.

Он столь близко к сердцу принимал всё, что касалось славы Божией, что, глубоко скорбя о чудовищных грехах, совершавшихся в Новом Свете, писал одному из друзей: «Порою жизнь мне становится ненавистна, и я предпочёл бы умереть, нежели видеть столько оскорблений, наносимых Иисусу Христу, не имея сил ни воспрепятствовать им, ни загладить их».

А дабы огонь божественной любви горел неугасимо, он всегда мысленно взирал на страдания Господа нашего. При виде язв и крови распятого Бога сердце его неизменно источало слёзы и вздохи, преисполняясь умиления и горячей любви. Он пылал желанием отдать Спасителю жизнь за жизнь, ведь жажда мученичества оставалась его неизменной страстью, что подтверждают и строки из его писем: «Случается порой, — пишет он в одном из писем, — по особой милости благого Бога, что ради служения Ему мы подвергаемся смертельным опасностям; но нужно помнить, что мы рождены смертными, и что христианин не должен желать ничего иного, кроме как умереть за Иисуса Христа».

Отсюда и та радость, которую он испытывал, когда верные проливали кровь за веру; так, по случаю избиения крещёных маннарцев он писал отцам в Рим: «Надобно нам радоваться с Иисусом Христом, что и в наше время не оскудевают мученики, и благодарить Его за то, что, видя, как мало людей с пользою для своего спасения употребляют Его благодатные дары, Он попускает, дабы число блаженных пополнялось жестокостью людской».

«Отраднейшие вести пришли с Молуккских островов, — пишет он в другом письме, охваченный пламенной любовью. — Трудящиеся там претерпевают великие страдания и постоянно подвергают свою жизнь опасности. Полагаю, — добавляет он, — острова Мавра станут для нашего Общества источником многих мучеников, и вскоре их нарекут островами Мученичества. Пусть же ободрятся и заранее возрадуются братья наши, жаждущие пролить свою кровь за Иисуса Христа, ибо там их ждет рассадник мучеников, и они смогут исполнить свои сокровенные чаяния».

Та же любовь, что пробуждала в нём жажду мученичества за Бога, томила его жаждой лицезрения Господа и единения с Ним; все речи его были о рае, и почти каждое своё письмо он заключал надеждой встретиться с братьями в Царствии Небесном.

Но любовь его не ограничивалась чувствами и словами, она проявлялась в делах и простиралась на служение ближнему. Казалось, Ксаверий был рожден лишь для облегчения участи страждущих. Он нежно любил бедных, а служение им называл своей отрадой.

Он искал для них не только пропитания, но и утешения, и для этого выпрашивал у португальцев самые изысканные лакомства, что привозили им из Европы.

Он не стыдился ходить по городу с мешком за плечами, выпрашивая полотно для раненых солдат; он перевязывал их раны, и делал это с тем большею любовью, чем грязнее и зловоннее они были. Если он встречал на улицах какого-нибудь нищего, поражённого болезнью или умирающего от голода, он брал его на руки, относил в больницу, сам готовил ему лекарства и подавал еду.

Хотя все несчастные были ему дороги, он с особенной заботой помогал узникам, используя для этого подаяния, и в Гоа, который был главным судилищем Индий, он посвящал один день в неделю помощи тем, кто был обременён долгами. Если у него не хватало средств, чтобы полностью расплатиться с займодавцами, он умиротворял их своим ласковым обращением, а порой и убеждал отказаться от части долга.

Бедняки в один голос называли его своим отцом, и он также смотрел на них как на своих детей. Ничто из того, что ему давали, не задерживалось в его руках, но тотчас переходило к членам Тела Христова, так что он лишал себя даже необходимого. Он повсюду собирал пожертвования не только на нужды простого люда, довольствующегося малым, но и чтобы поддержать благородные семейства, в одночасье разорённые кораблекрушением, и чтобы уберечь от падения многих девиц из хороших домов, коих нищета толкала на гибельный путь.

Большинство чудес, которые святой совершал в многочисленных обстоятельствах, были направлены лишь на то, чтобы отвратить общественные бедствия или исцелить недуги частных лиц. В том же духе, будучи однажды всецело поглощен исповедью верующих в Гоа, он вдруг стремительно вышел из исповедальни и из церкви, влекомый внутренним порывом, которому не мог противиться. Сделав несколько кругов по городу, сам не зная, куда идет, он встретил какого-то незнакомца и, нежно обняв его, привел в коллегию Общества.

Там этот несчастный, которого отчаяние толкало на самоубийство, придя в себя, отдал отцу спрятанную веревку, на которой собирался повеситься. Отец, зная, что крайняя нужда ввергла этого бедняка в черную меланхолию, утешил его, на некоторое время оставил при коллегии и, наконец, в изобилии снабдил всем необходимым для содержания семьи.

Отец Ксаверий молился о благополучии короля Португалии Жуана III, которого называл истинным покровителем всего Общества Иисуса. Но те, кто преследовал святого, имели в его молитвах еще бóльшую часть, чем другие; и в то время, когда он претерпевал столь недостойное обращение от губернатора Малакки, он ежедневно приносил за него евхаристическую жертву.

Он говорил, что воздавать добром за зло — значит мстить по-божески. Так отомстил он и губернатору Коморина, о чем свидетельствует одно из его писем.

«Любезнейший во Христе брат. — писал он отцу Мансилье, — Печальные вести дошли до меня о Капитане: что сожгли его корабль и дома, и он укрылся на островах. Ради любви Божией, отправляйтесь немедленно со всеми людьми из Пуннакаяла, взяв всю воду, какую только смогут вместить все их лодки. Я пишу патангатиам, настоятельно требуя, чтобы они немедленно отправились с Вами к Капитану; чтобы они взяли побольше воды и много лодок для перевозки людей.

И если бы я думал, что Капитан обрадуется моему приезду, я бы сам поехал, а Вы остались бы в Пуннакаяле; но поскольку он прислал мне письмо, в котором говорит, что не может писать без страшного возмущения о том зле, которое я ему причинил (хотя Богу и всему миру ведомо, что он там такого не может написать мне без возмущения), не знаю, насколько он обрадуется, увидев меня. По этой и по другим причинам я воздерживаюсь от поездки туда, где он находится».⁹

Любовь Ксаверия к ближнему проявилась прежде всего в его трудах ради обращения душ. Трудно сосчитать все его морские и сухопутные странствия; и если бы кто задался таким трудом, то мог бы подумать, будто у него ни на что иное, кроме путешествий, не оставалось времени. Не говоря уже о его переходах из Франции в Италию и из Италии в Португалию, он отправился из Лиссабона в Мозамбик, из Мозамбика в Мелинду, на Сокотру и, наконец, в Гоа. Из Гоа он перебрался к мысу Коморин и на Рыбацкий берег; оттуда прибыл в Кочин и, вернувшись в Гоа, снова отправился в край рыбаков, углубился далеко вглубь материка, а затем возвратился на Рыбацкий берег, откуда направился на запад, в королевство Траванкор.

Пройдя эти побережья, он во второй раз побывал в Кочине и в Гоа; из Гоа он взял курс на Камбей; и, пересёкши всю страну, что простирается от устья Инда до Кочина, он обогнул мыс Коморин и отправился к островам Цейлон, Маннар и к Коровьим островам. Там он сел на корабль до Негапатама, а из Негапатама предпринял путешествие в Мелиапор, вдоль берегов Короманделя. Из Мелиапора он отплыл в Малакку, из Малакки спустился к экватору и, перейдя его, вошел в южное полушарие, дойдя до острова Банда и островов Амбон, Нулиагер, Улате, Баранура, Розалао и других, безымянных и неведомых мореходам и географам.

Затем, повернув в сторону Молуккских островов, он прибыл на Тернате, а с Тернате — на острова Мавра. Он вновь проделал путь на Тернате и Амбон, снова пересёк экваториальную линию и вернулся в Малакку, откуда, опять выйдя в море, пристал в порту Кочина; но, едва прибыв, отплыл к Рыбацкому берегу и острову Цейлон. После этого он вернулся в Гоа и спустился ниже по тому же побережью к Бассейну. Из Бассейна он вновь возвратился в Гоа и в Кочин. Он снова проделал путь из Кочина в Гоа и из Гоа в Кочин; оттуда, следуя вдоль всего побережья до мыса Коморин, отплыл в Малакку. Пробыв там недолго, он продолжил путь на север и, пройдя вдоль неких островов в виду Китая, наконец достиг Японии. Проведя там два года в многочисленных разъездах — из Кагосимы в Хирадо, из Хирадо в Ямагути, из Ямагути в Киото, из Киото в Ямагути и из Ямагути в Бунго, — он снова вышел в море, сделал короткую остановку на острове Шанчуань и бурей был отнесён к острову Минданао, одному из Филиппинских. Он вновь посетил Малакку и Гоа. Из Гоа он в пятый раз перебрался в Малакку, а оттуда достиг Шанчуаня, который и стал местом его кончины.

Такова череда странствий апостола Индий, Франциска Ксаверия. Я не упомянул множество островов и земель, куда, как мы знаем, он принёс свет Евангелия, а не упомянул, потому что точно не известно, в какое время он совершил эти путешествия.

Я не берусь, впрочем, подсчитывать пройденные им лиги; вычисление было бы затруднительным, и я удовольствуюсь лишь общим замечанием: согласно данным географов, точно измеривших земной шар, если сложить воедино все странствия Ксаверия, то их протяжённости хватило бы, чтобы несколько раз обогнуть землю.

Однако меньшим из того, что он совершал в своих путешествиях, было само путешествие; и те, кто знал его ближе всех, говорят о нём то же, что святой Златоуст говорил о св. Павле: что он с невероятной быстротой, словно летя, обходил земли, но не без труда и не без плода, а проповедуя, крестя, исповедуя, препираясь с язычниками, искореняя идолопоклонство, исправляя нравы и повсюду насаждая христианское благочестие. Его апостольские труды сопровождались всеми мыслимыми житейскими тяготами; и, если верить людям, наблюдавшим его вблизи, сама его жизнь была непрерывным чудом. Или, вернее, величайшее чудо Ксаверия состояло не в том, что он воскрешал мёртвых, а в том, что за десять лет он не умер от изнурения сам.

Одно лишь рвение поддерживало его; но сколь бы ни были тяжки обязанности его служения, он исполнял их с такой охотой и радостью, что, по свидетельству отца Белшиора Нуниша, казалось, будто всё, что он делал, то делал по естественному влечению. Вот подлинные слова Нуниша: «Отец магистр Франциск, трудясь ради спасения сарацин и идолопоклонников, казалось, действовал не по добродетели, влитой свыше или приобретённой, но по естественному побуждению; ибо он не мог ни жить, ни находить удовольствия ни в чём, кроме евангельских трудов; в них он обретал даже отдохновение, и для него не было трудом вести души к познанию и любви своего Бога».

Поэтому, как только появлялась малейшая надежда на то, что веру можно насадить в каком-нибудь новом языческом королевстве, он устремлялся туда, невзирая на все встречавшиеся трудности. Невозможно доподлинно назвать число обращённых им неверных: принято считать, что число это превышает семьсот тысяч; но не стоит полагать, будто он наставлял их лишь поверхностно. Прежде чем крестить, он основательно преподавал им начала веры. В зависимости от общественного положения, наставления его были различны; у него были особые поучения для юношества, иные — для замужних женщин, для вдов, для слуг и для господ.

Он не переходил с одного места на другое, пока вера не утверждалась там настолько, чтобы держаться самой по себе. И в самом деле, из всех стран, обращённых им в христианство, не известно ни одной, что впала бы обратно в идолопоклонство, кроме города Толо, да и то лишь на малое время. Зато доподлинно известно, что народы, которые по пятнадцать-шестнадцать лет не видели ни священника, ни кого-либо из чужеземных христиан, оказывались сведущими в вере и ревностными в добрых делах, словно лишь вчера приняли крещение. Известно, что многие из этих верных были не менее тверды в своих убеждениях, чем властитель острова Розалао, который, по свидетельству Педро Мартинеса, говаривал, что, если бы даже весь мир ополчился на него, никто и никогда не исторгнул бы из его сердца тех чувств, что внушил ему отец Франциск.

Знаем мы и о том, что некоторые, попав в рабство к язычникам, сохраняли свою веру в чистоте посреди язычества и предпочитали принять мученическую смерть, нежели отречься от Иисуса Христа. Он имел обыкновение каждый день за евхаристической жертвой усердно молить Бога об обращении язычников и читал для этого весьма благоговейную молитву, сочинённую им на латыни. Вот она:

«Aeterne Deus, omnium rerum creator, memento infidelium animas te solum creasse, quas ad imaginem et similitudinem tuam fecisti. Ecce, Domine, in opprobrium tuum inferni eis implentur.

Memento, Domine, Iesu Christi Filii tui, qui sanguinem suum tam liberaliter effundens pro illis passus est. Ne permittas, Domine, eundem Filium tuum, Dominum nostrum, a paganis amplius contemni, sed precibus Sanctorum electorum tuorum et Ecclesiae, beatissimae eiusdem Filii tui sponsae, placatus, recordare misericordiae tuae et, oblitus idololatriae et infidelitatis eorum, fac ut ipsi quoque agnoscant, quem misisti, Iesum Christum Filium tuum, Dominum nostrum, qui est salus, vita et resurrectio nostra, per quem salvati et liberati sumus, cui sit gloria per infinita saeculorum saecula. Amen»¹¹.

И на нашем языке:

«Вечный Боже, всего сущего Создатель, вспомяни, что души неверных Тобою единым сотворены, и создал Ты их по образу и подобию Своему. Се, Господи, на хулу Твою ад ими наполняется.

Вспомяни, Господи, Иисуса Христа, Сына Твоего, Который за них пострадал, столь щедро пролив Кровь Свою. Не допусти, Господи, дабы Сын Твой, Господь наш, и впредь был презираем язычниками, но по молитвам святых избранников Твоих и Церкви, блаженнейшей Невесты Сына Твоего, умиласердись и вспомяни милость Твою. Забыв их идолопоклонство и неверность, сотвори, чтобы и они познали посланного Тобою Иисуса Христа, Сына Твоего, Господа нашего, ибо Он — спасение, жизнь и воскресение наше, Им же мы спасены и избавлены, Ему же слава во веки веков. Аминь».

Способы, которыми святой пользовался для обращения народов Востока или для утверждения их в вере, были многообразны. В тех местах, где он проповедовал Евангелие, он водружал большие кресты — на морском берегу, на холмах и на проезжих дорогах, — дабы вид символа спасения либо пробуждал в язычниках любопытство и желание узнать, что оно означает, либо, если они уже слышали об Иисусе Христе, внушал им благие мысли.

Поскольку он не мог проповедовать всегда и везде, он составил несколько наставлений, касающихся веры и нравов, одни более пространные, другие более краткие, и все на языке обращённых им народов; по этим письменным наставлениям дети учились читать. Святой также сочинил благочестивые песни и положил на музыку Молитву Господню, Ангельское приветствие и Апостольский Символ веры. Тем самым он изгнал из обихода все бесчестные песни, которые новообращённые христиане знали до своего крещения; ибо песни Ксаверия так полюбились мужчинам, женщинам и детям, что их пели денно и ночью в домах и в поле.

Но из всех средств, которые отец применял для обращения неверных, вот, быть может, самое действенное. Вступая в языческую страну, он старался приобрести для Бога людей высоких саном или родовитых, и в особенности королей; не только потому, что честь Иисуса Христа требовала, чтобы венценосные главы были покорны Ему, но и потому, что, обращая государя, он обращал и народ, — столь велика во всех странах мира власть примера правителей над подданными.

Он общался со всякого рода людьми без различия, разве что с величайшими грешниками был ещё более обходителен, не подавая вида, будто знает, что перед ним блудники, богохульники и святотатцы. Так он поступал в особенности с солдатами, которые в Индиях были ещё более распутны и развратны, чем где-либо; дабы они его не сторонились, он находился среди них, как свой среди своих. А

поскольку порой, завидев его, они прятали свои карты и кости, он говорил им, что они не монахи и не могут молиться Богу целый день; что игрокам запрещены обман, ссоры, гнев и хула, но сама игра солдатам не воспрещается.

Иногда из любезности он даже играл в шахматы, когда люди, которых он хотел отвратить от порока, любили эту игру. Один португальский дворянин по имени дон Диогу ди Норонья однажды составил о нём из-за этого весьма дурное мнение. Этот дворянин, наслышанный о Ксаверии как о святом, очень желал его увидеть и оказался вместе с ним на одной галере. Не зная его в лицо, он попросил, чтобы ему указали на святого, но был весьма удивлён, увидев его играющим в шахматы с солдатом; ибо он воображал себе человека сосредоточенного и строгого, который является на людях лишь для того, чтобы говорить о вечности или творить чудеса. «Как же так, — произнёс возмущённый Норонья, — и этот человек — святой! Что до меня, я этому нисколько не верю, — добавил он, — и сильно ошибусь, если это не самый обыкновенный священник». Как ни старался дон Педру ди Каштру, его родственник, плывший на том же корабле, рассказать Норонье о великих делах, совершённых отцом Франциском, тот не изменил своего мнения, потому что видел отца всегда весьма весёлым. Когда же они все сошли на берег на Малабарском побережье, Норонья заметил, что Ксаверий один направился в рощу неподалёку от берега, и послал вслед за ним одного из слуг, чтобы тот за ним понаблюдал. Слуга нашёл человека Божия парящим в воздухе, с глазами, устремлёнными к небу, и с сияющим ликом. Он побежал известить своего господина, который тотчас пришёл и сам увидел то, о чём ему донесли. Тогда Норонья понял, что Ксаверий — святой, и что святость не является несовместимой с приятностью в обхождении. Именно таким образом апостол Индий сперва привлекал к себе военных, а затем приобретал их для Бога.

Примерно того же способа он придерживался и с купцами, ибо казалось, будто ничто не лежит у него на сердце, кроме их выгоды. Он благословлял суда, которые они отправляли для торговли, и часто расспрашивал о них, словно был их совладельцем; но, говоря с ними о портах, ветрах и товарах, он искусно переводил беседу на блага небесные. «О чём мы думаем, — говорил он им, — размениваясь на бранные сокровища земные, словно нет иной жизни, кроме нынешней, и нет иных богатств, кроме золота Японии, шелков Китая и пряностей Молуккских островов? *Ибо какая польза человеку, — продолжал он, — если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?*» (Мк. 8:36). Эти слова, которыми отец Игнатий отвратил его самого от мира, были у него в постоянном употреблении, и он повторял их при любом подходящем случае.

Что до новообращённых христиан, то его обращение с ними было поистине отеческим: он терпеливо сносил их грубые и дикие нравы и поначалу не требовал от них большего, чем можно было ожидать от людей низкого происхождения, закоренелых в пороке. Поскольку почти все они были бедны, он особенно заботился об их семьях и добился от короля Португалии, чтобы параванов освободили от некоторых непомерных податей, которые им приходилось платить каждый год. Он не раз защищал их от ярости соседних народов, которые воевали с ними из ненависти к вере, и понудил губернатора Индий послать им на помощь королевское войско. Он спасал их даже от насилия чиновников, которые из алчности их притесняли, и положил предел несправедливым поборам этих корыстных слуг, пригрозив написать на них жалобу королю Жуану III и кардиналу-инфанту, который был великим инквизитором.

Поскольку среди португальцев в Индиях весьма был распространён блуд, он прилагал особые усилия, чтобы отвратить их от распутной жизни. Первым его правилом на этом пути было входить в доверие не только к блудникам, но и к их наложницам; и он достигал этого учтивым обхождением, в коем не было ничего сурового, обходительными речами, а порой и добрыми услугами. Не стоит, однако, воображать, будто обращение грешников требовало от него лишь этого: прежде чем говорить с ними о деле их спасения, он говорил о том с Богом у подножия алтаря; но, чтобы сделать свои молитвы действеннее, он подкреплял их всевозможными видами умерщвления плоти.

Узнав, что три португальских солдата из гарнизона на Амбоне вот уже пять или шесть лет живут в неслыханном распутстве, он снискал их расположение своим мягким и учтивым обхождением и так преуспел в этом, что солдаты те, сколь бы ни были развратны, приютили его у себя на весь Великий пост, — столь очаровал их его приятный нрав. Но в то время, как он, дабы не спугнуть их, казался веселейшим человеком на свете, он совершал суровые покаянные подвиги, чтобы испросить у небес их обращения, и так жестоко истязал своё тело, что после этого целый месяц пролежал в тяжкой болезни.

Когда Ксаверий доводил грешников до того состояния, к которому стремился, то есть когда убеждал их приступить к исповеди, они стоили ему немногим меньше забот, чем прежде. Он всегда со слезами молил Бога об их стойкости в добре; и часто, наложив на них лёгкую епитимью, сам восполнял остаток их долга кровавыми самобичеваниями.

Если же он встречал души мятежные и неуступчивые, то и их не оставлял: напротив, искал с ними встречи и при виде их выказывал им ещё большее радушие, чем прежде, дабы дать им понять, что готов принять их раскаяние.

Отправляясь с Тернате на Амбон, он оставил на первом лишь двух человек, которые явно коснели в пороке. Когда корабли впервые пошли с Амбона на Тернате, он написал одному из своих друзей, прося его ласково приветствовать от его имени этих двух грешников и передать им, что по первому же знаку, какой они ему подадут, он вернётся, чтобы выслушать их исповедь.

Но эти снисхождения и эта доброта апостола не имели в себе ничего от слабости или малодушия, и он прекрасно умел проявлять строгость, когда считал необходимым. Так, одной даме, которая на исповеди у него покаялась, что посмотрела на некоего мужчину не без удовольствия, он сказал: «Вы недостойны, чтобы Бог взирал на вас, раз вы ради взгляда на человека подвергли себя опасности потерять Бога». Даму эти слова так взволновали, что до конца своих дней она не осмеливалась взглянуть ни одному мужчине в лицо.

Всеми этими способами Ксаверий приобретал для Бога множество душ; но что бы он ни делал, он считал это лишь началом; и в 1549 году он писал, что если Небо дарует ему ещё десять лет жизни, то надеется, что эти малые начинания получат более счастливые продолжения. Это горячее желание всё более и более расширять Царство Иисуса Христа побуждало его писать настоятельные письма королю Португалии и отцу Игнатию, прося о большом числе миссионеров. В своих письмах он обещал облегчить им труды миссии, служа им всем и любя их более, чем самого себя.

В год смерти он писал, что когда подчинит игу веры Китайскую и Татарскую империи, то намеревается вернуться в Европу северным путём, чтобы потрудиться над обращением еретиков и восстановлением нравов; а после этого он замыслил отправиться в Африку или вернуться в Азию, искать новые царства, где он мог бы возвестить об Иисусе Христе.

Впрочем, хотя он и замышлял новые предприятия так, словно ему предстояло прожить более века, трудился он так, будто в запасе у него был лишь нынешний день, и порой он настолько отдавался текущему делу, что по два-три дня не вспоминал о вкушении пищи.

Читая свой оффиций, он часто по пять-шесть раз прерывал один и тот же канонический час ради блага душ и делал это так же стремительно, как и возобновлял затем чтение. Он оставлял даже молитву, едва самый ничтожный человек обнаруживал хоть какую-то нужду в нём; и распорядился, чтобы его звали даже из глубочайшего уединения, если какой-нибудь бедняк или ребёнок попросит о наставлении.

Быть может, ни один человек никогда не подвергался стольким опасностям на море и на суше. Не считая бурь, которые он переносил в течение нескольких лет почти непрерывного плавания, известно, что на Молуккских островах, перебираясь с острова на остров, он трижды терпел кораблекрушение, хотя ни время, ни место нам не известны; и однажды он три дня и три ночи провёл на доске, отданный на милость ветров и волн.

Дикари часто метали в него свои стрелы. Он не раз попадал в руки разъярённой толпы. Сарацины однажды преследовали его, бросая камни, а брахманы несколько раз покушались убить, вплоть до того, что поджигали дома, где, как они полагали, он скрывался. Но все эти опасности несколько его не страшили, и страх смерти никогда не мог помешать ему исполнять свои обычные обязанности. Казалось даже, что опасности удваивали его мужество, и по причине бесстрашия он становился даже несколько безрассуден.

Находясь в Японии, он так сурово обличал правителя Ямагути в его постыдных и возмутительных пороках, что брат Жуан Фернандеш, знавший придворный язык лучше и служивший ему переводчиком, не переставал изумляться и с трепетом переводил слова святого, о чём мы знаем из письма самого Фернандеша. Ксаверий, заметив однажды страх спутника, повелел ему не изменять и не смягчать ни слова. «Я повиновался, — говорит Фернандеш, — но в любой миг ожидал, что этот нехристь сразит меня своим мечом, и мой страх перед смертью был столь же велик, сколь велико было бесстрашие отца Франциска».

И в самом деле, он не только не страшился её, но взирал на неё как на нечто желанное. «Мы не вступаем с ними в споры, но из-за страха перед ними не должны прекращать говорить о славе Божией и о спасении душ, — говорил Ксаверий в другом случае, — а они не могут причинить нам большего зла, чем Бог попустит им; и зло, которое придёт от них, станет благом, которое дарует нам наш Господь, если ради любви к Нему, служения Ему и рвения о душах Он прервёт дни нашей жизни, сделав их орудием для того, чтобы эта непрерывная смерть, в которой мы живём, закончилась, и чтобы наше желание вскоре исполнилось. Наше намерение — провозглашать и являть истину, как бы нам ни противоречили, ибо Бог обязывает нас любить спасение наших ближних больше, чем собственную телесную жизнь»¹².

При самых рискованных начинаниях во всех обстоятельствах уповал на Бога, что и позволяло ему на всё отваживаться. Вот как он сам говорит о своём путешествии в Японию:

«Как только мы достигнем Японии, мы твёрдо намерены немедленно отправиться к самому государю Японскому и с дерзновением возвестить ему поручения, которые мы имеем от Иисуса Христа, Царя царей. Мы идем, полные надежды и божественного упования, и уверены, что с Богом, нашим предводителем, восторжествуем над Его врагами. Не мы и страшимся спора с учёными мужами Японии. Ибо что доброго может знать тот, кто не знает Бога и Христа, Сына Его? Тот же, кто ищет лишь божественной благодати, проповеди Евангелия и спасения душ, — чего ему бояться и от чего отказываться? Ибо если бы мы оказались не просто в землях варваров, но прямо в царстве бесовском, то ни варварство, ни ярость бесов не смогут причинить нам никакого вреда, кроме как с попущения и изволения всемогущего Бога.

Одного лишь мы боимся: как бы самого Бога не оскорбить. Если мы избежим этого, то, с Его благоволения, можем рассчитывать на верную победу над нашими врагами. И поскольку Бог всем дает достаточно помощи для служения Ему и избежания грехов, мы надеемся, что по Своей благодати Он не откажет и нам. Ведь всё дело в том, пользуемся ли мы божественными благодеяниями правильно или же злоупотребляем ими. Посему великая надежда у нас на то, что молитвы Церкви, нашей матери и невесты Христовой, и особенно нашего Общества и его ревностных членов, испросят для нас то, чтобы мы использовали дары Божии как должно, во славу Божию.

Нас весьма радует то, что Бог видит наши намерения и цель нашего путешествия и знает, что мы не стремимся ни к чему иному, кроме как к тому, чтобы души, сотворенные по образу Божию, познали своего Создателя, воздавали Ему божественную честь и поклонение, и чтобы христианская вера широко распространялась. Посему мы не сомневаемся, что исход нашего путешествия и предприятия будет счастливым и радостным. Две вещи вселяют в нас величайшую надежду на преодоление препон сатаны: сознание благородства нашего замысла и Божественное провидение, которое управляет не только людьми, но и бесами. Ибо сатана не смог причинить никакого вреда Иову, не получив на то власти от Бога. Однако я вижу, что нам предстоит перенести не только многочисленные и тягостные труды, но и явные смертельные опасности при самом путешествии.

Путешествие в Японию, безусловно, опасно как из-за множества пиратов и мелей, так и из-за сильных бурь, которые бывают настолько свирепы, что можно считать большой удачей для тех, кто направляется в Японию, если у них погибнет лишь каждый третий корабль. И мне часто приходила на ум мысль, не сочтут ли образованные люди нашего Общества, прибывающие в эти края, предприятие наше совершенно безрассудным, ведь это как будто искушать Бога — подвергать себя столь явным опасностям, в которых гибнет такое множество кораблей. Но, поразмыслив, я перестаю бояться, ибо уверен, что дух Господень, обитающий в письменах и в самих учёных мужах нашего Общества, будет направлять их; в противном случае учёность принесла бы гораздо больше вреда, чем пользы.

Я же всегда помню слова досточтимого отца нашего Игнатия: члены нашего Общества должны всеми силами стремиться к победе над собой и к изгнанию тех страхов, что мешают всецело уповать на одного лишь Бога. Ибо, хотя божественная надежда и даруется людям по изволению Господню, чаще всего она ниспосылается тем, кто неустанно трудится над превозможением самого себя.

Ибо велико различие между теми, кто, обладая всем необходимым, уповает на Бога, и теми, кто в том же стремлении подражать Христу лишает себя и самого нужного. Подобным же образом, надеющиеся на Бога вдали от смертельной опасности весьма отличны от тех, кто, вверяясь Божью промыслу, во славу Его добровольно идёт на смертельный риск, которого вполне мог бы избежать. Я же убеждён: для тех, кто ради одного лишь Бога постоянно живёт в смертельной опасности, земная жизнь вскоре станет столь горька, что они возжелают смерти, дабы вечно жить и царствовать с Господом на небесах. Ибо то, что мы зовём жизнью, есть не что иное, как непрестанное умирание, изгнание из того небесного блаженства, для которого мы были сотворены и рождены».

В этом же духе упования святой, обращаясь в письме к отцу Симону Родригешу, говорит ему так: «Наш Бог держит в Своей руке бури морей Китая и Японии; скалы, бездны и рифы, печально известные столькими кораблекрушениями, подвластны Ему; Он — владыка всех пиратов, что кишат в этих морях и творят ужасные жестокости над португальцами; поэтому я ничего из всего этого не боюсь. Я боюсь лишь, как бы Бог не наказал меня за то, что я так ленив в служении Ему и так мало способен, по своей вине, расширять царство Сына Его Иисуса Христа среди народов, которые Его не знают»¹³.

В том же духе он говорит отцам в Гоа, отчитываясь о своём прибытии в Японию: «И в том явил нам Господь великую и явную милость, что привёл нас в эти земли неверных, дабы мы не забывались. Земля сия полна идолопоклонников и врагов Христовых, и потому уповать нам не на кого, кроме как на Бога. Ибо здесь нет у нас ни родных, ни друзей, ни знакомых; мы не встречаем здесь и толики христианского сострадания, но лишь вражду к Тому, Кто сотворил небо и землю. А потому мы воистину вынуждены возлагать всю нашу веру и надежду на Христа, Господа нашего, а не на какое-либо смертное создание, ибо все они в неверии своём суть враги Божии.

В иных же землях, где нашего Создателя, Искупителя и Господа знают, мирские привязанности зачастую становятся препоной, отвращающей от Бога: любовь к отцу и матери, к друзьям и знакомым, привязанность к родине, обладание достатком в здравии и болезни, мирскими благами или даже духовными друзьями, готовыми помочь в телесных нуждах. А превыше всего понуждает нас уповать на Бога именно отсутствие тех, кто мог бы поддержать нас духовно.

Поэтому-то здесь, в чужих краях, где Бога не знают, Он являет нам особую милость: сами люди своим отсутствием любви к Богу и христианского сострадания понуждают и укрепляют нас в том, чтобы мы возлагали всю нашу веру и упование на Его божественную благость»¹⁴.

Но, быть может, лучше всего святой рассуждал на эту тему в письме, написанном по возвращении с Молуккских островов после одного тяжкого плавания. Вот его слова:

«Во многих опасностях я оказывался в этом путешествии от мыса Коморин до Малакки и Молуккских островов, как среди морских бурь, так и среди врагов. Особенно запомнился один случай на корабле водоизмещением в 400 тонн: при сильном ветре мы прошли более лиги, постоянно задевая дно рулём. Наткнись мы в это время на скалы, и корабль разлетелся бы на щепки; окажись где-то мельче — и мы сели бы на мель. Много слёз я пролил, видя себя в таком положении.

Угодно было Богу, нашему Господу, в этих опасностях испытать нас и дать нам познать, сколь мы ничтожны, когда полагаемся на собственные силы или доверяем сотворённым вещам; и сколь мы велики, когда, отвергнув эти ложные надежды и разуверившись в них, уповаем на Создателя всего сущего, в Чьей власти укрепить нас, когда опасности принимаются ради любви к Нему.

И принимая их лишь из любви к Нему, те, кто оказывается в них, без сомнения верят, что всё сотворённое покорно Создателю, и ясно осознают, что утешения, обретаемые в эту годину превосходят страх смерти, даже если человеку суждено окончить свои дни.

А когда труды завершены и опасности миновали, человек не в силах ни рассказать, ни описать того, что он пережил, находясь в самой их гуще. Но в душе запечатлевается память о былом, побуждающая без устали служить всеблаговому Господу и в настоящем, и в грядущем, уповая на Того, Чьи милости бесконечны, и веря, что Он даст силы для этого служения»¹⁵.

«Если бы люди смогли, — говорит он в другом месте, — тот ужас, что дьявол вселяет в них искушениями, стараясь отвратить их от служения Богу, обратить в благоговейный страх пред Творцом; если бы, доверившись Ему, они осознали, что непослушание воле Божьей несёт куда большее зло, нежели все козни врага, — то какой мир воцарился бы в их душах! Какую пользу они бы извлекли, познав на опыте собственное бессилие и в то же время ясно увидев, что в единении с Богом обретается великая мощь! И сколь посрамлённым и немощным предстал бы тогда дьявол, побеждённый теми, кого он некогда одолевал!»¹⁶

Он учил, что в опасностях и искушениях твердейшая опора есть мужество перед врагом нашего спасения, питаемое полным недоверием к себе и всецелым упованием на Бога, — мужество, благодаря которому мы не только ничего не страшимся под сенью такого Покровителя, но и пребываем в твёрдой уверенности в победе.

Он говорил также, что в этих опасных обстоятельствах недостаток упования на Бога страшнее любых потуг врага, и что человек подвергается гораздо большей опасности, если хоть немного усомнится в божественной помощи среди величайших бед, чем если подвергнет себя самим этим бедам. Наконец, он добавлял, что эта опасность тем страшнее, что она сокрыта и менее всего заметна.

Понимание этого рождало в душе святого совершенное смирение и полное недоверие к себе. Вся молва в Новом Свете была лишь о нём; и неверные, и христиане почитали его с равным благоговением; власть его над природой была так велика, что, по общему мнению, само отсутствие чудес почиталось за чудо – и всё это лишь глубже погружало его в смирение, ибо он не видел в себе ничего, кроме собственного ничтожества, и, будучи в своих глазах ничем, не постигал, как люди могут его чтить.

В письме к доктору Наварре, написанном ещё до отплытия в Индии, он говорит, что познать самого себя есть редкий дар Небес, и что он, по милосердию Божию, познал собственную свою немощь.

«Смиренно молитесь Господа нашего, — пишет он из Индий отцу Симану Родригешу, — дабы я смог отворить врата Китая для других, ибо сам я здесь ничего не стою». Во

многих письмах он называет себя последним из грешников и умоляет братьев быть ему ходатаями перед Богом. «Молитесь о том, — говорит он одному из них, — чтобы, хотя грехи мои и делают меня недостойным евангельского служения, Бог по бесконечной Своей благости соизволил соделать меня Своим орудием».

«Умоляю вас, — обращается он к другому собрату, — испросить нам помощи свыше; и, дабы вы делали это с бóльшим рвением, я молю Бога открыть вам, сколь велика моя нужда в вашем заступничестве».

«Мне крайне важно для моего утешения, — сообщает он отцам в Гоа, — чтобы вы знали, в какой странной скорби я пребываю. Поскольку Бог знает множество и тяжесть моих грехов, меня терзает мысль, что Бог не даст успеха нашим предприятиям, если мы не исправим наших нравов и не изменим совершенно свою жизнь. Для этого надобно прибегнуть к молитвам всех иноков нашего Общества, всех его друзей, в надежде, что через них Католическая Церковь, которая есть Невеста Господа нашего Иисуса Христа, сообщит нам свои неисчислимые заслуги, и что Виновник всех благ, несмотря на наши грехи, всегда будет осыпать нас Своими милостями».

Все плоды своих трудов он приписывал очевидному чуду божественного могущества, которое воспользовалось таким ничтожным и слабым орудием, как он, дабы явлено было, что это — дело Божие. Он говорил, что люди, одарённые великими талантами, должны с великим усердием трудиться ради спасения душ, раз уж он сам, лишённый всех качеств, требуемых для столь высокого служения, не остался совершенно бесполезным.

Поскольку он не считал себя ни на что способным и не доверял собственному разумению, он часто в письмах просил своих братьев из Италии и Португалии научить его наилучшему способу проповедовать Евангелие с пользой.

«Я иду, — говорит он, — возвещать Иисуса Христа народам, отчасти идолопоклонникам, отчасти сарацинам. Заклинаю вас Самим Иисусом Христом, напишите мне, каким образом и какими способами я должен действовать, ибо я убеждён, что Бог внушит вам самые подобающие средства, чтобы с лёгкостью привести эти народы к послушанию вере; и, если в ожидании ваших писем я уклонюсь от прямого пути, то надеюсь, что, получив их, я вновь на него вступлю».

Всё, что ему удавалось в служении Богу, он приписывал заслугам своих братьев. «Ваши молитвы, — пишет он отцам в Рим, — несомненно, испросили мне благодать познать бесконечное множество моих грехов и, несмотря на это, иметь мужество неустанно трудиться ради обращения идолопоклонников».

Если же замыслы, которые он строил для преуспевания веры, встречали препятствия, он не видел тому иной причины, кроме своих грехов, и сетовал лишь на самого себя.

Что до чудес, которые он творил непрестанно, то, по его словам, они были следствием невинности детей или веры болящих; и когда при виде чудесного деяния народ желал оказать ему особые почести, он уходил прятаться в лесную глушь, или же, если не мог этого сделать, так глубоко погружался в самопознание, что был надёжно укрыт от тщеславия. Казалось даже, что низкое мнение о себе некоторым образом ослепляло его относительно совершаемых им чудес, так что он и не видел в них ничего чудесного.

В Гоа открыто говорили о мёртвых, воскрешённых им на Рыбацком берегу. Когда он вернулся в Гоа, два его близких друга, Тьягу Борда и Косме Анес, просили его поведать им, во славу Божию, как всё было, и в особенности расспрашивали о ребёнке, утонувшем в колодце. При этом вопросе святой муж так густо покраснел, что вызывал сострадание; немного придя в себя, он воскликнул: «Иисусе! Я — воскрешать мёртвых! Можете ли вы верить в подобное о таком негодном человеке, как я?» Затем, улыбнувшись, он добавил: «Увы! Бедный я грешник! Они принесли ко мне дитя, которое, по их словам, было мертво, а оно, быть может, и не было мёртвым! Я повелел ему встать, он встал — что же тут за чудо?»

Ордоньо де Себальос, объехавший почти весь свет, приводит в описании своих странствий такое свидетельство одного японца, встреченного им в Индии: «В бытность мою бонзой в Японии, — поведал тот, — случилось мне присутствовать на совете, где собратья мои, наслышавшись о дивных деяниях отца Франциска Ксаверия, вознамерились причислить его к сонму богов. С тем и отправили к нему послов, но отец пришёл в ужас от их предложения. Он сперва возвестил о Боге в словах возвышенных и великолепных, а затем заговорил о себе самом со столь глубоким смирением, что все мы получили важный урок. И большинство из нас, бывших дотоле жрецами идольскими, обратились в почитателей Иисуса Христа, ибо поступки его тронули нас более, чем речи». Таково было свидетельство этого бонзы.

Он избегал должностей в Обществе, считая себя совершенно их недостойным. «Никогда не смогу я в полной мере описать, — писал он из Кочина отцу Игнатию, — сколь многим обязан я японцам, ибо из благоволения к ним Господь, Бог наш, даровал мне глубокое познание моих бесчисленных грехов. Пребывая в неведении о самом себе, я не видел множества зол, таившихся в душе моей, доколе не оказался среди трудов и опасностей Японии. Именно тогда Господь, Бог наш, ясно явил мне, сколь отчаянно я нуждаюсь в том, кто бы имел обо мне великое попечение. Теперь же Ваша святая Любовь видит, какое бремя на меня возложено: забота о стольких душах Общества, пребывающих здесь, в то время как я по милости Божией лишь ясно сознаю собственную великую немощь. А я-то уповал, что сам буду вверен попечению братьев из Общества, а не они — моему»¹⁷.

Он безмерно чтит миссионеров, которые трудились вместе с ним, и ни во что не ставил собственные труды в сравнении с их подвигами. Рассказав о деяниях отца Франциску Переша в Малакке, он пишет Паулу ди Камерину и Антонию Гомешу: «Признаюсь вам, братья мои, я устыдился самого себя, когда увидел всё это, и собственное моё малодушие заставило меня покраснеть при виде миссионера, который, будучи совсем немощен, неустанно трудится ради спасения душ». Ксаверий не раз повторяет то же самое в своём письме, из глубокого уважения к Перешу и презрения к себе.

Евангельским делателям он ничего не заповедывал так настоятельно, как познание самих себя и уклонение от гордыни; и стоит лишь открыть его письма, чтобы увидеть, каковы были его мысли на сей счёт.

«Будьте готовы, ибо не пройдет и двух лет, как я призову многих из вас в Японию. А потому готовьтесь стяжать великое смирение, понуждая себя к тому, что противно вашему естеству, и трудясь всеми силами, какие дарует вам Бог, дабы познать сокровенные глубины души вашей. Так вы возрастёте в вере, надежде, любви к Богу и милосердии к ближнему, ибо из недоверия к себе рождается истинное упование на Бога. Этим путем вы обретёте внутреннее смирение, в котором повсюду, а здесь в

особенности, вы нуждаетесь более, чем полагаете. Остерегайтесь искать опоры в добром мнении людском, разве что для собственного посрамления. Ибо по небрежности сей некоторые теряют внутреннее смирение, которое обращается в гордыню. Со временем, не видя, сколь пагубен сей путь, они лишаются благоговения тех, кто прежде их восхвалял, и сами впадают в смятение, не находя утешения ни в себе, ни вовне.

Посему молю вас: во всех делах ваших всецело утверждайтесь в Боге, не уповая ни на силу свою, ни на знание, ни на мнение людское. И тогда я почти вас готовыми ко всем великим испытаниям, как духовным, так и телесным, что могут вас постигнуть. Ибо Бог возвышает и укрепляет смиренных, особенно тех, кто в малом и ничтожном, словно в чистом зеркале, узрел немощи свои и превозмог их. Таковые, оказавшись в величайших скорбях, каких никогда не испытывали, знают наверняка, по великому упованию, которое они имеют на Бога, что ни диавол со слугами своими, ни яростные бури морские, ни злые и дикие народы, ни иное какое-либо создание не сможет им повредить, ибо без Его попущения и дозволения они бессильны.

И поскольку все помыслы их и желания явлены пред Ним и устремлены к служению Ему, а все творения покорны Его воле, то, уповая на Него, они не страшатся ничего, кроме одного — оскорбить Его. Они знают, что когда Бог попускает диаволу вершить его дело, а созданиям — преследовать их, то свершается сие для их испытания, для более глубокого самопознания, в наказание за грехи, для стяжания большей заслуги или для их смирения. И потому они возносят великую благодарность Богу, ибо милостью оборачиваются для них гонения. Они возлюбят и самих гонителей, как орудия, через которые ниспосылается им столь великое благо. И не имея, чем отплатить за такую милость, дабы не оказаться неблагодарными, они с великим усердием молятся за них Богу. И я уповаю на Бога, что таковыми станете и вы.

Знаю я одного человека, которому Господь явил великую милость, ибо он и в опасностях, и в покое неизменно возлагал на Него всё своё упование, и польза, которую он от этого обрёл, столь велика, что о ней можно было бы писать бесконечно. И поскольку величайшие из трудов, которые вы доньше несли, покажутся малыми в сравнении с теми, что ожидают в Японии тех из вас, кто туда отправится, я молю и заклинаю вас, насколько могу, любовью и служением Господу нашему: готовьтесь к великим испытаниям, сокрушая в себе собственные привязанности, ибо они — препона на пути к величайшему благу.

И будьте предельно бдительны к себе, братья мои во Христе Иисусе, ибо многие из тех, кто ныне в аду, в земной своей жизни были причиной и орудием спасения других, наставляя их на путь в Царствие Небесное; сами же они, из-за отсутствия внутреннего смирения, оказались в аду, ибо утверждались на обманчивом и ложном мнении о себе. Но нет в аду никого из тех, кто в земной жизни трудился, прибегая к средствам, которые ведут к обретению этого внутреннего смирения»¹⁸.

Таковы были общие наставления о смирении, которые святой давал своим братьям; вот и частные, преподанные им некоторым из них:

«Умоляю вас любовью к Богу, — говорит он отцу Сиприану, который трудился в Мелиапоре, — и к блаженному отцу нашему Игнатию, которого вы знали: будьте предельно смиренны, терпеливы и кротки. Знайте наверняка, что то, чего нельзя достичь смирением и терпением, тем более не достичь нетерпением и гордыней,

особенно в этих краях Индии, где добром можно добиться многого, а злом — почти ничего. И знайте наверняка, что я предпочёл бы малейший плод без соблазна, нежели стократный, но с ним.

В этом мы часто заблуждаемся: не имея истинного смирения и добродетели и не являя их тем, с кем общаемся, мы тем не менее желаем, чтобы народ почитал нас и исполнял то, что мы ему говорим и о чем просим, лишь потому, что мы из Общества. Мы не помним и не утверждаемся в истинных добродетелях Общества, за которые Бог и даровал ему такое доверие и авторитет среди народа. Так что мы желаем пользоваться плодами этого авторитета и доверия, но не смирением и добродетелью, которыми они были заслужены и которыми Общество завоевало уважение людей. И что еще хуже, порой мы лишь усугубляем свои вины, оправдывая их»¹⁹.

«Помните, — пишет он отцу Гашпару Барзеу, ректору коллегии в Гоа, — о том, чтобы часто перечитывать оставленные мною вам наставления, особенно те, что касаются смирения, и превыше всего остерегайтесь зазнаться, размышляя о соделанном Богом через вас и через всех делателей Общества. Что до меня, то я был бы весьма рад, если бы вы со всей серьёзностью думали о том, как много Бог не совершил из-за вашей неверности; и я предпочёл бы, чтобы именно эта мысль занимала ваш ум, а не мысли о великих делах, которые Богу угодно совершать через ваше служение. Ибо первая мысль приведёт вас в смущение и напомнит о вашей немощи, тогда как вторая вызвала бы в вас тщеславие и подвергла опасности впасть в высокомерие».

Столь твёрдое смирение было в душе Ксаверия источником совершенной покорности воле Божией. Он никогда ничего не предпринимал, не испросив прежде Его воли, каковая во всём была его единственным правилом.

«Я непрестанно молился, — говорит он о путешествии в Макаassar, — дабы узнать, чего Небеса желают от меня; ибо я твердо вознамерился исполнить волю Господню, как только она будет мне явлена».

«Да будет угодно Богу, — говорит он по тому же поводу, — чтобы мы по Его благодати познали Его замыслы о нас, дабы мы тотчас сообразовались с ними во всём, как только божественный свет нам их откроет; ибо Он повелевает нам быть всегда готовыми повиноваться Ему по малейшему знаку, и в этом мире нам надлежит уподобиться странникам, всегда готовым последовать гласу Господню».

«О, как хотелось бы, — говорит он в другом месте, — чтобы Бог явил нам Свою святейшую волю о том, на каких поприщах и в каких краях Ему будет угодны труды мои во славу Его; ибо мы всегда готовы с помощью Его благодати исполнить всё что угодно, если только Он даст нам разуметь, что в том Его воля.

Впрочем, у Него есть дивные способы для изъявления нам Своей воли, как то: внутренние чувства и небесные озарения, не оставляющие в душе сомнения ни в том, куда Бог желает её направить, ни в том, что ей надлежит совершить во угождение Ему. Подобно странникам, не имеющим привязанности к землям, через которые лежит их путь, мы должны быть готовы устремляться из одной страны в другую, или, вернее, в самые дальние края, куда призовет нас глас Небес. Для меня всё равно — восток ли, запад, юг или север, — лишь бы содействовать вящей славе Божией».

В другом месте он говорит: «Хотел бы я, чтобы вы всегда помнили: ревностная и покорная воля, с которой человек всецело посвящает себя служению Богу, есть жертва, более угодная Божественному величеству, нежели самое блистательное деяние, лишённое этого внутреннего расположения».

Будучи убеждён, что совершенство творения состоит в том, чтобы желать лишь того, чего желает Творец, он беспрестанно говорил о Божественной воле и почти все свои письма завершал пожеланием познать и исполнить её.

Этой воле он приносил в жертву всё, даже пламенное желание умереть за Иисуса Христа от руки варваров. Ибо, хотя он и воздыхал о мученичестве, но твёрдо знал, что жертва жизнью негодна Небу, если Провидение того не требует, а страх прогневить Бога был в нём сильнее самой жажды мученичества. Потому он и почил с миром, умерев естественной смертью в убогой хижине, на пороге обращения Китая, — принеся, таким образом, в жертву воле Божией не только собственную славу, но и славу Иисуса Христа.

Будучи убеждён, что совершенство творения состоит в том, чтобы желать лишь того, чего желает Творец, он беспрестанно говорил о Божественной воле и почти все свои письма завершал пожеланием познать и исполнить её.

Этой воле он приносил в жертву всё, даже пламенное желание умереть за Иисуса Христа от руки варваров. Ибо, хотя он и воздыхал о мученичестве, но твёрдо знал, что жертва жизнью негодна Небу, если Провидение того не требует, а страх прогневить Бога был в нём сильнее самой жажды мученичества. Потому он и почил с миром, умерев естественной смертью в убогой хижине, на пороге обращения Китая, — принеся, таким образом, в жертву воле Божией не только собственную славу, но и славу Иисуса Христа.

Человек, столь покорный велениям Небес, не мог не быть покорным и настоятелю, занимавшему для него место Бога. К отцу Игнатию, генералу Общества Иисуса, он питал почтение и благоговение, смешанные с нежностью, превосходящей всяческое воображение.

Он и сам отчасти выразил свои чувства на сей счёт, и нельзя читать это без умиления. В одном из писем, которое начинается словами: «Отец мой, безмерно драгоценный в сердце Иисуса Христа», он говорит в конце:

«Отец души моей, к которому я питаю глубочайшее почтение, пишу вам коленопреклоненно, словно вы здесь и я вижу вас своими глазами».

Писать ему в такой позе было его обыкновением, столь высокое место занимал Игнатий в его душе.

«Бог мне свидетель, мой дражайший отец, — говорит он в другом письме, — как желал бы я видеть нас в этом городе, чтобы обсудить с вами многие события, беды, которые нельзя исправить без вашей помощи; ибо нет такого расстояния, что помешало бы вам повиноваться. Итак, заклинаю вас, батюшка мой, — добавлял он, — позаботьтесь хоть немного о нас, детях ваших в Индиях. Умоляю вас, пришлите сюда какого-нибудь святого мужа, чьё рвение побудило бы нас отринуть нашу расслабленность. Впрочем, надеюсь, что, поскольку вы прозреваете глубины душ наших светом свыше, вы не преминете снабдить нас средствами, которые пробудят нашу угасающую добродетель и вдохнут в нас любовь к совершенству».

В другом послании, с надписью: «Игнатию, святому отцу моему во Христе Иисусе», он сообщает ему, что письма, полученные от любящего отца по возвращении из Японии, исполнили Франциска радости, и что особенно он был тронут последними словами: «Всецело твой, и память о тебе никогда не оставит меня, Игнатий». «Читая эти слова со слезами на глазах, — говорит он, — я выписываю их здесь в точности, вспоминая ту искреннюю и святую дружбу, которую вы всегда питали и питаете ко мне, и не сомневаясь, что если Бог избавил меня от стольких опасностей, то главным образом потому, что Он внял вашим отеческим молитвам».

Он повсюду называет себя его сыном и подписывает одно письмо так: «Наименьший из чад ваших и самый от вас удалённый, Франциск Ксаверий».

Высокое мнение, которое Ксаверий имел об Игнатии, побуждало его часто просить у него советов относительно того, как поступать.

«Вы совершите весьма доброе дело, — говорит он ему, — если напишете нам письмо, полное духовных наставлений, как некое завещание, через которое мы, наименьшие из чад ваших, самые от вас удалённые и словно изгнанные из вашего присутствия, приобщимся к богатствам, коими Небо вас одарило. Умоляю вас, — добавляет он, — исполните в этом нашу волю».

«Прошу вас ради любви к Господу нашему, — говорит он в другом месте, — напишите нам, какого правила нам следует держаться, чтобы принимать в Общество новых соратников, притом весьма подробно, зная наше скудоумие; ибо, если вы не поможете нам, та малоопытность наша в делах заставит нас упустить ряд возможностей к стяжанию вящей славы Божией».

Предписывая что-либо трудное своим подчинённым, он обыкновенно призывал имя Игнатия. «Прошу вас ради Господа нашего и Игнатия, отца нашего Общества». «Заклинаю вас послушанием и любовью, которые вы должны питать к отцу Игнатию». «Я прошу этого именем блаженного отца нашего Игнатия». «Вспомните, — говорил он также, — до какой степени и великие, и малые почитают отца нашего Игнатия».

По причине сих чувств любви и уважения он всецело зависел от своего настоятеля. «Если бы я верил, — писал он из Индий отцу Симану Родригешу, — что телесные силы ваши равняются силе духа, я бы пригласил вас пересечь моря и просил бы вас прибыть в этот Новый Свет, однако, лишь если бы отец Игнатий одобрил и сам посоветовал вам такое путешествие; ибо он — наш отец: мы должны ему повиноваться, и не подобает нам и шагу ступить без его приказа».

Так и Ксаверий во всех обстоятельствах обращался к отцу Игнатию, насколько то позволяло расстояние, а повеления, получаемые от него, были для него нерушимыми законами. «Не допускайте, — пишет он отцу Гашпару Барзеу, ректору коллегии в Гоа, — чтобы кто-либо из Общества был рукоположен в священный сан, не будучи достаточно учён и не явив в течение нескольких лет примеров благочестия, ибо отец Игнатий сие строжайше запретил».

По той же причине он весьма точно соблюдал и уставы Общества. «Не спешите, — писал он в том же письме отцу Гашпару, — принимать слишком молодых юношей, и совершенно отвергайте тех людей, коим отец Игнатий навсегда запретил вступать в наш Орден».

Но, быть может, ничто не свидетельствует лучше о совершенной покорности Ксаверия, чем мнение о ней самого его настоятеля. В то время, когда Ксаверий умирал, Игнатий помышлял отозвать его из Индий, не сомневаясь, что по первому же приказу этот ревностный миссионер из послушания оставит всё; и с этой целью он написал ему письмо от 28 июня 1553 года. Вот отрывок, касающийся нашего предмета:

«Добавлю, — пишет Игнатий в своём письме, — что, заботясь о спасении душ и вящем служении Богу, я решил повелеть вам в силу святого послушания вернуться в Португалию при первой же возможности и повелеваю вам это именем Господа нашего. Но, чтобы вам было проще успокоить тех, кто ради блага Индий захочет вас удержать, я изложу вам свои причины.

Во-первых, вы знаете, сколь весомы повеления короля Португалии в деле укрепления веры на Востоке и распространения её в Гвинее и в Бразилии; и вы прекрасно понимаете, что государь столь благочестивый, как он, сделает всё необходимое для приумножения славы Божией и для обращения народов, если человек, подобный вам, искусный и опытный, лично во всём его наставит. Кроме того, крайне важно, чтобы Святой Апостольский Престол получил сведения о положении дел в Индиях от свидетеля уважаемого и достойного веры, дабы верховные понтифики оказали духовную помощь как новому, так и старому христианству Азии, без коей ни то, ни другое не сможет устоять или устоит лишь с великим трудом; и никто не подходит для этого лучше вас, как по причине знания дел Нового Света, так и по причине той славы, какой вы пользуетесь здесь.

Вы знаете, сверх того, сколь важно, чтобы делатели, посылаемые в Индии, были пригодны для той цели, которую мы себе ставим, и для этого хорошо, чтобы вы прибыли в Португалию и в Рим; ибо тогда не только гораздо больше людей возжелает отправиться в те миссии, но и вам будет удобнее отбирать миссионеров, яснее видя, куда будет всего уместнее направить каждого из них. Вы и сами судите, сколь важно в этом не ошибиться; и, что бы вы нам ни писали, ваших писем недостаточно, чтобы составить верное представление о делателях, пригодных для Индий; необходимо, чтобы вы или кто-то другой, столь же сведущий, как вы, узнали и испытали в деле тех, кого туда назначают.

Помимо того, что вы сделаете для общего блага Востока, вы воодушевите короля Португалии в делах Эфиопии, о которых говорят уже столько лет, но всё тщетно. Вы также немало послужите благу Конго и Бразилии, чего вы не можете сделать из Индий, откуда нет торговых сношений с теми странами. Если же вы полагаете своё присутствие необходимым для управления братьями Общества в Индиях, то вам будет легче управлять ими из Португалии, нежели из Китая или Японии. В остальном же отсылаю вас к отцу магистру Поланко и от всего сердца препоручаю себя вашим молитвам, умоляя божественную благодать осыпать вас Своими милостями, дабы мы познали Его святейшую волю и в совершенстве её исполнили».

Отец Поланко, бывший секретарем отца Игнатия и доверенным лицом всех его замыслов, свидетельствовал, что намерение святого основателя состояло в том, чтобы сделать Ксаверия генералом Общества. Письмо Игнатия застало Ксаверия уже мёртвым. Мы можем судить о том, как бы он поступил, по тому, что он писал перед смертью самому Игнатию, который выразил ему страстное желание его увидеть.

«Отче, вы со святой любовью, — говорится в его письме, — сообщаете, что сильно желаете увидеть меня ещё раз в этой жизни. Бог, видящий глубину моего сердца, знает, как глубоко тронуло меня это изъявление дружеских чувств. И в самом деле, всякий раз, когда мне на память приходят слова вашего письма (а приходят они, притом, очень часто), я плачу от умиления и не могу сдержать слёз при мысли, что смогу ещё раз вас обнять. По правде говоря, это кажется мне весьма трудным, но нет ничего, чего не могло бы совершить святое послушание».

Несомненно, если бы приказ Игнатия застал Ксаверия в живых, его бы вскоре вновь увидели в Европе. Ибо если он, по своей воле, не раз предлагал оставить Индии, Японию, Китай и все свои труды, уверяя, что для этого ему довольно малейшего знака от настоятеля, — то разве не с большей готовностью исполнил бы он прямое повеление всё оставить и как можно скорее пересечь моря? Его собственные изречения о послушании лучше всяких слов свидетельствуют о том, сколь совершенным оно было.

«Посему пусть каждый из вас там, где он пребывает, усердно трудится, принося пользу сперва себе, а затем и другим. Будьте твердо уверены, что нигде вы не сможете служить Богу лучше, чем там, где оказались по послушанию. Уповайте на Господа нашего, что Он в урочный час вразумит вашего настоятеля, дабы тот по послушанию направил вас туда, где ваше служение будет наиболее угодно Ему.

Так вы обретёте пользу для душ ваших, живя в утешении и в полной мере используя драгоценное время — сокровище, немногими познанное, за которое, как вы знаете, вам предстоит дать строжайший отчёт Господу. Ибо как в тех краях, где вы мечтаете оказаться, вы не приносите никакого плода, ибо вас там нет, — точно так же и там, где вы находитесь, вы не приносите пользы ни себе, ни другим, если все помыслы и желания ваши устремлены в иные места».

«Ради служения Господу умоляю вас: несите смиренные и малые послушания, прилагая все силы к тому, чтобы посрамить диавола, побеждая искушения, которые он посылает вам в этом служении, а не просто усердствуя в телесном труде. Ибо многие, хотя и исполняют свои обязанности телесно, не получают духовной пользы, поскольку не понуждают себя к победе над искушениями и смущениями, которыми враг одолевает их, дабы они не преуспели. Такие почти всегда живут в унынии и беспокойстве, не обретая духовной пользы. И пусть никто не обманывается, думая отличиться в великом, если прежде не отличился в малом.

И поверьте мне, есть много видов рвения, а точнее — искушений. Среди них есть такие, что побуждают людей под предлогом благочестия и ревности о душах искать способы избежать малого креста, лишь бы не отречься от своей воли и не исполнить то, что предписано послушанием. Они жаждут креста большего, не понимая, что тот, у кого не хватает добродетели для малого, тем более не будет иметь ее для великого. Вступая в дела трудные и великие с малым самоотречением и духовной крепостью, они вскоре познают, что их рвение было лишь искушением, и оказываются бессильны».

«Второе — верить все ваши желания, суждения и мнения вашему настоятелю, с верой, надеждой и упованием на Господа нашего, что Он по Своей милости откроет ему, что наиболее служит вашему духовному благу. И не будьте назойливы с вашим ректором, подобно тем, кто так докучает своим настоятелям и так их принуждает, что те в конце концов уступают их просьбам, предписывая им то, что весьма для них

пагубно. А если они не получают желаемого, то сетуют на великое уныние, не видят, несчастные, что само это уныние рождается, растёт и умножается в них от желания следовать своей воле, от которой они отреклись в обете послушания, принеся её в совершенную жертву Господу нашему Богу. И чем более таковые стремятся поступать по своей воле, тем в большем унынии и смятении совести пребывают»²¹.

«Прошу вас, — говорит он двум миссионерам из Коморина, — отправиться на остров Мавра; а дабы вы обрели бóльшую заслугу в послушании, я вам это строго приказываю».

Просто невозможно передать, с какой нежностью он любил Общество и как близко к сердцу принимал всё, что его хоть немного касалось. Находясь в Португалии, перед своим путешествием в Индии, он не писал в Рим ни одного письма, в котором не выражал бы горячего желания узнать об успехах Общества в Италии. «Поскольку наш устав утверждён, — сообщает он отцам Леже и Лаинесу, — мы очень желаем узнать имена тех, кто был принят или вот-вот будет принят».

Он призывает их благодарить короля Португалии за намерение Его Величества построить коллегия или дом Общества: «И надобно поблагодарить Государя, — говорит он, — чтобы побудить его начать строительство».

Вести, которые он получал от отца Игнатия и других отцов из Рима, безмерно его утешали. «Мы получили ваши письма, которых ждали с нетерпением, и получили их с той радостью, какую должны испытывать дети, получая добрые вести от своей матери; ибо из них мы узнали о благополучном состоянии всего Общества и о святых трудах, коим вы непрестанно предаётесь».

Он едва сдерживал ликование, охватывавшее его при мысли об учреждении Общества. «Из всех милостей, какие Бог ниспосылал и ниспосылает мне денно и ночью, — писал он из Индий в Рим, — величайшей и самой ощутимой я почитаю весть о том, что устав нашего Общества был одобрен и утверждён властью верховного Понтифика. Возношу непрестанные благодарения Иисусу Христу за то, что Он соизволил устами Своего наместника публично утвердить тот образ жизни, который Он Сам втайне предписал Своему слуге, отцу нашему Игнатию».

Ничто так не радовало Ксаверия, как видеть процветание Общества; сердце его исполнялось сугубой радости всякий раз, когда оно обретало новые обители на Востоке или когда из Европы приходили вести об основании новых коллегий.

Вместе с тем его любовь к каждому из братьев была не менее глубока, чем любовь ко всему Обществу в целом. Память о них не покидала его, и он носил их имена не только в сердце. «Я ношу на себе, — сообщает он отцам в Рим, — имена каждого из вас, начертанные вашей рукой в письмах, и ношу их вместе с торжественной формулой моих обетов». Так он являл не только то, сколь дороги ему сыны Общества, но и то, какой великой честью почитал он принадлежность к их числу.

Любовь к евангельской нищете заставляла его жить подаянием и просить хлеб от двери к двери, даже когда он мог бы прокормиться иначе; и даже находясь в коллегии Гоа, которая была весьма хорошо обеспечена, он искал пропитания на стороне, чтобы ещё более уподобиться нищему Иисусу Христу.

Он всегда одевался очень бедно, и на его сутане обычно было столько заплат, что дети язычников над ним потешались. Он сам чинил её своею рукою и не менял

одежды до тех пор, пока та, что он носил, не превращалась в лохмотья, — разве что честь Божия и польза веры к тому его не принуждали. Когда он возвратился из Японии в Малакку и был принят с великими почестями, на нём была рваная сутана и совершенно изношенная шляпа.

Португальцы, видя его всегда так дурно одетым, часто просили его принять от них новое платье; но поскольку ничего не могли от него добиться, то однажды решились унести его сутану, пока он спал, а на её место положить хорошую. Уловка удалась настолько, что Ксаверий, всецело поглощённый мыслью о Боге, оделся, даже не заметив подмены. Он провёл так весь день и ничего не заподозрил и лишь вечером обратил на это внимание. Ибо, когда он ужинал с Франсишку Пайва и другими португальцами, знавшими об этой проделке, они сказали ему:

— Быть может, вы облеклись в столь прекрасное платье, дабы почтить наше застолье?

Тут он немало изумился, увидев себя так одетым. Наконец, узнав, какую шутку с ним сыграли, он, смеясь, сказал, что не стоит удивляться, если эта прекрасная сутана, ища себе хозяина во тьме, не разглядела, что выбрала того, кто её не заслуживает.

Поскольку он почти всегда общался с бедными индийцами, которые ничего не могли ему дать и по большей части ходили нагими, он беспрепятственно наслаждался своей бедностью. Вся его обстановка состояла из циновки, на которой он иногда спал, да маленького столика, где лежали его записи и несколько книжек, а также распятие из дерева, которое в Индиях называют деревом святого Фомы.

Он с радостью терпел самые суровые тяготы нищеты; так, в письме из Японии к отцам в Гоа он говорит им: «Помогите мне, молю вас, дражайшие мои братья, отблагодарить Бога за ниспосланную мне великую благодать. Мы наконец прибыли в Японию, где царит крайняя скудость во всем, — и это я причисляю к величайшим благодеяниям Промысла».

Нищете в жизни апостольских мужей неизменно сопутствует умерщвление плоти. Так и Ксаверий повсюду носил с собой орудия покаяния: власяницы, грубые рубахи, железные цепи и бичи, утыканные острыми шипами. Он терзал свою плоть, следуя примеру апостола Павла, который наказывал и порабощал тело своё, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным.

В море постелью ему служили корабельные снасти или простые доски; на суше — циновка или голая земля. Он ел так мало, что один из его спутников уверял, что выживал он исключительно чудом. Другой же повествует, что он почти никогда не пил вина, кроме как за столом у португальцев, ибо там он избегал выказывать своеобычность и принимал то, что ему подавали; но зато после он искупал одну такую трапезу многодневным воздержанием.

Когда он был на мысе Коморин, вице-король дон Афонсу де Соуза прислал ему два бочонка изысканнейшего вина. Он к нему не притронулся, хоть и был весьма изнурен трудами своего служения, а всё роздал бедным.

Рис, сваренный в воде, или немного соленой рыбы — вот была его обычная пища в Индиях; но в течение двух с половиной лет, что он провёл в Японии, он совершенно воздерживался от рыбы, дабы подать народу добрый пример, и писал отцам в Рим, что предпочел бы умереть с голоду, чем дать кому-либо повод к соблазну. Он также

говорил: «Я почитаю за великую милость, что Бог привел нас в страну, лишенную всех житейских утех, где, даже если бы мы захотели, то не смогли бы питать наше тело в неге».

Все свои сухопутные путешествия он совершал пешком, даже в Японии, где дороги очень каменисты, и часто шёл босиком в самое суровое время года; но он находил усладу в страдании, и в этом можно поверить ему на слово.

«Тяготы столь долгого плавания, — говорит он, — долгое пребывание среди язычников, в земле, опаляемой чрезмерным зноем солнца, — все эти невзгоды, когда их претерпеваешь как должно, из любви к Богу, становятся воистину обильным источником утешений. Что до меня, я убеждён, что любящие крест Иисуса Христа живут счастливо среди скорбей, и для них смерть — не иметь ничего, что можно было бы претерпеть. Ибо может ли быть смерть более жестокая, чем жить без Иисуса Христа, однажды вкусив Его, и оставить Его, чтобы удовлетворять свои наклонности? Поверьте мне, нет креста, подобного этому. Какое счастье, напротив, жить, умирая каждый день и укрощая свои страсти, дабы искать не своей пользы, но пользы Иисуса Христа!»

Внутреннее самообуздание было источником этих чувств святого мужа. С первых же лет своего обращения он приучал себя во всём побеждать себя и непрестанно увещевал других никогда не поддаваться природным желаниям. «Я всегда держу в уме, — сообщает он из Малакки отцам и братьям из коллегиума в Коимбре, — воспоминания о словах, слышанных от нашего блаженного отца Игнатия: истинные чада Общества Иисуса должны много потрудиться, чтобы превозмочь самих себя».

«Если вы ищете Бога воистину, — говорит он иезуитам из Гоа, — и доблестно шествуете путями, что ведут к Нему, то духовная радость, вкушаемая в служении Ему, усладит всю горечь и тяготы самопреодоления. Боже мой, как же грубы сердцем люди, не понимающие, что, слабо противясь козням искушителя, они сами себя лишают чистейших утех этой жизни!»

Следуя этим правилам, Ксаверий стал таким господином своих страстей, что не знал, что такое порыв гнева или появление нетерпения; и отчасти отсюда происходили тот душевный покой, то мирное выражение лица, та неизменная жизнерадостность, что делали его столь приятным в общении и любезным.

Естественно, что человек в высшей степени аскетичный бывает целомудрен; и он был целомудрен до такой степени, что от его духовников, и среди прочих от викария из Мелиапура, стало известно, что он жил и умер девственником. С юности он питал отвращение к нечистоте, хотя был сангвинического сложения и от природы жизнерадостен.

Когда он учился в Париже и жил в коллеже св. Варвары, его наставник по философии, человек, погрязший в распутстве и умерший от постыдной болезни, по ночам водил своих учеников в непристойные места. Этот несчастный сделал всё, что мог, чтобы совратить Франциска, который был красив и хорошо сложен, но так и не смог добиться своего, столь чужд был юноша грязным плотским удовольствиям. Впрочем, ничто так не свидетельствует о его любви к чистоте, как то, что однажды с ним случилось в Риме. Когда Симан Родригеш заболел, отец Игнатий велел Ксаверию ухаживать за ним во время его недуга. Однажды ночью больной, проснувшись, увидел, что Ксаверий, спавший у изножья его кровати, во сне

размахивает руками, словно человек, который яростно отталкивает кого-то назойливого; он даже увидел, как у того пошла обильная кровь из носа и рта.

Ксаверий тотчас же пробудился, и Родригеш спросил его, отчего он так метался во сне и почему у него пошла кровь. Ксаверий не пожелал отвечать и открыл ему правду лишь перед самым отплытием в Индии. Когда же Родригеш снова стал допытываться, Ксаверий, взяв с него слово хранить тайну, наконец поведал: «Знай, брат мой, наставник Симан, что Бог по великой Своей милости даровал мне благодать пребывать до сего часа в совершенной чистоте. В ту ночь мне приснилось, будто я на постоялом дворе, и ко мне подходит некая бесстыдная девица. Движениями рук я отталкивал её и силился прогнать, а кровь хлынула от этого великого усилия».

Но, какой бы ужас ни внушала Ксаверию даже тень греха, он не доверял себе и избегал всякого общения с женщинами, если только милосердие не понуждало его трудиться ради их обращения. Но и в таких случаях он соблюдал все мыслимые предосторожности, беседуя с ними лишь в публичном месте и на виду у всех, говоря лишь о необходимом, кратко и с видом серьёзным, важным и скромным.

Он даже говорил, что в общении с женщинами требуется величайшая осторожность, ибо, каковы бы ни были благие намерения духовника, в таких беседах для него самого больше опасности, нежели доброй надежды за ту, кого он окормляет.

Сверх того, он хранил свои чувства в строгой собранности, испытывал свою совесть несколько раз на дню и исповедовался ежедневно, всякий раз, когда находил священника.

Так стяжал он чистоту души и тела столь совершенную, что близко знавшие его свидетельствовали, что никогда не замечали в нём ничего, что выходило бы за рамки строжайшего благоприличия.

Притом он ничего себе не прощал, и невозможно поверить, до какой степени доходила щепетильность его совести в любом вопросе. На корабле, что вёз его из Лиссабона в Индии, однажды внезапно умер отрок, уже достигший возраста, когда его следовало наставлять в вере. Ксаверий первым делом спросил, посещал ли мальчик ежедневно занятия катехизисом вместе с другими плывшими на корабле. Ему ответили, что нет; и в тот же миг человек Божий, чьё лицо всегда было радостным, сделался чрезвычайно печален. Вице-король дон Афонсу де Соуза заметил это и, зная, чем опечален отец, захотел у него самого узнать, ведал ли он прежде, что отрок не ходит на катехизис. «Если бы я знал, — отвечал Ксаверий, — я бы непременно убедил его прийти». — «Отчего же тогда, — возразил вице-король, — вы так скорбите о том, чего не знали и что ни в коей мере не может быть вам вменено в вину?» — «Потому, — сказал святой, — что я должен укорять себя в ошибке: я не знал, что человек, плывший со мною на одном корабле, не изучал христианского учения».

Столь целомудренное тело и столь чистое сердце могут принадлежать лишь верному слуге Святой Девы. Ксаверий всю жизнь чтил и любил её с чувствами, полными благоговения и нежности. Именно в церкви Монмартра, посвящённой Матери Божией, и в день её Успения он принёс свои первые обеты. Именно в церкви Лорето он получил первое вдохновение и ощутил первое желание отправиться в Индии. Он ничего не просил у Господа Нашего, кроме как через заступничество Его

Матери; и, объясняя христианское учение, после воззвания ко Христу о даровании благодати живой и постоянной веры, он обращался с той же просьбой к Марии.

Все свои наставления он завершал пением *Salve, Regina*. Он ничего не предпринимал, не испросив покровительства Девы; и в опасностях всегда прибегал к Её заступничеству.

Вдобавок, дабы показать, что он Её слуга и гордится этим, он обычно носил на шее чётки; и, чтобы христиане прониклись любовью к чтению Розария, он чаще всего именно через них творил чудеса.

Когда он проводил ночи в молитве в храмах, то почти всегда — перед образом Девы Марии.

Именно Ей он особенно часто приносил обеты о обращении великих грешников, а также о прощении собственных грехов, как он говорит в одном из писем, которое не меньше свидетельствует о его смирении, чем о его уповании на заступничество Святой Девы: «Я избрал Царицу Небесную своею покровительницей, дабы испросить прощения моих бесчисленных грехов». Он особенно почитал её Непорочное Зачатие и дал обет защищать учение о нём, насколько сможет.

В беседах он обыкновенно говорил о величии Божественной Марии и всех побуждал служить Ей. Наконец, на пороге смерти, он призвал Её нежными словами и молил явить, что она ему Мать.

Таковы были главные добродетели, сведения о которых были собраны для представления Святому Престолу. Архиепископ Гоа и все епископы Индий поддержали замысел короля Португалии Жуана III, со своей стороны ходатайствуя перед папой о канонизации Ксаверия; но никто впоследствии не просил о том с бóльшим красноречием, чем князь Бунго.

Этот государь, который был на грани обращения ещё до того, как Ксаверий покинул Японию, едва лишился этого святого мужа, как, вновь подпав под влияние бонз, впал во все непотребства, на какие только способен язычник. Он признавал, что христианский закон — лучший, но говорил, что он слишком строг и что молодой правитель, подобный ему, рождённый в неге, не может с ним сообразоваться. Впрочем, удовольствия не мешали ему любить оружие и быть весьма храбрым, и ему так сопутствовала удача на войне, что он подчинил своей власти четыре или пять княжеств.

Среди своих побед он вдруг вспомнил последние слова, сказанные ему отцом Франциском о суетности мира и необходимости крещения. Он глубоко над ними размышлял и однажды был так тронут, что явился народу с чётками на шее, словно бы в знак открытого исповедания христианства. И дела его соответствовали этому знаку. Он велел бросить в море два драгоценных идола, что стояли в его дворце и которым он поклонялся каждый день, простираясь перед ними ниц по обычаю восточных язычников. Затем, предавшись упражнениям в благочестии и покаянии, он совершенно отрёкся от чувственных удовольствий и наконец был крещён отцом Кабралом из Общества Иисуса. В крещении он принял имя Франциск, в память о святом апостоле Франциске Ксаверии, которого почитал отцом своей души и так называл всю свою жизнь.

До той поры князь Бунго был столь удачлив, что его благоденствие вошло в пословицу; но Богу было угодно его испытать. Два месяца спустя после его крещения самые могущественные из его подданных, из ненависти к христианству объединившись против него с несколькими соседними князьями, разбили его в сражении и лишили всех его владений. Он стойко сносил превратности судьбы; и когда язычники упрекали его, говоря, что причиной его крушения стала перемена веры, он у подножия алтарей дал обет жить и умереть христианином, прибавив в порыве рвения, что если бы вся Япония и вся Европа, если бы отцы из Общества и даже сам папа отреклись от Иисуса Христа, он исповедовал бы Его до последнего вздоха, всегда готовый, с помощью Небес, пролить всю свою кровь во свидетельство веры.

Поскольку благочестие ничуть не умалило ни доблести, ни ратного умения князя, он, собрав остатки своих войск, мало-помалу вернул себе владения, действуя где силой оружия, а где мирными договорами. Главными его заботами по восстановлению власти стали изгнание идолопоклонства из своих земель и утверждение в них католической веры. Благочестие побудило его даже отправить торжественное посольство к папе Григорию XIII, который в то время управлял Церковью. Его посол, дон Мансио, прибыв в Рим вместе с послами от князей Аримы и Омуры, не удовольствовался лишь изъявлением покорности Наместнику Иисуса Христа, вручив ему письмо от князя Франциска, полное почтения и преданности Святому Престолу.

Он от имени своего господина умолял причислить Апостола Японии к лику святых, почитаемых верными, и объявил Его Святейшеству, что тот не мог бы оказать большей милости князю Бунго.

Между тем память о Ксаверии почиталась во всей Азии больше, чем когда-либо. Посол от Великого Могола, прибывший в Гоа, чтобы просить об отправке отцов из Общества для разъяснения императору таинств христианского закона, пожелал увидеть тело отца Франциска Ксаверия; причём он вместе со всей своей многочисленной свитой не осмелился приблизиться, не сняв предварительно обуви. Затем, несколько раз поклонившись святому до земли, они воздали ему почести, словно и не были последователями секты Магомета.

Корабли, проходившие в виду Шанчуаня, салютовали месту его кончины из всех пушек. Иногда люди сходили на остров лишь для того, чтобы увидеть место, где его тело покоилось два с половиной месяца, и взять земли из столь священного места; так что китайцы, полагая, что там сокрыто сокровище, выставили вокруг стражу, дабы помешать её уносить.

Один из новообращённых индийцев, питавший величайшее благоговение к человеку Божию, не удовольствовался тем, что увидел место его смерти, но возгорелся любопытством увидеть и место его рождения. Так он пересёк бескрайние земли и моря, чтобы добраться до замка Ксаверия. Войдя в комнату, где родился святой, он пал на колени, с благоговением поцеловал пол и окропил его слезами; после чего, не желая более ничего видеть в Европе, он отправился в обратный путь в Индии, почитая за великое сокровище маленький камень, который он отколол от стены этой комнаты и увёз с собой.

Повсюду же сияли чудеса. Пять или шесть человек, плывших из Малакки в Китай на корабле Бенту Коэлью, заболели так тяжело, что были при смерти. Едва они

достигли Шанчуаня, как велели отнести себя на луг, где Ксаверий был впервые погребён; и там, покрыв головы землёй, что касалась святого тела, они тотчас же совершенно исцелились.

Ксаверий являлся разным людям на побережье Траванкора и на Рыбацком берегу: то чтобы исцелить болящих или утешить умирающих, то чтобы освободить пленников и наставить грешников на путь истинный.

Имя его приносило спасение на море среди самых явных опасностей. Корабль Эммануэла де Силвы, выйдя из Кочина и взяв курс на Бенгалию, посреди залива попал в столь ужасную бурю, что пришлось срубить мачты и выбросить все товары в море. Когда не оставалось уже ничего, кроме как ожидать кораблекрушения, все взмолились о помощи к Апостолу Индий, Франциску Ксаверию. В тот же миг волна, что надвигалась на корабль, подобно горе, готовая его поглотить, попятилась и рассыпалась в пену. Матросы и пассажиры при виде этого чуда громко зывали к святому всякий раз, как буря усиливалась, и волны неизменно отступали при имени Ксаверия; но, когда они переставали зывать к нему, валы вздымались непомерно и били корабль со всех сторон.

Можно сказать, что святой творил эти чудеса сам и почти что воочию; но невозможно представить, сколько их было совершено через подписи на его письмах, через зёрна его чётков, через лоскуты его одежд — словом, через всё, что было с ним хоть как-то связано.

Кресты, что он собственноручно водрузил на разных побережьях, дабы они были видны издали мореплавателям и путешественникам, были увешаны обетными приношениями и дарами, которые христиане, сарацины и идолопоклонники оставляли при них ежедневно в благодарность за милости, полученные по заступничеству святого мужа. Самым знаменитым из этих крестов был крест в Корате, на котором висел образ Ксаверия. Слепой прозрел, обняв этот крест; и двое больных были исцелены в одночасье: один из них, уже старик, страдал от застарелого паралича, а другой умирал от кровотечения.

С чудотворного образа, что был в Корате, стали делать списки, и один из них Гашпар Гонсалвиш привёз в Кочин. Он вошёл в гавань в одиннадцать часов ночи. Часом позже огонь охватил дом Криштована де Миранды, что был по соседству с домом Гонсалвиша. Поскольку дул северный ветер, а строение было почти целиком из дерева, пламя разгоралось с яростью, и первой в огне погибла одна из живших в доме девиц. Соседи, разбуженные шумом пожара, в смятении выбрасывали из окон утварь, не надеясь спасти дома, ибо жилище Миранды было выше прочих, и горящие угли, летевшие оттуда во все стороны вместе с языками пламени, гонимыми ветром, падали на крыши, которые в той стране кроют лишь сухими пальмовыми листьями, весьма легко воспламеняющимися. В столь крайней опасности Гонсалвиш вспомнил о святом образе, что привёз с собой. Преклонив колени вместе со всеми своими домочадцами, он явил образ пламени и призвал на помощь отца Франциска. В тот же миг огонь сам собой угас, и так город был спасён от пожара, готового уже обратить его в пепел.

Ещё более дивные чудеса творила медаль, на одной стороне которой был образ святого, а на другой образ Девы с Младенцем Иисусом. Она принадлежала одной весьма добродетельной кочинской вдове родом из китайского города Чжанчжоу по имени Лусия де Веллансан, которую некогда в Малакке наставлял в таинствах веры

сам отец Ксаверий и которой было сто двадцать лет, когда её под присягой допрашивали о чудесах, сотворённых её медалью. Все немощные, приходившие к Лусии, получали исцеление, как только она осеяла больное место крестным знаменем при помощи медали или окропляла его водой, в которой та была омочена, произнося лишь слова: «Во имя Иисуса и отца Франциска да вернётся к тебе здоровье».

«Я видел многих, — говорит один очевидец, — кто исцелялся в одно мгновение от одного лишь прикосновения этой медали; иные, чьи внутренности совсем сгнили, извергали через нос гниющие куски плоти и гной невыносимого зловония; другие, доведённые до крайнего истощения многолетней чахоткой, походили на живые скелеты».

Но самыми знаменитыми были исцеления Гонсалу Родригеша, Марии Диаш и Эммануэла Фернандеша Фигейреду.

У Родригеша под левым боком, возле сердца, вскочил большой нарыв, от которого он страдал несколько месяцев. Лекари, опасаясь усугубить болезнь разрезом в столь опасном месте, пытались иссушить нарыв иными средствами; но тот переродился в раковую опухоль, причинявшую больному острейшие боли с постоянной тошнотой и резами в желудке. Родригеш, узнав о том, что делала христианка-китаянка с помощью медали отца Ксаверия, тотчас пошёл к ней и преклонил перед нею колени. Китайка лишь трижды коснулась его, по своему обыкновению сотворив над ним крестное знамение, и в тот же миг опухоль исчезла, плоть на месте язвы стала чистой, и Родригеш почувствовал себя так, словно никогда и не был болен.

Мария Диаш была не только слепа, но и разбита параличом с правой стороны тела, так что рука её висела на плече как мёртвая, и она не могла стоять на одной ноге. Не надеясь более на лекарства, она велела отвезти себя в дом Лусии. Добрая вдова семь дней держала Марию Диаш у себя и каждый день омывала её водой, в которой омачивала свою медаль; на седьмой же день она сотворила крестное знамение самой медалью над глазами больной, и тут Диаш прозрела. Паралич её также прошёл, так что она пришла в церковь Общества сама, без посторонней помощи, и оставила там свои костыли.

Что до Эммануэла Фернандеша Фигейреду, то у него долгое время обе ноги были покрыты язвами и так гноились, что из них постоянно выходили черви. Врачи, дабы отвести дурные соки, что скапливались в ногах больного, употребили все тайны своего искусства, но ничего тем не добились. Напротив, жилы с одной стороны так стянулись, что одна нога стала короче другой. В довершение несчастья у Фигейреду начался страшный понос, который для человека шестидесяти лет, да ещё и изнурённого другими недугами, был сочтён смертоносным — и стал бы таковым, если бы он не прибег к медали Ксаверия. Он выпил воды, в которой была вымочена медаль, после чего совершенно исцелился и от язв, и от поноса.

Но то, что ежедневно видели в Гоа, казалось, затмевало самые дивные чудеса, происходившие в других местах. Тело святого, всегда нетленное, с нежной кожей и живым цветом лица, было непрестанным чудом. Видевшие сие священное тело с трудом верили, что душа отделилась от него; и Диаш Карвалью, который близко знал Ксаверия при жизни, увидев его спустя несколько лет после смерти, нашёл цвет его лица таким свежим, а румянец таким ярким, что не мог удержаться и несколько раз воскликнул: «Ах! Он живой!»

Генеральный викарий Гоа, Амброзиу Рибейра, захотел лично удостовериться, соответствует ли внутреннее состояние внешнему. Вложив палец в рану, нанесённую святому при погребении в Малакке, он увидел, как из неё истекли кровь и вода. То же самое случилось в другой раз с одним из братьев Общества.

Однажды святого выставили для всеобщего обозрения с босыми ногами, по просьбе народа, который из благоговения желал их лобызать. Одна женщина, страстно желавшая обрести частицу мощей Ксаверия, приблизившись к одной из стоп, словно для поцелуя, укусила её и отделила зубами кусочек плоти. Тотчас обильно потекла кровь, алая, какая бывает у самых здоровых людей. Врачи, время от времени осматривавшие тело и всякий раз свидетельствовавшие, что в увиденном ими не было ничего естественного, рассудили, что истечение крови из остывшего тела, притом из столь удалённой от сердца части, как стопа, могло быть лишь следствием сверхъестественной силы, которая не только предохраняла все части от тления, но и заставляла телесные соки двигаться и поддерживала в них то движение, которое даёт им одна лишь жизнь.

Столь многие чудеса распространились с Востока по всей Европе и так впечатлили папу Павла V, что он наконец исполнил то, что задумывали его предшественники. После юридического рассмотрения свидетельств о добродетелях и чудесах, о которых мы только что говорили, он особой буллой от 25 октября 1619 года провозгласил блаженным Франциска Ксаверия, священника Общества Иисуса.

Григорий XV, непосредственно наследовавший Павлу V, затем канонизировал его со всеми формальностями и процедурами, которые Церковь соблюдает в подобных случаях. Церемония состоялась в Риме 12 марта 1622 года. Но поскольку смерть помешала этому папе издать буллу о канонизации, это сделал его преемник, Урбан VIII.

Эта булла, датированная 6 августа 1623 года, представляет собой краткое изложение и вместе с тем похвалу чудотворной жизни святого. В ней говорится, что новый Апостол Индий духовно получил благословение, которое Господь даровал патриарху Аврааму; что он был сделан отцом многих народов и что он видел, как чада его во Иисусе Христе умножились паче звёзд на небе и песка на берегу морском; что, впрочем, его апостольство имело все признаки божественного призвания, каковы суть дар языков, дар пророчества, дар чудотворения, вкупе с совершеннейшими евангельскими добродетелями.

Булла повествует почти обо всех чудесах, что мы видели в его житии, в особенности о воскрешённых мёртвых; а среди чудотворных исцелений, совершившихся после его смерти, она отмечает исцеления Гонсалу Родригеша, Марии Диаш и Эммануэла Фернандеша Фигейреду.

В ней также упоминаются два знаменитых исцеления, о которых мы ничего не сказали: одно — слепого, который, молясь Богу девять дней подряд по велению явившегося ему Франциска, в одно мгновение прозрел; другое — прокажённого, который, натеревшись елеем из лампы, горевшей перед образом святого, полностью исцелился. Папа добавляет в своей булле, что лампы, висевшие перед образом, который почитали в Корате, очень часто горели на святой воде, как если бы были полны елеем, и это чудо изумляло неверных. Прочие чудеса, о которых мы рассказали и о которых булла не говорит, содержатся в актах процесса канонизации.

С тех пор как Святой Престол причислил Апостола Индий к лику святых, повсюду невероятно возросло всенародное почитание его. Города избирали его своим заступником и покровителем; ему непрестанно приносили обеты и воздвигали в его честь алтари; его гробницу посещали с ещё бóльшим благоговением, чем прежде, а комната, где он родился, была обращена в часовню, которую толпы паломников приходили посетить со всех концов света.

Впрочем, к нему взывали не напрасно; и если бы я захотел поведать о чудесах, которые вновь совершились по его заступничеству, мне пришлось бы написать книгу толщиной с эту. Я также не стану братья за рассказ о том, что произошло в последующие годы в Потамо и в Неаполе. Достаточно сказать, что Бог прославил там своего слугу такими дивами, которые показались бы нам невероятными, если бы предшествовавшие им не приучили нас ожидать от Ксаверия всего.

Я не стану говорить даже о знаменитом отце Мастрилли, который, находясь при смерти, был внезапно исцелён святым и который, отправившись в Японию по велению самого же святого, чтобы принять там мученическую смерть, воздвиг ему великолепную гробницу в Гоа. Достаточно знать, что, возможно, никогда ни один святой не был в Церкви так почитаем и так любим, как святой Франциск Ксаверий, и что даже враги Общества Иисуса питают к нему нежное благоговение.

Но эти чувства свойственны не только католикам; даже еретики почитают Ксаверия, и Бальдеус⁽¹⁾ говорит о нём в своей «Истории Индий» в следующих выражениях: «Если бы вера Ксаверия была согласна с нашей, мы должны были бы почитать и чтить его как второго святого Павла. Тем не менее, несмотря на это различие в вере, его рвение, его трезвение и святость его нравов должны побуждать всех добрых людей не исполнять дело Божие с небрежением; ибо дары, которые Ксаверий получил для исполнения служения посланника Иисуса Христа, были столь велики, что мой ум не способен их выразить. Когда я размышляю о терпении и кротости, с которыми он предлагал и великим, и малым святыне и живые воды Евангелия; когда я взираю на мужество, с которым он претерпевал оскорбления и поношения, я вынужден воскликнуть вместе с Апостолом: „Кто способен на такие дивные дела, как он?“»

Бальдеус завершает похвалу святому обращением к самому святому: «О, если бы угодно было Богу, — говорит он, — чтобы вы, быв тем, кем вы были, были бы или стали одним из нас!»

Господин Тавернье²², обладающий всей порядочностью, какой только можно обладать вне истинной веры, превосходит этих двух историков и говорит совсем как католик: «Святой Франциск Ксаверий, — говорит он, — окончил в этом месте своё земное служение вместе с жизнью, утвердив христианскую веру с поразительным успехом во всех краях, где он бывал, причём не одним лишь рвением, но и примером своей святой жизни».

«Он никогда не побывал в Китае; тем не менее, весьма вероятно, что христианство, утверждённое им на острове Ниппон (Япония), распространилось и в соседние страны и умножилось трудами этого святого мужа, которого по справедливости можно назвать святым Павлом и истинным Апостолом Индий».

Впрочем, если Ксаверий был наделён всеми апостольскими добродетелями, то не следует ли из этого, что и вера, которую он проповедовал, была верой апостолов?

Мыслимо ли, чтобы человек, избранный Богом для сокрушения идолопоклонства и нечестия в Новом Свете, сам был идолопоклонником и нечестивцем, когда поклонялся Иисусу Христу на алтарях, взывал к Пресвятой Деве, обязывал себя перед Богом обетами, испрашивал индульгенции у верховного Понтифика, творил крестное знамение и использовал святую воду для исцеления больных, возносил молитвы и служил мессы за усопших? Можно ли, наконец, поверить, что этот святой муж, этот чудотворец, этот новый апостол, этот второй святой Павел, всю свою жизнь шёл путём гибели и вместо того, чтобы наслаждаться ныне блаженством святых, он претерпевает муки осуждённых?

Итак, завершая сей труд, вернёмся к мысли, с которой он был начат: жизнь святого Франциска Ксаверия сама по себе есть живое свидетельство евангельской истины. Ибо всякий, кто внимательно всмотрится в великие деяния, сотворённые Богом через служение верного раба Своего, не может не признать, что Католическая, Апостольская и Римская Церковь и есть истинная Церковь Иисуса Христа.

КОНЕЦ ЖИТИЯ СВЯТОГО ФРАНЦИСКА КСАВЕРИЯ

---

¹ Пер. с порт. по Monum. Xav., ep. 109.1

² Пер. с порт. по Monum. Xav., ep. 161.1-5, 18, 26-27

³ Пер. с исп. по Monum. Xav., ep. 113.2-3

⁴ Пер. с порт. по Monum. Xav., ep. 118.1-3

⁵ Настоящее китайское название этого архипелага — Чуаньшань (川山群島 *Chuānshān qúndǎo*). Название «Сансеу», как и указано в тексте, происходит от кантонского прочтения иероглифов, означающих «три острова». Главный остров этого архипелага — Шанчуань (三仙島 *Shàngxuān dǎo*), который португальцы называли *Sancian*.

⁶ Историки и исследователи жития св. Франциска Ксаверия сходятся во мнении, что за этим именем скрывался китайский купец, которого на самом деле звали Го Цзягэ (пиньинь: Guō Jiǎgè, иероглифы: 郭家個). Звучание «Цзягэ» в одном из южных диалектов китайского языка могло быть воспринято европейцами на слух как «сека».

(*) Один пардо нашей монетой, по свидетельству г-на Тавернье, стоит 27 су. – прим. авт.

⁷ Пер. с порт. по Monum. Xav., ep. 135.1-3, 7-8

⁸ Софала (порт. *Sofala*) — это исторический порт и одноимённая провинция в Мозамбике. В XVI веке это был один из важнейших центров португальской торговли золотом и слоновой костью в Индийском океане. Река Куама (порт. *Cuama*) — это старинное португальское название нижнего течения реки Замбези.

⁹ Пер. с порт. по Monum. Xav., ep. 38.1-2

¹⁰ Это историческое название города на острове Хальмахера, который входит в состав Молуккских островов (современная Индонезия). В XVI веке это был центр Султаната Jailolo (Джайлоло). Сегодня это место, вероятнее всего, соответствует городу Соа Сио в округе Джайлоло.

¹¹ См. Monum. Hav., T. I., p. 930

¹² Пер. с ит. по Monum. Hav., ер. 91.24

¹³ Пер. с лат. по Monum. Hav., ер. 81.7-11

¹⁴ Пер. с порт. по Monum. Hav., ер. 90.42

¹⁵ Пер. с исп. по Monum. Hav., ер. 56.5

¹⁶ Пер. с исп. по Monum. Hav., ер. 90.10

¹⁷ Пер. с исп. по Monum. Hav., ер. 99.2

¹⁸ Пер. с исп. по Monum. Hav., ер. 90.21-24

¹⁹ Пер. с порт. по Monum. Hav., ер. 116.1-2

²⁰ Пер. с порт. по Monum. Hav., ер. 116.1-2

²¹ Пер. с порт. по Monum. Hav., ер. 116.28, 34-35, 31-32

⁽¹⁾ Владыка епископ Касторийский цитирует этого автора в своём пастырском послании к католикам Соединённых Провинций, предваряющем «Трактат о чтении Священного Писания». – прим. авт.

²² Жан-Батист Тавернье (1605–1689), знаменитый французский купец, путешественник и писатель, известный своими шестью путешествиями в Персию, Индию и Ост-Индию. Тавернье был протестантом (гугенотом).

Подготовлено для сайта РУСКАТОЛИК.РФ

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова

ПОДДЕРЖАТЬ ПЕРЕВОДЧИКА:

PayPal.Me/ConstantinCharukhin

или

Счёт в евро:

PL44102043910000660202252468

Счёт в долл. США:

PL49102043910000640202252476

Получатель: CONSTANTIN CHARUKHIN

Банк: ВРКОPLPW

БИБЛИОТЕКА ПЕРЕВОДОВ

КОНСТАНТИНА ЧАРУХИНА